

Алла Белолитецкая

Трансмутация

2086 год. Красота и молодость стали губительным проклятием для тех, кто ими обладает. Из-за небывалой биотехнологии, получившей название «трансмутация», чужую внешность можно теперь отобрать и присвоить. А доноры молодости и красоты становятся при этом «безликими»: превращаются в кошмарное подобие зомби. Сумеет ли избежать подобной участи восемнадцатилетняя Настасья Рябова? И поможет ли ей спастись гениальный молодой ученый Максим Берестов — первооткрыватель трансмутации?

Эпиграф

...с этакою красотой можно мир перевернуть!

Ф.М. Достоевский. «Идиот».

Здесь обновление подразумевает изменение сущностной природы и может быть названо трансмутацией. ... Подобные представления мы можем найти во второй части «Фауста» Гете, например, трансформация Фауста в мальчика, а затем в доктора Мариануса.

К.Г. Юнг. «О перерождении» («Алхимия снов»).

Ноябрь 2080 года

Санкт-Петербург — столица Евразийской Конфедерации

1

Максим Берестов заметил безликого, когда ехал по Миллионной улице от Дворцовой площади в сторону Летнего сада. Безликий зомби стоял впереди слева, возле самого парапета Зимней Канавки. И прежде, судя по слаксам и яркой футболке, это был молодой мужчина. Но одежда его явно не соответствовала сезону. Так что Макс подумал: либо трансмутация произошла несколько месяцев назад, либо — что вероятнее — жертву забрали прямо из дому.

Безликого заметно качало взад-вперед, так что тело его то и дело опасно зависало над парапетом набережной. Его блеклые руки безжизненно мотались. Его светловолосая голова свешивалась так, что запавший подбородок упирался в грудь. А ноги его, обутые в мокасины, не сдвигались с места даже на полшага, когда происходили эти его раскачивания.

— Вот черт, — прошептал Макс, сбрасывая скорость.

Он уже почти жалел о том, что выбрал для завершения своего дела именно этот ноябрьский день, который так сильно напоминал ему о недалеком прошлом — когда он, генетик Берестов, еще не погубил мир. Предзимняя метель, облепывшая снегом Санкт-Петербург, преображала город — делала его почти таким, каким он был четыре года назад. И Макс вполне мог побродить по его улицам, представляя себе, что и вправду ничего не изменилось. Что он *не* сделал своего открытия. Или, сделав его, не стал предавать огласке. Вот на что он мог бы этот день потратить.

I. Санкт-Петербург зимой

Однако он и без того ждал непозволительно долго. Так что сегодня обязан был *всё* прекратить. И появление безликого здесь, в самом сердце города, где полиция мгновенно должна была бы увидеть его и спровадить в правильное место — это было как знак свыше.

Вот только — знак этот пропал так же внезапно, как и появился. Между электрокаром Макса и безликим проехала массивная снегоуборочная машина. И, когда она миновала набережную, возле парапета уже не стоял никто.

Сперва Макс решил: из-за вечерних сумерек он просто потерял из виду этого несчастного. Так что он развернулся и еще раз проехал мимо Канавки. Но — без всякого результата. Возможно, безликий сам ухнул в воду во время этих своих раскачиваний. Однако Макс в это не верил. То, что он знал о безликих — а он знал *всё* об этих зомби-детисах биоинженерной корпорации «Перерождение» — заставляло его видеть истину. Вода Зимней Канавки, еще не схваченная льдом — именно её колберы наверняка и предпочли для сокрытия улики.

Он снова выругался, теперь — непечатно, развернул свой электрокар во второй раз и поехал туда, куда направлялся изначально.

Перед въездом во внутренний двор «Перерождения» — перед стальными воротами, врезанными в пятиметровую стену из полимерного бетона, — снег уже успели расчистить. Только с десятков влажных снеговых комочков поблескивало на безукоризненно ровном асфальте в свете прожекторов, установленных на стене подле ворот.

Но въезжать в эти ворота на своем электрокаре Максим Берестов не планировал. Он оставил машину за два квартала отсюда: в подземном гараже крупного торгового центра — продолжавшего работать невзирая ни на что. И теперь Максиму оставалось только ждать — стоя возле бетонной ограды в *слепой зоне*, которая не попадала ни под прожекторные лучи,

ни в объективы видеокамер. Он знал, что ворота откроют в 19.00 — когда на смену дневным секьюрити корпорации прибудет вооруженная ночная охрана.

2

В семь вечера девять машин въехало на территорию «Перерождения», а затем — после проверки документов и тщательного досмотра — проследовало в гараж. Десять — выехало после этого за ворота. Только самая последняя машина въехала на стоянку позже остальных: в пятнадцать минут восьмого.

Это был серебристо-серый джип, старомодно сияющий хромом — самый настоящий автомобиль с бензиновым двигателем. Таких давным-давно уже не производили. Еще в 2048 году корпорация «Тесла Моторс» сделала достоянием общественности открытие, сделанное её *титულным гением*, Николой Теслой, за полтора века до этого. Тогда-то все и узнали, что получение электричества из воздуха — не выдумка ученого-мечтателя. Технология оказалась настолько простой и доступной, что двигатель внутреннего сгорания в течение пары лет превратился в анахронизм. А его использование стало дорогим удовольствием — во всех смыслах. И сами бензиновые авто стоили несусветных денег. И заправка таких раритетов влетала в копейку: топливо на основе углеводородов практически пропало с рынка, так что немногие уцелевшие АЗС ломили за литр бензина столько же, сколько в конце двадцатого века стоил баррель нефти.

— Опять опаздываешь! — Немолодой дежурный вышел из плексигласовой будки, что притулилась у ворот; в одной в руке он держал пульт дистанционного управления. — Все остальные уже на месте, Ну, вылезай — будем смотреть твою тачку.

— Сергей Ильич, ну, пожалуйста — не сегодня! — взмолился парень, сидевший за рулем. — Меня ж уволят без разговоров, если я опоздаю больше, чем на двадцать минут.

— Да у тебя каждый раз — не сегодня! Ну, да уж ладно — что с тебя взять! Разве что — тачку твою. Лет пять назад тебя и убить могли бы за такую-то красоту! А сейчас *такая* красота никому уже не интересна.

Дежурный придавил одну из кнопок на пульте, и тут же пополз вбок огромный экран из пуленепробиваемого стекла, заменявший шлагбаум. Автомобиль тронулся с места, въехал на территорию корпорации и остановился возле дверей наземного гаража для охраны, которые начали расходиться в стороны.

Именно тогда из-под днища машины и выкатился Макс: невысокий, худощавый, облаченный в темно-серую одежду и такого же цвета маску — под цвет расчищенной мостовой на стоянке. Если бы ни высокий клиренс винтажного авто, ему бы такой трюк ни за что не удался. И, конечно, помог особый костюм — с магнитными насадками. Он присасывались к днищу автомобиля настолько плотно, что Максим еле-еле их отлепил, чтобы освободиться.

В мгновение ока Берестов перекатился к углу гаража и, вскочив на ноги, припал к его стене.

3

Берестов снял маску только тогда, когда очутился в огромном, как терминал аэропорта, холле корпорации. Да и само здание «Перерождения» — в сорок восемь этажей — вполне

такому холлу соответствовало. В одной из зеркальных стен он увидел себя: молодого человека двадцати восьми лет от роду, с лицом довольно приятным, но с выражением глаз мрачным и тревожным.

В здание он проник, используя подаренный отцом цифровой мастер-ключ: пластиковую карту, отпиравшую все без исключения электронные замки. И теперь стоял в пустом вестибюле и озирался по сторонам — словно бы ища знакомые знаки и приметы. Сотрудники корпорации давно разошлись по домам — разлетелись, точнее говоря: уже года два все они передвигались по Санкт-Петербургу только на служебных электрокоптерах. И не только потому, что богатейшая в мире корпорация могла позволить себе такие роскошества. «Перерождение» не хотело лишаться ценных специалистов: их мозги слишком дорого стоили. Корпорация и так уже потеряла свой главный интеллектуальный ресурс — хоть это и держалось в строжайшем секрете.

Охранники в вестибюль не заглядывали. Они вообще не имели права заходить без особого разрешения в основное здание корпорации. Их задача была — патрулировать подступы к нему. И при любой попытке прорваться за периметр открывать огонь на поражение. У службы охраны имелась на это лицензия: корпорация приобрела её за гигантские деньги. И это не было ни прихотью руководства, ни проявлением жестокости: обстановка вынуждала к такому. После 2076 года раскрываемость преступлений во всем мире упала почти до нуля. Преступник мог быть гарантировано осужден только в случае, если полиция ловила его с поличным на месте преступления. Но живым сдаваться полиции никто не желал — зная, каково теперь наказание за большинство преступлений.

Максим Берестов зашагал к выходу на одну из лестниц; лифты в этот час уже не работали. Но по пути, будто споткнувшись, вдруг замер на месте.

— Не может быть! — Макс едва поверил своим глазам. — Он так и висит здесь!..

Он — это был огромный фотографический постер, примерно три метра на полтора, с которого глядели двое ученых в белоснежных лабораторных халатах. Оба они были одинаково молоды — лет двадцати трех самое большее. И оба казались радостными и сосредоточенными одновременно. Они стояли с двух сторон от экрана для показа презентаций, на котором сияли слова: *Перерождение — это наше бессмертие*.

Одним из этих двоих был сам Берестов — на пять лет моложе своего нынешнего возраста. А вторым — некто с красивым и холемым лицом, скаливший в улыбке безупречно ровные зубы.

— *Молодые волки* — вот как мы назвали этот снимок тогда, — прошептал Берестов.

Он вернулся в центр холла, где вокруг фонтана, работавшего даже ночью, стояли кресла для посетителей. Макс взял одно из них, волоком подтащил к стене и, встав его на сиденье, попробовал подцепить ногтями край фотографического плаката. А когда ему это не удалось, сунул руку в карман серой куртки и вытащил оттуда универсальный лазерный скальпель, который он взял с собой совсем не для врачебных целей. Им он взрезал постер точно по диагонали, оторвал одну его треугольную половину и спрыгнул с кресла на пол.

— Ну, что, *молодой волк*, — он оглядел свое изображение на кривоватом куске бумаги, — теперь ты доволен? Теперь ты — гений?

Он порвал бумажный треугольник пополам, а потом скомкал обрывки и запустил ими в сторону фонтана. Как ни странно, попал. И два неровных кома завертелись, но не утонули под струями падающей на них воды.

Конечный пункт его путешествия: склад корпорации — находился на последнем, сорок восьмом этаже здания. И не без причины: продукцию «Перерождения» развозили покупателям тоже на электрокоптерах — иначе она могла просто не попасть в пункт назначения. Слишком уж много было тех, кто хотел эту продукцию уничтожить. И еще больше было — желающих ею завладеть.

Максим взмок и тяжело дышал, когда в десятом часу вечера притопал по лестнице к закрытым и запертым дверям склада. И здесь его мастер-ключ впервые не сработал. Сколько ни проводил он пластиковой картой по прорези замка, неизменно загоралась красная лампочка.

— Да чтоб тебя, Денис... — Берестов произнес несколько витиеватых ругательств. — Именно здесь ты установил новую систему? Ну, придется по-другому...

И он снова извлек из кармана свой лазерный девайс, только теперь активировал режим «хирургическая пила». А затем направил возникший яркий луч на стекло в дверях склада — армированное, толщиной не менее трех сантиметров. Когда луч ударил в поверхность оргстекла, раздался звук, какой возникает при соприкосновении пилы-«болгарки» с металлом. Макс поморщился, но лазерную пилу не убрал — начал двигать её по периметру стекла, составлявшего чуть ли не половину двери. Он знал, что это стекло (как и стекла в огромных окнах склада) установили отнюдь не по безопасности руководства корпорации. Для проверки качества капсул требовалось естественное освещение и много проникаемых светом поверхностей.

Минут через пятнадцать стекло зашаталось, повисло на нескольких фрагментах арматурной сетки, а потом с грохотом упало внутрь.

5

На складе всё оставалось в точности таким, каким было больше года назад — когда Максим Берестов покинул корпорацию. Навсегда — как он сам тогда полагал.

В дальней от входа стене располагалось полукруглое панорамное окно, сквозь которое был виден заносимый снегом, почти обезлюдевший, но по-прежнему ярко освещенный город. После того, как было обнародовано открытие Теслы, электроснабжение больше не составляло проблемы. На складе тоже горел свет — неяркий. Компьютеры, обеспечивавшие работоспособность капсул, не отключались никогда. А вдоль стен стояли стеллажи с готовой продукцией. Макс подошел к одному из них и вытащил из стального зажима первую попавшуюся ему на глаза капсулу; её зеркальная поверхность была прохладной на ощупь и казалась влажной, словно подтаявший кусок льда.

— Капсулы Берестова... — тихо, почти раздумчиво проговорил Макс. — Наверное, теперь моя фамилия — самая знаменитая в мире. А как ты, папа, когда-то гордился моим открытием! Наверное, ты дал бы в морду любому, кто сказал бы тебе, что через два года после этого ты станешь всем говорить, что твой сын умер. — И он, размахнувшись, швырнул капсулу в оконное стекло.

Стекло не разбилось — на нем и трещинки не появилось. А вот капсула, изготовленная из тонкого блестящего пластика — твердого, но очень хрупкого, — разлетелась вдребезги. И её содержимое мелкими капельками расплескалось по полу. То был пресловутый *экстракт*

Берестова — субстанция, из-за которой перевернулся мир.

Берестов потянулся было к стойке, на которой крепились еще девятнадцать заполненных капсул, но тут его взгляд упал на огромный — во всю стену — компьютерный дисплей. На нем мерцала заставка: в сумрачном лесу встряхивал крыльями серебристый дракон, пожирающий собственный хвост — Уроборос, древний символ вечности и перерождения.

II. Дракон Уроборос

Макс вытер о куртку ладонь, в которой только что сжимал капсулу, и направился к системному блоку и клавиатуре компьютера, которые были вмонтированы в стол посередине

склада.

Он думал, что за полтора года, прошедшие с момента его увольнения, пароль на этом компьютере меняли уже много раз. Однако оказалось, что компьютер *вообще* не был защищен паролем. Как только Макс провел рукой по сенсорной панели, изображение Уробороса тут же пропало. И у Берестова перекувырнулось в груди сердце: на дисплее появились кадры видеоролика, который он сам смонтировал в 2076 году.

6

Денис Молодцов, президент и единственный оставшийся при делах учредитель корпорации «Перерождение», всегда ложился в постель поздно. И в десять вечера он привычно стоял с бокалом коньяка возле окна в своей квартире, оглядывая набережную канала Грибоедова. Свет в комнате был погашен, и ничто не мешало Денису созерцать пустынный город и серые воды канала, изгибавшегося буквой S.

В стекле мелькало — неясно — и его собственное отражение. Однако президент «Перерождения» старался на него не смотреть. Не то, чтобы собственный вид ему не нравился — нравился, конечно. Он был теперь синеглазым атлетом с платиново-белокурыми волосами, красивым, как древнегерманский Зигфрид. Но он всё никак не мог привыкнуть к своей новой внешности. И до сих пор досадовал, что ему пришлось расстаться со своим прежним обликом.

Он, Денис, и его друг детства Максим Берестов предложили *им* — всем этим профанам — потенциальное бессмертие. А что получили в благодарность? Угрозы расправы? Проклятия?

Хотя, конечно же, не все их проклинали — иначе корпорация «Перерождение» не сделалась бы за четыре года богатейшей компанией мира. Однако богатство как таковое — это было не совсем то, чего жаждала душа Дениса. Его бывший друг Берестов знал правду: Денис хотел подлинного величия. Хотел обрести власть над жизнью и смертью. Потому и попросил родителей, чтобы те оплатили его обучение на факультете биотехнологий и генетики, куда Макса приняли без всякой платы. Уже тогда было ясно, что Берестов — гений. И Денис понимал это лучше всех.

И что? Он хоть когда-нибудь завидовал своему другу? Да ничего подобного! А в этой квартире, где Денис пил сейчас коньяк и где он жил когда-то вместе с родителями, к Максиму относились как к родному! И Денис, подумав об этом, скривился и поставил коньячный бокал на подоконник.

Ну, мог ли он при поступлении в университет предполагать, что его друг — его брат! — через десяток лет проклянет его и пообещает уничтожить дело всей его жизни? Дело *своей жизни*, если уж на то пошло. Вот только...

— Без шансов, — сказал Денис громко, но ни к кому не обращаясь: в квартире он жил теперь один.

Его родители давно съехали отсюда. Перебрались из этого города — *самого отвлеченного и умышленного на всем земном шаре*, как написал о нем Достоевский, — в иные места. Перебрались — поврозь. Но и сам Денис не прогадал: никому бы и в голову не пришло, что он станет жить в своей прежней квартире — там, где прошло его детство. Никто не искал его здесь — ни бывшая жена, ни те, кто жаждал сделать его объектом своей вендетты, ни даже Берестов.

— Без шансов, брат, — повторил Денис. — Есть только один человек в мире, который мог бы уничтожить «Перерождение». И так уж вышло, что этот человек — не ты, гений. Этыя — твоя бледная тень. А я, уж конечно, уничтожать *своё* не стану.

И тут на столе у него зазвонил телефон — проводной, громоздкий, стилизованный под двадцатый век. Мобильные аппараты были запрещены к применению еще десять лет назад, и официально их ни у кого не осталось.

— Он там, — произнес голос в трубке. — На сорок восьмом этаже.

7

Максим смотрел, как на дисплее возникает его собственное лицо — такое же, как на изорванном портрете из холла. Молодой гений говорил:

— Герой Эдгара По спрашивал когда-то всеведущего ворона о своей умершей возлюбленной:

Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальней,
Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?

Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы всегда?[1]

И ворон, беспощадный в своей правдивости, отвечал ему: *больше никогда*. Так было — на протяжении всей земной истории.

Камера отъехала назад, и стало видно, что Берестов стоит посреди лаборатории: в коротком белом халате, похожем на кимоно, и в джинсах.

— Но больше этого не будет, — проговорил он. — Больше — никогда.

Двумя руками он поднял вверх продолговатый сосуд, блестящий, словно ртуть. Длинной всего в пятнадцать сантиметров, он был довольно увесистым, и Берестов держал его за верхнюю и нижнюю части — как рог с вином. Сосуд напоминал колбу Бунзена — только цилиндрическую, скругленную сверху и снизу, и с острием на боковом отводе. На поверхности колбы чернело несколько индикаторных окошек прямоугольной формы, в данный момент — пустых.

— Отныне *идеальные образы* дорогих нам людей, покинувших этот мир, смогут навсегда остаться с нами. Не только в нашей памяти: они смогут вернуться к нам во плоти. Никогда еще человечество не подходило так близко к возможности воскрешать умерших. И, чтобы это стало возможным, нам понадобится только *это*. — И он протянул блестящий сосуд навстречу зрителям. — Мой друг и соратник, Денис Молодцов, предложил назвать это изобретение капсулой Берестова — в честь вашего покорного слуги.

Камера снова отъехала, на сей раз — влево. И задержалась на лице нынешнего президента «Перерождения», который изобразил привычную, слегка утомленную улыбку и показал оттопыренный большой палец. А затем в объективе снова оказался Берестов:

— При помощи капсулы, которую вы видите, можно извлечь из человеческого мозга особый гормональный экстракт. Его состав определяет не только внешний облик человека, но и стадию физического развития его организма. Помню, помню! — Он ухмыльнулся и поглядел туда, где стоял Денис. — Я обещал не умничать. Так что скажу проще: экстракт оказывает воздействие еще и на возраст человека. И, привнесенный в человеческий мозг извне, он способен вызывать полное преобразование внешнего облика и физического состояния реципиента. Я предложил называть этот процесс *трансмутацией* — в память о Великом Делании средневековых алхимиков. И — да: мы достигли той цели, к которой они

стремились веками. Мы смогли получить аналог философского камня: подлинный эликсир жизни. По предложению моего великодушного друга это вещество будет называться *экстрактом Берестова*. Его извлечение — экстракцию — можно будет осуществить при помощи моей капсулы в течение тридцати минут после смерти носителя. А после этого содержимое капсулы сможет храниться бессрочно, при любой температуре и влажности воздуха, пока не отыщется подходящий кандидат на трансмутацию. Но и это еще не всё! Экстракт, названным именем вашего покорного слуги, обладает, кроме того, исключительными регенерирующими свойствами. И он способен полностью заменить пластическую хирургию при ожогах и обморожениях, при тяжелых челюстно-лицевых травмах, при врожденных дефектах...

Тот Берестов — гений образца 2076 года, везучий, как черт, — еще продолжал говорить. Но нынешний взломщик не желал больше его слушать: отключил звуковое сопровождение видеофайла.

— Ну, всё, пора приниматься за дело! — Он полез в карман своей темно-серой куртки, вытащил оттуда крохотный флеш-накопитель и подсоединил его к одному из USB-портов компьютера.

Молодой двойник Берестова прервал свой беззвучный монолог: дисплей на стене вдруг почернел. А потом по его поверхности побежали световые пятна и зигзаги — почти повторявшие эквилибристику снеговых хлопьев за стеклом панорамного окна. И нынешний Берестов коротко выдохнул: разработанный им компьютерный вирус должен был в течение пятнадцати минут уничтожить его же собственную программу. Ту самую, которая по всему миру поддерживала в рабочем состоянии порошковые капсулы, носящие его имя.

На этом он вполне мог бы остановиться: покинуть здание корпорации. Уйти, пока его не поймали с поличным. Но Макс, поднявшись из-за стола, пошел не к раскученной двери, а к стеллажам с продукцией «Перерождения». И с грохотом повалил первый из них на пол.

8

Огромный вестибюль корпорации больше не пустовал. Перед порванным фотопортретом вместо Берестова теперь стоял его друг детства — Денис Молодцов. И разглядывал самого себя — прежнего. Ну, неплохо он выглядел. Однако не так роскошно, как сейчас. Даже ему, президенту «Перерождения», пришлось немало постараться, чтобы добиться принудительной экстракции изначального носителя своей нынешней внешности.

И Денис не мог понять, почему Макс отказался от такого простого шага: изменить свой внешний облик. От этого его жизнь сделалась бы намного спокойнее и приятнее.

— Но ты, брат, всегда был слегка с приветом, — негромко произнес Денис, разглядывая испорченный постер. — Что и говорить: безумный гений.

— Что, простите? — спросил стоявший подле него человек в камуфляжной форме — не из числа корпорационных охранников, а из личной свиты Молодцова: один из двух десятков его телохранителей, рассыпавшихся теперь по вестибюлю.

— Неважно, — сказал Денис. — Что там — на складе? Микрокамеры работают?

— Работают, Денис Михайлович. Он всё там крушит, как вы и предупреждали. Хотите взглянуть?

Он протянул президенту корпорации тонкий, на лист бумаги, планшет, по дисплею которого металась какая-то серая тень. Звуковое сопровождение видеоряда представляло

собой сплошной грохот, звон и треск.

— Не надо! — Денис взмахнул рукой. — Ждем еще пять минут, а потом поднимаемся. А пока проверьте лифт. Я хочу, чтобы он двигался бесшумно.

9

Берестов почти всё успел, когда сквозь лишенную стекла дверь увидел, как *они* врассыпную бегут со стороны лифтов. Для себя-то они их, конечно, подключили — не стали пешедралом подниматься на сорок восьмой этаж. Ясно было, что эти люди в камуфляжной форме — из личной гвардии его друга детства. Они все держали наизготовку пистолеты.

«Конечно же, и Дениска здесь», — подумал Макс; но пока Молодцов не показывался.

Бежать было поздно. Да и не собирался Берестов ни от кого бегать. Ему просто нужно было еще немного времени: запущенный им в систему вирус еще не конца выполнил свою работу. Дисплей на стене давно не проявлял признаков жизни, но крохотный индикатор на флеш-накопителе продолжал подмигивать фиолетовым глазом.

Берестов вышел в центр склада и вытащил из кармана лазерный скальпель.

Люди в камуфляже замерли в коридоре, держа на его прицеле десятка пистолетов. А один из охранников уже возился с дверным замком, который Берестову не удалось открыть. Пробираться, подобно самому Максусу, сквозь пролом в двери люди с пистолетами явно не собирались.

Берестов нажал кнопку на рукояти скальпеля, и световое лезвие выстрелило вбок на максимальную длину. Не очень-то большую: около тридцати сантиметров. Однако и этого должно было хватить. Взмахнув правой рукой, Макс рассек воздух точно перед своей грудью, и полоса ярко-красного света на миг образовала отчетливый полукруг.

— Не советую вам! — Берестов возвысил голос, чтобы его слышали все, кто находился перед дверью. — Я доктор и знаю, куда нужно попасть. Сонная артерия, подключичная артерия, плечевая артерия, лучевая артерия, бедренная артерия. Вы истечете кровью за одну минуту.

Перечисляя потенциально смертельные точки атаки, он искоса поглядывал на флешку с вирусом. Индикатор на ней продолжал пульсировать. А между тем дверной замок со щелчком сработал: вход на склад был открыт.

Берестов напрягся и сделал еще один предупредительный взмах скальпелем. И тут из-за спин людей в камуфляже донесся голос:

— Ну, хватит уже тебе, брат. Сдавайся. Даю слово: вреда тебе никто не причинит.

Голос этот не был знаком Берестову. А когда говоривший выступил вперед и встал в дверном проеме, взломщик понял, что никогда прежде *этого* субъекта он не встречал. Но — он знал, кто это. Не сомневался, что знает. Только один человек на свете мог называть его *братом*.

— Денис. Вот уж не думал, что теперь ты выглядишь так.

— И как тебе мой новый облик? — Блондин с внешностью Зигфрида нарочито развел руки. — Недурно, правда? Мы и для тебя могли бы подобрать вариант не хуже. Тогда тебе не пришлось бы прятаться, как крысе под полом, ото всех, кто жаждет твоей крови.

— Не считаешь, что у них есть основания — её жаждать?

— Да брось! Ты-то в чем виноват? Ну, не сказал ты им четыре года назад, что твой экстракт что можно извлекать из мозга не только умершего, но и живого человека. И о том,

к каким последствиям это приведет. Но ведь ты не сказал — не из злого умысла. Ты просто *не предполагал* такой возможности.

— Зато ты — предполагал.

Денис пару секунд поразмыслил, потом кивнул:

— Предполагал, да. Но даже я не думал, какой размах *всё это* приобретет. И уж точно представить себе не мог, что принудительную экстракцию станут использовать в качестве наказания за тяжкие преступления.

— Зато потом — представил. Так почему не прекратил всё это? — Берестов снова глянул через плечо и перевел дух: индикатор на флеш-накопителе больше не подмигивал.

— А *что* я должен был прекращать? Не я ворую мозговой экстракт у красивых друзей и соседей. Не я торгую им на черном рынке. И не я...

Договорить он не успел: Берестов метнул в него свой скальпель. Он даже не рассчитывал, что попадет: его преобразенный друг детства стоял от него шагах в десяти. Однако девайс полетел не как нож, а как дротик: прямо, без вращения. И угодил бы Денису в правое плечо, если бы тот не отпрянул в сторону. Так что лазерное лезвие всего-навсего прожгло рукав его черного кашемирового пальто.

И в тот же миг начался штурм. Денис исчез из дверного проема, открывая дорогу своей гвардии, и на Макса навалились с четырех сторон сразу. Лазерный скальпель у него тут же выбили, заломили ему руки за спину и повалили, вдавливая лицом в пол. В его щеку тут же вонзилась острая щепка — отколовшая от одного из поваленных им стеллажей. А серая одежда Берестова мгновенно промокла: всё вокруг было залито мозговым экстрактом из разбитых им капсул. Каждая из них стоила в несколько раз дороже роскошного автомобиля, под днищем которого Берестов спрятался, чтобы проникнуть на территорию корпорации.

Он больше не сопротивлялся, однако люди в камуфляже всё равно принялись избивать его, нанося ему удары ногами и кулаками: в живот, по ребрам, по рукам и ногам. А потом один из особо разошедшихся охранников с размаху двинул ему носком тяжеленного ботинка в висок. Перед глазами у Берестова вспыхнул сноп синих искр, но, прежде чем отключиться, он успел расслышать повелительный окрик Дениса:

— Прекратить! Я же сказал — не калечить. И не бить его по голове!

10

Когда Макс очнулся и разлепил веки, то долго не мог понять: куда же он попал? Обстановка вокруг казалась ему на удивление знакомой, но это уже не была корпорация «Перерождение». Он лежал на старомодном диване, в какой-то не очень большой комнате, за единственным окном которой занимался вьюжистый рассвет. Серая одежда оставалась на нем, только куртку с него кто-то снял. И прикрепил к его пострадавшему виску анестезирующий модуль.

— А, пришел в себя?

Берестов перевел взгляд в ту сторону, откуда раздался голос — стараясь не поворачивать головы. Посреди странно знакомой комнаты стоял его прежний друг. То есть, теперь облачился во внешность Зигфрида, но это ровным счетом ничего не меняло. Пальто он снял, оставшись в классическом костюме-тройке.

— Мне пришлось привезти тебя сюда, — проговорил Денис, — чтобы ты, чего доброго, не попался на глаза полицейским. Их в «Перерождение» прибыл целый эскадрон — после

моего звонка о ночном нападении неизвестных вандалов.

И, как только он произнес это *сюда*, на Берестова снизошло озарение. Ну, конечно: они находились в старой квартире Дениса! Точнее, в квартире его родителей — на канале Грибоедова.

— Я думал, ты сдашь меня им. — Слова выходили с трудом, и Берестов несколько раз кашлянул, прочищая горло. — Ты мог бы даже потребовать, чтобы ко мне применили принудительную экстракцию — после тех убытков, которые я причинил твоей корпорации.

— Во-первых — *нашей* корпорации, — поправил его Молодцов. — А, во-вторых, эти убытки не так велики, как ты, брат, мог рассчитывать. Я бы даже сказал: ты оказал мне громадную услугу. И я не стану платить за это черной неблагодарностью. Никто, кроме меня и моей личной охраны, тебя минувшей ночью не видел. А мы все будем молчать.

— Услугу? — Берестов попытался издать смешок, и его голова отозвалась болью — но не сильной, какой-то *далекой*. — Уж ты-то мог бы понять, *что* я сделал сегодня. Корпорации «Перерождение» больше не существует.

— Да ладно! — Денис рассмеялся молодо и легко. — Существует, еще как существует! И благодаря тебе доходы *наши* теперь удвоятся — как минимум. Да, ты уничтожил не только заполненные капсулы со склада, но еще и компьютерную поддержку всех полых капсул Берестова. Однако я вижу эту ситуацию иначе: ты мгновенно — и совершенно бесплатно! — решил проблему замены этих морально устаревших приспособлений на другие, куда более перспективные. Теперь ни у кого в мире не останется альтернативы: переходить им на новый вид *нашей* продукции или не переходить. *Неизвестные вандалы* решили всё за них.

И он, словно фокусник, извлек откуда-то из-за спины приспособление, чрезвычайно похожее на пресловутую капсулу Берестова. Разве что размером она была чуть поменьше. И вместо квадратных окошек на её поверхности чернели глубокие эллипсоидные прорези.

— Это новейший продукт, разработанный в агломерации «Шелковый путь», — сказал Денис. — С его помощью можно извлекать экстракт Берестова даже у того, кто сам уже проходил трансмутацию. И при этом новому реципиенту будут передаваться параметры последнего внешнего облика донора, а не исходного.

Берестов ощутил, как перед глазами у него всё поплыло — и не из-за удара по голове.

— Ты готов убить *всех*, — прошептал он.

Но Денис будто и не услышал его — продолжал разглагольствовать:

— Теперь наш продукт будет именоваться *капсулой Берестова/Ли Ханя*. Но для тебя это и не новость! Я помню, как ты год назад заявился на закрытую презентацию этой капсулы в Шанхае. И покрыл китайских товарищей трехэтажным русским матом. А потом пригрозил им миллиардными исками о нарушении прав интеллектуальной собственности — если они эти капсулы станут производить. Раньше говорили: ругается, как извозчик. А после твоей эскапады можно было эту идиому скорректировать: *ругается, как генетик*. Догадываюсь, от кого ты таких выражений набрался!

Макс только поморщился: тот эпизод он помнил очень хорошо. А его друг детства продолжал:

— По счастью, китайцы не поняли, что ты там говорил про сексуальные сношения с их матерями. А вот про интеллектуальную собственность поняли — очень хорошо. И сдрейфили. Так что мне пришлось им пообещать: я улажу все разногласия с тобой, прежде чем начинать производство. Корпорация «Перерождение» уже приобрела патент на производство нового шедевра. И на наших складах — на настоящих складах, а не в той

кладовке, которую ты разгромил, — уже дожидается отправки покупателям двадцать миллионов экземпляров капсул Берестова/Ли Ханя.

— Двадцать миллионов! — эхом повторил Макс.

И на сей раз старый друг услышал его — хотя истолковал этот возглас по-своему.

— Да, да, — покивал Денис, — это огромные деньги. Но роялти от реализации *твоих* капсул ты больше получать не будешь. Хотя, конечно, по-прежнему останешься вторым крупнейшим акционером «Перерождения». И я не лишу тебя права на получение дивидендов. Так что ты сможешь за свой счет поддержать кое-кого, кто пострадал по твоей вине.

— *Весь мир* пострадал по моей вине.

— Ну, насчет всего мира — это спорный вопрос. А вот балбеса, который прошлой ночью привез тебя на стоянку корпорации, я, конечно же, вынужден буду уволить. Символично, что ты выбрал именно его себе в пособники: он ведь фактически твой тезка.

— Он понятия не имел, что везет меня.

— Знаю. Но его привычка опаздывать стала притчей во языцех еще в то время, когда ты не был таким чистоплюем и трудился со мной бок о бок. И все знали: он каждый раз спрашивает дежурного, чтобы тот пропустил его побыстрее — чтобы не быть уволенным за опоздание. Проще простого было проникнуть в «Перерождение», забравшись под брюхо его *шикарной тачки* — как сказали бы мои дедушка и бабушка.

И Макс понял: его друг детства разыграл всё, как по нотам. Ждал — не мог дождаться, когда Берестов подставится. Потому и не увольнял этого *опоздунa*, который стал пешкой в игре их обоих.

— Ты и тачку у него отберешь? — спросил Макс.

— С какой же стати? Я не зверь. Ты знаешь, почему он каждый раз опаздывает — *опаздывал*, точнее говоря? Он всегда едет на черепашьем ходу, чтобы не повредить свою драгоценную машину. Разновидность компенсации: красота его автомобиля — как возмещение за его собственную страхолюдную внешность. Наверное, теперь на этой машине он поедет к себе на родину — в Ригу.

— Он латыш? — удивился Берестов.

— А ты не знал? Представители нордической расы бывают не только такими.

И президент «Перерождения» снова раскинул руки, явно собой любуясь. А затем посерьезнел, присел на диван — рядом с Максом.

— Но это всё — шелуха, — сказал Денис. — Я хочу, чтобы ты уяснил главное. Если ты еще хоть раз попытаешься встать у меня на пути, я миндальничать больше не стану. У меня есть видеозапись — как ты крушишь собственность «Перерождения». *Свою* собственность, если разобраться. И я легко найду психиатров, которые на этом основании признают тебя невменяемым и отправят на принудительное лечение. А заодно я просвещу твоего отца: относительно того, что *на самом деле* случилось со Светланой Берестовой, его обожаемой женой и твоей мамочкой. Однако, — Денис поглядел вдруг на Макса мягко, почти просительно, — мы в любой момент, брат, сможем вернуться к нашим прежним взаимоотношениям. Забыть все обиды. Тебе достаточно будет только предложить мне что-то новое из своих разработок — для практического применения.

— Нет, брат, — сказал Макс, — у меня для тебя ничего нового не будет. Больше — никогда.

[1] Э. А. По. «Ворон» (пер. В. Брюсова).

Часть первая. БЕЗЛИКИЕ. Глава 1. Территория колберов

5 июня 2077 года — 27 мая 2086 года
Рига — столица Балтийского Союза

1

Настасья не помнила, когда она в последний раз выходила в город. Да и существовал ли он вообще — этот город Рига? Она не была в этом уверена. То ли ходила она когда-то по его мощеным бульжником улочкам, то ли — ей это просто приснилось. И под ногами у неё всегда был только асфальт примыкавшего к дому двора-колодца, куда дедушка выводил их с Иваром на прогулки все последние девять лет — ночами, чтобы никому не попасться на глаза. То ли видела она когда-то золоченых петушков на высоких шпилях соборов, то ли — навоображала их себе после того, как прочла сказку Пушкина о Золотом петушке. То ли слушала она когда-то вместе с родителями органную музыку в готическом храме, то ли музыка Баха всегда звучала только в её наушниках, которые она надевала, когда делала заданные дедушкой уроки. Ни она, ни её единственный друг Ивар школу не посещали с 2077 года.

Единственное, что она помнила почти без пробелов — это *тот* день в самом начале июня 2077-го. День, когда они с её другом Иваром Озолсом — им было тогда по девять лет — окончили начальную гимназию. И мама подарила ей книгу сказок — *настоящую* книгу:

бумажную, с глянцевыми цветными картинками. А мама Ивара, Татьяна Павловна — та и вовсе подарила сыну круглый золотой медальон с изображением святого Христофора.

Раньше этот медальон носил папа её лучшего друга и одноклассника — пилот электрокоптера, катавший туристов над Рижским заливом. Ивар всегда думал, что святой Христофор бережет его папу. И, наверное, так оно и было. Потому как в тот единственный день, когда он забыл медальон дома, его «вертушка» разбилась. Те, кто оставался на земле, видели: в открытую кабину влетела чайка. А что было потом — рассказать никто не смог. Случилось это двумя годами ранее, в 2075 году, когда они с Иваром только-только пошли в первый класс. А в 2077-м старшие сестры Ивара — Карина и Сюзанна — чуть с ума не сошли от злости, когда узнали про медальон. Каждая из них считала, что золотая вещица должны достаться ей. И уж никак не *этому сопляку*.

Ивару досталось и еще кое-что, чем его сестры не обладали: необыкновенная красота. И Настасья догадывалась: в действительности обе мегеры злятся именно из-за этого. Завидуют фиалковым глазам Ивара, и его длинным черным ресницам, и русым кудрям, и нежной коже. Ну, на что всё это мальчишке? Хотя, как выяснилось позже, две его сестрицы как раз и не остались внакладе. Уж им-то не пришлось учиться на дому и выходить погулять только ночью, как каким-нибудь вампирам из старинных книжек!

Но в тот июньский день 2077 года родители Настасьи не ведали, что грядет. Хотя, казалось бы, все предвестия уже тогда были налицо. И Настасья много раз ловила себя потом на мысли: «Мама, папа, ну, зачем же вы повезли нас туда? Как вам взбрело в головы устроить тот пикник на взморье?»

2

Желтый пляж выглядел безжизненным, как Сахара в полдень.

— Надо же, — удивилась мама Настасья, — такой денек славный — а никого нет!

— Ну, Машенька, зато весь берег в нашем распоряжении! — бодро отозвался Настасьин папа. — Располагаемся!

И они вчетвером стали раскладывать на песке скатерть, посуду и еду из плетеной корзины для пикника, пледы для лежания и коробки для сбора янтаря. Они заранее условились, что после трапезы все вместе отправятся на его поиски. И к концу дня определяют победителя: кто наберет больше остальных этих застывших капелек, казавшихся медовыми. Ивар любил их сосать, как леденцовые карамельки.

Поели они быстро, а потом разбрелись по берегу и принялись босыми ногами разгребать песок.

— Я первый нашел, я первый! — закричал Ивар; в руках у него был кусочек янтаря, формой походивший на крупную божью коровку.

— Подари его мне! — попросила Настасья.

И её друг тут же отдал ей свою находку.

Впрочем, таких находок в тот день их ждало еще множество. Казалось, янтарь на взморье никто не собирал уже давно: в песке там и сям мелькали световые искорки. Одно было плохо: вода еще не успела прогреться. Дети забегали в неё время от времени, но почти тут же с визгом выскакивали обратно. И начинали дурачиться: бегали наперегонки — увязая в песке и периодически падая, — шутливо дубасили друг друга и брызгались холодной водой. Родителей Настасьи они не видели — но несколько из-за этого не беспокоились.

Куда больше Ивара волновали чайки: он боялся их и всё время озирался по сторонам — не подлетят ли они откуда-нибудь сзади? Вот потому-то, должно быть, он и сделал свое открытие.

— Смотри! — Он вдруг указал куда-то за спину своей подружке.

— Ага — *смотри, смотри!* — передразнила его Настасья. — Я отвернусь, а ты на меня — водой?

— Да нет же! Правда — погляди, что это там такое?

Настасья обернулась — и чуть не выронила коробочку с янтарем. На границе между лесистым берегом и пляжем, под нависшими корнями сосен, она увидела что-то вроде длинной полуподземной галереи — то ли пещеру, то ли грот. Это явно было творение природы — не человека. По идее, такая галерея и возникнуть-то не могла — должна была бы осыпаться. Но вот, поди ж ты — не осыпалась!

Увидеть вход в неё было почти невозможно: он казался низким и узким, как барсучья нора. Разглядеть его мог, пожалуй, только ребенок — и только с той точки берега, где они с Иваром находились.

— Туда можно забраться! — воскликнула Настасья. — И никто нас увидит. Даже мои мама и папа!

— Тогда бежим туда! Сделаем им сюрприз!

И они побежали: растрепанные, разгоряченные, гремя кусочками янтаря в пластиковых коробках. Потом — много позже — Настасья пришла к выводу, что именно в тот момент на пляже появились *гости*. Однако дети их появления не увидели. А главное — новоприбывшие тоже не увидели их с Иваром.

3

Пробираться под переплетением сосновых корней оказалось занятием непростым, даже опасным. Настасья падала дважды, и так треснулась коленкой о какой-то корневой выступ, что чуть не заплакала. А Ивар один раз провалился в песок по самый пояс. И Настасья едва-едва сумела помочь ему вылезти. Думала уже: придется бежать за родителями, звать их на помощь. И весь их сюрприз пойдет насмарку.

— Фу, — выдохнула она, когда её друг выбрался, наконец, из песчаной ловушки, — хорошо хоть это — не зыбучие пески. Мой дедушка рассказывал: такие бывают. Попадешь в них — и тонешь, как в болоте.

— А где же твои мама и папа? — спросил вдруг Ивар. — Я что-то их не вижу.

Настасья выглянула из-за переплетения корней — как из-за театральной кулисы. Их скатерть, корзина для пикника и пледы находились на прежнем месте; но её мамы и папы и вправду не было ни вблизи, ни в отдалении. Только их ярко-алые коробки для янтаря виднелись рядом с ребристым корзиночным боком.

— Может, они искупаться пошли? — предположила Настасья.

— Искупаться? В *такой* воде?

— Ну, мой папа даже в крещенской проруби купался. Он говорил мне, что... — Договорить она не успела: Ивар вдруг зажал ей рот перепачканной в песке ладонью и потянул за собой — вглубь природной галереи, в густую тень.

Девочка вывернулась из-под его руки и хотела было возмутиться, но Ивар тут же снова зажал ей рот и прошептал в самое ухо:

— Тише! Ничего не говори! Я думаю, это *они*.

И Настасья, проследив направление его взгляда, поняла: *они* — это вовсе не её родители. Это — те самые люди, рассказы о которых она слышала в гимназии и на улицах. О них говорили всегда шепотом, всегда — с оглядкой по сторонам. Как будто одно их упоминание могло навлечь беду на говорившего.

Настасья как-то спросила о них своего дедушку, который знал всё на свете. И тот сразу помрачнел. Но не стал наводить тень на плетень.

— Да, Настасьюшка, — сказал он, — *люди с колбами*, или просто *колберы*, действительно существуют. Недавно появились — примерно с год назад. Хотя во всех выпусках новостей говорят: ложные слухи, ни одного свидетеля нет. Да и не мудрено, что их нет...

Она попыталась тогда выведать у деда: почему это *не мудрено*? Но тот быстро перевел разговор на другую тему — не стал ничего объяснять.

И вот теперь четыре колбера шли по пляжу, растянувшись короткой цепью. Что это были именно они — девочка сразу уразумела: один из них на ходу убирал в поясную сумку металлически блестящий предмет, напоминавший колбу от старинного термоса. И такие же в точности сумки имелись у всех четверых. Колберы крутили головами — будто высматривали кого-то.

— Тут, на песке, есть еще маленькие следы, — проговорил один из них. — Похоже, они с детьми сюда приехали. И возможно, дети у них тоже — подходящие.

— Эй, ребятки! — Другой колбер поднес ко рту сведенные рупором ладони. — Бегите-ка сюда! Ваши мама с папой зовут вас. И ругаются, что вы никак не придете.

Настасья почти непроизвольно дернулась, собираясь отозваться. Но Ивар удержал её: крепко, до боли, сжал свободной рукой её левое плечо.

— Детки! — Третий колбер тоже возвысил голос. — Идите сюда! Мы вас отведем к маме и папе. — И он замер на месте, прислушиваясь.

— Да, может, это чужие дети были? — заметил четвертый. — Шастали здесь какие-нибудь маленькие засранцы — а теперь ушли.

— Ага, конечно! — Первый колбер ослабилась. — Пойдет тебе кто-то из мелких сюда один! Все окрестные жители знают... ну, или *догадываются*, что за бизнес мы здесь ведем.

А второй колбер снова поднес руки ко рту:

— Ребята, в последний раз прошу: идите сюда! Не придете — мы сами вас отыщем, и тогда вам не поздоровится!

Тут Настасья снова попыталась выскочить на пляж. Но, конечно, не из-за услышанных слов. Она увидела: на некотором отдалении, метрах в пятидесяти от страшной четверки, качаются на волнах три надувные лодки. И ей показалось, что она узнала людей, которые лежали в двух из них.

Ивар тоже заметил эти лодки, больше похожие на надувные матрасы. Однако он шепотом велел Настасье:

— Сиди тихо! Не дергайся!

Но она больше и дергалась. Только всматривалась в очертания плавучих матрасов, уже порядочно отдалившихся от берега.

— Да не придут они — даже если слышат! — Четвертый из колберов раздраженно цыкнул зубом. — Мы только внимание к себе привлечем.

И колбер № 3 поддержал его:

— Да, нужно уходить! Если кто-нибудь додумается позвонить в полицию и нас застанут с этим, — он ткнул пальцем в свою поясную сумку, — мы станем первыми в Балтсоюзе, кого за такой бизнес казнят.

А Настасья всё глядела на людей в лодках. Она по-прежнему не видела их лиц, но их одежда... Девочка всматривалась в неё почти минуту, однако потом отвлеклась: между колберами что-то произошло. № 3 и № 4 повернулись спинами к своим товарищам и шли теперь к сосновому лесу, обрамлявшему пляж.

— Эй, — крикнул им № 1, — Вы куда? Нужно еще приглядеть за теми! — И он кивком головы указал на удалявшиеся от берега лодки, осадка которых была теперь заметно больше, чем вначале.

— Вот вы и приглядите! — бросил, не оборачиваясь, один из уходивших.

Двое оставшихся на пляже мужчин переглянулись. И синхронно, не стовариваясь, сунули руки куда-то себе за спину — под блейзеры, за ремни брюк. Там у обоих было по два разных пистолета — Настасья это увидела. И оба выхватили оружие более массивного вида.

В этот момент солнечный луч, бежавший по воде, упал на женщину, лежавшую в одной из лодок: на её длинные черные волосы, стелившиеся по воде. И Настасья узнала её по этим роскошным волосам — свою маму, которая лежала как неживая.

Девочка дернулась с такой силой, что Ивар отпустил её плечо. А когда он снова попытался схватить её, она укусила его за руку, которой он зажимал ей рот. Укусила сильно: на языке у неё тут же возник соленый привкус. А её друг с коротким вскриком руку отдернул. И Настасья выскочила из-под сводов песчаной галереи на пляж.

Ивар кинулся за ней. И в тот же миг раздались два хлопка. Настасья увидела: колберы № 1 и № 2 держат в руках пистолеты, а двое их товарищей оседают на песок с круглыми дырами в спинах.

— Надо забрать у них капсулы! — прокричал один из стрелявших.

Ивара и Настасью стрелки увидели только тогда, когда те оказались в пяти шагах от них: почти точно посередине между ними самими и убитыми ими подельниками.

4

Колбер № 2 направил было пистолет на Настасью, но товарищ резко ударил его по запястью, и тот уронил оружие на песок.

— Ты сбрендил? Попадешь в голову — и всё, хана! А их нам на десять лет жизни хватит!

Но Настасья даже не заметила на этих двоих. Она видела только, как уплывает в море её мама, и побежала к полосе прибоя, зашла в воду — видя перед собой только ту резиновую лодку. Зато Ивар перехватил взгляды колберов: взгляды волков на ягнят. Так он потом сказал Настасье. И уточнил: «Очень голодных волков на жирных ягнят». Всё, что случилось потом, она знала только по его рассказам: сама почти ничего не запомнила.

Тогда, на берегу, Ивар остановился — перестал догонять свою подружку, которая уже забежала в воду. А потом он сделал разворот и припустил к двум застреленным колберам, песок под которыми быстро напитывался кровью. Но всё же мальчик уловил, что колбер № 1, у которого оставалось в руках оружие, побежал по воде за Настасьей — одновременно крича своему сотоварищу:

— А ты хватай пацана!

Тот, однако, сперва наклонился, чтобы подобрать свой пистолет с песка. А Ивар

подскочил к убитым, сорвал у одного из них с пояса сумку и метнулся с ней к корзинке для пикника. Он успел бы, пожалуй, забрать добычу и у второго мертвеца; но у того при падении сумка отстегнулась от ремня и отлетела далеко в сторону — к песчаной галерее, шедшей вдоль берега.

Ивар видел, как человек, гнавшийся за Настасьей, на бегу сунул свой пистолет обратно за пояс брюк. И как, настигнув девочку, схватил её поперек туловища, зажал под мышкой и поволок к берегу. Но всё же — Настасьин друг не бросил того, чем занимался.

Прежде он только слышал о таких вот зеркальных колбах. Его сестры — Сюзанна и Карина — прямо при нем обсуждали, *как здорово* было бы, водись у них деньги. Тогда они могли бы раздобыть капсулы Берестова, а потом... Тут они обычно переходили на шепот, так что их брат мог только уловить суть: содержимое всего одной капсулы стоит столько, что, продав его, можно потом не работать всю свою жизнь. Но капсулы, даже пустые, так дороги, что хотя бы на одну им вдвоем придется копить деньги лет десять — не меньше.

Ивар рывком расстегнул молнию на сумке колбера, выхватил оттуда блестящую цилиндрическую штуковину, а саму сумку тут же отбросил. На гляцевой поверхности капсулы двумя квадратами светились индикаторные окошки. В одном из них мальчик увидел трехмерный QR-код. А из другого окошка на него поглядело застывшее, совершенно неживое лицо Настасьиной мамы — Марьи Петровны. Это не была фотография — в полном смысле слова. Потом, через несколько лет, подросший Ивар признается своей подруге, что больше всего этого изображение напоминало посмертную маску — о существовании которых он в то время еще не слыхивал.

Однако тогда, в июне 2077-го, ему недосуг было разглядывать эту картинку. Со своей добычей в руках Ивар с размаху плюхнулся на закрытую крышку корзины для пикника. А затем в мгновение ока соорудил на песке диковинную конструкцию. Её основанием послужила одна из ярко-алых коробок для сбора янтаря, брошенных Настасьиными родителями, и сверху тоже была коробка. А между ними Ивар положил сияющую колбу. И поставил босые ноги на верхнюю коробку, хотя пока на неё и не давил: распределил свой вес так, чтобы он весь приходился на крышку корзины.

— Я даже не знал точно, — скажет он потом Настасье, — получилось бы у меня раздавить эту капсулу или нет.

5

Настасья не замечала гнавшегося за ней колбера, пока тот не выдернул её из воды. И она еще некоторое время болтала ногами в воздухе, как если бы продолжала бежать. Человек, схвативший её под мышку, развернулся лицом к пляжу, и Настасья потеряла из виду три надувные лодки, которые уплывали всё дальше в море. Только тут она в полной мере осознала, что происходит с ней самой.

Она даже не подумала, что ей надо подать голос: закричать, позвать на помощь. Конечно, пляж выглядел пустынным, и она помнила, о чем говорили люди с колбами: местные жители давно уже обходят его стороной. Однако она не кричала просто потому, что никогда прежде не попадала в подобные ситуации. И никто не объяснил ей, как нужно себя вести, если тебя хватает незнакомый взрослый дядька.

Но всё же она принялась брыкаться — главным образом потому, что хотела снова бежать к своей маме. А потом увидела Ивара — который почему-то сидел на корзине для

пикников. Под ногами у него атели пластиковые коробки для сбора янтаря, а колбер № 2 целился ему в голову из пистолета.

Колбер № 1, державший Настасью под мышкой, тоже увидел мальчика. Да так и застыл на месте, словно бы и не замечая брыканий пленницы.

— Только попробуй, гаденыш, это раздавить!.. — Колбер № 2 повел стволом пистолета в сторону Ивара, но приблизиться к нему не рискнул: у себя *под пятой* тот держал целое состояние.

— Он раздавит капсулу — а я раздавлю башку его сестре! — прибавил к этому колбер № 1, крепче сдавливая Настасью под мышкой.

Но — удивительное дело: в его голосе девочка уловила не столько угрозу, сколько неуверенность. И еще — ошеломление.

— Ага, — сказал Ивар, — только вы почему-то не разрешили своему другу стрелять нам по головам. Выходит, наши головы нужны вам целыми. Если вы навредите Настасье или если выстрелите в меня, и я потеряю равновесие — прощайтесь с вашей добычей. — Он чуть сильнее надавил на верхнюю коробку для янтаря, и оба его противника непроизвольно ахнули при этом его движении.

— Ах ты, щенок... — Мужчина с пистолетом начал материться, но тот, кто держал Настасью, оборвал его:

— Заткнись! — А потом обратился к Ивару: — Ты в шахматы играешь? Знаешь, что такое — *пат*? Думаю, знаешь — ты вроде умный пацан. Так вот, у нас теперь этот самый пат и возник. Ты не можешь двинуться с места, а мы с моим другом не можем навредить тебе и твоей сестрице.

— Она мне не сестра, — сказал Ивар. — И никакой это не пат.

Настасья слушала их перебранку вполуха: она пыталась повернуть голову так, чтобы посмотреть на своих родителей — в одной из лодок должен был находиться её папа. А человек, сжимавший ей под мышкой, чуть ослабил хватку — потянулся за своим пистолетом. И девочка, вывернув шею, смогла поглядеть назад.

— Нет! — закричала она.

Точнее — думала, что закричала. На самом деле из её горла вырвалось только какое-то шипенье: она потеряла голос, когда увидела, как волна накрыла лодку, на которой плыла женщина с черными волосами. Только теперь Настасья уразумела, что лодка эта тонет. Девочка брыкнулась с такой силой, что державший её колбер не удержал пистолет, извлеченный из-за пояса, и тот бултыхнулся в воду. Здоровяк выругался сквозь зубы — но наклоняться за оружием не стал.

— Мы сделаем вот что, — проговорил тем временем Ивар; его голос казался спокойным. — Вы отпустите Настасью, и она побежит за помощью. После этого я сосчитаю до ста — и побегу за ней следом. Вам же останется ваша добыча. И, если вы не дураки, вы возьмете ваши колбы — ваши капсулы Берестова, — и дадите отсюда деру. Не станете дожидаться, когда прибудет полиция. И преследовать нас тоже не станете.

— Ты еще будешь указывать, что нам делать?

Это произнес колбер № 2, стоявший на берегу. И тут же Настасья услышала щелчок взводимого курка. У её папы имелось оружие, так что она сразу узнала этот звук. Но всё же — она не повернула головы к пляжу: продолжала смотреть туда, где погружались в воду уже наполовину спущенные резиновые лодки — вместе с её родителями. Если только это и вправду был они. Девочка внезапно испытала прилив надежды: а вдруг она ошиблась? Вдруг

это *вообще* были другие люди? Ведь резиновых лодок с одинокими пассажирами было три, а не две! И от этой мысли Настасья словно бы встрепенулась — и поглядела, наконец, на своего друга.

Тот сидел в прежней позе и, казалось, даже не замечал наведенного на него пистолета.

— Я вам не указываю, — сказал он. — Я предлагаю. Машина, на которой мы сюда приехали, осталась на стоянке перед выездом на пляж. Рано или поздно кто-нибудь её заметит. И тогда...

Он не договорил: колбер № 2 всё-таки спустил курок. Пуля чиркнула по левому плечу Ивара (стрелявший явно метил *ему* в голову). И сразу же после этого несколько вещей случилось подряд, следуя друг за дружкой с такой быстротой, что Настасья ни тогда, ни позже так и не сумела определить, какой была истинная последовательность событий.

Левая нога Ивара соскользнула с коробки, а правой ногой — вряд ли умышленно — он тут же с силой уперся в алую пластиковую крышку. Раздался треск и два страшных крика — так люди кричат, если случилось что-то непоправимое. Настасья подумала: это кричит её друг — смертельно раненный. Каким-то акробатическим кульбитом она сумела вывернуться из рук державшего её мужчины и рухнула лицом в воду. Но при этом она всё же успела заметить, что Ивар *не* упал — по-прежнему сидит на корзинке, хоть лицо его и приобрело оттенок хлопковой ваты. И не похоже было, что кричал он.

А уже в следующие миг — Настасья даже не успела вынырнуть — стоявший в воде рядом с ней колбер вдруг резко покачнулся назад. И стал заваливаться навзничь, широко раскинув руки.

6

Потом полицейские придут к заключению, что какой-то неизвестный снайпер произвел три выстрела с интервалом в две-три секунды. Первый — в колбера № 1, который за мгновение до этого держал Настасью. Второй — в колбера № 2, который перед тем пальнул в Ивара. Третий — в одного из людей в надувных лодках: в мужчину, который сразу же после этого пошел ко дну. Что послужило для снайпера сигналом открыть огонь: выстрел в мальчика или то, что девочка сумела-таки высвободиться из рук преступника — полиция не знала. А Настасью в тот момент это и вовсе не волновало. Всё, что она поняла: двое негодяев, которые чуть было не убили их с Иваром, получили каждый по пуле в грудь.

Когда Настасья выскочила на берег, её кожа окрасилась в такой же ярко-алый цвет, какими были их коробки для сбора янтаря. Здоровенный колбер, который только что стискивал её своей ручищей, истек кровью с молниеносной быстротой. Много позже Настасья узнала от бабушки, что существуют особые пули с антикоагулянтами. Даже небольшой раны бывает достаточно, чтобы человека убить. А тогда она не знала даже слова «антикоагулянт». Но и без того поняла, что обоих колберов подстрелили на совесть. Тот, у кого был пистолет, валялся теперь на берегу с дыркой в груди и выглядел не более живым, чем пластиковые коробки для янтаря.

Не глядя на мертвецов, Настасья кинулась к своему другу. Но раньше, чем она успела до него добежать, на пляж высыпало несколько десятков людей: кто — в полицейской форме, кто — в белых халатах, а кто — просто в обычной одежде. И все они помчались к ним с Иваром.

— Мои мама и папа! — закричала им девочка — всем сердцем надеясь, что это *не* её

мама папа.

Она указала рукой в сторону залива. Однако ни одной резиновой лодки на волнах уже не качалось.

7

То, что происходило дальше, Настасья помнила смутно. И отчасти — из-за того, что люди, заполонившие пляж, говорили между собой в основном на латышском языке. Их понимал только Ивар: по матери он был русским и посещал русскую гимназию, но его отец — погибший пилот электрокоптера — был латышом.

Настасья знала, что давным-давно — лет за пятьдесят до её рождения — в Риге вообще хотели запретить школам и вузам вести обучение на русском языке. Но с тех пор многое переменялось. Например, вместо трех отдельных государств — Латвии, Литвы и Эстонии — на карте Европе появилось новое территориальное образование: Балтийский Союз. И согласно международному праву, его устав нужно было зарегистрировать в Организации независимых наций (которая прежде именовалась не ООН, а ООН). А императивным требованием ООН являлось то, что конституция любого интеграционного блока должна была гарантировать равные права представителям всех наций, проживавших на его территории. Так что, начиная с 2048 года, когда Балтийский союз возник, не могло быть уже и речи о том, чтобы запрещать кому-либо учиться или общаться на родном языке. Однако полиция и властные структуры формировались в основном из представителей бывших титульных наций. В Риге — из латышей.

И Настасья не разбирала почти ни слова из того, что говорили запрудившие пляж люди. Хорошо хоть врач «скорой помощи», который первым подбежал к ним, изъяснялся по-русски. Он быстро осмотрел плечо её друга, сказал, что рана поверхностная, неопасная, а затем наложил на неё регенерирующую повязку — одну из тех, что производились в Евразийской Конфедерации под брендом «Лист подорожника». Настасья при этом заметила, с каким выражением доктор поглядел на остатки раздавленной колбы под ногами у Ивара. У этого вполне взрослого человека чуть слезы на глазах не выступили.

— Что здесь произошло, ребятки? — обратился он к Ивару и Настасье.

Но те даже не успели ему ответить: до них донесся торжествующий возглас одного из полицейских. Он быстро произнес что-то по-латышски, обращаясь к своим коллегам.

— Он сказал, — перевел Ивар для Настасьи, — что колба с содержимым, что была при ударе — разбилась. Но зато порожня — в сохранности.

А полицейский уже показывал своим коллегам предмет, извлеченный из поясной сумки колбера № 2, который стрелял в Ивара. Это была блистающая колба в упаковке из какого-то прозрачного материала. Должно быть — особо прочного, раз уж она уцелела при падении своего владельца.

Другие полицейские тут же кинулись в воду и с поразительной быстротой и сноровкой выволокли на берег тело здоровяка, всего несколько минут назад державшего Настасью под мышкой. И — при осмотре сумки, что имела и у него, тоже обнаружилась аналогичная вещь.

Полицейские радостно загалдели, явно поздравляя друг друга с какой-то удачей.

— Они очень довольны, что неизвестный стрелок попал этим двоим в грудь, а не в головы, — пояснил Ивар Настасье. — Наверное, хотят подвергнуть убитых этой... как её...

забыл название... Ну, в общем, они хотят что-то вытянуть из их мозгов.

Один из двоих полицейских, что держали в руках обнаруженные колбы, нажал на какую-то кнопку, выступавшую над зеркальной поверхностью. И наружу выдвинулось острие — словно жало из брюшка осы. Полицейские заспорили было, кто-то указал на тела двоих колберов, что были убиты раньше — своими же подельниками. Но тот, кого Настасья сочла главным, отрицательно покачал головой и что-то произнес, сделав запрещающий жест рукой.

— Он говорит — неизвестно, сколько времени прошло с их смерти, — шепотом перевел Ивар его слова.

А потом полицейский, державший колбу с жалом, двинулся к телу поверженного здоровяка. Склонившись над ним, он повернул его на левый бок и свободной рукой убрал волосы с правого виска убитого. Одним точным движением — словно ему было не впервой — он вонзил жало в голову мертвеца, легко пробив его височную кость. Раздался хруст, внутри колбы что-то зашуршало, словно сдвигаясь с места, и гладкий металл соединился с кожей убитого так плотно, что могло показаться: у того на голове в один миг вырос блестящий скругленный рог.

Настасья ойкнула при виде этого. И только тут полицейские вспомнили про них с Иваром. Один из служителей порядка что-то быстро приказал врачу «скорой». И тот, взяв обоих детей за руки, повлек их с пляжа прочь — туда, где среди синих электрокаров полиции белела машина с красным крестом.

— Но мои мама и папа!.. — начала было упираться Настасья. — *Вдруг* это всё-таки были они?

— Их поищут, — ласково пообещал ей доктор; но даже в девятилетнем возрасте Настасья сумела понять: сам он в эффективность подобных поисков нисколько не верит.

— А как это вы приехали так быстро? — спросил Ивар; самой Настасье даже в голову не пришло этим поинтересоваться. — Кто-то услышал стрельбу на пляже и позвонил вам?

— Кто-то позвонил, да, — кивнул доктор. — Был анонимный звонок.

И больше они не разговаривали.

По пути Ивар и Настасья несколько раз оборачивались, но так и не разглядели, что происходило дальше с убитым здоровяком. Полицейские встали плечом к плечу возле мертвеца, загораживая его от посторонних глаз.

8

И с тех пор Настасья ни разу не видела пресловутых капсул Берестова воочию — только на видеозаписях, которые очевидцы размещали в Глобалнете, пока тот не перестал существовать. Впервые она отыскала один из таких роликов (тайком от деда), когда ей исполнилось тринадцать.

В 2081 году Глобалнет еще не запретили, однако уже взяли под жесткий контроль. Так что Настасья понапрасну вводила в поисковые запросы слова *трансмутация* и *transmutation*: в ответ получала только ссылки на официальный сайт корпорации «Перерождение». Но потом — чисто случайно — она догадалась использовать английский синоним: *transfiguration*. И поисковик среди множества ссылок на романы о Гарри Поттере выдал ей электронный адрес: *transfiguration.net*. Это оказалось именно то, что она искала: сайт о трансмутации — как она есть.

Первое, что Настасья увидела, перейдя по ссылке — это карикатурный триптих в половину дисплея: император Нерон, Адольф Гитлер и Максим Берестов. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, под каждым из портретов имелась подпись. Но Берестова она узнала бы и так: её дедушка, Петр Сергеевич Королев, был его почитателем и даже держал у себя в кабинете портрет молодого ученого, которого, впрочем, совершенно не идеализировал. Автор же карикатуры изобразил великого генетика с глумливо искаженным лицом и с огромной пачкой банкнот в руках. А выноска в форме облачка возле его лица содержала слова: *Нерону и Гитлеру не снился такой размах!*

Настасья быстро проглядела сообщения на форуме, каждое второе — с предложением убить Берестова собственными руками. А затем щелкнула на вкладку с видеозаписями. И — да: она очень быстро нашла интересовавший её *материал*.

Оператор, выбравший себе никнейм *killmax3000*, заснял на видео полную картину экстракции — от начала и до конца. Снял её скрытой камерой, проникнув в одну из тюрем, где приводили в исполнение приговоры особо опасным преступникам. Так, по крайней мере, значилось в анонсе этого небольшого фильма.

«Теперь ясно, почему маму и папу так и не удалось отыскать — ни живыми, ни мертвыми», — только и подумала Настасья, когда посмотрела эту запись четыре раза подряд. И послушала дополнительный комментарий — про *воду*. Благодаря ему она уразумела и другое: почему именно пляжи так привлекают колберов.

После этого она покинула случайно обнаруженный ею сайт и на него не заходила больше никогда.

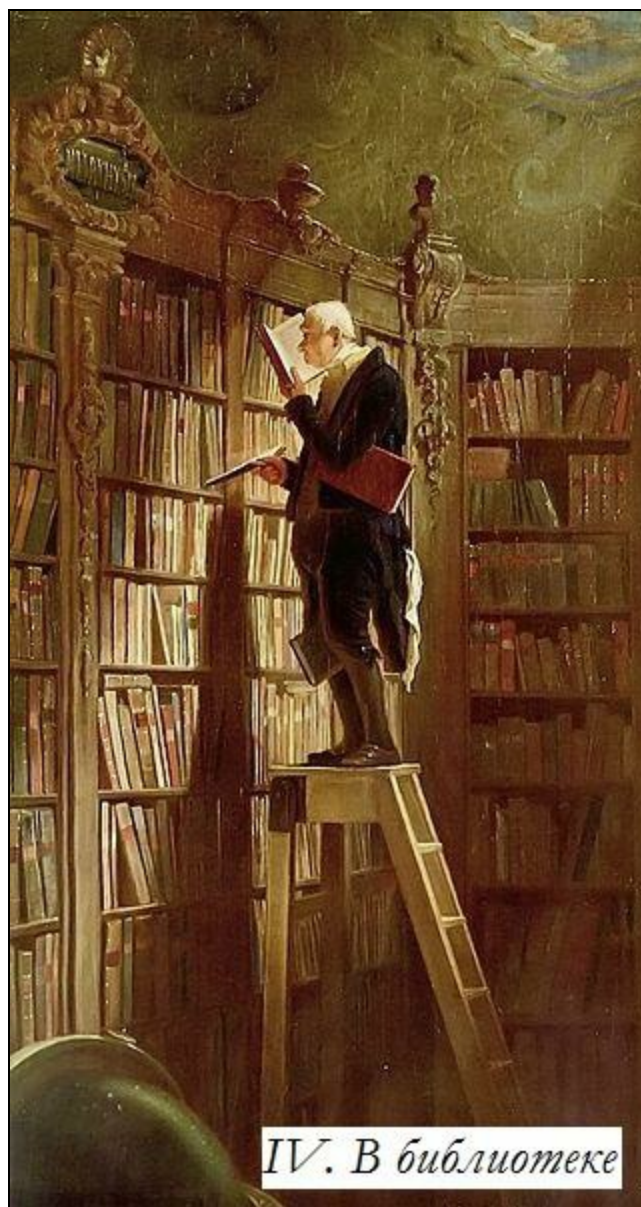
Глава 2. Семейные узы

27 мая 2086 года. Понедельник. Рига

1

— Дедушка, — Настасья, который было теперь восемнадцать, обратилась к Петру Сергеевичу Королеву, университетскому профессору шестидесяти двух лет от роду, — скажи, почему именно после исчезновения мамы и папы ты запретил нам с Иваром ходить в гимназию? Почему — не годом раньше? Я помню, что папа заводил речь о моем переводе на домашнее обучение, но ты его тогда не поддержал.

Они сидели в библиотеке её деда: просторной комнате, на двух высоких окнах которой всегда были опущены жалюзи, да еще и плотно задвинуты темные шторы, хоть окна и смотрели во двор.

В трех высоких шкафах стояли бумажные книги, а в центре комнаты располагались два письменных стола, один — дедушкин, другой — внушкин. За маленьким столом Настасья делала уроки с тех пор, как пошла в первый класс. Когда-то в этой самой квартире она

проживала вместе с родителями, и после их так называемого исчезновения её дед решил, что они станут жить здесь. А последние девять лет за этим же столом, как за школьной партой, вместе с ней сидел Ивар, живший в том же доме, что и она, только этажом ниже. Петр Сергеевич учил их сам.

Сейчас Настасья расположилась за этим столом одна: Ивар должен был прийти только через полчаса, ровно в девять вечера. Они всегда занимались по вечерам — когда дедушка приходил из своей лаборатории при университете. И когда все соседи, с которыми можно было ненароком столкнуться на лестнице, уже сидели по домам. Хотя последняя проблема разрешилась еще года три назад. В их подъезде, кроме семьи Ивара и кроме самой Настасьи с дедушкой, теперь проживали только две пожилые супружеские пары, да и те — на первом и на втором этажах. При этом квартира Ивара находилась на третьем, а Настасьи — на последнем, четвертом этаже старого, возведенного еще в девятнадцатом веке, дома.

Дом этот при строительстве не был разделен на жилые подъезды: его предназначили для одного из городских присутственных учреждений. Только потом, уже после Второй мировой войны, его разбили на квартиры. И поделили на вертикальные секции, условно назвав их *подъездами*. Настасьин дед говорил, что в некоторых квартирах до сих прятались под обоями двери, через которые можно было попасть в соседнее парадное. Но сейчас Настасья думала не об истории дома — ожидала ответа на свой вопрос.

— Летом 2077 года не только твои мама и папа пропали, — сказал Петр Сергеевич. — Произошло и многое другое. Помнишь, я вам с Иваром рассказывал, с чего началась информационная революция в конце двадцатого века?

— Компьютеры и средства коммуникации резко подешевели и стали доступны практически всем желающим.

— Всё верно. Вот и летом 2077 года случилось нечто подобное. Незаполненные капсулы Берестова резко упали в цене. Тогда говорили, что в Китае — в их знаменитой агломерации «Шелковый путь» — нашли способ удешевить их производство. Но я слышал другое: оно изначально было дешевым. Просто в первый год после появления капсул на рынке сам Берестов — тот, кто их изобрел, — как мог, противился снижению их цены. Опасался — и без оснований — что его игрушка может оказаться опасной. Ошибся, правда: она оказалась *не* опасной — она оказалась гибельной.

Настасья поерзала на стуле: о *гибельности* ей очень хотелось расспросить дедушку поподробнее. Однако она знала: эта тема была под негласным запретом в их доме. Да деду и не приходилось особенно стараться, чтобы оградить внуку от информации обо всем, что происходило за пределами их дома и двора. Глобалнет приказал долго жить, и даже телевидение работало с перебоями. А выпуски новостей не выходили в эфир вовсе. В 2077 году в Риге было 248 телеканалов, а сейчас оставалось только два. По одному из них непрерывно крутили старые американские телесериалы. А по второму — показывали спортивные соревнования: турниры по дартсу в пивных барах; матчи по снукеру в ночных ресторанах; состязания по настольному теннису в школах и университетах.

Да и эти два канала периодически прерывали вещание: и в Риге, и во всем Балтсоюзе отключения электричества случались как минимум раз в неделю. Само электричество было доступным, чуть ли не как воздух. Но электросети требовали ремонта и контроля — а ремонтировать и контролировать их стало почти что некому. Однако телевидение молчало о регулярных блэкаутах так же, как и обо всем остальном.

И Настасья задала другой вопрос — вместо того, что вертелся у неё на языке:

— Но всё же Берестов согласился на продажу своих капсул по дешевке?

— Его мнение роли особой не играло. До меня доходили слухи, что он с самого начала подписал договор со вторым соучредителем «Перерождения». И будто бы в этом договоре были прописаны их полномочия: Берестов руководит научной деятельностью корпорации, а всеми вопросами бизнеса ведаёт его партнер, Денис Молодцов.

— Но разве Молодцов не потерял деньги из-за снижения цен?

— Вряд ли такие люди, как он, *теряют* деньги. Недополучил в одном — компенсировал в другом. Во-первых, объемы продаж капсул тут же возросли в разы. Во-вторых, «Перерождение» открыло новую линейку продаж: заполненные капсулы с *материалом добровольных доноров*. А, в-третьих... — Дедушка запнулся было на полуслове, но потом всё-таки договорил: — В-третьих, Молодцов всё рассчитал верно. Трансмутация приобрела *популярность*. И богатые люди, единожды поменявшие внешность, на этом уже не останавливались. Особенно если трансмутированные оболочки портились: старели, набирали вес или начинали болеть теми болезнями, от которых страдали изначальные носители. Потому-то особым спросом начал пользоваться материал детей. Да и вообще — молодых здоровых людей не старше двадцати пяти лет. Теперь ты понимаешь, почему я не велел вам с Иваром посещать гимназические занятия?

— До двадцати пяти нам еще далеко...

— Да и после этого вы вряд ли будете в безопасности — с вашей-то красотой!

Отвернувшись от деда, Настасья поглядела на свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа. И увидела бледное лупоглазое существо с очень длинными, уложенными в массивный пучок черными волосами, совершенно прямыми — ну, хоть бы немножко они вились! Вот у Ивара были настоящие кудри! И он-то действительно был красивым, прямо как сказочный принц.

— А когда мы с Иваром сможем пожениться?

Настасья не особенно хотела замуж — даже за Ивара. Однако замужество — это был шанс обрести свободу. Хоть немного больше свободы, чем она имела сейчас. Ивар — тот совсем не тяготился их заточением. Для него главное было, что Настасья рядом и что она в безопасности. Но вот она сама — это было иное дело.

Дедушка глянул на неё так пристально, что она быстро прибавила:

— Я потому спрашиваю, что в последнее время Ивару совсем житья дома не стало. Ты же знаешь: его мама... она *заболела*. А сестры — они его ненавидят. И постоянно его шпыняют: дескать, он им наверняка родня только наполовину, по матери. А иначе с чего бы он был таким *смазливый* — когда у них самих внешность *строгая*? Проще говоря: чего это он — красавчик, а они — уродки? Пока их мама была дома, они, конечно, таких разговоров себе не позволяли. А теперь измываются над братом, как хотят.

2

Мать Ивара, Сюзанны и Карины — Татьяна Павловна — была высококвалифицированной медицинской сестрой. И все окружающие думали о ней: железная женщина, негибемый характер. Её не подкосили ни смерть мужа, ни покушение на жизнь сына, ни апокалипсические события, творившиеся вокруг. Ежедневно — а порой и работая сутки напролет — она трудилась в своей больнице. И выглядела даже веселой, так что никто ничего не замечал. Один только Настасьин дедушка порой отзывал Татьяну в

сторонку — о чем-то шепотом её расспрашивал. И Настасья как-то раз — неумышленно — подслушала часть их разговора.

— Это правда, — спрашивал Петр Сергеевич, — что те, кого называют безликими, могут выполнять какую-то механическую работу? Если так, то выходит — они сохраняют часть интеллекта.

— Ну, я бы не назвала это интеллектом, — отвечала ему Татьяна Павловна. — Если, к примеру, усадить их на велотренажер и придать их ногам вращательное движение — то да, они станут крутить педали. И будут крутить их, не останавливаясь, пока их не снимут с тренажера. Или же пока они не умрут. Одна из наших сестер как-то раз в конце смены забыла своего подопечного в зале с такими тренажерами — и к утру, к моменту её возвращения, он уже отдал Богу душу. Но её даже от работы не отстранили. Мало, знаете ли, есть желающих ухаживать за *такими*.

— Но ведь за это неплохо платят, разве нет?

— Платят — если у *тех* была медицинская страховка. А если её не было, то вся надежда — на благотворителей. Говорят, корпорация «Перерождение» создала специальный фонд, из которого поступают средства на содержание подобных пациентов.

— В любом случае — «Перерождение» на этом не разорится. — Настасьин дед помрачнел. — Сколько такие пациенты живут — год? Полтора?

— У меня был случай: один прожил почти три года. — Мама Ивара произнесла этой без всякой радости. — Молодой был, сильный — *до* того. Как мы все плакали, когда смотрели на него — на то, что от него осталось.

Настасья — ей тогда было лет пятнадцать — так удивилась, что уже не слушала дальше. Она ни разу не видела Татьяну Павловну плачущей. Даже на похоронах мужа та держалась лучше всех — и утешала рыдавших дочерей и сына. Но, как видно, с тех пор многое переменилось. И что-то начало подтачивать маму Ивара задолго до того, как она сломалась.

После того её разговора с Настасьиным дедушкой прошло года полтора, когда во время одного из ночных дежурств у Татьяны Павловны случился нервный срыв. Ивар под огромным секретом поведал Настасье, что его мама отвела всех своих *подопечных* — трех женщин и двоих мужчин — к небольшому бассейну, располагавшемуся в подвальном этаже больницы. После чего столкнула их всех в воду — одного за другим. И все пошли ко дну, как мешки с песком. А мама Ивара уселась на край бассейна, опустила в воду ноги — даже не снимая тапочек, — и сидела так, болтая в воде ногами, до самого утра. Пока её не отыскала другая медсестра, пришедшая её сменить.

После этого Татьяна Павловна покинула рижский Общественный госпиталь, в котором она работала. И отправилась в другое лечебное учреждение. *В дурдом* — как без всякого стеснения заявили сестры Ивара. И Настасья подумала: они почему-то ужасно этому рады.

3

Петр Сергеевич не рассердился на внушкин вопрос о замужестве.

— Всеми свое время, Настасьюшка, — сказал он. — Вот погоди: я закончу исследования, над которыми работаю, и тогда, возможно, всё изменится. — И он слегка потер левую бровь — в точности так же, как делал когда-то пропавший Настасьин папа.

— Дедушка, а над чем ты работаешь в своей лаборатории? — Настасья ощутила такой елей в своем голосе, что ей стало немножко стыдно; но уж больно хотелось подловить деда:

узнать, наконец, чем он занимается уже столько лет — без отпусков и даже почти без выходных дней.

Но Петр Сергеевич только шутливо погрозил ей пальцем, а потом произнес — то ли с деланной озабоченностью, то ли вправду беспокоясь:

— А что это Ивар не идет? Уже девять часов.

И в этот момент, будто в ответ на его слова, на столе перед ним зазвонил телефон.

— Наверное, это он! — Настасья схватила трубку раньше, чем до неё успел дотянуться дед. — Алло!

Однако её ждал неприятный сюрприз: она услышала голос вовсе не Ивара, а его старшей сестры, самой противной из двух — Сюзанны.

— Ив приболел. — Голос мегеры звучал как-то напряженно. — Так что прийти к вам не сможет. Но он просит, чтобы ты зашла к нам сегодня — навестила его.

— А почему он сам не позвонил? — спросила Настасья и тут же, ужаснувшись возникшей у неё мысли, задала другой вопрос: — Случилось *что-то плохое*?

Она подумала: колберы всё-таки добрались до него. И он превратился в одного из тех, кого именуют безликими. Настасья знала — почему. Тот ролик в Глобалнете в полной мере её просветил. Хотя, конечно, ни один безликий уже ни о чем и никого попросить не смог бы.

— Да ничего страшного! — заторопилась Сюзанна. — Попил молока прямо из холодильника, и у него разболелось горло. Так что он может говорить только шепотом. Потому-то я звоню вместо него.

— Я сейчас к вам спущусь! — сказала Настасья и повесила трубку.

— Откуда у них молоко? — удивился Петр Сергеевич, когда она ему всё рассказала. — А впрочем, наверное — порошковое. Я сейчас провожу тебя.

Он довел её до квартиры этажом ниже и подождал, пока Сюзанна впустит Настасью и запрет за ней дверь на два замка.

4

Квартира Ивара полностью совпадала по планировке с той, где проживали они с дедушкой. Но всякий раз, приходя сюда, Настасья отказывалась в это верить. Прихожая, метров пятнадцати площадью, была так загромождена (*хламом*) самыми разными вещами, что казалась не больше обычной кладовки. В комнате, которая располагалась под их с дедушкой библиотекой, жили Сюзанна с Кариной. И когда дверь в ту комнату приоткрывалась, Настасья могла видеть толстый ковер на полу, огромный диван с двумя креслами и старинный платяной шкаф с зеркалом во всю переднюю дверцу. А комната Ивара, находившаяся под Настасьиной спальней, только тем на эту спальню и походила, что в ней тоже имелся довольно обширный балкон, выходивший во двор.

У Настасьиного друга не было ни книг, ни компьютера, ни телевизора, ни картин на стенах. Казалось, Ивар навсегда застрял в том времени, когда он учился в начальной гимназии. На полках в его комнате идеальными рядами стояли модели электрокаров и электрокоптеров, подаренные еще его папой. А обои на стенах украшал «мальчиковский» рисунок: футбольные мячи, игроки в разноцветной форме, изображения болельщиков, у которых лица были разрисованы флагами Балтийского Союза. Ивар не хотел ничего в своей комнате менять.

Однако сегодня Настасья чуть рот не разинула от изумления, когда вошла в прихожую.

Здесь всё было прибрано. Детский велосипед Ивара, на котором он давным-давно не мог ездить, больше не стоял у стены. Старинная вешалка не грозила обрушиться под ворохом наброшенной на неё одежды. Из стойки для обуви торчали только задники тапочек, которые обычно надевала Настасья, приходя в гости. Но когда девушка хотела вытащить их, чтобы переобуться, Сюзанна замахала на неё руками:

— Не надо, не надо! Проходи так, Настасьюшка! — Голос её был заискивающим, как у какой-нибудь бедной родственницы из старинного фильма.

Настасья чуть в соляной столб не обратилась: в прежние её посещения Сюзанна заставляла её снимать обувь у самого порога. Ведь это они с Кариной по очереди драили в квартире полы, а не их братец-умник, который только и делал, что учился неизвестно чему. А главное, Сюзанна всегда называла подругу своего брата только одним именем: *Настёна*. Она отлично знала, что Настасья обязательно поправит её, стараясь не злиться, но всё равно злится: «Я не Настёна, я Настасья». Но всякий раз обращалась к ней именно так.

И вот теперь, ошеломленная теплотой приема, Настасья всё-таки вытащила тапочки из стойки и сменила на них свои туфли. А потом двинулась к комнате Ивара. Проходя по коридору мимо (*библиотеки*) комнаты Сюзанны и Карины, она машинально заглянула в приоткрытую дверь и увидела, что возле зеркального шкафа стоят два больших кожаных чемодана, туго набитых чем-то. А к электрической розетке подключено допотопное зарядное устройство, соединенное сразу с двумя ноутбуками: и Карининым, и Сюзанниным. Оно постоянно искрило, так что Ивар много раз просил сестер не пользоваться этим зарядником, говорил им: «Устройте пожар». Однако они брата не слушали.

«Вы решили куда-то съездить?» — хотела спросить Настасья. Но тут Сюзанна, которая шла за ней следом, одним быстрым движением закрыла ведущую в эту комнату дверь. Так что девушка спросила другое:

— А где Карина? С Иваром?

И поразились тому, как переменилось лицо Сюзанны при этом вопросе. Только что оно было хоть и некрасивым, но, по крайней мере, спокойным. И вдруг — по нему прошла волна судорог. Тридцатидвухлетней сестре Ивара понадобилось не меньше четверти минуты, прежде чем она смогла с собой совладать.

— Да, да, Карина в комнате Ива! — Сюзанна принялась часто кивать головой. — Идем к ним!

И она не обманула. Когда Настасья переступила порог этой комнаты, то именно Карину она первой и увидела. Та стояла возле дверей, выходящих на балкон. И держала в руках вакуумное гарпунное ружье, когда-то принадлежавшее её отцу. Ствол ружья она направляла в дальний от себя угол, куда Настасья почти автоматически поглядела.

Там лежал на полу Ивар: связанный, с кляпом во рту. Но, едва только Настасья увидела его, как Сюзанна сильно толкнула её в спину — заставила вылететь почти на середину комнаты. А сама хлопнула за собой дверь, придвинула к ней любимое кресло Ивара и тут же в него уселась.

Первой мыслью Настасьи было: «Ну, всё! Они обе спятили — как их мать!». Однако она ошиблась.

— Подойди к нему и сядь рядом с ним на пол! — приказала ей Карина и чуть повела

ружейным стволом в её сторону. — И даже не пытайся поднять шум!..

Ивар что-то замычал, протестующее замотал головой. И Настасья не стронулась с места. Гарпун в ружье был только один. И, чтобы сохранить шансы на спасение, они с Иваром должны были оставаться на расстоянии друг от друга. Так хотя бы один из них мог уцелеть, если эта сбрендившая мегера всё-таки спустит курок.

— Я что тебе сказала? — прошипела Карина, и Настасья внезапно поняла, до какой степени та напугана.

— Чего вы хотите? — спросила девушка.

Обращалась она к одной Карине, хоть и считала: её роль в этом безумном сестринском тандеме — явно подчиненная. Младше своей сестры на три года, двадцатидевятилетняя Карина была гораздо симпатичнее Сюзанны. Настасья даже считала Карину миловидной — с её высокими скулами, с темными бровями и ресницами, с ярким румянцем на лице. Лет пять назад она собиралась даже за кого-то замуж, но закончилось всё плохо: её жених то ли покончил с собой, то ли стал жертвой колберов. И с тех пор старшая сестрица упорно внушала младшей, что они *обе* обделены красотой. А та верила каждому её слову.

Вот и теперь, прежде чем ответить, Карина бросила взгляд за плечо Настасьи — туда, где расположилась в кресле Сюзанна. Та и ответила на заданный вопрос.

— Вы должны поделиться с нами кое-чем. — Сюзаннин голос больше не казался напряженным; теперь, когда она говорила правду, в нем даже звучало умиротворение.

Настасья ощутила дикий страх; на миг у неё даже скрутило живот при этих словах. Она поняла, чем именно они с Иваром должны *поделиться*. «Вот почему у них собраны все вещи! — мелькнуло у неё в голове. — Они приготовились бежать!..»

А потом вместо испуга она почувствовала ярость: горячую, как песок пляжа на солнце. И эта *песчаная* ярость мгновенно поглотила все остальные её эмоции — даже любовь к Ивару.

— Сделаете хоть один шаг, — сказала она, — и я завизжу так, что не только мой дедушка услышит. Меня услышит полгорода.

Настасья обращалась к обеим сестрам, но глядела при этом на Карину — которая, несмотря ни на что, держала гарпунное ружье крепко. У неё даже костяшки пальцев побелели — с такой силой она его сжимала.

— Подашь голос — и я выстрелю, — сказала Карина. — Не в тебя — в твоего драгоценного Ивара. Даром, что ли, мы его *оставили так* до твоего прихода?

Ивар при этих словах своей сестры снова промычал что-то сквозь кляп. Настасья была почти уверена, что он пытается сказать: «Пускай стреляет». Но она даже не повернулась к нему.

— Да стреляй. — Настасья пожала плечами. — Мне плевать.

Карина опешила настолько, что гарпунное ружье в её руках чуть дрогнуло. И дуло его слегка приподнялось — всего на пару сантиметров. Но Настасья решила, что этого должно хватить. Ей *нужно* было, чтобы этого хватило.

Полка с игрушечными вертолетами Ивара была так близко, что девушка видела каждую пылинку на их пропеллерах. И она схватила ту модель, которая выглядела самой увесистой: уменьшенную копию старинной боевой машины «Черная акула». Её Настасья метнула, целя Карине в голову, но промахнулась: пилон вертолета (*боковой плавник акулы*) лишь задел правую руку Карины. И та нажала на спуск ружья — вряд ли осознанно.

Гарпун просвистел в миллиметрах от Настасьиной головы, так что лить, привязанный к

его хвосту, чиркнул её по щеке. Но Настасья тут же схватила со стеллажа еще одну модель, на сей раз — копию электрокара. И с разворота метнула её уже в Сюзанну, которая так и продолжала сидеть в кресле — слишком оторопевшая, чтобы двигаться. Ей увесистая игрушка угодила точно в лоб, а Сюзаннино кресло было с низкой спинкой, и в противоударе её голова треснулась о дверную панель. Упасть сестра Ивара не могла, но как-то разом обмякла, и глаза её сделались бессмысленными.

Настасья помнила, что Карина еще остается в строю, но не выдержала — посмотрела в угол. И увидела, что гарпун из вакуумного ружья вонзился в стену, зацепив рубашку в левом подреберье Ивара, лежавшего на правом боку.

— Ив! — Девушка кинулась к нему, но тот снова замычал, отчаянно мотая головой и явно пытаясь указать ей на что-то.

Настасья облегченно выдохнула: бок Ивара *не* окрасился кровью. Острие гарпуна всего лишь пронзило ткань его рубашки. Но почти одновременно с этим выдохом что-то с силой ударило её в затылок. А свет у неё перед глазами померк еще за мгновение до удара. Так что Настасья успела даже подумать: «Снова блэкаут», прежде чем лишилась чувств.

6

Когда она пришла в себя, вокруг по-прежнему царил тьма: люстра под потолком не горела. Но тьма эта не была абсолютной: сквозь балконную дверь в комнату лился голубоватый свет майского полнолуния. И Настасья поняла, что она по-прежнему в комнате Ивара. И что тот по-прежнему лежит связанный. Но теперь и она лежала рядом с ним на полу. Рот её саднило от жесткого куска какой-то ткани, который ей протолкнули чуть ли не в самое горло, а запястья что-то крепко стягивало. Девушка поднесла их к лицу и обнаружила, что они обмотаны гарпунным линем.

Но руки ей связали спереди, а не сзади, как Ивару. И ноги её оставались свободными. Карина и Сюзанна явно торопились, когда её связывали. Причем ясно было, почему: в дверь квартиры кто-то гулко стучал.

Ивар почувствовал, что она очнулась, и замычал сквозь кляп, явно прося её о чем-то. Настасья, пожалуй, даже и не уловила бы смысла его просьбы, если бы сама не испытывала чудовищного дискомфорта. Царапая себе язык, она сперва выдернула свой кляп (это оказался кусок упаковочной рогожи). А потом, дотянувшись до Ивара, избавила и его от затычки во рту.

— Я думал, — голос Ивара прозвучал хрипло, показался почти незнакомым, — Карина тебя убила! Она так врезала тебе прикладом по затылку!..

Тут только Настасья осознала, откуда у неё взялось ощущение, будто ей в затылок вбили тупой деревянный клин.

— Волосы! — Настасья издала смешок, удививший её саму. — Моя конская грива! Она смягчила удар. Но что здесь...

— погоди! — перебил её Ивар. — Нам надо освободиться!

Он, конечно, был прав. И Настасья принялась растягивать зубами узел из лinya у себя на руках. А Ивар шепотом ей рассказывал:

— Когда свет погас, Каринка побежала за фонарем. И потом еще приводила в чувство Сюзанну. А ты всё это время просто лежала на полу, не связанная: они как будто забыли про тебя. Но ты совсем не шевелилась, и я подумал... Ну, ты понимаешь — *что*.

— Ив, — Настасья перестала растягивать бечевку на запястьях, глянула на друга виновато, — то, что я тогда сказала Карине... Ну, что мне плевать, если она в тебя выстрелит...

— Я знаю, знаю — ты так не думала. Но поторопись, ради Бога! Уверен: это твой дедушка стучит в дверь. А до этого наверняка он же звонил сюда по телефону — как только свет погас. Но Каринка с Сюзанкой трубку не брали, вот он и побежал сюда. Когда б ни это, они, наверное, уже решились бы — сделали то, что собирались.

Бечевка на руках Настасьи наконец-то ослабла, и девушка вывернула запястья из её петель.

— Повернись спиной! — шепотом велела она Ивару. — И досказывай, что было потом!

Потом, как выяснилось, Сюзанна велела сестре связать Настасью — и очень ругалась, что та ударила девушку именно *по голове*. Две сестрицы, будто и не замечая Ивара склонились над Настасьей. И долго пытались нащупать у неё пульс, по очереди светя друг дружке фонарем, ну и, конечно, обследовали её голову. А когда Ивар уже практически уверился в том, что его подруга мертва, раздался радостный возглас Сюзанны: они удостоверились, что сердце Настасьи бьется. И что её голова не пробита — *годится для дела*.

— Так что Сюзанна связала тебя тросом от гарпуна, и сказала Каринке, что пора идти за капсулами. Вся надежда на то, что в темноте они не рискнут ничего делать. Так что нам очень, очень нужно поспешить!

Но узлы на руках Ивара оказались очень тугими, и Настасья огляделась, ища, чем бы их растянуть. Гарпун, линем от которого сестры Ивара связали её, по-прежнему торчал из стены и за рубашку Ивара больше не цеплялся: хлопковая ткань порвалась. Настасья выдернула его, острым наконечником быстро распустила узлы бельевой веревки на руках Ивара и уже начала развязывать его ноги, когда грохот, доносившийся из прихожей, внезапно смолк.

7

Настасья не питала иллюзий: не считала, что её дедушка сумеет высадить входную дверь. Эта дверь была в точности такой же, как и в их с дедом квартире: сверхпрочной, укрепленной изнутри стальными листами. Петр Сергеевич сам дал на неё денег Татьяне Павловне: понимал, что Ивар находится в такой же опасности, как и Настасья. Только мудрому профессору не пришло в голову, что опасность может таиться с внутренней стороны двери, а не с внешней.

— Может, Петр Сергеевич пошел звонить в полицию? — прошептал Ивар.

Но вряд ли он и сам в это верил. С тех пор, как полицейские спасли их с Настасьей — тогда, в 2077-м, — много чего переменилось. Во-первых, стражи порядка почти перестали выезжать на вызовы: смысла не было. Вся система правосудия полетела псу под хвост. О каком правосудии могла идти речь, если ни один свидетель, включая самих представителей полиции, не мог присягнуть в том, *кого именно* он видел на месте преступления? А, во-вторых, если полиция и прибывала, то с опозданием часа на два, на три: силы правопорядка и сами понесли потери за последние десять лет, и численность их катастрофически сократилась. Приезжали полицейские обычно только для того, чтобы зафиксировать факт преступления. И, если преступные действия были связаны с процессом трансмутации,

полиция выдавала родственникам потерпевшего справку, по которой можно было получить какую-никакую компенсацию в местном филиале корпорации «Перерождение».

А теперь Настасья даже не успела ответить Ивару: из коридора донесся яростный и неразборчивый шепот сестер, о чем-то между собой споривших. Они с Иваром ясно расслышали только два слова, сказанные Сюзанной: *должны успеть*.

Настасья с Иваром из последних сил метнулись к двери, подперли дверную ручку спинкой кресла, в котором давеча сидела Сюзанна. Но, едва только дверь толкнули снаружи, ножки кресла заскользили по полу, а затем оно отлетело в сторону. И одновременно в люстре под потолком загорелись разом все четыре светодиодные лампочки.

8

Настасья снова растянулась на полу — сбитая с ног отброшенным креслом, с гарпуном в руках. Яркий свет частично ослепил её, но разглядеть сестер Ивара она всё равно сумела. Мегеры застыли в дверном проеме в одинаковых позах: каждая загоралась от света левой рукой и сжимала в правой руке зеркальную колбу. Ивар остался на ногах, но стоял, зажмурив глаза. И всё, что Настасья смогла сделать — это завопить во всё горло:

— Дедушка, сюда! Помоги нам!

Но её крик произвел совсем не тот эффект, на который она рассчитывала: он словно бы расколдовал окаменевших сестер. Сюзанна, часто моргая от яркого света, вороватой лисьей походкой шмыгнула в комнату. А следом за ней порог переступила и Карина.

— Ивар, открой глаза! — взмолилась Настасья.

И тот разлепил веки — но сделал это недостаточно быстро. Сюзанна уже метнулась к нему, схватила левой рукой за плечо, а правой надавила какую-то кнопку на зеркальной капсуле. Послышался звук, снившийся Настасье в кошмарах уже девять лет кряду: внутри капсулы что-то с шуршаньем сместилось. А потом из блестящего брюха вылезло клиновидное жало.

Карина тоже пыталась привести свою капсулу в боевую готовность — и не глядела себе под ноги. Так что она запнулась о ножку упавшего кресла и повалилась на пол, как и Настасья — только по другую от кресла сторону. При падении она явно испугалась за колбу больше, чем за себя: крепко прижала её к груди. И действительно — с колбой ничего не случилось. Зато в Карининой спине что-то громко щелкнуло, заставив сестру Ивара застонать от боли.

А Сюзанна тем временем взмахнула активированной капсулой — целя в висок своего брата, который даже не пытался отстраниться. И Настасья сделала единственное, что могла: с размаху вонзила гарпун в левую Сюзаннину ногу — в её ахиллово сухожилие.

Мегера издала такой крик, что его могла услышать если не половина города, то уж, как минимум — две пожилые супружеские четы, проживавшие на первом и втором этажах. Сюзаннина нога словно бы подломилась, и сестра Ивара обрушилась на пол всем своим весом. Немаленьким — килограммов в девяносто. Настасья лишь каким-то чудом успела откатиться в сторону. Но — свою капсулу Сюзанна при этом не выпустила из рук, прижала её груди, в точности повторив жест Карины.

Настасья подумала: надо бы выдернуть гарпун из её ноги, ведь он может еще пригодиться. Но в этот момент что-то загрохотало за дверьми балкона, они приоткрылись, и в комнату Ивара ловко ввинтился Петр Сергеевич Королев.

Её дед выглядел так, что в первый момент Настасья даже не узнала его. Она подумала: всё-таки прибыла полиция. И лишь потом до неё дошло, *кто* этот поджарый мужчина в черной куртке с капюшоном, с маленьким пистолетом в руках.

Он быстро глянул на свою внучку, чуть приподнявшуюся с пола, потом — на Ивара, так и стоявшего столбом возле одного из своих стеллажей. Но ничего не сказал и ничего не спросил — просто повел пистолетом в сторону двух сестер, лежавших на полу.

— Мордами вниз! — приказал он. — Живо! Я свой запас терпения на сегодня уже исчерпал.

Однако сестры только взирали на него, одинаково широко раскрыв глаза. А затем Карина медленно приподнялась, уселась на полу в кукольной позе — вытянув перед собой прямые ноги, — и проговорила:

— А вот спорим, Петр Сергеевич, что вы в нас не выстрелите? — И она захихикала так что Настасья подумала: как минимум одна из сестер Ивара всё-таки съехала с катушек.

Сюзанна — та, по крайней мере, помалкивала. И даже совершила поступок довольно-таки разумный: повторно нажала кнопку на поверхности капсулы, после чего сияющее жало втянулось обратно. Однако лечиться лицом в пол она тоже явно не собиралась.

И Петр Сергеевич Королев, который только что спустился, как цирковой трюкач, с балкона четвертого этажа на балкон третьего, застыл в нерешительности. Карина — безумная или нет — была права: стрелять в сестер профессор не хотел.

И тут заговорил Ивар.

— Карина, — сказал он, — а что сказал бы папа, если бы увидел тебя сейчас? Он ведь любил тебя — больше всех. Я помню, как он всегда говорил: у нашей Карины — золотое сердце.

Вряд ли Ивар ожидал, что сестра его среагирует именно так. Но его слова, похоже, доломали в ней то, что и без того уже начало ломаться. И Карина, несмотря на поврежденную спину, начала вставать с пола.левой рукой она оперлась о поваленное кресло, а правую вытянула вперед — нажав ту кнопку на поверхности капсулы, которая высвобождала заостренный иньектор.

— Карина, не дури! — Петр Сергеевич предупреждающе взмахнул пистолетом. — Лучше брось эту штуковину — от греха подальше!

И его неожиданно поддержала Сюзанна, поглядевшая на сестру с полу.

— Не надо, Рина, — сквозь зубы процедила она. — Стариканам не продать!..

Однако *девушка с золотым сердцем* уже сделала два коротких шажка к Настасьиному деду. И вскинула колбу, метя профессору в левый висок.

— Дедушка, стреляй! — Настасья хотела закричать, но её сил хватило только на тишайший шепот.

— Стреляйте, Петр Сергеевич! — А вот голос Ивара прозвучал, как надо: уж его-то слог не расслышать было невозможно.

Но профессор Королев вместо этого поставил пистолет на предохранитель и кинул его Ивару со словами:

— Смотри за Сюзанной!

Ивар легко поймал оружие на лету, а вот сам профессор успел едва-едва: он перехватил

руку Карины всего в паре сантиментов от собственной головы. И вывернул кисть девушки с золотым сердцем под таким углом, чтобы клиновидное острие на капсуле обратилось в её сторону. Секунду или две они боролись, а потом раздался резкий, как трест ломающегося льда, хруст: острие инъектора вошло Карине в висок и проникло внутрь её головы на всю свою длину.

Глава 3. Пожар

27 мая 2086 года. Поздний вечер понедельника. Рига

1

Сюзанна привсталась с пола, оттолкнулась от него руками и той ногой, из которой не торчал гарпун, и сумела сделать рывок вперед: к балконным дверям, к злосчастной Карине, к Настасьину деду. А Ивар всё еще возился с профессорским пистолетом, не зная, как снять его с предохранителя. И Настасья изо всех сил дернула за лямку, по-прежнему привязанный к хвостовой части гарпуна.

Сюзанна упала, яростно ругаясь по-русски, и проехала метр или полтора на животе по полу: вытянутыми руками — к балкону, ногами в коротких брючках — к Настасье. А потом голая лодыжка Сюзанны словно бы взорвалась: лопнула связка, сквозь которую прошло древко гарпуна. Настасья даже успела заметить, как расходятся в пунцовом месиве концы двух желтых узких полос — того, что осталось от ахиллова сухожилия Сюзанны. Сестра Ивара издала напоследок уже не крик, а какой-то всхлип, и замерла без движения — очевидно, потеряла сознание от болевого шока.

Как раз в этот момент Ивар разобрался с предохранителем и направил на неё пистолет с курком на взводе. Однако Сюзанна лежала на полу как дохлая рыбина, сорванная с крючка рыболовом. И Настасья на миг даже пожалела её — эту злую, некрасивую, но, в общем-то, глубоко несчастную тетку. Но, когда б ни появление деда, эта тетка заставила бы их с Иваром кое-чем с ней *поделиться* — и без всякой жалости. Так что Настасья отвернулась от Сюзанны, которая второй раз за вечер ухитрилась отключиться. И поглядела на своего деда, который низко склонился над Кариной, осевшей на пол.

2

Ивар опустил пистолет и тоже перевел взгляд на Карину.

— Отвернись, не смотри! — крикнул ему Настасьин дедушка.

Но было поздно: метаморфозы с сестрой Ивара уже происходили. И Настасья подумала: еще никогда в своей жизни она не видела ничего страшнее и ничего *притягательнее* этого. Реальная картина трансмутации не шла ни в какое сравнение с тем жалким роликом в Глобалнете. И они с Иваром уже не могли от этого зрелища оторваться.

Однорогая голова Карины теперь лежала на полу. И Петр Сергеевич Королев держал обе ладони на Каринином затылке, крепко его сжимая. Это было совсем не лишним: голова девушки ходила ходуном, подергивалась и резко поворачивалась то право, то влево. Она в кровь расшибла бы себе голову об пол, если б ни Настасьин дед («Если бы ни дедушка, ничего этого с ней и не происходило бы...»).

Но, конечно, не сами эти подергивания завораживали. Лицо Карины почти ежесекундно (*размывалось*) менялось. Это походило на то, как ветер или струи воды меняют лица каменных статуй, постепенно стирая и сглаживая их черты. Однако воде и ветру нужны для этого годы. А тут скорость преобразований была такой, что глаз едва успевал фиксировать перемены. С лица Карины как будто снимали шпателем один слой за другим. Вот —

сгладились, исчезли надбровные дуги, и только темные волоски еще торчали над крепко зажмуренными Кариниными глазами. Вот — её высокие скулы, которые Настасья всегда считала очень красивыми, переместились книзу, а потом словно бы втянулись внутрь. Вот — Каринины губы, и прежде тонковатые, исчезли вовсе. А её рот превратился в подобие ножевого разреза, сделанного поперек лица.

Но всё это казалось пустяшным в сравнении с тем, что произошло с Карининым носом. Прежде, когда еще работал Глобалнет, Настасья любила смотреть в нем старые фильмы про мальчика-волшебника Гарри Поттера и его грозного противника — лорда Волан-де-Морта. Актера, который этого лорда сыграл, загримировали так, что вместо носа у него имелись на лице только две узкие косые прорези, через которые Темному лорду полагалось дышать. Но у него, по крайней мер, сохранились отчетливые носогубные складки, отмечавшие место, где прежде его нос находился. У Карины же не уцелело даже этого. Прорези на месте ноздрей — да, они остались. Но очутились они посреди плоского, как ладонь, лица. Даже Каринин подбородок, раньше выдававшийся вперед, теперь сгладился и выровнялся. Казалось, лицо девушки теперь просто перетекает в шею. И лишь её темные волосы, обрамлявшие лицо, остались прежними — не затронутыми трансмутацией.

Пока все эти преобразования происходили, сама зеркальная капсула издавала монотонный, повторяющийся звук: однообразное шуршанье. Внутри неё словно бы кто-то подметал. И каждое шарканье невидимой метлы совпадало с новой переменной в облике Карины.

Её лицо не только сглаживалось — оно еще и меняло цвет. И эти изменения казались даже более ужасающими, чем пропажа индивидуальных черт. Сперва Каринино лицо подернулось пурпурной пленкой, источавшей капельки розоватой влаги. Затем пленка эта пошла пузырями, больше всего похожими на волдыри ожогов. А через полминуты они начали лопаться и облезать клочьями, открывая *новую* кожу: мучнисто-бледного оттенка, тусклую, похожую на старую оберточную бумагу.

Но на этом цветовой калейдоскоп не остановился. Побелевшее лицо Карины стало сереть: полосами, которые расходились от провалившегося лба к месту, где раньше был подбородок. Полосы эти расширялись, перехлестывались одна через другую, и очень скоро перекрасили в цвет сухого асфальта всё Каринино лицо.

А пока лицо Карины трансмутировало, тело её беспрерывно колыхалось. На ней было светло-зеленое летнее платье, и эти колыхания походили на волны, вздымаемые ветром на зеленеющем поле — как это показывали в старых фильмах. Настасья подумала, что тело Карины меняется, как и её лицо. Только перемены эти происходят медленнее. Но вот — голые до локтей руки Карины сделались пунцовыми (и все остальные части её тела, вероятно, тоже), и зеленое платье начало расползаться по швам. Под платьем у сестры Ивара обнаружилась какая-то застиранная сорочка, а вылезшая наружу бретелька бюстгалтера оказалась такой растянутой, что не прилегала к плечу, а болталась на нем, как старая тесемка.

Настасья снова ощутила острую жалость, отвернулась — и тут же встретила взглядом с Иваром.

У того дрожал подбородок, и на один страшный миг Настасье показалось: с её другом тоже происходят метаморфозы. Сюзанна пришла-таки в себя и пустила в ход свою капсулу! Но тут же Настасья поняла: Ивар просто изо всех сил сдерживает слезы.

— Идем отсюда! — Она взяла его за руку вывела в прихожую.

А по пути кое-что подобрала с полу и спрятала в карман вязаного кардигана, надетого поверх её блузки.

3

Откуда-то тянуло гарью, но Настасья не придавала этому значения. В последнее время едкий запах дыма висел над городом постоянно. Пожарные команды прибывали на вызов быстрее, чем наряды полиции, но всё же — недостаточно быстро. Её дедушка часто говорил им с Иваром, объясняя, почему разрешает им гулять только в собственном дворе: «Мы не знаем, где может начаться пожар. А где огонь — там всегда толпа».

— Ты как, Ив? — спросила Настасья.

— Нормально. — Голос её друга звучал отрешенно, но больше не казалось, что он вот-вот заплачет. — Карина ведь сама собиралась вытянуть из наших мозгов экстракт Берестова. А какие у них с Сюзкой были довольные лица, когда они сегодня вошли ко мне в комнату — одетые так, будто приготовились к отъезду!

— Но как же ты позволил им себя связать?!

Ивар заметно смутился — ответил после паузы:

— Они пообещали: если я добровольно позволю им сделать с собой то, что они хотят, то тебя они не тронут.

Настасья даже не знала, что поразило её больше: самоотверженность Ивара или его наивность.

— И у тебя... не возникло сомнений? — спросила она.

— Не возникло: я готов был предложить им себя — тебе на замену. А, ну да! — Ивар досадливо взмахнул рукой. — Ты хочешь знать, не усомнился ли я в том, что они сдержат свое обещание? Усомнился. Только было уже поздно. Я лежал связанный на полу, когда услышал, как они звонят из прихожей в вашу с дедом квартиру.

И тут же — словно он только и ждал упоминанья о себе — в дверях комнаты Ивара показался Настасьин дед. Правый карман его черной куртки слегка топорщился: там лежал продолговатый, со скругленными концами предмет.

— Всё кончено, — сказал Петр Сергеевич.

— Она теперь одна из них — безлика? — спросил Ивар, но тут же издал горький смешок: — Глупо спрашивать: конечно, да. Теперь я понимаю, отчего мама повернулась умом! Ей каждый день приходилось на таких смотреть.

— По крайней мере, с Кариной всё прошло быстро. Я засекал время: экстракция завершилась за четыре с половиной минуты.

Настасья решила: она ослышалась. Или — её дедушка оговорился, хотел сказать: *четыре с половиной часа*. Однако Ивар коротко кивнул, соглашаясь. Так что, выходило: это она сама мысленно растянула и расщепила время, наблюдая за преобразованием Карины.

— А сейчас нам нужно уходить, — сказал Настасьин дед. — Кто-то мог уже вызвать полицию. Вряд ли они приедут скоро, и всё же — к их приезду нас здесь быть не должно.

— Зато теперь, — сказал Ивар с недобрим выражением, — полицейские дадут Сюзке справку, что её сестра стала жертвой колберов. И она сможет получить компенсацию от «Перерождения». Глядишь, Сюзке как раз хватит этих денег, чтобы восстановить сухожилие на ноге.

— Может, нам стоит связать её — Сюзанну? — предложила Настасья. — Ходить она

вряд ли сможет, но вдруг доползет до телефона — когда очнется? И решит изложить полиции свою версию всего случившегося?

— Когда она очнется, нас тут уже не будет, — сказал профессор.

И они втроем двинулись к выходу из квартиры. Запах гари к тому времени порядком усилился, но ни один из них так и не обратил на это внимания.

4

Настасья подумала: её дедушка всё заранее приготовил на случай внезапного отъезда. Он распахнул дверцы встроенного шкафа возле входной двери и указал им с Иваром на висевшую там темную одежду:

— Переодевайтесь!

А сам поспешил в свою спальню — единственную в квартире комнату, выходящую окнами на улицу. Оттуда он вернулся уже через минуту, неся через плечо увесистую кожаную сумку.

— Здесь всё, что может вам понадобится в поездке, — обратился он к Настасье и Ивару, которые только-только успели переодеться в черные ветровки — очень похожие на ту, которая сейчас была самым профессоре. — Я, самонадеянный кретин, уже давно должен был вас обоих отослать!

Он даже не спросил: согласен ли Ивар куда-то ехать? И согласна ли ехать его внучка? Но Настасью поразило совсем не это.

— Как это — что может *нам с Иваром* понадобится? А ты сам разве с нами не поедешь?

— Пока — нет. Мне нужно еще завершить кое-что.

— Что — твои исследования? — Настасья так возвысила голос, что Ивар даже шикнул на неё. — Да тебя же вот-вот заметет полиция!

— Как же она меня *заметет*? Вспомните, что гласит первая поправка к Конституции Балтийского союза: «Никто не может быть осужден или подвергнут уголовному преследованию, кроме как будучи взятым с поличным на месте преступления или при наличии веских и неопровержимых материальных доказательств причастности к преступной деятельности». Обычно это — оружие, зарегистрированное на имя конкретного лица, если это лицо не заявляло о его краже. Ну, а я из своего пистолета не стрелял.

— А зачем тогда вообще нужно уезжать?! Нас ведь никто не взял с поличным. Да и Сюзанна — пусть только попробует обвинить нас в чем-нибудь! У меня и на неё найдется кое-что! — Настасья прямо сквозь ветровку коснулась кармана своей кофты.

— Вижу, вижу, — её дед усмехнулся. — Ты вся — в свою мать, такая же своевольница. Но уехать вам необходимо. Как только полиция попадет в квартиру Озолсов, все найденные там фотографии и видеофайлы будут изъяты как улики. А в полиции служат отнюдь не святые! Так что вы с Иваром станете — как мышки среди кошек. Они просто передерутся из-за вас.

— Так давай вернемся и заберем всё сами!

— Нельзя, — встрял в разговор Ивар. — Тогда нас точно поймают на месте преступления. Да я и не помню даже, сколько у меня твоих снимков и наших общих видеозаписей. *Всё* мы ни за что не найдем.

— Но куда же мы сможем поехать без тебя, дедушка? — не сдавалась Настасья. — Мы

же с Ивом *ничего* не знаем!

— Да, — её дед кивнул, — правда. И это моя вина. Я создал для вас башню из слоновой кости — думал, что так сумею вас защитить. Не вышло. Но куда вам ехать — я скажу. Тут, — он похлопал по карману сумки, — паспорта, деньги и инструкции: как вам пересечь границу Евразийской Конфедерации.

— Мы поедem в *Конфедерацию*? — Теперь уже и до Ивара дошло, что профессор затевает какую-то авантюру. — Что же мы станем там делать? Если уж здесь для нас было опасно, то почему там будет лучше?

— Потому что, — сказал профессор, — там есть Китеж-град. Это территория безопасности, которую генетик Берестов на свои средства оборудовал где-то. Защищенная зона для красивых людей. Своего рода укрепрайон.

— Китеж-град — это как в опере Римского-Корсакова? — Настасья, сама того не желая, рассмеялась. — Да, дедушка, я помню: мы с тобой её слушали.

— Не думай, что я спятил, — сказал Петр Сергеевич. — *Новый Китеж* действительно существует. Со мной выходили на связь те, кому удалось туда добраться.

— Ты еще скажи, что они позвонили тебе по мобильному телефону!

— Да, в Новом Китеже работает мобильная связь. И не только там — уж ты мне поверь. Но Китеж отсюда далеко. А поезда от нас в Конфедерацию давно не ходят. Так что вам понадобится время, чтобы туда добраться.

— А чем это так пахнет? — вдруг спросил Ивар.

5

Настасья знала, что все перекрытия в их доме, выстроенном в девятнадцатом веке, сделаны из дерева. Но она не догадывалась, до какой степени быстро старая древесина может гореть.

Они трое только успели унюхать характерный запах гари и даже еще не начали толком беспокоиться, а Настасья уже ощутила, как сквозь подошвы туфель к её ступням подбирается жар. И, глянув себе под ноги, увидела, что сквозь щели между половицами просачивается черный дым.

«Зарядник! — осенило её. — Когда дали свет после отключения, он, конечно же, начал искрить!..»

— Там Сюзанна! — воскликнул Ивар. — Она же сейчас беспомощна! И сгорит заживо!

Он словно бы и забыл, что его *беспомощная* сестра намеревалась сделать с ним и с Настасьей. Равно как забыл о том, что другая его сестра, Карина, тоже пока *не* мертва — и еще более беспомощна.

А извивающиеся струи дыма поднимались всё выше — и уже не казались тонкими и слабыми.

— Вот что мы сделаем. — Голос Настасьиного деда прозвучал спокойно. — Вы прямо сейчас покинете дом — пока есть возможность. А я снова спущусь на балкон Озолсов — веревка еще на месте. И, если смогу, выведу Сюзанну.

Настасья начала было протестовать, но дедушка её не слушал. Он перекинул ремень принесенной сумки через плечо Ивара — наискосок, так что тот стал похож на почтальона из старинных фильмов. И подтолкнул их обоих к выходу из квартиры.

Но, как оказалось, в том, что еще *есть возможность*, Петр Сергеевич ошибся. Едва он

распахнул входную дверь, как в прихожую ворвался настоящий дымный тайфун. За его густой мутью Настасья даже не смогла разглядеть лестничную клетку. У девушки тут же запершило в горле, и она зашлась кашлем, хотя её дед почти сразу же захлопнул дверь.

— Быстро к балкону! — скомандовал он, а сам кинулся в библиотеку, которая одновременно служила ему кабинетом.

— А ты?.. — крикнула Настасья, то Ивар уже тянул её за рукав — в её комнату, которая находилось над его спальней.

Там задымление оказалось не таким сильным: пол застилал толстый ковер, да и двери на балкон оставались открытыми. В их проеме лежала на боку лестница-стремянка с привязанным к ней коротким тросом. Должно быть, Петр Сергеевич выдернул его из старой туристической палатки Настасьино отца. При помощи такого приспособления можно было без особого труда спуститься на этаж ниже. Но — в данный момент этажом ниже располагался эпицентр пожара.

— Дедушка, что нам делать? — крикнула Настасья и уже хотела бежать за дедом, когда тот ввалился в комнату, таща в обеих руках по пятилитровой канистре с водой.

— Доставай все простыни — какие есть! — велел он внучке. — И подушки тоже пригодятся!

Настасья вместе с Иваром кинулась к стенному шкафу, и они выбросили на пол дюжину чистых простыней и две подушки.

— Жаль, у меня не нашлось длинного троса, — быстро произнес Петр Сергеевич, и коротким жестом потер левую бровь. — Ну, да ничего — без него обойдемся. Смотрите, что я стану делать, и повторяйте всё за мной.

Он разложил на полу одну из простыней, и Настасья с Иваром сделали то же самое, так что на пестром ковре словно бы возникли три белые заплатки. Потом Настасьин дед сложил свою простыню по диагонали и начал закручивать её жгутом, краем глаза следя за тем, чтобы Ивар и Настасья делали всё в точности так же. Те и делали — спокойно, не суетясь, хотя дым начал добираться уже и сюда, а исходящее от пола знойное тепло ощущалось даже через ковер.

— Связывайте концы жгута прямым узлом! — велел профессор; он давным-давно показал своим ученикам, как завязывать этот простой, но очень эффективный узел, который сам собой затягивается при натяжении.

Сам он первым связал концы своей простыни и снова положил её на пол, но теперь — выложив из неё равнобедренный треугольник. Ивар и Настасья проделали то же самое.

— Хорошо! Это будут наши страховочные привязи. А теперь — самое простое: берите по четыре простыни, и тоже связывайте их концы прямыми узлами. Желательно — побыстрее.

Последнюю фразу профессор мог бы и не произносить. Дым начал заползать через балконные двери в комнату, а со двора доносились заплотные крики. Жильцы, проживавшие на первом и втором этажах, явно разобрались в ситуации и догадались выбежать из дому. Оставалось лишь надеяться, что и позвонить в пожарную охрану они не забыли.

Ивар и Настасья связали вместе по четыре своих простыни, и Петр Сергеевич тоже соединил прямыми узлами несколько белых полотнищ.

— Ну, а теперь становитесь каждый перед своим треугольником — чтобы одна вершина была впереди вас, а две — у вас за спиной! — велел он внучке и её другу.

Те исполнили его распоряжение. И профессор, подойдя сначала к Настасье, а потом к Ивару, стянул углы обоих треугольников у них перед животами. А потом пропустил концы веревок, сделанных из простыней, через все три вершины обоих треугольников. Он крепко стянул их, а потом привязал противоположные концы веревок к перекладинам стремянки, подложив под них подушки — для уменьшения трения.

Только после этого он проделал то же самое и со своими простынями. Настасье показалось, что дедово приспособление для спуска выглядит как-то не так, иначе, чем у них с Иваром, но ни о чем спросить она не успела. Петр Сергеевич схватил канистры и опорожнил их: вылил воду на себя, Ивара и Настасью, на простыни и на подушки.

— Вот теперь, — сказал он, — можно приступать.

6

Первым дед велел спускаться Ивару, чтобы он потом подстраховал внизу Настасью. Но сама девушка подумала: чтобы проверить, хватит ли длины веревки, и не оборвется ли она. Впрочем, выбора-то у них не оставалось. Если бы веревка всё-таки подкачала, то погибнуть, разбившись оземь — это всяко было не хуже, чем сгореть.

Но Ивар добрался до земли вполне благополучно — и всего за несколько секунд.

— Я внизу! — крикнул он. — Спускайте Настасью!

И девушка уже шагнула к балконным перилам, когда дед неожиданно удержал её — схватил за черный рукав ветровки.

— Возьми на всякий случай вот это. — Он опустил ей в карман какой-то предмет в пластиковой упаковке: квадратный, размером не больше галетного печенья. — Если что, пароль — имя любимого писателя твоего папы, написанное задом наперед.

Одного слова «пароль» хватило бы, чтобы изумить Настасью: её дед сроду никакими паролями ничего не защищал. Но она только успела подумать — а знала ли она *всю* истину о своем дедушке, когда тот легко перебросил её через перила. И начал её спускать: аккуратно, без всякой поспешности, вытравляя самодельную веревку отрезками сантиметров по двадцать. Слово под ними и не бушевало пламя, и ему самому не нужно было спасаться.

Благодаря этому плавному спуску Настасья и успела всё разглядеть. Наверное, глупо вообще было смотреть в ту сторону — на двери балкона в квартире Ивара. Однако девушка не смогла удержаться — посмотрела.

Возле балконных дверей стояла, как шахматная пешка, неподвижная фигура: женщина в изорванном зеленом платье, с опущенным книзу лицом и с неловко согнутой спиной. Огонь подступил к ней настолько близко, что ткань её платья дымилась, а черные волосы — единственное, что уцелело от прежней Карины, — начали скручиваться на макушке. Но при этом (*безлика*) Карина даже не пыталась убежать — хотя бы просто выйти на балкон, где уж точно не так сильно припекало. И Настасья содрогнулась, поняв: сестра Ивара не сдвинется с места, даже когда начнет гореть заживо.

Видел ли сестру сам Ивар? Настасья понадеялась, что нет. Он быстрее проскочил свой этаж.

А потом комнату Ивара озарила вспышка света. Должно быть, ярко полыхнул пластик, из которого состояли модели электрокоптеров и электрокаров. И в этой вспышке Настасья узрела нечто, ужаснувшее её куда больше, чем вид безликой Карины. В дымовом тумане словно бы плавала неуклюжая рыба: Сюзанна ползала по полу, пытаясь подняться. Настасья

попыталась разглядеть, куда именно та перемещается: к балкону или к выходу из комнаты? Выбравшись на балкон, Сюзанна могла бы еще спастись! И даже спасти жизнь (*жизнь?*) своей безликой сестры. Но тут Петр Сергеевич начал вытравлять самодельную веревку быстрее. И больше Настасья ничего рассмотреть не сумела.

Когда она очутилась на земле, Ивар подхватил её и помог выпростать ноги из страховочной привязи. Но еще раньше набросил ей на голову капюшон ветровки; сам он уже был в капюшоне.

— Надеюсь, — прошептал он, — твой дедушка спустится раньше, чем *эти* сумеют нас разглядеть.

Весь двор был запружен людьми. Сюда явно высыпали жильцы всех трех подъездов дома: не меньше двадцати человек. Никто из них никогда прежде не видел Ивара и Настасью взрослыми. И теперь девушка ощущала, как её ощупывают чужие взгляды: любопытствующие, жадные, пробирающиеся под её капюшон — как черви.

7

Но Настасья решила пока на соглядатаев плюнуть. Сделать вид, что их вовсе нет. Она запрокинула голову, придерживая капюшон обеими руками, и стала смотреть на свой балкон.

Недаром веревка из простыней, на которой должен был спускаться её дедушка, изначально показалась ей какой-то неправильной. Она была слишком короткой! Наверное, всего из двух простыней и состояла. И теперь Петр Сергеевич Королев болтался в своей привязи чуть ниже балкона в комнате Ивара.

Если бы в их доме имелись балконы еще и на втором этаже, у её деда еще оставался бы шанс. Он мог бы перебраться в квартиру, пока *не* охваченную огнем, и там дожидаться приезда пожарной команды. Или использовать одну из простыней, чтобы спуститься со второго этажа — если не до самой земли, то почти до неё. Однако — в бывшем присутственном учреждении чугунные балконы были предусмотрены только на третьем четвертом этажах. Так что профессор завис метрах в семи-восьми над землей: слегка раскачиваясь вправо-влево, роняя наземь капли воды, стекавшие с намоченных им простыней.

«Дедушка, прыгай!» — хотела крикнуть Настасья, но осеклась, только успев сделать вдох. Двор их дома покрывал слой старого асфальта: ухабистого, выщербленного, исковерканного трещинами и вскипавшего пузырями острых кочек. Падение на него с высоты могло бы убить человека куда более молодого, чем её дед. И Настасья заозиралась по сторонам — думая, к кому бы обратиться с просьбой: вытащить из дому какие-нибудь матрасы или хотя бы одеяла, чтобы разложить их на асфальте.

Стал бы кто-то возвращаться в горящий дом, чтобы такую просьбу исполнить? Выяснить это Настасья не успела. Она вдруг услышала крик Ивара:

— Петр Сергеевич, не надо! Не возвращайтесь за ними!

И вскинула голову, позабыв про капюшон, который тут же соскользнул с гривы её густых черных волос.

Её дед зацепился ногами за чугунные балясины балкона Ивара и пробовал перебраться через перила — которые наверняка успели раскалиться. И профессор пытался схватиться за них через простыню, из которой была сделана его веревка.

«Он обещал, что выведет их, — подумала Настасья с поразившей её самую отстраненностью, — и хочет сдержать свое обещание. Он с самого начала так решил — потому и отдал мне ту вещь».

Она сунула руку в карман и нащупала упрятанный в полиэтилен квадратик. Однако вытащить его, чтобы рассмотреть — не успела. Её дедушка перебрался-таки на балкон третьего этажа и быстро глянул вниз.

— Уходите! — крикнул он внучке и её другу, взмахивая рукой — указывая в сторону подворотни, выходящей на улицу. — Прямо сейчас!

Но, конечно, Ивар и Настасья с места не сдвинулись — только смотрели на него во все глаза. Профессор задержал на них взгляд — но совсем ненадолго, на пару секунд. А потом ловко и сноровисто развязал узел на своей страховочной привязи, раскрутил свернутую в жгут мокрую простыню и накрылся ею с головой. После чего шагнул с балкона в комнату.

8

Настасья даже не понимала, что кричит, повторяя: «Дедушка, дедушка!..» Но тут Ивар зажал ей ладонью рот — как много лет назад, на пляже.

— Тише, ради Бога! — прошептал он, свободной рукой набрасывая капюшон ей на голову. — На нас и так *все* смотрят!

Первым побуждением Настасьи было — вцепиться зубами в его ладонь, как она уже делала. Но теперь ей было не девять лет. И она просто отвела от своего лица руку Ивара, перед тем кивнув ему — дескать, буду молчать.

И она вправду молчала, только поминутно переводила взгляд с балкона, на котором только что находился её дед, на двери подъезда — из которых валил черный дым. Ни в проеме балконных дверей, ни на выходе из подъезда её дедушка не появлялся. И сёстры Ивара, конечно же, не появлялись тоже.

Никто не выходил из дверей и двух других подъездов дома — не выносил свое имущество. Жильцы даже не пытались самостоятельно тушить пожар или спасти свои вещи. Как видно, такого добра в городе хватало с избытком: и брошенных квартир, и брошенных ненужных вещей. Никто не сунулся бы в огонь, чтобы вытащить бывшее в употреблении имущество. И никто не полез бы спасать соседа — если бы даже хорошо знал его. А Настасьин дед всегда держался наособицу. И соседи не просто испытывали безразличие к его жизни или смерти — они даже не заметили бы разницы между тем и другим.

Однако — безразличны эти люди были не ко всему.

Настасья пребывала в таком отчаянном напряжении, что далеко не сразу уловила: в толпе вокруг происходят перемены. Ивар уже несколько раз тянул её за рукав, шепча: «Ну, всё, нам нужно уходить!». Однако девушка только выдергивала руку — и продолжала смотреть на горящий дом.

А когда Настасья догадалась, наконец, оглядеться по сторонам, её окатило волной паники. Все эти люди, сгрудившиеся вокруг — они уже не просто смотрели на них с Иваром. Они медленно, шаг за шагом, брали их в кольцо. Это их молчаливое приближение было почти незаметно глазу, особенно — в ночной темноте, которую только слегка разгоняли языки огня. Настасья догадалась, что их окружают, лишь тогда, когда заметила: между ними и спасительной подворотней, на которую указывал её дед, больше *нет прохода*. Его перекрывают с полдесятка человек — мужчин и женщин, жадно глазевших на неё и на Ивара.

Настасья подумала: будь хотя бы один из этих людей колбером, она сама и её *почти жених* уже превратились бы в безликих существ, словно бы слепленных из сырого теста. То, что толпа еще не атаковала их, означало только одно: капсулами Берестова/Ли Ханя никто из их соседей не обзавелся. Считали это пустой тратой денег — пусть и не таких уж больших.

С Глобалнетом или без него, Настасья понимала: те люди, чья внешность могла стать источником наживы для колберов, давно уже перекочевали в специализированные *лечебные* учреждения. Человеческий генофонд не обладает беспредельными возможностями — Настасьин дедушка не раз говорил об этом. Число по-настоящему красивых людей не столь уже велико относительно общей численности мирового населения — убывавшего теперь быстрее, чем во время средневековых эпидемий чумы. И физическая красота не может гарантированно воспроизводить самое себя. Даже очень красивые родители совсем не обязательно производят на свет красавцев-детей. Стоило ли удивляться тому, что в городе Риге (и в других городах, надо полагать, тоже) за последние десять лет резко поубавилось число людей, которые могли считаться привлекательными *аватарами* для желающих

пройти трансмутацию?

И вот теперь здесь, посреди ночи, одни среди толпы, появились они с Иваром. Когда её дедушка говорил про мышек среди кошек, то он, пожалуй, еще милосердно смягчил краски. Настасья и её друг — они стояли сейчас среди толпы, как жертвы кораблекрушения среди целого племени туземцев-людоедов. *Что* там Джек Лондон писал про страшные Соломоновы острова? Его бы отправить в 2086 год — с его улыбкой кинозвезды и фигурой пловца!

Все эти мысли промелькнули в голове Настасьи быстрее, чем она успела сделать вдох и выдох. Глаза ей разъедал дым, горло саднило, а кожу на лице словно бы стянуло сухой маской. Однако в голове у девушки внезапно прояснилось, и все её мышцы завибрировали от выплеска горячей силы: адреналин сделал своё дело. Про адреналин — как и про всё остальное — Настасье рассказывал дедушка. И не затем он погиб, чтобы они с Иваром дали себя *сожрать*. А в том, что он погиб, сомнений у Настасьи не осталось. Их дом пылал.

— Надо уходить, — одним уголком губ выговорила она, обращаясь к Ивару.

И тот, уж конечно, был согласен с ней всем сердцем. Вот только — время для ухода они упустили. Люди в толпе, до этого двигавшиеся медленно и сторожко, теперь уже больше не таились.

— Берем их, пока пожарных нет! — прокричал кто-то из погорельцев.

И все они, словно армия зомби в старом сериале про ходячих мертвецов, прихлынули к Настасье и к Ивару. Те инстинктивно встали спина к спине — как пираты, принимающие оборонительную стойку у мачты. И Настасья пожалела, что дедушка отдал ей какой-то непонятный квадрат в полиэтиленовой упаковке — вместо того, чтобы дать ей свой пистолет.

— Не подходите! — крикнул Ивар и, сорвав через голову черную кожаную сумку, взмахнул ею, как если бы держал в руках кистень.

Нападавшие чуть-чуть подались назад, но — всего на пару сантиметров.

— По ногам их бейте! — крикнул кто-то из толпы. — Чтобы они упали! Только не затопчите их — надо, чтоб их головы остались целы!

Ивар одним движением расстегнул молнию на сумке и принялся шарить в ней, явно ища хоть что-нибудь для защиты. Человек из толпы, стоявший к нему ближе других, попытался ударить его подсечкой по ногам, и юноша только в последний момент заметил это и сумел отпрыгнуть, так что нога нападавшего прошла мимо. И тот, не удержав равновесия, завалился на спину и разразился яростной бранью.

— Погодите, — крикнул кто-то из погорельцев, — у меня есть электротазер! Мне только нужно к ним подобраться...

И в этот момент с балкона — из бывшей квартиры Озолсов — вниз полетел горящий человек.

Глава 4. Мост

27–28 мая 2086 года. Ночь с понедельника на вторник. Рига

1

Пылающее тело рухнуло на толпу — всего в паре шагов от Ивара и Настасьи. Их обоих окатило не просто жаром — их словно бы сунули головами в мангал, где жарились и плевались жиром шашлыки. И этот *сытный* запах жареного мяса показался Настасье самым жутким из всего, что с ней происходило в жизни.

«Дедушка, ты всё-таки прыгнул», — подумала она. И что-то в её сердце омертвело и уничтожилось при этой мысли.

А между тем (*туземцы*) люди, на которых свалился полыхающий мертвец, одним только запахом не отделались. Двор огласился криками ужаса и боли, многие начали хлопать себя по спинам, головам и плечам, сбивая языки пламени — реального или мнимого. Мертвец ухитрился кое-кого поджечь, это правда. Но еще больше народу он своим падением напугал и заставил отступить. Пятился от догорающего на асфальте тела и человек, сжимавший в руках нечто вроде электродрели без сверла: владелец тазера.

— Бежим! — закричал Ивар, хватая Настасью за руку.

И — они *почти* успели выскочить из подворотни на улицу до того, как их соседи очухались. Ах, если б Настасья могла променять свою красоту на пару крыльев для себя и для своего друга! Но никто им крыльев не предлагал. А один из *туземцев* заорал им в спину: «Держи! Удирают!» в тот самый момент, как они с Иваром выбегали со двора.

2

Знай они с самого начала, в какую сторону бежать, дело, быть может, и не обернулось бы так худо. Они с Иваром всё-таки получили фору — пусть и в пару десятков метров. И им было по восемнадцать лет. Но — Настасья давеча сказала чистую правду: они не имели ни малейшего представления о нынешнем городе. И, очутившись посреди улицы, поначалу просто опешили.

Это не была Рига — просто *не могла* быть она. Настасья решила: она спит, и ей снится кошмарный сон — вроде тех, где к ней являлся безносый лорд Волан-де-Морт. Иначе с чего бы ей видеть свой родной город — город с роскошной архитектурой, жемчужину в короне Балтики, — а *таком* образе?

Да, было темно: фонари на улице горели — один из трех. Да, улицу тоже частично заволочло дымом. Но и в дыму картина метаморфоз открывалась вполне отчетливо. В один миг девушка поняла, почему пожарная машина не едет так долго. И почему полицейские наряды прибывают на вызовы только через несколько часов. А *как* они должны были ехать — и полицейские, и пожарные? На проезжей части почти без просветов, одним нагромождением, стояли брошенные машины. Так что, когда Ивар и Настасья всё-таки пустились наутек, им пришлось лавировать между пустыми электрокарами и их распахнутыми дверцами, как внутри лабиринта.

Под ногами у них тут же захрустели осколки стекла. И такой же хруст производили

подошвы преследователей, затоптавших у них за спинами. Оно было и понятно: в окнах, в плафонах фонарей, в ветровых стеклах брошенных электрокаров и в витринах магазинчиков, которых в этом квартале было когда-то полным-полно — везде зияли чернотой разных размеров пробоины. Но — благодаря стеклянному крошеву под ногами беглецы хотя бы могли не оглядываться, чтобы проверить, как далеко от них находятся (*туземцы*) соседи.

Ивар и Настасья выбрали направление своего бегства автоматически, не думая: побежали под уклон улицы, к какому-то пересекавшему её широкому пространству — неосвященному и непонятному. Бежать в гору у них просто не доставало сил.

Брусчатку под их ногами покрывали выбоины, заполненные водой после недавнего дождя, и они с Иваром были на грани падения уже раз по пять каждый. Упасть означало бы — смерть. Стоило только преследователям оказаться от них на расстоянии выстрела из тазера, и погоня закончилась бы. Но Настасья с Иваром продолжали бежать, не сбавляя скорости. Как и те, кто гнался за ними — с криками на русском и на латышском языках, с руганью (кто-то из преследователей явно упал), чуть ли не с улюлюканьем. Настасья подумала: сама погоня уже вогнала этих людей в такой раж, что они могут просто убить их — безо всяких выкрутасов.

И тут же мимо её головы пролетел и приземлился на несколько шагов впереди булыжник из брусчатки. Другие преследователи наградили метателя возмущенными воплями, возможно — даже тумаками, и кто-то злобно выкрикнул: «Идиот, сказано же было: не в голову». Но — толку-то было бы в этом, если бы бросавший не промазал?

Ивар увлек Настасью к стенам домов — где царил почти полная тьма. Там, конечно, в них труднее было бы попасть, если бы кто-то повторил попытку с камнем. Но и бежать стало намного тяжелее. Возле стен громоздились коробки с непонятным хламом, пакеты с тряпьем и еще какое-то явно мародерское имущество, отчего-то брошенное на полдороге. Пару раз им с Иваром приходилось перепрыгивать через распахнутые чемоданы, покинутые владельцами. Как видно, не одним только Карине и Сюзанне приходила в голову мысль об отъезде. И не им одним осуществить этот отъезд так и не удалось.

А потом Ивар нечаянно задел на бегу какой-то рекламный щит — старый, должно быть: на нем красовалось истершееся лицо Максима Берестова, сжимавшего в руках колбу имени себя. И на тротуар перед ними выкатилась детская коляска. Настасья охнула и замерла на месте. Её ноги словно бы затянуло в тот самый зыбучий песок, о котором она много лет назад говорила Ивару.

3

Сидевший в коляске ребенок был девочкой примерно двух с половиной лет. Но — именно что *был*. Хотя ребенок и не умер. По крайней мере, формально.

Девочка откинулась на спинку прогулочной коляски и совершала руками одно и то же повторяющееся движение: покачивала то вправо, то влево небольшую куклу, которую она держала. Она и сама могла бы показаться заводной куклой: в цветастом платье и с розовыми лентами в светлых волосах. Но платье на ней там и сям свисало ключьями. А лицо девочка склонила так низко, что её подбородок должен был бы касаться её груди. Вот только — Настасья подозревала, что никакого подбородка у ребенка теперь уже нет. И еще: она поняла, что умрет на месте, если только заглянет в это низко склоненное личико.

— Бежим, ей уже не помочь! — закричал Ивар и снова потянул Настасью за собой; но

почти тут же отпустил её руку.

Девушка подумала: «Ну, вот, он решил бежать дальше без меня». И тут же сказала себе: это хорошо. Так хотя бы он спасется. А потом увидела, что Ивар скинул с плеча ремень черной кожаной сумки, которую дал ему профессор Королев. И выставил её перед собой, будто щит.

Настасья обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть: преследователь с тазером их настиг. Две медные проволоки, похожие на длинные пружины, вылетели из дула диковинного пистолета, и электроды, которыми они заканчивались, с шипением ударились о жесткую кожу сумки. Свиная кожа оказалась много прочнее человеческой: электроды вонзились в неё, но не пробили насквозь. Хотя урон всё же нанесли.

Ивар держал сумку боком — не успел перехватить поудобнее. Равно как не успел и застегнуть молнию на ней — расстегнутую во время безуспешных поисков оружия. Руки Настасьино друга непроизвольно дернулись, когда передающие заряд электроды оказались возле них, сумка перевернулась расстегнутой молнией вниз, и всё её содержимое полетело на бульжную мостовую и на коляску с безликой девочкой. Та при этом даже не вздрогнула — продолжила качать куклу.

Ивар вскрикнул и попытался поймать выпадающие из сумки вещи. Однако сделал только хуже: какой-то пакет раскрылся прямо у него в руке. Легкий ветерок подхватил его бумажное содержимое и понес туда, где были их преследователи.

— Я растяпа! — в сердцах воскликнул Ивар.

Но соседи (*туземцы*) вдруг замерли на месте и принялись хватать парившие в воздухе бумажки прямо на лету. Или подбирать их с тротуара, выдирая друг у друга из-под ног. А человек с тазером бросил наземь свое оружие и кинулся курочить еще один пакет, тоже выпавший из сумки.

Тут только Настасья уразумела: по темной улице разлетаются деньги. Причем не какие-то балтийские марки, а червонцы: валюта Евразийской конфедерации, куда они с Иваром по замыслу дедушки должны были отправиться. И найти там Китеж-град — невидимый, надо полагать.

Настасью начал разбирать смех, и она прикрыла себе ладошкой рот — чтобы Ивар, чего доброго, не решил, будто она спятила. Но тому было не до неё. Он выпустил из рук сумку, на которой еще исходили искрами электроды из тазера, а затем совершил поступок настолько дикий, что Настасья не поверила собственным глазам. Он схватил под мышки (*безликую*) девочку с куклой и попытался пересадить её на тротуар. Вот только девочка снова принимать сидячее положение не пожелала. Её ножки распрямились, повисли и больше уже не сгибались. Так что Ивар просто уложил её на бок. А потом — сел в коляску сам, подобрав под себя ноги и почти что упершись в колени подбородком.

По мнению Настасьи, одного этого должно было хватить, чтобы детское перевозочное средство развалилось на части. Но нет: коляска оказалась прочной; она заскрипела — и только. И Настасьин *почти жених* произнес слова, каких прежде она от него не слыхивала:

— Садись ко мне на колени! Живо!

Коляска катилась под уклон, всё более набирая скорость. Она кренилась под ними — то на один бок, то на другой, подвывала и скрипела, временами выписывала зигзаги и кренделя,

но всё-таки ехала. И не разваливалась — пока что.

Между тем их преследователи не слишком долго возились, собирая рассыпавшиеся деньги. То ли банкнот оказалось не очень-то много, то ли погорельцы проявили необычайную сноровистость. Даже сквозь скрежет колясочных колес, грозивших в любой момент отвалиться, Настасья слышала звуки возобновившейся погони. Правда, теперь они с Иваром передвигались намного быстрее своих соседей, однако это преимущество могло растаять в любую секунду, если (*когда*) коляска развалилась бы под ними.

Но Настасья даже звуки погони на несколько секунд перестала слышать, когда их транспортное средство докатилось-таки до конца улицы. И девушка поняла, *что* это был за серый просвет, к которому они направлялись. Собственно, понять это она должна была бы сразу — ведь до того, как дед заточил их с Иваром в «башню из слоновой кости», они тысячу раз гуляли по этому району города. А главное, мама Ивара много раз упоминала о том, что работает в госпитале *за рекой!*

И тут их коляска, наехав обоими правыми колесами на бордюрный камень, опрокинулась. Она так и не развалилась на части, просто с размаху вышвырнула своих пассажиров на брусчатку почти не освещенной набережной. Широкая полоса перед ними — это была река Даугава. А впереди, величественный даже теперь, темнел наведенный полвека тому назад мост Европейского Союза.

5

Настасья знала от своего деда, что в прошлом, за десятилетия до нынешней катастрофы, три страны, ныне входящие в Балтийский союз, состояли в двух иных союзах. Один из них — Советский Союз — был единым государством и распался еще в конце двадцатого века, разорванный экономическим коллапсом и амбициями внутренних национальных элит. А вот другой союз продержался намного дольше. И являл он собой межгосударственное объединение, сопоставимое, разве что, с Римской империей.

Но история учит одной непререкаемой истине: *все* империи рано или поздно рушатся. Исключений тут не бывает. И Европейский Союз, сокращенно — просто ЕС, тоже таковым не стал. Он просуществовал ровно сто лет, почти день в день. В марте 2057 года шесть стран-учредительниц интеграционного блока: Германия, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург — подписали историческую декларацию о прекращении всех взаимных обязательств. Впрочем, ЕС к тому времени имел место быть уже только на бумаге.

Дедушка Настасьи говорил, что историки сломали немало копий, споря о том, когда же на самом деле начал происходить его распад? Кто-то говорил: всё началось в 2016 году, когда Британия решила хлопнуть общеевропейской дверью. Другие с ними не соглашались, утверждая: выход Британии — пресловутый *Brexit* — не сильно навредил бы объединенной Европе. Но вскоре после этого её ударила ножом в спину Греция: решила отказаться от евро и вернуться к своей национальной валюте — драхме. Причем выдвинула железный аргумент: с дорогим евро страна ни за что не сумеет поднять международную конкурентоспособность своих товаров, а главное — своих самых востребованных услуг: туристических. И, стало быть, не сможет найти средства на погашение долгов перед внешними кредиторами. Но, впрочем, Греция изъявила готовность остаться в составе зоны евро, ежели её кредиторы (другие страны ЕС, и в первую голову — Германия), спишут ей долги. А когда Германия назвала такое заявление шантажом, Греция предложила ей

умолкнуть (деликатно выражаясь) и не мешать греческому народу самому избирать собственное будущее.

Находились, однако, спорщики, которые утверждали: даже после этой эскапады Греции ничего катастрофического не случилось бы, если бы в это же самое время на востоке Евразии не начали вырисовываться контуры *новой империи Чингисхана*. Так злые языки именовали будущую Евразийскую конфедерацию — сокращенно ЕАК. Хотя мало кто доходил до такого лукавства, чтобы обвинять ЕАК в *прямом* воздействии на грядущий распад Европейского союза. Как ни крути, а при создании Евразийской конфедерации в неё вошло всего четыре государства: Россия, Белоруссия, Казахстан и Киргизия. И по своему геополитическому влиянию вряд ли она могла тягаться с ЕС, который на тот момент включал в себя 27 стран. Нет, создание Конфедерации стало триггером крушения ЕС в силу совсем других причин.

Всё дело было в том, что с момента возникновения ЕАК страны Европы словно бы перестали замечать свои внутренние проблемы. Негласно условились считать их ничтожными и несущественными. А в качестве главной и чуть ли не единственной угрозы своему благополучию стали воспринимать Евразийскую Конфедерацию — которую европейцы упорно путали с Российской Федерацией.

Греция вышла из зоны евро? Так это всё потому, что православная Москва сумела по церковным каналам повлиять на православный греческий клир. А тот, в свою очередь, залучил в свои сети и охмурил политический истеблишмент страны.

Сербия отозвала свою заявку о вступлении в ЕС? Так ведь и сербы — тоже православные. Да и, к тому же, они до сих пор с благодарностью вспоминают, как Россия вступилась за них в 1914 году. И, конечно же, в их демарше тоже виновата Москва.

Венгрия и Чехия ни в какую не хотят принимать на своей территории иностранных мигрантов? Так это и подавно — влияние Москвы. Ведь и Прага, и Будапешт когда-то находились у неё под пятой. И до сих пор испытывают за это благодарность... Ну, то есть, не то, чтобы благодарность... Да, в общем — неважно. Что-то ведь они к Москве испытывают! И, следовательно, она априори виновата.

Ситуацию не исправил даже перенос единой столицы Конфедерации из Москвы в Санкт-Петербург. *Рука Санкт-Петербурга* — это как-то не звучало. Европейцы по старинке винули во всех своих бедах именно *Москву*. И объединенная Европа становилась разьединенной, сама того не замечая — слишком уж поглощенная страхом внешней угрозы.

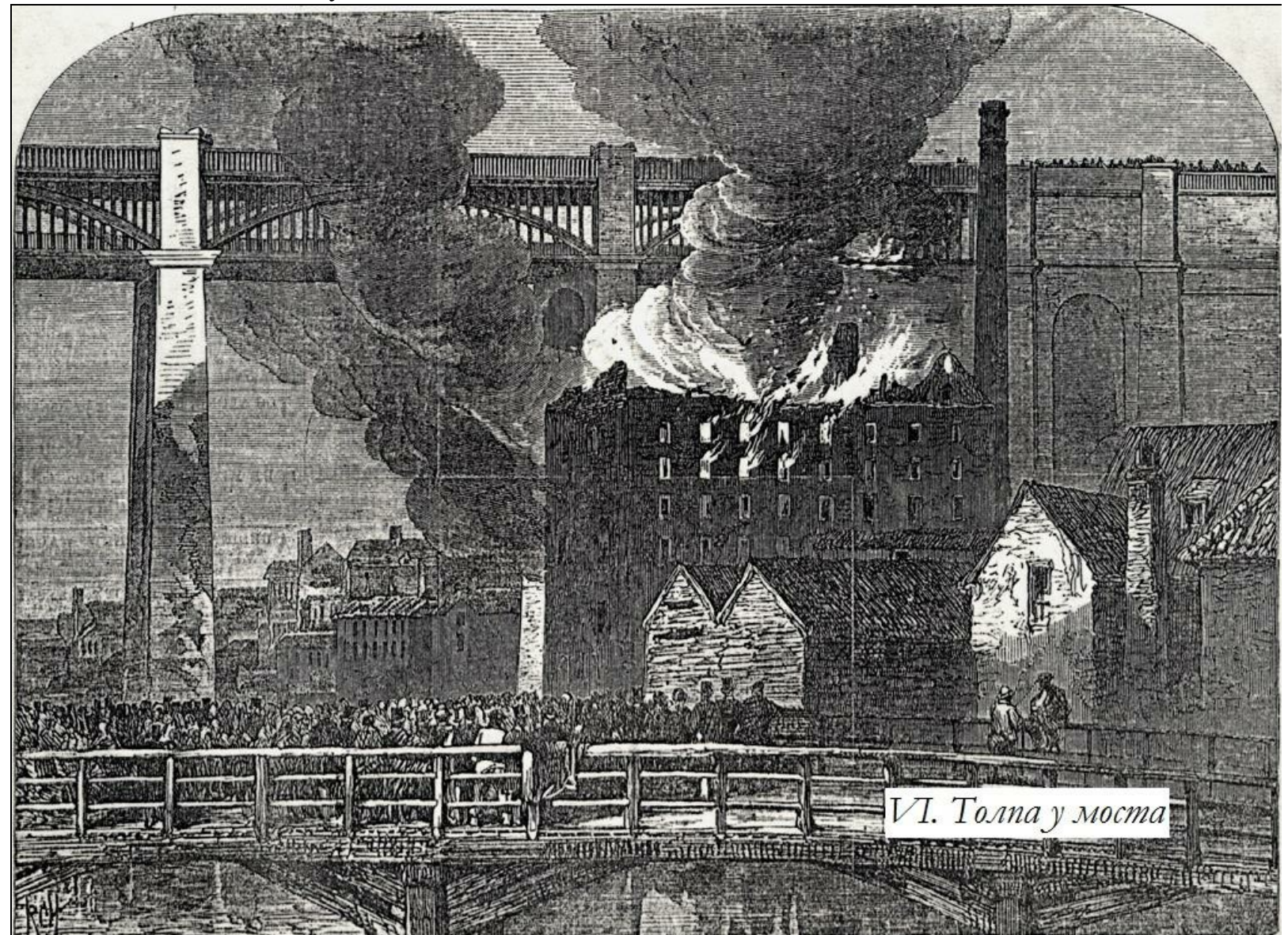
Однако разьединение это случилось не разом, не в один год. Даже — не в одно десятилетие. И в начале 2030-х страны Балтии, уже тридцать лет как являвшиеся членами ЕС, оказались одним из форпостов борьбы с этой самой *внешней угрозой*. Балтийцы и сами понимали, что очутились как будто между Римом и гуннами. Позиция — врагу не пожелаешь. И не так уж много времени прошло, прежде чем они покинули состав ЕС, чтобы создать свою собственную группировку: Балтийский Союз. Но — в 2036 году об этом еще никто не помышлял. И геополитические союзники изо всех сил старались заручиться благорасположением балтийцев. Так что на собственные средства возвели в Риге новый мост через Даугаву, оговорив только одно условие: чтобы за ним навсегда сохранилось название: *мост Европейского Союза*. А потому и в 2086 году он всё еще именовался так.

Мост был двухуровневым. На нижнем уровне располагалось четырехполосное шоссе, а верхний предназначался для пешеходов и велосипедистов (в 2030-х годах вся Европа раскатывала на велосипедах). Но теперь, через пятьдесят лет, обе части моста насквозь пронзал бледно-голубой лунный свет: ни одного велосипедиста или электрокара по нему не двигалось. И даже Настасья с Иваром, просидевшие последние девять лет *вбашне из слоновой кости*, хорошо понимали: в пустынности этой повинна не одна только ночь.

Когда коляска упала, они оба так треснулись о брусчатку набережной, что из них чуть дух не вышибло. И Настасья подумала (снова издав истерический смешок, но теперь только мысленно), что, разбейся они сейчас насмерть — и стали бы единственными взрослыми людьми в мире, которых убила детская прогулочная коляска.

Однако они не разбились. И, хоть и ушиблись, но не настолько крепко, чтобы им отказали зрение и слух. Лежа на земле, они отлично видели, что к ним спешат давешние преследователи. И что владелец тазера подобрал его с земли и теперь бежит впереди всех.

— Вставай! — Голос Ивара прозвучал хрипло. — Нам надо перейти мост! Твой дед говорил: в пешеходной части образовались провалы. Так что эти мерзавцы всей толпой бежать за нами не смогут.

Настасья хотела спросить Ивара: а сами-то они *как* станут через эти провалы перебираться? Она едва могла пошевелиться от изнеможения. И всё-таки она перекатилась

на бок и подтянула колени к груди, чтобы потом было легче подняться. Тогда-то она и увидала их — *вторую группу*.

Поначалу девушка решила: это их соседи решили разделиться, чтобы взять их с Иваром *в клещи*. Она охнула и указала на людскую массу, которая перемещалась вдоль набережной. И только потом поняла: вовсе это даже не их соседи! Новая толпа состояла из доброй сотни человек. А в их с Иваром доме и пятой части от этого числа не проживало. Но главное — эти *новые* двигались как-то не так.

Настасье сперва показалось: это какое-то религиозное шествие. Сама она давно, лет десять назад, участвовала вместе с мамой и папой в пасхальном крестном ходе. И это было очень красиво и празднично: посреди ночи люди шли вокруг одного из православных соборов города, держа в руках зажженные свечи. Шли — вот так же степенно, без всякой суеты.

Девушка стала вспоминать: а не Пасха ли сегодня? Но — нет: Пасху они с дедушкой праздновали в семейном кругу еще седьмого апреля! Дедушка еще говорил тогда: *Кириопасха* — когда Пасха и Благовещение приходятся на один и тот же день — обычно предвещает события огромной исторической важности. В двадцатом веке такое было, к примеру, в 1991 году — когда прекратил свое существование Советский Союз. «Кириопасха была и одиннадцать лет назад, в 2075 году, — прибавил Петр Сергеевич тогда. — Говорят, именно в тот год Берестов и открыл возможность трансмутации».

Так что это никак не могла быть пасхальная процессия. Да и свечей идущие люди не держали. Они вообще ничего не держали в руках. У них — у всех до единого — пустые руки свисали плетью вдоль боков. Даже издали это было заметно.

— Не смотри туда! — с усилием выговорил Ивар. — Вставай скорее! Надо бежать!

И Настасья с удивлением осознала: сейчас её друг напуган сильнее, чем когда-либо за эту ужасную ночь.

— Ты знаешь, кто они? — Настасья кое-как приподнялась за четвереньки, а Ивар попытался потянуть её за локоть вверх, но тут же со стоном разжал пальцы и закашлялся.

— Кажется, знаю, — почти беззвучно произнес он; и девушке показалось, что на губах его пузырится какая-то темная слюна.

Настасья всё-таки встала на ноги, и они с Иваром, опираясь друг на друга, оглянулись. От соседей их отделяло теперь не больше двадцати пяти метров. Но, когда Ивар и Настасья повернули к ним головы, их преследователи вдруг остановились. Все разом — так резко и внезапно, как если бы натолкнулись на сделанную из стекла стену.

Один из них выкрикнул что-то по-немецки; Настасье послышалось, что это были слова: *gute Hirten*[1]. («*Хорошие пастухи*? Что это может означать?»). И от этих двух слов соседи-погорельцы начали, словно по команде, пятиться и отступать. А человека три — так и вовсе опрометью кинулись бежать.

— Что он сказал? — Настасья решила, что расслышала неправильно, и повернулась к Ивару, бледное лицо которого словно бы серебрилось в лунном свете.

— Он сказал — *добрые пастыри*. — И, когда он это произнес, Настасья поняла, что любые увертки уже бессмысленны: она видит на его губах пузырящуюся кровь.

конечно, евангельское изречение: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы*[2]. Но каких таких пастырей имел в виду их сосед? И почему все их соседи так дружно струсили и дали драпу? Может быть, она побоялась, что пресловутые пастыри покарают их за то, что они вознамерились продать Настасью и её друга колберам? Но почему тогда Ивар перепугался до чертиков, когда увидел толпу на набережной и услышал слова *гуте хиртен*? Ведь они с Иваром, по сути, и были двумя потерявшимися овцами, которых добрым пастырям надлежало спасти!

Все эти мысли промелькнули у Настасьи в голове за одну секунду. И она отринула их все, разом. Сейчас имелись вещи поважнее.

— Ты расшиб себе ребра? — быстро спросила она Ивара. — Дышать — больно?

— Если мы не поспешим, то нам *всё* будет больно. Скорее! Мы должны их опередить.

Ивар больше не пытался взять её за руку, и Настасья поняла, что уже получила ответ на свой вопрос. Он при падении то ли ударился правым боком о брусчатку, то ли сверхпрочная коляска врезала ему по ребрам своей рамой.

— Тогда нам нужно на мост, — сказала Настасья. — Мы должны перебраться на другую сторону.

Им нужно было срочно попасть в ближайший госпиталь. Хотя бы в тот, где прежде работала мама Ивара. И они устремились к мосту ЕС.

Ивар бежал, не сбиваясь с шага — хоть и держал правую руку крепко прижатой к боку. Сплоховала сама Настасья: поглядела в сторону приближающейся толпы. Несколько человек из неё как раз оказались в круге света, который отбрасывал один из уцелевших фонарей на набережной. Так что девушка мгновенно уразумела, *кто* движется в их сторону. Не поняла только, почему их так много. И кто заставил их идти? Она ведь уже убедилась: *они* сами собой не стронутся с места, даже если будут гореть заживо. Всю эту толпу (Настасья сочла тогда, что *всю*) составляли безликие.

8

Настасья решила, что это наименование — *безликие* — было милосердным. Пожалуй, даже поэтическим.

«Мои мама и папа — они были такие же, — подумала она, даже не осознавая, что больше не бежит — стоит на месте. — Какая я была *счастливая*, что не рассмотрела их тогда! И что глядела на Карину всего одну минуту».

Все эти люди, которые механической шаркающей походкой шли теперь к мосту, не держали лица низко склоненными, как та маленькая девочка. Кто-то (*добрые пастыри*?) откинул им головы назад. Так что передняя часть головы у каждого, кто брел по набережной, была запрокинута к небу — к полной луне. И — какие уж там *безликие*: все эти люди были безносые, безгубые, безбровые. Возможно, что и безглазые — но глаза у всех были плотно зажмурены, как давеча у Карины.

А потом в свете фонаря возникло еще одно лицо: абсолютно черное и блестящее. Настасья предположила: какой-то чернокожий стал жертвой колберов. Но потом разглядела, что черноликий просто нацепил на себя маску, полностью скрывавшую его черты. Весь в черном, он был похож на японских ниндзя из старых фильмов. И руки его не висели плетями. Он держал наперевес длинный тонкий шест и время от времени тыкал им в бока и спины безликих, которые начинали выбиваться из толпы.

— Настасья, да что же ты?!.. — Ивар заметил, что она остановилась, только когда сам добежал до моста. И теперь взирал на неё с ужасом.

Но девушка была словно под гипнозом. Она стояла и смотрела на приближающихся (*безликих*) зомби, почти машинально выделяя из их числа людей в черных масках. Она узрела уже четверых, шедших по флангам. Но почти не сомневалась, что в арьергарде колонны идет еще с десятков *пастухов*, и что они гонят своих *овец* в какое-то определенное место.

Ивар подбежал к ней и стиснул её ладонь — левой рукой.

— Ты что, не понимаешь? — Он придвинул губы, перепачканные кровью, к самому капюшону на её лице. — Они сейчас все пойдут на мост. Если мы не успеем перейти, нас просто затопчут.

Настасья чуть было не сказала: «Ну и пусть». Но потом нащупала в кармане ветровки запечатанный в полиэтилен квадрат. Вещь эта явно имела для её дедушки громадную ценность. И теперь она, Настасья, была не вправе погибнуть — унеся с собой последнее, что от него осталось.

Она сжала левую руку Ивара, и они поспешили к мосту.

[1] Добрые пастыри (нем.)

[2] От Иоанна (10; 11).

Глава 5. Провал

28 мая 2086 года. Вторник, после полуночи. Рига

1

Сперва им показалось: они намного опередили безликих. Те двигались совсем не шустро, а пастыри понукали их без особого усердия, явно желая лишь одного: чтобы заблудшие овцы добрались до какого-то места назначения. И вряд ли им был госпиталь, где трудилась когда-то Татьяна Павловна, мама Ивара.

Однако тусклый свет, освещавший набережную, путал расстояния. Ивар и Настасья только-только ступили на мост, когда услышали многоголосое свистящее дыхание, вырывавшееся из вертикальных прорезей-ноздрей безликих *овец*. И, увы, они двое уже не могли идти быстрее. Ивару и без того каждый шаг давался с болью, и на лице у него выступили крупные капли пота.

Пройти они могли только на верхний ярус моста; выезд на нижний ярус — автомобильный — имелся лишь из туннеля, выходящего к самой набережной. И ясно было, что пастыри погонят безликих тоже по верхнему мосту. Однако выбора у беглецов не оставалось.

— Мы сможем! — Настасья крепче сдвинула левую руку Ивара. — Бежим!

Но всё, что им удалось — это пойти более или менее быстрым шагом. Здесь под их ногами не было битого стекла, и девушка поминутно оглядывалась — смотрела, далеко ли от них *безликая* толпа.

Но и люди в масках — *gute Hirten, добрые пастыри* — явно не были слепыми: они тоже обозревали место действия. Настасья заметила, как двое *чернолицых* сблизилась и принялись совещаться. При этом они периодически взмахивали своими шестами, указывая в сторону моста.

— Что, нас заметили? — Ивар задал вопрос шепотом, но всё равно закашлялся.

— Не говори ничего, пожалуйста! — Настасья, не удержавшись, снова глянула через плечо. — Они далеко, и мы в любом случае успеем раньше них перейти на ту сторону.

Но первые безликие уже подходили к мосту. И пастыри при помощи настойчивых тычков шестами заставляли их поворачивать в нужном направлении: к пешеходной дорожке.

— Надвинь капюшон пониже! — велел Ивар. — Главное, чтобы они не увидели наших лиц. Прости, что я потерял сумку твоего дедушки!

— Да помолчи ты! При чем тут вообще сумка?

— Если б у нас оставались деньги, мы могли бы купить себе новую одежду. Тогда у пастырей было бы меньше шансов опознать нас.

— Да кто они такие — эти *пастыри*? — Настасья забыла даже, что сама велела своему другу молчать.

— Мама рассказывала о них — по секрету. В её госпитале...

Договорить он не успел. Настил пешеходной дорожки, по которой они шли, задрожал и словно бы даже загудел. И Настасья не стала больше глядеть назад. И без того было ясно: безликих начали загонять на мост.

Ивар тоже всё понял.

— Пошли, и не оборачивайся больше! — Он снова сжал её руку — повлажневшей от пота ладонью. — Если на мосту провалы, нам нужно смотреть под ноги.

Луна светила ярко. Да и, к тому же, мост освещали уцелевшие фонари и красные сигнальные огни — призванные обеспечить безопасность проходящих судов (которых, правда, той ночью не наблюдалось вовсе). Так что темные пятна провалов Ивар и Настасья заметили еще шагов за десять. Не сговариваясь, они подались влево: к ограждению дорожки, отделявшему её от нижнего уровня моста, по которому не проезжало ни одной машины. Прижавшись к поручням спиной, они стали бочком пробираться мимо провалов, временами возвращаясь на сам настил — в тех местах, где он оставался целым.

— Нам нужно идти быстрее! — всё время повторял Ивар. — Плохо, если они просто разглядят нас. А уж если поймают...

И Настасья даже не спрашивала, что именно произойдет с ними в этом случае. Они и без того двигались настолько резво, насколько могли. Однако — недостаточно резво. И, когда позади них началось *действие*, они оказались слишком близко от него. Так что разглядели все его детали.

2

Настасья с Иваром слышали громкий всплеск далеко внизу. И остановились — почти против своей воли. Они как раз обходили повреждение в настиле дорожки, пробивавшее всю конструкцию навывлет, и, когда поглядели сквозь него на реку, сразу поняли, *что* произошло.

Несколько сероватых тел в изорванной одежде еще плавало на поверхности воды. Но расходящиеся пузыри ясно показывали: еще больше оказалось (*безликих*) тех, кто уже шел ко дну.

— Пастыри — они знают, как вода действует на *безликих*? Знают о *ложной декомпрессии*? И потому их топят? — спросила Настасья; она была слишком измучена и слишком близка к догадке с самого начала, чтобы удивляться или возмущаться.

— Как правило — да, — сказал Ивар. — Идем!

И они, прижимаясь спинами к парапету пешеходной дорожки, приставным шагом двинулись дальше. Вот только — всплески, доносившиеся снизу, всякий раз заставляли их вздрагивать и замирать на месте. Настасья даже уверилась в том, что до них долетают брызги речной воды — всякий раз, когда очередная безмолвная группа срывается вниз. Но это, конечно, была уже чистая фантазия. А вот что фантазией не было — так это убывающее расстояние между ними и *овцами*. Хорошо, хоть сами пастыри пока еще на мост не выходили. Настасья видела: она продолжают трудиться у входа на пешеходную дорожку, направляя *безликих* своими (*пастушескими палками*) шестами.

Настасья с Иваром видели: *безликие* идут ко дну безмолвно и бездвижно, словно манекены. И это сходство с манекенами отчасти обмануло их обоих — заставило забыть правду. Так что они оказались не готовы к тому, что произошло дальше.

После короткой перебежки они добрались до очередной брешы в настиле — не слишком обширной, но расположенной рядом с поврежденным ограждением дорожки. Наверное, кто-то из велосипедистов потерял управление и врезался в него, выломав несколько секций.

— Я пойду первой и буду держать тебя за левую руку, — сказала Настасья.

И они пошли — медленно, почти движком, глядя всё время вниз. Очередная группа *безликих* незадолго до этого свалилась в реку. И некоторые — кто еще не успел утонуть —

проплывали теперь прямо под беглецами. Сероватая кожа трансмутантов окрашивалась в кровавый оттенок сигнальными огнями моста, и большинство из них плыло спинами вверх. Большинство — но не все.

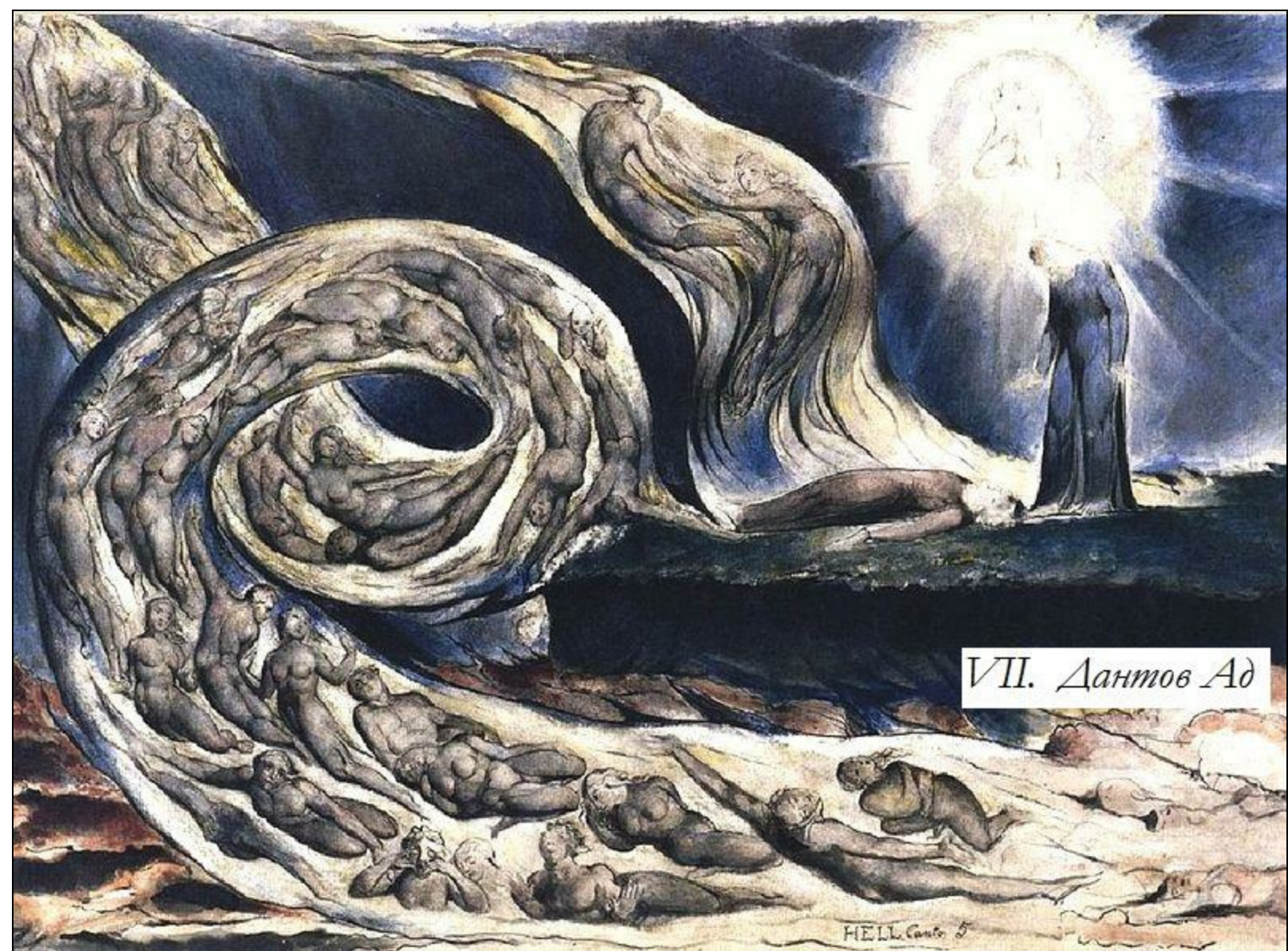
Безликие мужчина и женщина качались на воде рядышком. Возможно, это были муж и жена, возможно — мать и сын. А, может, они были друг для друга посторонними, и вместе их свело лишь усердие добрых пастырей. Но только — они оба плыли *с открытыми глазами*.

Так Настасья впервые увидела взгляд безликих.

Когда-то в детстве у неё была книжка со сказками саамов — дедушка подарил. Книжка была красивая, с цветными иллюстрациями. Но девочка не потому её запомнила. В тех сказках саамы боролись с многочисленными врагами, и самым страшным из них была *чудь белоглазая*. Но на картинках в книжке эти самые *чудины* изображались с глазами обыкновенными, не белыми, и вся причудливость их облика ограничивалась рогатыми шлемами на головах.

А вот у тех двоих, что плыли сейчас по Даугаве, глаза обладали самой настоящей, подлинной белизной. Даже расстояние до реки не могло этого скрыть. Радужная оболочка в их глазах отсутствовала полностью, совсем. Но черные точки зрачков на белой склере глаз всё-таки проступали. И Настасья даже не удивилась, когда взгляд обоих плывущих — предсмертный? *посмертный?* — вдруг остановился на них с Иваром. Взгляд — совсем не бессмысленный; каким-то образом эти лишенные радужек глаза отображали и ужас, и мольбу, и отчаяние, и гнев.

«Они как будто из ада глядят, — подумала Настасья. — Знают, что спасения не будет, но всё равно умоляют их спасти».

И, должно быть, Ивар тоже прочел то же самое во взглядах будущих утопленников. Он подался назад, отпрянул от провала, сквозь который они смотрели вниз. И его мокрая от пота ладонь выскользнула из руки Настасьи. Девушка охнула и потянулась к нему — снова схватить его за руку. Тут-то и появилась она: белая, с черной каймой на крыльях, с тонким и острым клювом. Она возникла ниоткуда-ниотсюда — эта чайка. Настасья вообще всегда думала, что чайки должны спать по ночам, но, как видно, ошиблась.

Ивар при виде птицы вскрикнул — тоненько, почти по-детски. И замахал левой рукой — словно бы стремясь злополучную чайку отогнать, хотя она и так пролетала метрах в двух, не меньше. И — да: чайка скорректировала траекторию своего полета. Сделав неширокую дугу, она облетела их с Иваром, и Настасья не столько услышала, сколько ощутила облегченный вздох своего названного жениха.

Он всю жизнь боялся их — чаек. «Одна такая убила моего папу, а другая — убьет меня», — твердил он. «Ну, прямо как попугай!» — злилась на него Настасья. И еще больше она злилась, когда он пугался любой белой птицы за окном, пусть даже — голубя. Вот и теперь Ивар, хоть и так стоял от пролетавшей чайки на безопасном расстоянии, сделал дополнительные полшажка в сторону, чтобы очутиться от неё еще дальше.

А затем он вдруг резко взмахнул руками — пытаясь удержать равновесие. Его правая нога оказалась на самом краю провала, и Настасья рванулась к нему, пытаясь его

поддержат. Возможно, она даже успела бы это сделать — не отступи он на те самые полшажка. Возможно, он и сам сумел бы удержать равновесие — если бы мог задействовать обе свои руки. Но — Настасья промахнулась, пытаясь поймать локоть Ивара. А взмах правой руки её друга — со стороны поврежденных ребер — оказался коротким и бесполезным. И он спиной вперед полетел вниз.

3

Расстояние между верхним и нижним уровнями моста составляло десять футов: Настасья помнила, что еще в начальной гимназии им рассказывали об этом. То есть, в переводе на метрическую систему мер — три метра и пять сантиментов. Упасть спиной на асфальт с такой высоты — почти наверняка означало бы заработать перелом позвоночника и сотрясение мозга.

Настасья думала, что закричала, но в горле у неё так пересохло, что вышел только жалкий писк. Она повалилась животом на пешеходный настил (ей едва хватило места, чтобы самой не ухнуть в Даугаву), и свесила голову, пытаясь увидеть Ивара.

И ей показалось, что всё не так плохо, как она ожидала. Ивар сумел зацепиться за какой-то арматурный прут — возможно, за отвалившуюся часть ограждения. Так что до асфальта проезжей части он не долетел: висел теперь на этой торчащей железяке, держась за неё одной рукой.

— Я сейчас! — Настасья всё-таки смогла закричать. — Здесь должна быть лестница! Я слезу и помогу спуститься тебе. Ты только держись!

— Не спеши. Главное, не упади сама. — Голос Ивара доносился словно бы из какой-то потусторонней дали. — Я не сорвусь.

Настасья быстро оглядела боковую часть пешеходного уровня и всего в паре метров от пролома в ограждении увидела узкую металлическую лесенку. Так что четверти минуты не прошло, как девушка уже добралась до её поручней и полезла вниз. «Отчего мы не догадались спуститься раньше? — сокрушалась она. — Зачем ввязались в эту гонку с безликими?..» Объяснение могло быть только одно: чудовищная, отупляющая усталость. И еще, пожалуй — страх, что в любой проезжающей через мост машине могут оказаться новые охотники за головами.

«Надо будет поподробнее расспросить Ивара о добрых пастырях, — думая Настасья, перебираясь с лестницы на проезжую часть моста. — Сделаю это, как только помогу ему слезть. Быть может, они не так уж опасны для нас — мы же не безликие...»

Думая так, она подбежала к тому месту, где повис над землей Ивар и крикнула:

— Ты как?

Её друг ей не ответил. И только теперь Настасья уразумела, что ни за какую железяку рукой он не цепляется. Это железяка зацепилась за его левую руку: пробил её насквозь в области запястья. На черной ветровке Ивара кровь была не особенно заметна, так что, глядя на него сверху, девушка ничего не разглядела. Зато увидела сейчас: светло-голубые джинсы её друга и его белые летние туфли не просто окрасились в ярко-алый цвет — они продолжали напитываться этим цветом всё больше и больше. Кровь выливалась из руки Ивара пульсирующими толчками.

4

— Ивар! Ив!..

Когда она позвала его в третий раз, он чуть разлепил глаза и даже попытался ей улыбнуться, но не сумел выговорить ни слова. И снова смежил веки. Настасья понимала: он повредил артерию, скорее всего, лучевую или локтевую. Дедушка объяснял ей, что в подобных случаях нужно накладывать давящую повязку *немедленно*. Самое большее — в течение двух минут.

Немедленно — это слово пульсировало у неё в голове с таким же упорством, с каким кровь вытекала из тела Ивара. Но — внутри этого слова, как бы под ним, прятались два других: *слишком поздно*. Настасья пыталась их отогнать, отбросить, однако они нагло лезли вперед и не собирались отступить.

Она позабыла о безликих, позабыла о пастырях с их шестами, позабыла даже о (*чуди белоглазой*) двух почти утопленниках. Её взгляд метался по четырехполосному шоссе моста в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы ей пригодиться. И — она такую вещь углядела. У обочины проезжей части, возле обращенного к реке края моста, круглился на асфальте продолговатый бок то ли какой-то бочки, то ли маленькой цистерны. Настасья кинулась туда и в самом деле обнаружила пустую емкость в форме цилиндра: примерно метр в высоту и полметра в диаметре. На ней было что-то написано краской: от руки, неровными буквами. Но Настасья не разобрала из-за темноты, что именно.

Емкость оказалось пустой, и Настасья тут же покатила её туда, где висел на ограждении Ивар. К великой её радости, тот всё-таки пришел в себя — проговорил, когда увидел её:

— Хорошо, что ты это нашла. Я надеюсь, ты сумеешь подобраться ко мне поближе.

— Конечно, сумею! — воскликнула Настасья, ставя цилиндрическую емкость вертикально и взбираясь на неё. — Вот, сейчас...

Её руки не дотянулись до Ивара: кончики пальцев рассекли воздух сантиметрах в двадцати от подошв его туфель. А по крышке бочки будто забарабанил дождь, и на ней возникла россыпь мелких алых пятен округлой формы. От отчаяния девушка даже взвыла, а из глаз у неё брызнули слезы.

— Ничего, — прошептал Ивар. — Еще есть время.

Он произнес это с такой пугающей уверенностью, что Настасья даже перестала плакать. Что-то в его интонации было не то. Какой-то в ней прятался подтекст. Но какой именно — ей некогда было думать.

Она еще раз огляделась по сторонам, и тут её осенило. Ивар-то висел на частично оторвавшемся фрагменте ограждения — и этот фрагмент уперся теперь нижней частью в принесенную ею бочку. То есть — превратился почти что в лестницу.

Настасья ступила на первую перекладину, потом — на вторую, и псевдо-лесенка закрипела, закачалась пол ней. На миг девушка даже уверилась, что ограждение сейчас полностью оторвется, а сама она рухнет спиной вниз, на асфальт проезжей части. И Настасья замерла, не двигаясь — но ненадолго. Едва убедившись, что импровизированная лесенка по-прежнему упирается нижним краем в пустую бочку, она полезла дальше. Железная конструкция ныла и дрожала, но Настасья игнорировала это. И скоро её лицо оказалось на одном уровне с лицом Ивара, который снова открыл глаза. И заговорил.

— Та колба, что была у Сюзанны — я видел, ты её подобрала. Она всё еще при тебе? — спросил он.

Настасья сперва опешила, но потом, крепко держась за ограждение одной рукой, вторую

сунула под ветровку и проверила карман кардигана.

— При мне. — Она даже представить не могла, зачем Ивару понадобилось это знать.

— Тогда слушай. Не пытайся меня *отцепить*. Я намного тяжелее тебя, и ты меня не удержишь. А если я упаду, то могу разбить себе *голову*. Так что лучше оставь меня так.

— Но как же?..

— погоди, дай мне сказать. Я хочу, чтобы ты дождалась момента, когда всё со мной будет кончено. Думаю, это случится скоро: я уже не чувствую ни рук, ни ног. Не перебивай — у меня мало времени. А когда я... когда я уйду, ты должна произвести экстракцию. Я *хочу*, чтобы ты это сделала. Время у тебя будет: процесс можно осуществить в течение тридцати минут после смерти объекта. Я читал об этом. Засеки время по часам...

Он закашлялся, и только тут, увидев огромные кровавые пузыри у него на губах, Настасья вспомнила о том, что у Ивара еще и сломаны ребра. И всё же — признавать неизбежное она не желала.

— Нет, — она замотала головой, — я даже слышать этого не хочу. Сейчас я придумаю, как мне освободить твою левую руку. И ты ни за что не упадешь, если будешь правой рукой...

Она хотела сказать: *держаться за ограду*. Но, даже и без сломанных ребер, как бы он стал держаться, если руки его и вправду ничего не чувствовали? И главное: как ей было снять его с арматурного прута, на котором он висел? Чтобы отцепить Ивара, ей пришлось бы его *приподнять*. И не имелось даже призрачных шансов, что ей удастся это сделать.

А её названный жених между тем продолжал:

— Мне всё равно не выжить — с такой кровопотерей. Но капсула с моим экстрактом — она поможет выжить *тебе*. Это — твой билет в Новый Китеж. Твой дедушка хотел, чтобы я отвез тебя... — Он снова закашлялся, и кашлял целую минуту кряду; кровь двумя струйками потекла у него по подбородку.

Настасья отдала бы всё, что у неё осталось: и пустую капсулу, и даже загадочный дедушкин подарок — за возможность просто расплакаться. Если бы она могла заплакать прямо сейчас! Но — тогда бы она точно ничего не сумела разглядеть в окружавшей их с Иваром темноте, едва подсвеченной тусклыми фонарями на мосту. А она так хотела *наглядеться* на него! Пусть лицо его было бледным и в крови, пусть фиалковые глаза покрылись красноватыми прожилками, пусть вьющиеся волосы сбились и торчали патлами — он всё равно был самым красивым парнем на свете. Лучшим парнем на свете.

— Не умирай, Ив, — прошептала она — ненавидя себя за то, с какой жалкой, беспомощной интонацией выговорила это. — Я люблю тебя. — Никогда прежде она не говорила ему этого. — Не умирай, ладно?

Он поглядел на неё так, словно был перед ней в чем-то виноват. Потом сказал:

— Мы еще встретимся — когда-нибудь. Я тебе обещаю. Ты не веришь в реинкарнацию, а я — верю. И я к тебе вернусь. Я тоже тебя люблю. Всегда тебя любил. И всегда буду.

Настасья не сдержалась и всё-таки заплакала. А, чтобы слезы не застилали ей глаза, потянулась левой рукой — вытереть их. В тот же миг её левая нога потеряла точку опоры, и девушка не сумела сохранить равновесие — заскользила по ржавому ограждению вниз.

джинсов и глубоко пропахала левую икру, Настасья ободрала об ограду обе ладони, но смогла извернуться и прыгнуть на крышку пустой бочки.

— Всё хорошо, Ив! — крикнула она. — Я уже лезу обратно.

Ответа не последовало, но она тут же принялась перебирать руками по перекладинам ограды, отталкиваясь правой ногой. Левая её нога болела так, что казалось: боль ввинчивается, как штопор, прямо в мозг. И Настасья старалась не смотреть вниз — чтобы не увидеть, насколько быстро её джинсы краснеют. Однако она не сомневалась: эта травма, в сравнении с теми, какие получил Ивар, может считаться пустячной. Да и потом, по крышке бочки больше не стучала кровавая капель. Выходило, что и её рана не так уж сильно кровоточила, и повреждение на руке Ивара закрылось само собой.

— Ив, я уже здесь!

Она попробовала улыбнуться, всматриваясь в его широко распахнутые фиалковые глаза; и ей показалось, что Ивар тоже улыбается перепачканными в крови губами. Но кровотечение из его руки и вправду прекратилось. Так что, вероятно, никакая артерия всё-таки не была повреждена.

— Ив, кровь уже не идет! — воскликнула девушка радостно. — Может быть, ты попробуешь упереться ногами в ограду, а после этого мы с тобой вместе...

Настасья осеклась на полуслове: улыбка её жениха выглядела бесчувственной, застывшей. А его глаза... Она могла бы поклясться: во взглядах *чуди белоглазной*, проплывавшей под мостом, и то просматривалось больше выражения, чем в теперешнем взгляде Ивара.

— Ив, что с тобой? — Настасья почему-то перешла на шепот. — Ив?..

Он ей не отвечал. И только теперь она поняла, что его чудесные глаза всё это время глядели на неё, не мигая. Рискуя снова сорваться, Настасья протянула руку и коснулась его щеки. Кожа юноши показалась ей холодной и какой-то *резиновой*.

Настасья переступила на шаг ближе к Ивару — и конструкция под ней, как ни странно, даже не вздрогнула. Секунду или две девушка держала руку на весу, но потом всё-таки прижала пальцы к его шее. И держала их прижатыми целую минуту. А потом, поменяв руку, снова попыталась нащупать пульс. Но биения не было. И раскрытые глаза Ивара так ни разу и не моргнули за это время.

Настасья испытала такое чувство, будто на неё свалилась громадная груда камней — каждый размером с человеческую голову. И с каждым её вдохом численность этих камней прибывала, как если бы их всё сбрасывали и сбрасывали на неё.

В этой груде имелись *камни* старые: воспоминанья о её маме и папе, о гимназии, в которую они с Иваром ходили и об их прежнем городе. Но такие камни составляли только нижний слой груды; они давили на Настасью, но давление это не грозило ей смертью. Иное дело — *свежие* камни: её дедушка, вступающий в горящую квартиру Озолсов; горящий мертвец на асфальте двора; безликая девочка, нянчащая свою куклу. Однако и это давление Настасья могла пережить. Знала, что могла.

Но вот камень, который всю эту пирамиду увенчал... Это было уж чересчур. Ну, не мог же, в самом деле, Ивар — её Ивар: всегда храбрый, всегда оптимистичный, всегда знающий, что нужно делать, — умереть *вот так*? С какой стати ему было умирать? Им было только по восемнадцать. И разве не для того дедушка прятал их от колберов целых девять лет, чтобы они могли прожить счастливую и долгую жизнь? А её дедушка был мудрее всех людей на свете! Почему же он тогда не предвидел, как всё закончится?

— Почему, дедушка? — Настасья даже не заметила, что говорит вслух. — Почему ты не придумал другой план? Почему полез в огонь? Почему позволил Ивару умереть?

Ей пришло в голову: никто даже не сможет её несостоявшегося жениха опознать. Никто не поймет, кто он, когда его тело найдут. Теперь, когда их дом сгорел, а приготовленные дедушкой биогенетические паспорта потеряны вместе с сумкой, ни у кого на свете не осталось их изображений: ни Ивара, ни самой Настасьи. Но — она ведь не уйдет отсюда, не оставит его одного, правда?

— Я не уйду, Ив? — Настасья с удивлением поняла, что задает вопрос.

Да мало того: она была уверена, что услышала ответ! Губы Ивара, конечно, не разжались, но в своей голове она ясно услышала его слова: «Тридцать минут. И пятнадцать из них уже прошли».

6

— Я не могу этого сделать, — жалобно произнесла Настасья. — Прости меня, Ив, но я просто *не могу*.

Он больше не отвечал ей. Да он, конечно, вообще не отвечал. И не стал бы он её заставлять делать такое! Он же видел, как это происходит: видел, что случилось с Кариной.

— Не стал бы, если б только было, из чего выбирать. — Настасья сказала это сама — как и сама напомнила себе про тридцать минут.

Какая-то её часть с самого начала знала, что она исполнит последнее желание Ивара. Но только — он не должен остаться неопознанным безликим. Настасья сунула руку в маленький кармашек для часов на своих джинсах и осторожно, двумя пальцами вытянула оттуда малюсенький предмет. Это был кусочек янтаря, который Ивар нашел на взморье в тот самый — последний счастливый — день. Она поднесла ладонь к самым глазам и всмотрелась в эту пустяковину, которую все последние девять лет носила с собой — какая бы одежда на ней ни была надета. Овальное тельце с маленькой головкой — божья коровка, сама собой слепившаяся из смолы много веков назад.

— Вот, Ив, — Настасья прямо поглядела в мертвое лицо своего несостоявшегося жениха, — это твоя карамелька. Ты отдал её мне — не пожадничал. А теперь я возвращаю её тебе. Сладких тебе снов, Ивар Озолс!

И она, рискуя снова свалиться, протянула руку и вытянула у Ивара из-под ветровки цепочку медальона Святого Христофора. И слегка заостренной головкой божьей коровки процарапала на обратной стороне медальона фамилию — *Озолс*. А потом, упрятав золотую вещь обратно, Настасья чуть приоткрыла рот Ивара и положила ему под язык маленькую янтарную каплю — перепачкав пальцы в его крови.

«Десять минут!» — прокричал голос у неё в голове.

Но Настасья всё еще всматривалась в лицо Ивара — зная, что видит его в последний раз. А потом её вдруг осенило: может, и не в последний? Может быть, он вернется к ней именно так — таким диким, чудовищным, но вполне реальным образом?

— Ты вернешься, но это будешь уже не ты, — сказала Настасья. — И зачем тогда всё это?

Она подалась назад и уже изготвилась лезть по ограждению вниз, когда вспомнила слова дедушки: *Китеж-град*. И вспомнила про предмет у себя в кармане. А потом тяжело, медленно потянула из кармана кардигана зеркальную колбу.

— Прощай, Ив, — прошептала Настасья и вдавила кнопку на капсуле.

Острие, которое сразу же выскочило из зеркальной поверхности, показалось ей похожим уже не на жало насекомого. Она решила, что больше всего оно походит на шип какого-нибудь средневекового орудия пытки. Вроде тех, какими была утыкана внутренняя поверхность Железной Девы.

— Но теперь *Железная Дева* — это я. — Настасья издала то ли смешок, то ли всхлип — она сама не поняла. — Вот так-то, Ив.

7

Уже рассветало, и Настасья смогла, наконец, прочесть надпись, сделанную на злосчастной бочке: *Ночью — маски, днем — шляпы. Берегись их!* Что это могло означать — у девушки даже не было сил подумать. Припадая на левую ногу, она поковыляла к противоположной стороне моста. Ей нужно было попасть на другой берег Даугавы — где всё ещё работал госпиталь, и она могла бы получить хоть какую-то помощь. Ивара — *её* Ивара — больше не было. Мертвое тело осталось висеть на арматурном пруту под пешеходной дорожкой моста. Но оно так же мало походило на *её* красавца-друга, как истаявшая на солнце восковая фигура из музея мадам Тюссо — на свой оригинал. Настасья думала, что захочет еще проститься с ним, прежде чем уходить. Прикоснуться к нему в последний раз. Однако ноги сами понесли *её* прочь — как только она сунула под ветровку, в карман вязаной кофты, заполненную капсулу.

Один только раз девушка обернулась — как Орфей, пытавшийся вывести из царства мертвых Эвридику. И тут же пожалела об этом. По пешеходному мосту шли люди. Даже не шли — *фланировали*. Сперва Настасья не поняла, почему они идут так медленно, а потом до неё дошло: они аккуратно обходят провалы, сквозь которые безликие падали в Даугаву. Так что спешить им и вправду не пристало.

Лица всех идущих прикрывали уже знакомые Настасье черные маски. Все эти люди (только мужчины, ни одной женщины) являлись, конечно же, *добрыми пастырями*. И Настасья решила: они сами и проделали дыры в мосту, чтобы сподручнее было топить безликих. Прятать — в прямом смысле — концы в воду.

И теперь пастыри, конечно же, высматривали *её*. Девушка метнулась вправо — к самому основанию пешеходного настила, молясь, чтобы люди в палаческих масках не успели *её* разглядеть. Поначалу она никак не могла понять, почему они медлили так долго — не сразу пошли *её* разыскивать? А потом посмотрела вперед и увидела: у другого берега Даугавы, возле входа на противоположную часть пешеходной дорожки, дежурит другая группа мужчин с зачерненными лицами.

Медленно, почти ползком — и вовсе не из-за хромоты — Настасья стала продвигаться к противоположному берегу вдоль опор пешеходного моста. Она просто не знала, что еще могла бы сделать. Люди наверху шли, переговариваясь на латышском языке, и она улавливала только, что они поминутно призывают друг друга к осторожности.

И тут до неё донесся звук, который она даже не сразу сумела идентифицировать. Слишком уж давно ей не доводилось его слышать: по асфальту шуршали шины приближающегося электрокара. Люди на пешеходной дорожке умолкли все разом. И Настасья почему-то была уверена, что они не просто затаились, но еще и попадали ничком — чтобы их невозможно было разглядеть даже в рассветных сумерках. А когда Настасья

рискнула выглянуть из-за опоры моста, то обнаружила: у противоположного его конца тоже больше никто не стоит.

И она решилась: выскочила на проезжую часть.

Водитель черного седана затормозил при виде неё так резко, что на асфальте даже остались темные следы от его шин. Он опустил окно со стороны водительского сиденья и воззрился на девушку — как-то очень уж пристально, словно бы выискивая что-то в её лице.

Уставилась на него и сама Настасья, пытаясь найти ответ на один-единственный вопрос: кто опаснее для неё? *Пастыри* или этот человек: немолодой, с коротким ежиком седых волос, одетый в дорогой элегантный костюм?

— Вам нужна помощь? — Водитель седана задал вопрос по-латышски, но потом, заметив непонимание, повторил его по-русски, с легким немецким акцентом.

— Д-да... — Настасья не очень уверенно кивнула.

Ей показалось, что этого человека она уже видела прежде, хотя и довольно давно.

— Вы одна или с кем-нибудь? — задал между тем водитель новый вопрос.

— Одна, — честно ответила Настасья — хоть и понимала, как рискует.

— С вами приключилась какая-то беда?

И девушка на одном дыхании выдала:

— Я возвращалась от подруги, и около моста натолкнулась на целую толпу этих... ну, вы понимаете. Они сбили меня с ног, я упала и потом долго не могла подняться — они всё шли и шли... Но потом я всё-таки вырвалась и побежала на мост.

Новое выражение возникло при этих её словах на лице пожилого мужчины. Словно бы — смесь сочувствия и осознания собственной вины.

— Я вижу, вы ранены. — Он кивком указывал на её голень. — А я как раз еду в больницу. Так что садитесь — я вас подвезу.

В последний момент Настасья заколебалась было. Но потом бросила короткий взгляд назад, и увидела: один из людей в масках приподнялся над пешеходным настилом и глядит прямо на неё. А водитель уже открыл для неё заднюю дверцу своего электрокара. И Настасья поняла: она просто *не может* больше бояться. Страх вытянет из неё последние силы, какие еще остались. Она коротко вздохнула и села в машину незнакомца.

Часть вторая. ДОБРЫЕ ПАСТЫРИ. Глава 6. Хозяин черного пса

28 мая 2086 года. Утро вторника. Рига
Общественный госпиталь Балтийского союза

1

Максу предстояло дежурить еще полтора часа, но он думал, что теперь, когда ночь почти позади, новых пациентов уже не будет. Их вообще становилось всё меньше день ото дня. И обычных пациентов, и *особых*, которым отвели отдельное крыло. В городе-то они появлялись с прежней частотой, но кое-кто решил, что не стоит тратить на безликих дорогостоящие ресурсы. Через год-другой все они, так или иначе, отправятся в лучший мир. Так отчего бы ни ускорить этот процесс? Макс числился в больнице всего лишь волонтером, но даже с ним исподволь проводили беседы: выясняли, не желает ли он пополнить ряды *пастырей добрых*.

Становиться пастырем он отказался. Зато поделился с доктором-агитатором, который долго разглагольствовал о беспределе колберов, одной своей разработкой — выполненной в свободное от волонтерской службы время. Макс предложил бесплатно раздавать жителям Риги баллончики с аэрозолем, который следовало распылить в лицо колберу в случае его нападения. Состав аэрозоля не представлял опасности для здоровья человека, однако вызывал кратковременную слепоту. А кожа, на которую попадало распыляемое вещество, приобретала такой вид, словно по ней прошли пескоструйкой: делалась багрово-красной, как если бы с неё содрали верхний слой эпителия. Лишь естественные процессы регенерации могли восстановить прежний облик человека — недели через три.

— Если колбера поймают в таком состоянии, — сказал агитатору Макс, — это станет бесспорным доказательством его вины.

— Но только, — хмыкнул тогда доктор, ведший с ним беседу, — если этот мерзавец не воспользуется экстрактом Берестова из собственных запасов, чтобы пройти трансмутацию. — Однако он всё-таки взял у Макса диск с описанием технологии производства аэрозоля «Антиколбер».

О широком внедрении своей разработки Макс так ничего и не услышал. Вероятнее всего, его аэрозоль стали предлагать за огромные деньги богатым и знаменитым красавцам, которые и так нанимали себе телохранителей. Но ходили слухи, что на территории Евразийской Конфедерации поймали и осудили двоих преступников, от которых потенциальные жертвы отбились при помощи некоего инновационного средства. *Лицо колбера* — так называли журналисты эффект от его применения. Пожалуй, Макс мог бы запатентовать свое изобретение и получать лицензионные отчисления за его использование. Но уж этого-то он точно делать не собирался.

Раннее утро вторника он встречал, расположившись в плексигласовой кабинке дежурного врача в приемном покое отделения неотложной помощи. И на груди у него красовался бейдж с надписью: *Макс Петерс, волонтер*. Никаких документов о своей медицинской квалификации он в госпиталь не представлял, но доказал наличие

необходимых практических навыков — и при катастрофической нехватке медперсонала этого оказалось вполне достаточно. А *настоящего* дежурного врача еще несколько часов назад вызвали в ожоговое отделение. И не похоже было, что он вернется оттуда до окончания ночной смены.

В предутреннем затишье Макс развалился в кресле дежуранта с планшетом на коленях. И даже Гастон, отлично знавший, что дальше коридора здесь ему заходить нельзя, устроился в той же кабинке у его ног: дремал, положив черную башку на вытянутые передние лапы.

Гастон, как и Макс, был в госпитале волонтером. Конечно, в прежние времена, *до 2076* года, никто не пустил бы собаку в лечебное учреждение. Однако с тех пор многое переменилось. Так что пятилетний ньюфаундленд, натренированный вытаскивать тонущих людей из воды, пришелся госпиталю как нельзя кстати — после скандального случая, когда тронувшаяся умом медсестра утопила в бассейне всех до единого пациентов особого отделения.

Может быть, руководство госпиталя и не придавало бы значения этому досадному происшествию, однако родственникам утопленников пришлось выплачивать серьезные компенсации. Так что повторения инцидента никто не желал. И Гастон каждый раз спускался в подвальное помещение, где находился бассейн, когда туда приводили пациентов. И обычных, и безликих — которых заводили только в мелкий детский «лягушатник». Гастону-то было без разницы, безликие они или нет. Если б они стали тонуть, он бы спасал их даже ценой своей собственной жизни.

Правда, теперь бассейном почти не пользовались — после того, как *пропал без вести* техник, ведавший его обслуживанием. Но Гастон расстраивался и скучал, когда его оставляли дома одного. И Макс решил: он будет возить своего пса с собой на дежурства. Объяснит, что тот хорошо обучен и не станет заходить никуда, кроме коридора приемного покоя и своей вотчины — бассейна. Однако никто из руководства Общественного госпиталя присутствия Гастона даже и не заметил.

И вот теперь, когда Макс на своем планшете смотрел по ночному телеканалу старый сериал о зомби, Гастон внезапно встрепенулся: вскинул голову, наострил уши. А потом вскочил и потрусил к дверям приемного покоя, шлепая по полу своими широкими, как снегоступы, лапищами.

На полдороге он обернулся, словно бы спрашивая хозяина: ну, ты идешь? Он был нетерпелив — прямо как его хозяин в прежние времена. Так что Макс поднялся с кресла и поправил на ремне кобуру, в которой был пистолет с усыпляющими полуоболочечными патронами. Всех дежурантов снабжали таким оружием. Эти пистолеты еще много лет назад получили ироническое наименование *Rip van Винкль* — в честь героя Вашингтона Ирвинга, проспавшего двадцать лет кряду. Для приобретения этого не летального оружия даже не требовалось никакого разрешения; достаточно было зарегистрировать его при покупке прямо в магазине. И за последние десять лет оно превратилось в один из самых популярных товаров во всем мире.

Вот так: с *Рипомван Винклем*, а не с докторским саквояжем — Макс и пошел по коридору следом за своим псом, который явно услышал шуршанье шин подъезжающего электрокара.

2

Из черного седана, что припарковался на стоянке перед госпиталем, вышли два человека: мужчина и молодая женщина. Причем первый — водитель, задержавшийся, чтобы запереть машину, — был Максу знаком. Это был не кто иной, как сенатор Балтийского союза Мартин Розен. В прежние времена, когда телеканалов в Балтсоюзе было намного больше, чем теперь, его лицо частенько мелькало на экране. К тому же, он был одним из попечителей Общественного госпиталя. Розен огляделся по сторонам, читая надписи на неоновых указателях, и двинулся напрямик к дверям ожогового отделения больницы. Похоже, он собирался навестить кого-то из тамошних пациентов. Так что Макс сразу же потерял к нему интерес.

Иное дело — пассажирка электрокара. Она тоже оглядела стоянку, но движения её казались замедленными, вязкими, почти сомнамбулическими. И такой же походкой сомнамбулы она побрела по направлению к Макс, который стоял прямо под неоновой надписью «Отделение неотложной помощи». Шла она, припадая на левую ногу. И Макс поспешил её навстречу — на всякий случай разложив одну из стоявших возле дверей электрокаталок, которая тут же своим ходом поехала за ним. Гастон же с отчетливо слышимым вздохом сел возле дверей приемного покоя. Он уже имел опыт и осознавал: пациенты, не знающие, что он тоже волонтер, могут в первый момент его испугаться — черного лохматого гиганта в три четверти центнера весом. А Макс даже забыл отдать ему команду *сидеть*: всё его внимание приковала к себе идущая по стоянке девушка.

Она была не старше двадцати лет, в черной ветровке, перепачканной кровью, и в разорванных на левой ноге джинсах. Голову её прикрывал капюшон, но она сбросила его, когда увидела Макса. И первое, что тот подумал при виде неё: он в жизни своей еще не встречал никого красивее. Да, лицо её было измученным и серым от пыли, но там, где его не покрывала пыль, кожа казалась прямо-таки светящейся. Глаза цвета морской воды, и без того — большие, на осунувшемся лице девушки выглядели просто огромными. Черные волосы, сильно растрепавшиеся, всё-таки блестели как шелк. А главное — Макс мгновенно понял, что этой необычайной красотой она обладала от рождения, а не приобрела её в процессе трансмутации.

— Я могу вам помочь?

Он обратился к девушке по-русски, откуда-то точно зная, что и для неё это — родной

язык. И протянул руку, чтобы её поддержать, хотя казалось, что даже с раненой ногой (*резаная рана, кровотечение остановилось*) она стоит вполне твердо. И так же твердо она выговорила:

— Да, мне нужна помощь.

Но после этого её серо-зеленые глаза вдруг закатились, колени подогнулись, и Макс едва успел её подхватить, чтобы уложить на каталку с электромотором.

3

Он довез её до смотрового стола и без усилий переместил на него: в девушке, наверное, и пятидесяти килограммов не было. А когда он разрезал штанину её джинсов, чтобы обработать рану, объявился Гастон. Черный пес уселся в раскрытых дверях смотровой, полностью их перегородив, и уставился на незнакомку своими янтарно-карими глазами.

Как раз в этот момент девушка очнулась, несколько раз удивленно сморгнула и — тоже воззрилась на Гастона, а не на Макса. Волонтер ничуть этому не удивился: прекрасные барышни не баловали его своим вниманием.

— Это кто? — спросила девушка почти с благоговейным восхищением.

И по её интонации Макс понял, что неверно определил её возраст: двадцати ей наверняка еще не было. Хорошо, если ей исполнилось восемнадцать.

— Это — мой ньюфаундленд, — сказал он. — Его зовут Гастон. Он — служебный пес, опытный спасатель. Не бойтесь его! Он очень добрый и миролюбивый.

Пес понял, что говорят о нем: склонил голову набок и приоткрыл пасть в довольной улыбочке. Макс порадовался, что по своему обыкновению надел ему на шею завязанный сзади узлом хлопчатобумажный платок-бандану: в уголках пасти Гастона нитками повисли слюни и начали капать на этот импровизированный слюнявчик. Девушка тоже улыбнулась черному ньюфу, и горестная складка, только что рассекавшая её лоб, волшебным образом разгладилась.

— Хороший мальчик, — проговорила она, и пес от восторга даже слегка подпрыгнул, приветственно шлепнув передними лапами об пол.

А Макс, благодарный Гастону, что тот отвлек внимание пациентки, уже занимался её раной: обработал её голень антисептическим и анестезирующим спреем, выровнял края раны скальпелем и скрепил их саморассасывающимися стяжками. И уже накладывал на рану пластырь «Лист подорожника», когда заметил, что девушка больше не смотрит на собаку. Взгляд её огромных серо-зеленых глаз был теперь обращен на него. И Макс вынужден был напомнить самому себе: минули те времена, когда его могли волновать взгляды юных барышень.

Он обработал антисептиком ободранные ладони пациентки, после чего покрыл их заживляющей пленкой, а потом проделал то же самое с неглубокой ссадиной у неё на щеке — словно бы оставленной тонким хлыстом. И подумал: по-хорошему, он должен был бы предложить ей раздеться, чтобы более тщательно её осмотреть. Но во всем отделении неотложной помощи никого из людей, кроме них двоих, не было. И Макс не хотел выяснять, как в подобной ситуации девушка воспримет его предложение. Ему и без того почудилось нечто странное в её взгляде: она глядела на него испытующе, словно бы хотела что-то о нем понять.

Её внимание Макса удивляло. Он хорошо понимал, *как* он сейчас выглядит: худой

альбинос тридцати лет с хвостиком, с острыми чертами невыразительного лица и без всяких претензий на импозантность. Но этой своей внешности он был даже рад. Ни один колбер уж точно не заинтересовался бы его персоной. А Гастон — оставшийся его единственным другом — любил его независимо от внешних данных.

— С вашей ногой всё будет в порядке. — Макс наконец-то поглядел девушке в глаза. — Шрама не останется. Вам только нужно будет каждый день менять пластырь. Вы останетесь в больнице или хотите пойти домой? Если домой — я выдам вам запас пластырей на неделю.

— А вам не нужно... ну... как-то зафиксировать мое обращение?

Он пожал плечами:

— Это — по вашему желанию. Я сегодня здесь один: заменяю дежурного врача. Так что, если вы не хотите себя называть, я никаких записей делать не стану.

— Я думала, это вы — дежурный врач, — удивилась девушка.

— Нет, я просто волонтер. — Он указал на свой бейдж.

— Понимаю. — По взгляду пациентки казалось, будто она и вправду что-то поняла.

Было даже странно, что это юное создание разглядывает его столь бесцеремонно. Но Макс решил: это, возможно, следствие психологического потрясения.

— Вы, быть может, хотите обратиться в полицию? — спросил он. — Я могу туда позвонить. С вами ведь что-то случилось? На вас напали?

Девушка секунду поколебалась, потом ответила — непонятно:

— Не совсем. И в полицию я обращаться не собираюсь. Не вижу смысла. — А потом вдруг задала вопрос — без всякого перехода, так что Макс даже вздрогнул: — Вы знаете что-нибудь про Китеж-град?

Теперь уже он воззрился на неё изумленно и испытующе.

— Так знаете или нет? — снова спросила девушка.

— Да я даже имени вашего не знаю, — попробовал он отшутиться.

— Меня зовут Настасья.

— А я — Макс. Ну, Максим Алексеевич, если хотите. Ну, а вы — Анастасия?..

Он сделал паузу: здесь, в Риге, среди русскоязычного населения вошло в обычай обращаться к малознакомым людям по имени-отчеству, независимо от их возраста.

— Я не Анастасия и не Настя, я — *Настасья*, — с почти детской важностью произнесла девушка. — Настасья Филипповна Рябова. У меня так записано и в метрике.

— Как-как?! — От удивления он чуть было не выронил упаковку пластырей, которую уже приготовил для пациентки.

Гастон от его возгласа даже вскочил на все четыре лапы. Но тут же снова сел: понял, что хозяин просто поддался эмоциям — никакой угрозы ему нет.

— Настасья Филипповна, — повторила девушка, ничуть не смущаясь. — Мой папа обожал Достоевского. И, когда у них с мамой родилась я, имя для меня было готово заранее.

«Папа — *обожал*, — подумал Макс. — Выходит, её отца уже не в живых».

— А ваших родителей не смутило то, что они назвали свою дочь в честь литературной героини... скажем так: с не очень счастливой судьбой?

— Не смутило — они были не суеверны.

И Макс понял: обоих её родителей уже нет на свете. Оставалось только поражаться, как она — с такой красотой! — сумела не попасться в лапы колберам. А юная пациентка будто прочла его мысли.

— Меня воспитывал дедушка, — сказала она. — И вот он поначалу и вправду был не очень рад, что мне дали *такое* мое имя-отчество. Часто выговаривал за это моим родителям. А потом... В общем, его стали волновать совсем другие вещи. Но давайте дальше вы будете называть меня просто Настасьей, без отчества. А я буду звать вас Максом, хорошо?

— Хорошо, — кивнул он.

— Так что же насчет Китеж-града, Макс? И я, конечно, не про оперу сейчас говорю.

4

Он знал про *не оперный* Китеж-град. Был одним из немногих, кто по-настоящему знал о нем — и здесь, в Балтийском союзе, и в Евразийской Конфедерации. А Конфедерация была огромной! Изначально включавшая в себя только Россию, Белоруссия, Казахстан и Киргизию, она впоследствии приняла в свой состав Болгарию, Сербию и Монголию. А статус ассоциированных членов и вовсе имели больше десятка государств. Однако — хватило бы пальцев на руках, чтобы среди многих миллионов конфедератских жителей пересчитать тех, кто на самом деле был осведомлен о китежской коммуне. Исключение, конечно, составляли поселенцы самого Нового Китежа, но они старались без крайней необходимости не покидать его пределы. Да что там — старались *вообще* их не покидать.

— Красота может быть сущим проклятьем — в точности, как для Настасьи Филипповны из романа Достоевского, — сказал Макс — больше самому себе, чем девушке.

— Это уже не имеет значения. — Пациентка села на смотровом столе, свесив ноги. — Но я *хочу*, чтобы вы всё-таки ответили мне.

— Да, я знаю о Новом Китеже, — сказал Макс. — Но вот откуда вы, Настасья... — (он чуть было не прибавил: *Филипповна*), — о нем знаете?

— Мой дедушка рассказал мне про этот Китеж, перед тем, как... Ну, неважно. В общем, он хотел, чтобы мы — я и мой жених, Ивар, — вдвоем туда отправились.

Макса так неприятно поразило упоминание о женихе, что он сам на себя удивился. Ну, что это за ребячество? Какая разница, есть у этой девушки жених или нет? И всё же его голос прозвучал как-то неестественно, когда он спросил:

— И где же он теперь — ваш жених?

Девушка сразу сникла, и уголки её пухлых, почти детских губ опустились книзу.

— Он остался на мосту ЕС, — сказала она. — А на мне осталась его кровь.

Говоря это, она повела плечами — словно пытаясь обратить внимание Макса на свою ветровку, покрытую подсыхающими красно-бурыми пятнами. Однако по её интонации легко было понять, что, говоря: *на мне его кровь*, Настасья подразумевала не только буквальный смысл этих слов. Но по-настоящему Макса смутило — и заставило испугаться! — совсем другое. «Мост ЕС...» — подумал он.

А девушка тем временем прибавила:

— Но я могу вам его показать — моего Ивара. — Говоря это, она сунула руку под свою ветровку.

— Он мертв, надо полагать? — спросил Макс. — Там, на мосту, осталось его тело?

— Они все — мертвы. — Подбородок Настасьи дернулся, но было видно, что при этом она крепче сжала какой-то предмет, находившийся у неё под ветровкой. — И там его тело, да.

— И вы по-прежнему не хотите обратиться в полицию?

— Никто не убивал Ивара. Это был несчастный случай. Ну — *почти*. А у вас не найдется чего-нибудь попить?

— Да что же это я! — огорчился Макс, но мысленно сделал для себя заметку: позже уточнить, что значит это *почти*. — Я должен был сразу вам предложить. Но погодите: сейчас мы всё исправим! У нас есть для таких случаев маркитант. — И радуясь удивлению девушки, он повернулся к своему ньюфу: — Гастон, рюкзак туриста!

Черный пес тут же вскочил и понесся прочь — в ординаторскую. Этот трюк был одним из многих в репертуаре ньюфаундленда. Порой Макс и Гастон даже устраивали небольшие представления для пациентов, которые все ньюфа обожали: и взрослые, и, уж конечно, дети. А сейчас Гастон меньше чем через минуту вернулся к дверям смотровой, держа в зубах небольшой рюкзачок цвета хаки. Макс подошел и взял принесенную вещь.

— У нас в больнице столовая по ночам не работает, — сказал он. — А те автоматы, в которых раньше были напитки и еда, давно вышли из строя. Так что я приношу с собой из дому термоконтейнер с кофе и горячим ужином.

Девушка не стала ломаться: приняла угощение с благодарностью. А, как только она закончила есть, Макс спросил:

— Когда вы были на мосту ЕС, то ничего необычного там не заметили?

Настасья медлила с ответом не меньше минуты, и Макс терпеливо ждал. Наконец, она сказала:

— Смотря что считать необычным. К примеру, когда я уже уходила с моста, меня предложил подвезти какой-то человек на красивой машине. Я сначала испугалась — думала, что он из колберов. Но я так устала... Да и, к тому же, мне его лицо показалось смутно знакомым. Вроде как — это был известный политик, если я только ничего не напутала.

— Я не этого водителя имел в виду.

— А кого? Так называемых добрых пастырей?

Максу почудилось, что ему брызнули на спину анестетиком: вдоль позвоночника у него побежали мурашки.

— Стало быть, вы их видели, — сказал он.

— Видела. — У девушки исказилось лицо, как от судороги, и на миг она даже показалась некрасивой. — Если бы не они, то Ивар был бы сейчас жив.

«Странно, что хоть вы-то сейчас живы», — подумал Макс.

— А они вас видели? — спросил он.

— Возможно. Скорее всего. Хотя на мне был капюшон, мост освещался плохо, и вряд ли они разглядели мое лицо.

— Я бы на это не особенно рассчитывал. Думаю, вам нужно уходить отсюда как можно скорее. Вам есть, куда пойти?

— Вот потому-то я и спросила про Китеж-град, — сказала девушка. — Возможно, мы заключим сделку.

И она наконец-то извлекла из-под черной ветровки предмет, который всё это время сжимала в ладони.

Макс глядел на то, что отдала ему Настасья, и хотел поверить: он просто спит. Уснул в кресле дежуранта, и ему всё это приснилось: и девушка небывалой красоты с поразительным

именем Настасья Филипповна, и тот политик на стоянке электрокаров, и, самое главное, эта вещь: капсула с содержимым. Теперь-то он понял, что имела в виду его пациентка, когда предлагала *показать* ему своего жениха.

Да, её жених, Ивар, был ей под стать, что правда, то правда! Макс рассмотрел его изображение в индикаторном окне колбы. Но — красота этого юноши словно бы служила лишним подтверждением нереальности всего происходящего. *Как* двое этих детей сумели столько времени прожить в городе, который давно уже приобрел черную славу европейской столицы колберов? Макс ощутил искушение ущипнуть себя за руку, а еще лучше — уколоть палец иглой шприца, чтобы уж точно пробудиться от этого дикого сна. Однако — девушка была настоящей. И принесенная ею капсула с экстрактом Берестова — тоже.

— Откуда это у вас? — Он чуть приподнял капсулу, которую Настасья почти насильно вложила ему в руку.

— Ивар велел мне забрать его экстракт, когда... когда его не станет. Он понимал, что... Голос девушки так задрожал, что Макс поспешил её перебить:

— Я не о том. Откуда у вас взялась сама эта вещь?

— А, колба? В смысле — капсула Берестова/Ли Ханя? Вы не поверите! Родные сестры Ивара хотели с ним сделать — как это называли в Глобалнете: *принудительную экстракцию*.

— Отчего же не поверю? Бывали случаи, когда матери продавали колберам своих детей. А вы говорите — сестры!..

— Да, я же совсем забыла! — Настасья потерла рукой лоб. — Мы с Иваром видели ночью недалеко от моста девочку. В смысле — безликую. Так что, наверное, мне придется всё-таки позвонить в полицию.

— Если она находилась *около моста*, — сказал Макс, — то вряд ли она всё еще там. Вы же видели, что делают с безликими добрые пастыри. И, в любом случае, сообщать о девочке в полицию вам нельзя: я сам позвоню, анонимно.

Настасья хотела было запротестовать, но, как видно, у неё уже просто не осталось на это сил. Так что она сказала:

— Ладно, как знаете. Но о пастырях вы мне расскажете потом поподробнее. Если мы с вами заключим соглашение, конечно.

— Какое соглашение? — Макс никак не мог уразуметь, чего именно хочет от него странная красавица.

— Что значит — *какое*? — Девушка искренне удивилась. — Вы помогаете мне добраться до Китеж-града, а я в уплату отдаю вам капсулу с экстрактом Ивара.

Хорошо, что Макс к этому времени успел же положить капсулу на смотровой стол. Не то он, чего доброго, уронил бы её прямо на кафельные плитки госпитального пола.

Некоторое время он глядел на девушку, не понимая, что он видит перед собой: невероятную невинность или невероятный цинизм? Хотя, конечно, в первую очередь видел он в ней потенциальную угрозу для себя — неожиданную и ошеломляющую. Ну, не бывает в жизни таких совпадений! Эта юная красавица — *Настасья Филипповна* — пришла именно к нему! И она хочет, чтобы он проводил её в Новый Китеж! Если уж это не было похоже на ловушку, то Макс тогда уж и не знал, *что* было.

Гастон явно почувствовал, что его хозяин весь на взводе: задышал часто и напряженно.

А вот девушка — та выглядела спокойной. Только продолжала глядеть на него испытующе своими серо-зелеными глазами. Да еще обхватила себя руками за плечи.

И тут Макса словно плетью хлестнуло воспоминанье.

— Как, вы сказали, ваша фамилия? — спросил он — хотя, в общем-то, и так её помнил.

— Рябова. Настасья Рябова. Когда я ходила в начальную гимназию, одноклассники придумали мне прозвище — *Курочка Ряба*.

И Макс понял, почему имя *Филипп Рябов* показалось ему отдаленно знакомым. В самом начале всей этой мерзости — в 2077 году, когда нападения колберов носили еще эпизодический характер, — на всю Европу прогремел случай, произошедший в Риге. Молодые супруги, поехавшие на пляж со своей девятилетней дочерью и её одноклассником, подверглись недобровольной экстракции. И затем, отправленные колберами плыть на резиновых лодках по заливу, утонули.

Дело получило колоссальный резонанс, поскольку все были поражены красотой Марии и Филиппа Рябовых, чьи фотографии буквально заполнили Глобалнет (никто и помыслить не мог, что Всемирная сеть прекратит свое существование всего пять лет спустя). «Перерождению» тогда крепко досталось: все, кому не лень, упрекали корпорацию в том, что она зарабатывает гигантские деньги, фактически поощряя преступников: создавая материальную базу для их злодеяний. Но корпорация — в лице своего президента Дениса Молодцова — быстренько изыскала способ заткнуть всем рты. В течение полугода стоимость порожних капсул Берестова снизилась почти в три раза — равно как снизились на время и доходы корпорации. Потом, конечно, Денис отыграл все понесенные потери. Но в тот момент говорить о громадных деньгах и сверхприбыли «Перерождения» казалось неуместным. И средства массовой информации умолкли. А потом и вовсе забыли про ту историю с семьей Рябовых: нашлись инфоповоды посвежее.

Но существовала одна деталь, не попавшая в СМИ: имя и фамилия ребенка, который в тот день был на взморье вместе с семейством Рябовых.

— А как была фамилия вашего жениха — Ивара? — быстро спросил Макс.

— Его звали — Ивар Озолс.

Макс коротко вздохнул: он и так почти не сомневался, каким будет ответ.

— Хорошо, — после паузы сказал он, — я помогу вам добраться до Нового Китежа. Но эта вещь пусть пока будет у вас. — Он протянул было Настасье капсулу, но потом спохватился: — Вот только нужно её упаковать понадежнее. Я знаю, что можно использовать.

Он отстегнул от поясного ремня кобуру, а затем извлек из неё *Ripa van Винкля* и положил его на смотровой стол.

— Вот, — он протянул кобуру девушке, — она сверхпрочная и противоударная. Положите вашу... вашу вещь сюда.

И девушка только успела это сделать, когда Гастон внезапно вскочил и понесся куда-то по коридору. А через пару секунд Макс и Настасья слышали приближающиеся шаги.

— Набросьте капюшон, быстро! — велел Макс.

Он совсем не был уверен, что это поможет — если в больницу пришел тот человек, о котором он подумал. И волонтер мысленно изругал себя последними словами за то, что не

увел отсюда Настасью раньше — хотя бы не усадил её дожидаться окончания его смены в машине. Его сбило с толку то, что Мартин Розен, который подвез девушку до госпиталя, *отпустил* её.

Настасья надвинула черный капюшон на глаза и сунула обратно под ветровку капсулу, упрятанную в кобуру. А ровно через миг в дверях возник высокий седовласый господин лет пятидесяти пяти в распахнутом халате бледно-зеленого цвета: главный врач госпиталя. Гастон крутился возле него, ритмично и широко отмахивая мощным пушистым хвостом и норовя поднырнуть своей круглой башкой под руку пришедшему. Пес был дружелюбен со всеми, кто не угрожал его хозяину. А человека в зеленом халате он давно знал и никакой опасности в нем не видел.

— Доброе утро, Максим Алексеевич! — Голос главврача казался мягким, как всегда, но смотрел вошедший не на волонтера: он так и впился взглядом в Настасью.

Девушка отвернулась от дверей и глядела в сторону стеклянного шкафчика с медицинским инструментарием, так что главврач мог видеть лишь её спину и прикрытый капюшоном затылок.

— Доброе утро, Корней Оттович! — Макс всегда называл главного врача госпиталя, Корнелиуса фон Берга, происходившего из семьи остзейских немцев, по его русифицированному имени-отчеству.

Это было в духе моды, которой Балтийский союз начал следовать еще до катастрофы, в конце шестидесятых годов XXI века. Тогда балтийские государства — да и Евразийскую конфедерацию тоже! — охватило нечто вроде имперского ренессанса. Снова вошли в употребление термины и словечки, от которых веяло веком иным: даже не двадцатым — девятнадцатым. Почти все обращения, даже официальные, русифицировались. И на каждом шагу стали применяться *неоархаизмы*: милостивый государь, барышня, городской, классная дама, контора и многие другие.

— Как я посмотрю, у вас тут пациентка? — задал фон Берг риторический вопрос и принялся глядеть уже не на саму Настасью — куда-то за её плечо. — Вы можете передать её мне. Считайте, что ваше дежурство закончилось. Мы и так эксплуатируем вас сверх всякой меры. Езжайте домой, отдыхайте!

— Я уже оказал пациентке необходимую помощь, — сказал Макс. — И она попросила меня, чтобы я отвез её домой. Необходимости в её госпитализации нет.

— Ну, дорогой Максим Алексеевич, — главврач сделал вид, что улыбается, — это уж не вам решать, есть необходимость в госпитализации или нет. Я осмотрю её сам, и тогда уж приму решение.

И внезапно до Макса дошло, куда всё это время смотрел фон Берг: он видел отражение Настасьиного лица в стекле шкафчика. Да и сама девушка, должно быть, тоже это поняла. Потому как перестала прятаться и повернулась к главному врачу, про которого в госпитале все до единого знали: фон Берг — не просто один из добрых пастырей. Он является одним из учредителей этой организации. И шепотом говорили, что самое название *gute Hirten* придумал именно он, их Корней Оттович.

— Вот тут вы ошибаетесь, — заявила Настасья, глядя фон Бергу прямо в его бледно-голубые глаза, — решение могу принимать только я сама. Согласно Конституции Балтийского союза, ни госпитализация, ни медицинские процедуры не могут применяться к гражданам Союза принудительно.

Фон Берг на миг опешил — с ним в госпитале никто так не разговаривал. И Макс понял:

это может быть их шанс.

— Гастон, *танго!* — крикнул он, мысленно молясь, чтобы пес понял, с кем он должен танцевать, исполняя этот свой номер.

И пес не подкачал. Уж что-что, а одно он усвоил твердо: в смотровую путь ему заказан. А в коридоре с ним рядом находился только один потенциальный партнер — фон Берг.

Главврач отличался ростом немаленьким. Но, когда Гастон поднялся на задние лапы, а передние опустил ему на плечи, собачья морда всё равно оказалась чуть выше человеческого лица. Этот номер Гастон всегда исполнял вместе с Максом под звуки аргентинского танго. Сам пес переступал с лапы на лапу, его хозяин — с ноги на ногу, так что выглядело всё так, будто они и вправду танцуют. Однако фон Берг к подобным танцам привычки не имел. Так что, когда на него навалился ньюфаундленд весом в семьдесят пять килограммов, он просто потерял равновесие и с размаху плюхнулся на задницу. И прошипел сквозь зубы: «Scheiße!.. [1]». А Гастон с растерянным видом встал над ним, явно недоумевая: как такое могло случиться?

Именно на это Макс и рассчитывал. Фон Берг больше не перекрывал им путь к отступлению, и волонтер, схватив Настасью за руку, повлек её за собой в коридор и затем — к дверям на улицу. Гастона он пока что не звал: тому нужно было еще некоторое время отвлекать и задерживать *доброто пастыря*.

Только распахнув дверь на автостоянку, Макс обернулся — чтобы позвать ньюфа.

Но фон Берг уже не сидел на полу: он стоял на одном колене, как рыцарь перед дамой, и правой рукой держался за платок, повязанный Гастону на шею. Пес даже не пытался вырваться — только вопросительно смотрел на своего хозяина, словно бы ожидая, что тот ему скажет: закончилась уже эта игра или еще нет? Ньюф явно не понимал, что предмет, который фон Берг свободной рукой прижимает к его боку — это лазерный скальпель.

[1] Дерьмо (нем.)

Глава 7. Пастыри и барышни

28 мая 2086 года. Вторник. Рига

1

— Решайте, господин волонтер, — сказал фон Берг, — кого вам жалко больше: вашу собаку или смазливую девчонку? Выбор за вами.

Произнес он это с таким пафосом, что при иных обстоятельствах Макс рассмеялся бы. Но сейчас он едва сдержал рвущееся с губ ругательство. Настасья собралась что-то сказать, но Макс крепко сжал её локоть, и она догадалась — промолчала. *Господину волонтеру* требовалась тишина: чтобы Гастон не только услышал его команду, но и понял всё правильно. Пес находился от него метрах в двадцати, но Макс всё же сумел установить с ним зрительный контакт. И, глядя в янтарно-карие собачьи глаза, выкрикнул — на одном выдохе:

— Гастон, спасение висельника!

Этот номер из репертуара ньюфаундленда всегда особенно нравился детям. При небольшой скорости исполнения он смотрелся очень забавно. Однако пес был натренирован: чем быстрее речь хозяина, когда тот отдает команду, тем большую резвость он должен проявить, её исполняя.

И Гастон понял хозяина правильно.

Обычно, услышав название своего любимого номера, он медленно выкручивал шею из неплотно повязанной банданы и потом заваливался на спину, открывая незащищенный живот — который дети тут же начинали ему чесать. Но на сей раз пес проделал всё молниеносно. Он резко присел на передние лапы, высвобождая голову из своего платка-слюнявчика, и тут же, как черная торпеда, помчал к дверям на улицу. Фон Берг в последний момент успел-таки взмахнуть в воздухе скальпелем, и Настасья ахнула при виде этого. Но по стремительной побеге ньюфа невозможно было понять, ранен он или нет. А фон Берг между тем вскочил с полу и припустил за ним.

— Гастон, быстрее! — закричал Макс и схватил одну из сложенных электрокаталок, стоявших возле дверей, у стены.

Пес перескочил через порог, и его хозяин тут же захлопнул обе двери на улицу, подперев их каталкой и подсунув её под обе ручки. Почти сразу изнутри в них с грохотом врзался фон Берг — и послышалось новое ругательство.

На шее у Макса болталась на шнурке ключ-карта, и он замкнул ею электронный замок рядом с дверью. А затем сдернул карточку с шеи, снова затиснул в замочную прорезь и обмотал замок шнуром — заблокировал дверной сканер снаружи.

— А теперь — бежим!

Он потянул девушку за собой к роскошной, винтажного вида машине с бензиновым двигателем, на которой он ездил. И Гастон, смешно выбрасывая в стороны лапы, понесся вместе с ними.

Они слышали, как за их спинами колотил в дверь фон Берг. И Макс — чуть ли не впервые в жизни — порадовался тому, что мобильные телефоны были изъяты почти у всех граждан. Иначе Корней Оттович мог бы в один миг связаться с больничной охраной (пусть и сократившейся до двух человек), и сказать, чтобы автомобиль волонтера не выпускали со

стоянки.

На бегу Макс выдернул из кармана халата брелок и отпер замок машины еще за три шага до неё. А потом плюхнулся на водительское место, Настасья и Гастон запрыгнули на заднее сиденье, и меньше чем через минуту они уже отъехали от госпиталя.

— Куда мы теперь? — спросила Настасья.

— Ко мне домой. — Макс жил на этом же берегу Даугавы, примерно в двадцати минутах езды от места работы. — Посмотрите, пожалуйста, как там Гастон — серьезно он пострадал?

В салоне авто, отделанном натуральной кожей светло-бежевого цвета, отчетливо ощущался запах горелой собачьей шерсти.

2

Настасья производила осмотр довольно долго: раздвигала невероятно густой черный мех Гастона и обследовала кожу под ним. Ньюф сносил это со стоическим терпением.

— Шерсть на боку у него немного подпалена, — сказала, наконец, девушка. — Но ожогов я не нашла.

Макс облегченно выдохнул.

— Убью этого Берга! — пообещал он.

— Он что — один из *добрых пастырей*?

— В самую точку.

Он хотел прибавить, что Корней Оттович — не только главный врач, но и главный пастырь. Однако потом вспомнил про Мартина Розена и решил: такое заявление не соответствовало бы действительности.

Макс вел свой внедорожник по городским улицам и машинально оглядывал их. Десять лет назад в восемь часов утра они были бы запружены и машинами, и людьми. Но теперь только редкие прохожие шли по своим делам: не особенно торопясь. Вряд ли хоть одного работника в городе уволили за последнее время по причине опоздания на работу. Рабочие руки — это был слишком ценный, постоянно убывающий ресурс.

Попадались им на дороге и редкие электрокары — с такими же глухо тонированными стеклами, как в машине Макса. Хотя тонировка не очень-то помогала. Колберы выслеживали потенциальных жертв заранее — не выбирали их спонтанно. И чаще всего нападали, когда *объекты* выходили из машины, лучше всего — на подземной стоянке. Обычно в них выстреливали усыпляющим патроном, а потом увозили в неизвестном направлении. Так что люди побогаче давно уже пользовались только электрокоптерами. А все остальные старались, по крайней мере, не ездить в одиночку: всегда возили с собой кого-то, кто страховал их.

Правда, ходили слухи об *инцидентах*, когда колберы похищали вместе с электрокаром и водителя, и всех пассажиров — иногда трех или даже четырех. Так что многие считали: безопаснее ходить пешком. Все пешеходы на улицах — это были потенциальные свидетели. А мэр города подписал указ: любой свидетель нападения колберов имеет право применить против преступников летальное оружие.

Однако поле деятельности *охотников за красотой* в последнее время изрядно сузилось. Невозможно без конца вырубать один и тот же лес. Потому-то и стало для колберов подобием Эльдорадо то место, куда Макс пообещал доставить свою спутницу: Новый Китеж.

От размышлений его оторвала Настасья:

— Вы уверены, что нам стоит ехать к вам?

— Моего домашнего адреса никто в больнице не знает, — сказал Макс. — Да и добрые пастыри не станут нападать среди бела дня. Фон Берг — он просто был уверен, что в приемном покое никого, кроме нас, нет. Вот и решил с вами... побеседовать.

Он запнулся перед последним словом, но девушка явно его поняла. И никаких признаков страха не выказала. Она была крепкий орешек — эта Настасья Филипповна.

— Долго нам еще ехать? — спросила она.

— Минут десять, если на дороге не будет заторов.

— Так давайте, расскажите, мне, наконец, кто они такие — эти *пастыри*? Откуда они взялись? И почему решили истреблять безликих?

Макс испытал чувство, на которое считал себя уже неспособным: смущение. Он знал, что стало первопричиной возникновения этой организации — добрых пастырей. Но не готов был поведать юной красавице ту гнусную и непристойную историю, которая подтолкнула влиятельнейших людей города к тому, чтобы заняться деятельностью бесчеловечной и уголовно наказуемой. Не случайно пастыри прятали лица за масками. Если бы появились внушающие доверие свидетели их деяний (подобные Настасье), пастырей ждали бы такие последствия, что мало им бы точно не показалось. Фон Берг неспроста так себя повел. И Макс догадывался, кто сообщил ему о молодой свидетельнице. Удивлялся только, что господин Розен сам не осуществил её, так сказать, нейтрализацию.

Но теперь девушка глядела на Макса, упрямо нахмурившись: дожидалась его ответа. И он, пряча глаза, произнес:

— Несколько лет назад погибла дочь одного крупного балтийского политика. И, как это ни абсурдно, в её убийстве обвинили безликого. После чего отец безвременно почившей девицы и наш фон Берг сделали всех безликих объектами своей личной вендетты.

— А почему фон Берг принял случившееся так близко к сердцу?

— Его дочь дружила с погибшей. Была её лучшей подругой. Впрочем, это теперь несущественно. Мы с вами еще до наступления ночи покинем город. У вас есть паспорт? Он потребуется, чтобы перейти границу Конфедерации.

Настасья сразу сникла.

— Был, — сказала она.

— И где он теперь?

Девушка поморщилась, повздыхала немного, а потом стала рассказывать. И к моменту, когда они добрались до подземного гаража в кондоминиуме Макса, он уже знал, что произошло.

— Ну, так, — сказал он. — Сейчас мы поднимемся в мою квартиру, и вы с Гастоном останетесь там. А я навещу ваших бывших соседей.

— Они могут быть опасны! У одного даже есть электрошоковое устройство!

— Ну, и у меня кое-что есть... — Макс потянулся к поясу и только тут вспомнил: кобуру от *ван Винкля* он отдал Настасье, а сам пистолет остался в больнице.

Девушка мгновенно его поняла:

— Вы забыли свое оружие там, на столе!

— Ну, авось обойдусь!

— Да не в этом дело! Ведь пистолет зарегистрирован на ваше имя? Подумайте сами — что может с ним сделать этот фон Берг? Ваше оружие — это *веское и неоспоримое*

доказательство!

— Ну, тогда хорошо, что патроны в нем — не летательные! — рассмеялся Макс. — Идемте!

Он привел Настасью в свою квартиру на тридцать седьмом этаже и всё ей показал: две спальни, кухню, столовую, кабинет с компьютером.

— Гостевую спальню вы можете занять! — сказал Макс девушке — и тут же подумал: она — первая гостья, которую он принимает в этом доме.

Он выдал ей одежду для переодевания: свою собственную — благо, ростом и телосложением они отличались мало. Правда, свитер был растянутым, а на застёжке джинсов не хватало двух зубцов, но зато всё было чистым — свежестырированным. И девушка пошла в пресловутую спальню для гостей — переоблачаться. А Макс сменил больничную униформу на привычную для себя джинсовую одежду и вышел в прихожую, держа наготове новую бандану для Гастона. Пес вальяжно развалился на полу за дверью его спальни.

— Охраняй Настасью, она теперь наш друг! — Макс повязал платок ему на шею, потрепал ньюфа по загривку и крикнул: — Настасья, я ухожу!

Никто ему не ответил, и он осторожно приоткрыл дверь гостевой спальни. Девушка лежала на не разобранной кровати — прямо поверх покрывала. И по её мерному дыханию Макс понял: она спит беспробудным сном. На ней оставалось всё то, в чем она пришла — кроме окровавленной ветровки, которую она сняла в прихожей. А на прикроватной тумбочке лежала отстегнутая от её пояса пистолетная кобура с капсулой Берестова/Ли Ханя.

3

Макс хотел поскорее попасть на другой берег Даугавы — к дому Настасьи. И выбрал дорогу, которой не ездил давным-давно: через мост Европейского союза.

Не он один избегал моста ЕС. Тот пользовался в городе настолько дурной славой, что все гиды загодя предупреждали немногочисленных туристов, прибывающих в Ригу: мост входит в негласную сферу деятельности опасной экстремистской организации. Так что по мосту ЕС желательно не проезжать. А если уж придется, то ни в коем случае нельзя на нем останавливаться и выходить из машины. И Боже упаси проходить по нему пешком!

Работники турфирм, правда, забывали сказать приезжим, что руководство Балтийского Союза вот уже в течение трех лет категорически отрицает сам факт существования этой самой *экстремистской организации*. И заверяет всех, что *добрые пастыри* — это только городская легенда, страшилка для чересчур легковверных горожан. Хотя корпорация «Перерождение» уже сто раз называла эти высказывания лживыми. А год назад пообещала, что добьется аннулирования регистрации Устава Балтсоюза в ООН, если будет доказан факт геноцида на его территории граждан, подвергшихся экстракции. Что означало бы: Балтсоюз де-юре перестанет существовать.

Потому-то любой свидетель, видевший воочию, *что добрые пастыри творят*, становился для них смертельной угрозой. Пастыри ясно понимали, что балтийский президент без колебаний отправит их самих на принудительную экстракцию, если возникнет дилемма: существование Союза или их существование. И достаточно было произнести два слова на немецком: *gute Hirten*, чтобы горожане пускались бежать, очертя голову и чуть ли не зажав глаза. Именно это и помогло Настасье и её жениху сбежать от алчных соседей, готовых продать их колберам. Но — Ивару Озолсу проку от этого оказалось мало. А сама

Настасья могла считаться просто счастливицей, что ускользнула у пастырей буквально из-под носа.

На мосту было мало транспорта — как всегда. И Макс ехал медленно, пытаясь определить, где именно этой ночью погиб Ивар. Тела его, конечно, он уже не увидел: городские власти ревностно заботились о том, чтобы на мосту ЕС никто не обнаружил безликих мертвецов. Ибо это могло послужить косвенным подтверждением ночных деяний пастырей.

И, скорее всего, те, кто забрал тело Ивара, приняли его за одного из *жертвенных агнцев*. Работники морга могли решить, что он свалился с пешеходной дорожки, по которой пастыри гнали свое стадо, после чего истек кровью и умер. Уж конечно, они не стали проводить сложные и дорогостоящие анализы, чтобы выяснить, как была произведена экстракция мозга покойного: прижизненно или посмертно. Им плевать было, что там думала ООН о дискриминации безликих. Для всех остальных — *для нормальных* людей — они были просто мусором, бесполезным балластом. А уж те, кто уверовал в байки пастырей, и вовсе испытывали в отношении безликих патологический страх. Психиатры в Балтсоюзе даже придумали новый термин: *апрозопофобия* — боязнь безликих, образовав его от греческого слова *απρόσωπο*[1].

Макс подумал: надо ему было примкнуть к добрым пастырям, когда его приглашали. Тогда у него возник бы шанс собрать улики против них. Однако — это означало бы оказаться в кругу людей, одна мысль о которых внушала ему отвращение. Не готов он был к таким подвигам — *больше* не готов. Да и поздно было теперь об этом сожалеть.

Он проехал уже три четверти моста, когда увидел то, что искал: арматурный прут с железной бочкой под ним и засохшими следами крови на асфальте. Кровь даже не потрудились смыть; да и не были диковиной подобные следы на тротуарах Риги. Макс будто воочию увидел, как работники морга, каждое утро проводившие рейды по улицам города, проезжают по мосту на своем грузовике — очень сильно напоминающем пожарную машину. Он видел этот грузовик не раз, и хорошо представлял, как по выдвижной лестнице бойцы похоронной команды подбираются к мертвому Ивару, как отцепляют его от арматурного прута и как бросают к десяткам таких же безликих тел, сваленных в кузове.

У Макса потемнело в глазах, и он уже думал: придется останавливаться. И это значило бы: стать мишенью для прислужников фон Берга. Они и так могли получить наводку на его машину, менять которую у Макса просто не было времени. Но, по счастью, его быстро отпустило. И он выехал на противоположный берег Даугавы, гадая, как выглядел бы сейчас мост ЕС, если бы три года назад не приключилась та история — с дочкой спикера Балтийского Сената.

Макс неспроста уклонился от изложения подробностей, когда Настасья расспрашивала его о добрых пастырях. Не пристало излагать такие детали юной девушке. Макса и самого-то покорило, когда он их узнал: получил доступ к отчету следователей «Перерождения», которые прибыли в Ригу сразу после инцидента и целиком восстановили последовательность событий.

Дело было так.

Оттовича, главврача одного из лучших столичных госпиталей; другая — Аделина Розен — приходилась дочерью тому самому спикеру Сената. Девушки жили — не тужили: веселились без удержу и ни в каких развлечениях себе не отказывали. Как относились к этому их отцы — Бог весть; девицам явно не было до этого дела. Что их волновало — так это скудость возможностей (по их мнению) испытать по-настоящему острые ощущения. И у двух барышень возник план, которому суждено было завершиться катастрофой.

Идею подала Ирма — которая нередко бывала у отца на работе и сталкивалась с его особыми пациентами. Среди которых, между прочим, попадались молодые мужчины, весьма и весьма солидно *оснащенные*. Следователи «Перерождения» выяснили потом, что дочка главврача еженедельно проводила свой собственный осмотр всех безликих мужского пола, поступавших в госпиталь: выводила их в душевое отделение и там раздевала донага. Осмотром, впрочем, дело поначалу и ограничивалось. Ирма не могла позволить себе никаких шалостей там, где в любую минуту могли объявиться подчиненные её отца. Ей нужно было получить свободу действий. И однажды такая возможность ей представилась.

Дежурившая в особом блоке медсестра отлучилась со своего поста: буквально на десять минут, чтобы посетить туалет. И этих десяти минут хватило, чтобы фройляйн фон Берг вывела из больницы и усадила в свой электрокар безликого мужчину, особо ей приглянувшегося. Пропажи пациента никто не заметил: среди медперсонала ходил каламбур, что все безликие — на одно лицо. И дочка Корнея Оттовича со своим приобретением благополучно прибыла к себе на квартиру.

Жуткая внешность потенциального секс-раба барышню не смутила. Она решила, что наденет на него какую-нибудь подходящую маску, коих у неё имелось предостаточно. Но сперва она решила произвести *пробный прогон*: как-никак, это был её первый опыт подобного рода с безликими. Если бы Ирма не стала производить эту *пробу*, всё ещё могло бы и обойтись — для её подруги Аделины.

Но Ирма начала действовать. И в руки следователей впоследствии попала видеозапись, которую девица сама же и сделала, установив камеру на штативе. Барышня фон Берг, красивая блондинка чуть старше двадцати лет, раздела своего подопытного донага, усадила на стул, а сама устроилась на ковре возле его босых ступней. После чего направила свой энтузиазм на репродуктивный орган безликого. И, работая рукой, довольно быстро привела этот орган в эрегированное состояние. Трансмутант оставался при этом безмолвным и апатичным, а его лицо, лишившееся своих природных черт, по-прежнему было обращено к полу. Но вид его налившегося кровью пениса явно впечатлил Ирму. Она повернулась к видеокамере и произнесла:

— Уверена, многим захотелось бы испытать такую штучку в деле! Мы с тобой озолотимся, Ада, если поставим это на поток.

Похоже, Ирма уже строила планы, как применить обнаруженные ею *ресурсы* для удовлетворения фантазий богатых скупающих дамочек. Однако она всё-таки показала себя барышней осторожной: не стала рисковать и раньше времени ставить эксперимент *на себе*. Решила, что доведет дело до конца, применяя только мануальное воздействие.

Дочка главврача явно не хотела испачкаться, так что надела своему подопытному презерватив. А затем энергично продолжила *проверку*. Однако её задача оказалась не из простых. Ирма покрывалась потом и несколько раз меняла руку, тело безликого ходило на

стуле ходуном, так что его свисающая голова моталась туда-туда, как у мертвой ошипанной курицы, а разрядка всё не наступала. Поначалу Ирма даже восхищалась стойкостью подопытного: говорила на камеру ядреные непристойности, из которых следовало, что ей *в руки* попал и вправду выдающийся экземпляр. Но потом девица, должно быть, подустала — стала цедить сквозь зубы какие-то ругательства. И в этот самый момент в её квартире раздался звуковой сигнал дверного звонка: без приглашения и предупреждения в гости к подруге заявила Аделина Розен.

Ирма поначалу откровенно ей обрадовалась.

— А я уже хотела тебе звонить — звать сюда, на помощь! — весело воскликнула она.

К её радости явно примешивалась гордость: она смогла похвалиться своим приобретением, показать его подруге во всей красе, не дожидаясь, пока Ада посмотрит видеозапись.

Фройляйн Розен издала восхищенный возглас, когда увидела безликого во всей его красе. И камера запечатлела то алчное выражение, которое возникло у неё на лице. Но Ирма фон Берг ничего не заметила.

— Давай — помогай мне! — велела она. — Нужно выяснить, сколько времени он продержится. И сможет ли нормально кончить — знаешь, ведь есть любительницы...

Она не стала продолжать — только глянула на Аделину со смешком. И та явно её поняла: шутливо — *вроде бы* шутливо — ткнула подругу кулачком в бок. И они принялись за дело уже в четыре руки.

Примерно через три четверти часа подопытный наконец-то исторг семя в презерватив. И обе барышни, отдуваясь, поднялись с ковра. Пенис безликого естественным образом утратил рабочее состояние, но Ирма сказала:

— Устроим ему антракт, а потом поглядим: как он себя покажет *во втором акте*. — Она снова хихикнула, однако Аделина её шутку не оценила: осталась серьезной.

— Вот что, подруга, — сказала она, — *этот* будет моим. А ты себе другого раздобудешь: в больнице у твоего папашки таких много.

Камера всё еще продолжала работать, и на записи ясно было видно, что Ирма чуть не задохнулась от возмущения.

— С ума сошла? — воскликнула она. — Мы же не знаем, как он дальше себя поведет. Сейчас-то он сидел спокойно, а что потом он может вытворить?

— У меня *сидеть спокойно* он уж точно будет, — заверила её Аделина. — Понимаю, тебе жалко его отдавать. Но подумай вот о чем: что будет, если в СМИ попадут сведения о пропаже из одной рижской больницы *особых* пациентов? И о том, что их использует для сексуальных утех дочка главврача?

— Ну, Ада, ты и... — Ирма явно хотела без обвиняков сказать подруге, кем та является по её мнению; однако её собственное положение и вправду было рискованным. — ...хитрая бестия, — с незлобивым смешком закончила она фразу. — Ладно, забирай его. Всё равно нам понадобятся другие экземпляры — если мы собираемся сделать то, что задумали.

Смысл их задумки был ясен: создать нечто вроде фабрики экзотических развлечений, на которой круглосуточно трудились бы безликие.

— Только, — прибавила Ирма, — ты всё-таки соблюдай с ним осторожность. В миссионерской позе его не используй: будь сверху, чтобы ты могла контролировать ситуацию.

— Я всегда её контролирую, — сказала Аделина, а потом подошла к камере и

выключила её.

Так что информацию обо всех дальнейших событиях следователи «Перерождения» собирали по крупицам: опрашивая свидетелей и материально поощряя их. И Макс хорошо знал, что случилось потом. Чего он не знал — так это причины, по которой Аделина Розен решила пренебречь разумнейшим советом своей подруги. Ощущала себя всесильной? Жаждала *по-настоящему острых* ощущений?

В своих размышлениях он едва не проехал нужный ему дом. Но его заставил остановиться запах гари, потоком хлынувший в приоткрытое окно автомобиля.

[1] Безликий (греч.).

Глава 8. Тайная дверь

28 мая 2086 года. Вторник. Рига

1

Макс въехал на своей винтажной машине в арку подворотни, за которой располагался квадратный двор: сплошь заасфальтированный, без единого деревца или хотя бы газона. Дом, выходящий в этот двор-колодец, выглядел, как горелый пирог у плохой хозяйки.

Но пожарные всё же успели к его тушению: судя по всему, полностью выгорели квартиры только в третьем подъезде, где проживала Настасья. С той стороны всю наружную стену покрывали черные разводы и полосы, а стекла в окнах полопались. Но квартиры в двух других подъездах наверняка пострадали не так сильно. Их еще можно было бы отремонтировать и продолжать в них жить. Только — жильцы-погорельцы вряд ли стали бы это делать. Найти пустующую жилплощадь не составляло сейчас проблемы. Да, в дивном новом мире еще оставались вечные ценности: продовольствие, услуги специалистов. Однако жильё среднего уровня комфортности к числу таких ценностей уж точно не относилось.

И теперь посреди двора громоздились груды скарба съезжающих жильцов — впрочем, умеренные по размерам. Никто явно не собирался тащить к новому месту жительства всё свое имущество. Возле вещей сутились немногочисленные граждане и гражданки, и Макс поразился: ни одного привлекательного или просто симпатичного лица! Какой-то лысоватый мужичок со впалой грудью запихивал громадную сумку в багажник электрокара — возможно, только сегодня найденного им на улице. Какая-то женщина неопределенного возраста, с короткими иглами седых волос на голове, пыталась втиснуть в салон другого кара полированный комод. Какой-то чернявый мальчишка — подросток лет четырнадцати — старался пристроить в общей грудё вещей (вероятно, принадлежащих его семье) облезлый велосипед. А поверх грязной белой майки на мальчишке был надет разгрузочный жилет с множеством карманов — на вид новенький.

Макс вышел из машины, запер её и двинулся напрямик к мальчику.

— Эй, пацан! — позвал он его.

Мальчишка оглянулся лениво, будто нехотя.

— Можешь рассказать, что здесь случилось? — спросил Макс.

— А вы что, сами не видите? Пожар был. Теперь вот мы все переезжаем. — Последнее слово чернявый подросток выплюнул почти что с отвращением; грядущий переезд был для него явно не первым.

— Смотрю, ты и велик свой везешь с собой?

— А что, нельзя? Это моё! — мальчишка сразу набычился.

Велосипеды — в отличие от электрокаров — не только оставались в цене, но и основательно вздорожали, поскольку в Риге не было зафиксировано ни одного случая, когда жертвой колберов становился бы велосипедист. И ясно было: свой велик чернявый мальчишка где-то стибрил.

— Может, хочешь купить себе новый велосипед? — спросил Макс. — Так я могу тебе в этом посодействовать.

— А что — за это? Отсасывать вам не стану, сразу предупреждаю!

Макс в первый момент опешил, потом покашлял — скрывая смех.

— Мне нужна информация, — сказал он. — И, возможно, твое посредничество кое в чем.

— Чего? — не понял пацан.

— Я рассчитываю купить одну вещь. И надеюсь на твою помощь.

2

Вдвоем они поднялись на верхний этаж во втором подъезде, где раньше жил чернявый мальчишка, и сели на ступеньки.

— Я про Королева и его внуку слышал, — сказал пацан, носивший старинное русское имя Пафнутий. — Вроде как жил в крайнем подъезде какой-то профессор. И внучка его в школу не ходила — дома училась. А с ней будто бы и еще один парень, из квартиры этажом ниже. Профессора я много раз во дворе встречал. А вот его внуку и того парня не видал ни разу — врать не буду. Хотя... — Пацан сделал паузу, но потом всё-таки продолжил: — Хотя прошлой ночью и её саму, и её дружка многие видели. Мой батя — в том числе. Только вот лиц толком не запомнили. Темно всё ж таки было. Тот, другой — он тоже всё выпрашивал, как выглядела Настасья Рябова. Ну, профессорская внучка. Только никто ему описать её не сумел.

— Какой еще — *другой*?

— Да приходил тут один — ни свет, ни заря. И прямо как вы: спрашивал про Королева с внучкой.

— А поподробнее рассказать можешь?

— А то как же! — Пафнутий выразительно глянул на Макса, и тот передал пацану сто балтийских марок — в дополнение к сотне, отданной еще раньше; парень свернул купюру и сунул ей куда-то за пазуху, потом проговорил: — Ну, слушайте, коли уж вам так интересно.

И он поведал следующее.

Рано утром, едва только отбыла пожарная команда, и вернулись восвояси жильцы, до этого выходявшие *проветриться* (по словам Пафнутия), во двор сгоревшего дома въехал на роскошном черном электрокаре представительный пожилой господин. И чуть было не начал рвать на голове свои короткие седые волосенки, когда узнал, что ночью выгорела квартира именно профессора Королева. И что сам Королев пропал без вести — равно как его внучка и её жених. Он сказал, что был старым знакомым профессора и очень хотел с ним повидаться. А тут — этакое несчастье! Вот если бы кто-то поспособствовал ему в поисках профессорской внучки и её парня, которым он хотел помочь! Она даже обещал вознаграждение тому, кто подскажет, куда они могли пойти. Или хотя бы назовет их приметы.

Но вознаграждать оказалось некого. Никто не знал, имелись ли другие родственники у профессора Королева. Никто не мог ничего сказать и о других родственниках жениха его внучки, помимо двух сестер — тоже пропавших. А главное — никто не сумел даже толком описать внешность юноши и девушки. Профессор-то был не дурак: не позволял им показываться на глаза соседям, которые теперь только и могли, что бубнить: «Красивый парень, красивая девчонка...», «Давно таких смазливых не видели», «Оба — как с картинки...» Пафнутий всё это слышал и сокрушался, что сам не сумел минувшей ночью запомнить лица этих двоих, когда они убегали со двора.

На слове «убегали» мальчишка снова запнулся и глянул на своего собеседника с

опаской. Но того интересовало совсем другое.

— А тот седой господин — он себя назвал? — спросил Макс.

— Он оставил моему батю карточку с номером телефоном — на случай, если Настасья Рябова или её жених здесь объявятся. Там были только иностранные слова, но он еще приписал от руки свою фамилию — русскими буквами.

Макс понял, что настало время новой подкормки, и протянул мальчишке еще одну сотенную купюру. Тот спрятал деньги, потом сказал:

— Его фамилия была — *Розен*. Да что это вы так смотрите, будто привидение увидели?

Но Макс только взмахнул рукой:

— Продолжай!

— Ну, а после к этому Розену подошел сосед наш, дядя Гунар — он с нами на одной лестничной клетке жил. И вытащил из кармана какую-то штуковину. Я даже не понял сразу, что это было.

Пацан вздохнул. Он явно сокрушался, что ценную вещь добыл сосед — не он сам. Это был блокнот: *бумажный* блокнот, какими никто теперь почти и не пользовался. И Гунар сказал господину Розену, что блокнот попал к нему в руки, когда парень и девчонка *выронили* сумку, где лежали их вещи. Конечно, дураку было бы ясно: выронили они её не по собственной небрежности. Иначе — подняли бы. Но седой господин сделал вид, будто ничего не понял. Он быстро блокнот пролистнул и просиял от радости.

— И отвалил дяде Гунару за него целую тысячу балтмарок — вы можете себе такое представить?

Макс очень даже мог. Настасья сказал ему, что дед положил для них с Иваром в сумку с вещами также и блокнот с инструкциями: как им действовать, чтобы перебраться из Балтийского Союза в Евразийскую Конфедерацию и затем попасть в Китеж-град. Хотя, конечно, сами отыскать Новый Китеж — с этими инструкциями или без них — дети всё равно бы не смогли бы.

— Мой батя тоже попытался кое-что этому господину загнать, — со вздохом произнес Пафнутий. — Когда те двое выронили сумку, там ведь, — он понизил голос, хоть подслушать их никто не мог, — оказались деньги! Многие сумели насобирать бумажек с тротуара, а мой батя сплоховал: ему только две книжечки достались.

— Какие книжечки?

— Да паспорта ихние — девчонки и того парня! Только седой не взял их. Сказал: это био... биогни... — Мальчишка наморщил невысокий лоб, сиюсь выговорить трудное слово.

— Я понял! — остановил его Макс.

Это были биогенетические паспорта: для активации содержащихся в них сведений требовалась ДНК владельца.

— А эти паспорта — они всё еще у твоего отца? — спросил Макс, стараясь, чтобы голос его звучал ровно — не выдал нетерпения.

Но пацан, как видно, всё-таки заподозрил что-то: ответил не сразу. Секунд пять он всматривался в лицо своего собеседника, потом проговорил:

— Они у него, да. А вы ведь хотели, чтобы я *их* помог вам купить? Вы за ними приехали, да?

Заниматься увертками не было времени.

— Да, за ними, — кивнул Макс. — Так что ступай к своему отцу и приведи его сюда. Пусть не сомневается: о цене мы с ним договоримся.

Мальчишка поднялся с места и стал спускаться по лестнице — но как-то уж очень неспешно.

— Давай, поторопись: одна нога здесь, друга — там! — крикнул Макс в спину чернявому пацану. — И отцу передай, чтобы он тоже не тянул время. Скажи: я заплачу ему не балтмарками, а конфедератскими червонцами.

Он понял, что не следовало этого говорить, как только слова сорвались с его губ. Взгляд обернувшегося Пафнутия был странным: умильным и жестоким одновременно. А потом чернявый мальчишка быстро, словно горох из стручка, ссыпался по лестнице к дверям подъезда.

3

Макс подумал: правильнее было бы выйти из подъезда, сесть в свою машину и туда пригласить отца мальчишки. Но это означало бы — привлечь к себе лишнее внимание. Внедорожник Макса был слишком приметным. И неизвестно, кто еще из жильцов дома получил визитки господина Розена.

Однако Макс понимал, что страшно сглупил: показал Пафнутию, что чрезвычайно заинтересован в приобретении паспортов. И еще больше сглупил, упомянув о червонцах. Он подставил сам себя, и теперь ему нужно было найти хоть что-то для самозащиты.

Он исследовал содержимое своих карманов. Но, кроме ключа-брелока от машины и портмоне, там лежала только хлопковая бандана: один из слюнявчиков Гастона. Однако и бандану можно было использовать, если подыскать в дополнение к ней что-нибудь компактное и увесистое.

Макс принялся оглядывать пол, но сперва ничего подходящего ему на глаза не попадалось. А потом возле стены — ему показалось, что возле *стены* — он увидел небольшой металлический предмет со сквозными отверстиями: половину дверной петли. Её выворотили из косяка, что называется, *с мясом*: из петли всё еще торчал один шуруп. Макс поднял эту железяку, шуруп выбросил, а саму петлю положил на середину банданы, которую расстелил у себя на коленях. Сложив квадратный платок по диагонали, он принялся скручивать его в трубку. А когда закончил, связал концы матерчатой трубки так, чтобы груз оказался точно снизу. У Макса получилось нечто вроде примитивного кистеня — совсем не безобидное оружие.

Он убрал самодельный кистень в правый карман своей джинсовой куртки, оставив снаружи узел. И стал осматривать лестничную площадку, на которой он подобрал дверную петлю: хотел оценить обстановку. Вот тут его и ждало открытие.

Место, возле которого лежала вывороченная петля, оказалось вовсе не стеной. То была дверь: плоская и гладкая, выкрашенная масляной краской в тот же самый цвет, что и сама стена, с которой она была сделана заподлицо. Макс обнаружил её только потому, что нижняя часть двери, открывавшейся наружу, теперь немного отставала от стены.

Макс вытащил из портмоне ключ-карту от своей квартиры и стал осторожно подсовывать её под дверь с противоположной стороны от провисающего бока. Сперва перекошенная дверь открываться не желала, ныла, скрипела, но потом всё-таки отворилась. Её нижняя петля оказалась искорежена, и Макс понял, что половина этой петли сейчас лежит у него в кармане, завернутая в платок. Из двери на него ошеломляюще сильно пахнуло гарью — хотя на лестничной площадке этот запах почти не ощущался.

Он быстро оглядел лестницу: по ней никто не поднимался. Пафнутий и его отец пока что мешкали — не шли совершать сделку. И Макс шагнул за дверь, прикрыл её за собой. Изнутри на ней имелся деревянный засов, но задвигать его он не стал.

4

За дверью царил дымный и пыльный сумрак, и Макс даже слегка закашлялся. Он вытащил ключ-брелок от своей машины, куда был вмонтирован фонарик, и осветил пространство вокруг себя.

Перед ним простирался длинный узкий коридор, весь увешанный занавесями и гамаками из паутины: старой, почерневшей, забитой дохлыми мухами, какими-то истлевающими лепестками, кусочками свалившихся с потолка белил и всяким другим мелким мусором. Впрочем, кое-где в паутине зияли дыры. А когда Макс осветил себе под ноги, то увидел на грязном полу свежие следы мужской обуви. Они вели со стороны соседнего подъезда туда, где находился сейчас Макс.

Однако следы эти он толком не рассмотрел: услышал Пафнутия и его отца. Те резво поднимались по лестнице и даже обменивались какими-то бодрыми репликами. Макс шагнул было к двери, но открыть её не успел: увидел валяющуюся на грязном полу гильзу от пистолетного патрона. И понял, каким образом дверная петля оказалась изуродована и выворочена. Дверь, много лет не открывавшуюся, заклинило, и человек, которому срочно понадобилось выйти, пальнул из пистолета в самую слабую её точку.

Между тем Пафнутий и его *батя* уже поднялись на площадку верхнего этажа: их голоса стали близкими и внятными.

— Ну, и где он? — спросил взрослый мужчина; и столько в этом коротком вопросе смешалось эмоций: недовольства, жадности, взбудораженности и глубоко спрятанной трусости — что Макс сразу расхотелось выходить из своего укрытия.

— Только что был здесь, — ответил мальчишка.

Макс погасил свой фонарик и припал глазом к крохотной щели между дверью и косяком, которая возникла со стороны поврежденных петель. Пафнутий озирался по сторонам — словно бы выискивая, где мог спрятаться его богатенький знакомец. Ни он, ни его папаша явно ничего не знали про тайную дверь.

— Может, он во двор вышел? — предположил пацан.

— Ты что — debil? Мы же сразу поставили у подъезда Гунара. И он всё это время был на шухере. Как этот твой Рокфеллер мог мимо него проскочить?

От слов «сразу поставили» Макс ощутил укол боли в правом виске — на месте давно зажившей раны. Он понял, почему этих двоих не было так долго: они за чем-то ходили. И вряд ли за биогенетическими паспортами. Зачем бы им тогда понадобилось выставять караульного возле подъезда?

А потом папаша Пафнутия чуть развернулся — и Макс увидел, *что* тот держит в заведенной за спину руке. Мерзавец притащил с собой электрошоковое устройство: тазер. Надо полагать, именно тот, с каким он гнался за Иваром и Настасьей прошлой ночью. Правда, насчет себя Макс был уверен: со своей теперешней внешностью он вряд ли заинтересует хоть одного колбера. И, стало быть, участь ему уготовили другую: получить удар током, быть ограбленным дочиста, а потом — если очень повезет — очухаться где-нибудь на другом конце города без денег, без машины и без ключей от дома. Но, скорее, он

останется лежать мертвым в какой-нибудь канаве: с разбитой головой или с удавкой на шее.

При мысли о доме ему стало совсем уж худо. Конечно, эти подонки не знали, где он живет, и не смогли бы использовать ключ, чтобы проникнуть в его квартиру. Но — там осталась Настасья. И что, спрашивается, эта девочка станет делать, если он не вернется нынче домой? Если — никогда не вернется? Попробует одна выйти в город, где и попадетя в лапы к добрым пастырям? Или — станет добычей колберов?

— Драть вас с папашей телебашней... — беззвучно пробормотал Макс — а потом прибавил и несколько выражений покрепче.

Он почти не заметил, как вытянул из кармана свернутый в трубку собачий платок с грузом — свой кистень. Ему захотелось распахнуть дверь, выскочить на площадку и по очереди врезать им обоим по котелкам: и бате, и сыночку. А потом...

Вот на этом *потом* он и споткнулся. Он должен был заполучить паспорт Настасьи, чтобы вывезти её из Балтийского Союза. А батя Пафнутия запросто мог не носить найденные паспорта с собой. И что было делать в этом случае? Пытаться договориться с дядей Гунаром, стоящим на шухере? А если тот просто не знает, где его сосед хранит свою находку?

И Макс принял другое решение.

5

Он распахнул дверь, выскочил на лестничную площадку и нанес удар самодельным кистенем папаше Пафнутия — но не по голове, а по локтю правой руки. Мужик издал потрясенный матерный возглас, выронил тазер и схватился левой рукой за ушибленный правый локоть. Макс наступил на электрошоковое устройство, придавил его ногой к полу и замахнулся кистенем, целя теперь в Пафнутия. Но пацан отпрыгнул назад, и завернутая в платок дверная петля просвистела мимо его левой ноги — не попала его по колену, как планировал Макс. А сам кистень зацепился за балясину на лестнице, закрутился вокруг неё и выскочил у Макса из руки.

«Тазер!» — мгновенно подумал он и наклонился, чтобы его подобрать. Но подошва его ковбойского ботинка заскользила по гладкой поверхности тазера, и госпитальный волонтер стал заваливаться назад. Он упал бы — если бы не врезался спиной в обод распахнутой тайной двери.

От боли в позвоночнике у него даже дыхание перехватило. А папаша Пафнутия, у которого правая рука висела плетью, с диким ревом метнулся к нему. Наверняка он собирался сбить его с ног и скинуть в лестничный пролет. И тут же с другой стороны на Макса кинулся Пафнутий. Отец и сын считали, что отступать их противнику некуда.

Макс автоматически прынул вбок — и переступил порог заброшенного коридора, даже не осознав этого. Да и его враги, похоже, этого не осознали. Дверь и коридор за ней вызвали у них когнитивный диссонанс. Ни того, ни другого они прежде не видели; стало быть, никаких дверей и коридоров здесь просто не могло быть.

И — *не заметив*, что между ними никого нет, отец с сыном врезались друг в дружку прямо у Макса перед носом. Он даже услышал, как клацнули у обоих зубы. Оглушенные, они повалились на спины — изобразив карточного валета: головами в разные стороны. А Макс, забыв про боль в ушибленной спине, кинулся к тазеру, поднял его с полу и без промедления пальнул папашу Пафнутия.

Две искрящиеся стрелки вонзились в тело грузного мужика — в его обтянутый клетчатой рубашкой массивный живот, на котором не стягивался разгрузочный жилет. Макс машинально отметил, что отец и сын облачились в одинаковую амуницию. А мужик в разгрузке задергался от электрического разряда собственного тазера, как если бы страдал пляской святого Витта. Пафнутий же принялся отползать от него в сторонку: не поднимаясь с пола, только перебирая ногами.

Макс удерживал палец на курке пару секунд, потом отпустил. Его противник лежал неподвижно, но минут через пять паралич у него должен был пройти.

Медлить было нельзя. Пафнутий, явно потрясенный, пока не пытался встать и позвать на помощь пресловутого дядю Гунара. Но неясно было, сколько времени его потрясение продлится. А тазер был устаревшим, однозарядным. Чтобы снова из него выстрелить, требовалось найти новый картридж к нему.

Макс надавил на кнопку фиксатора и отстрелил использованный картридж, оставив стрелки с электродами и медной проволокой на теле оглушенного мужика. А затем швырнул оружие, ставшее бесполезным, за порог тайной двери — вглубь пыльного коридора. После чего отцепил от перильной балясины свой кистень, сделанный из собачьей банданы, и шагнул к Пафнутию.

— Деньги не отдам! — Мальчишка, который успел уже доползти до стены, ощерился, как звереныш.

— И не надо. — Макс говорил спокойно, но размахивал свернутым в трубку платком, так что завязанная в него дверная петля с тихим свистом рассекала воздух. — У нас был другой уговор. Где паспорта?

— У бати моего. — Чернявый подросток шумно втянул носом воздух. — В нагрудном кармане.

— Ну, и чего ты ждешь? Доставай их!

— Сами доставайте, если вам надо!

— А по котелку схлопотать не хочешь?

— Если я схлопочу по котелку, вам всё равно придется самому их доставать.

Макс понял, что нужно менять тактику. По-прежнему держа в правой руке свой примитивный кистень, левой рукой он полез в карман куртки и вытянул из портмоне первую попавшуюся бумажку. Это оказалась банкнота достоинством в пятьдесят конфедератских червонцев, и у Пафнутия алчно вспыхнули глаза, когда он увидел её.

— Вот, — сказал Макс, — на эти деньги ты купишь себе новый велик. А отцу скажешь: я забрал паспорта и ушел, не заплатив. Так что давай — баш на баш!

И мальчишка — на четвереньках, но по-обезьяньи быстро, — подполз к оглушенному отцу, расстегнул один из карманов на его жилете и вытащил две книжечки с гербом Балтийского союза на темно-синих обложках. Держа их в правой руке, Пафнутий поднялся на ноги и шагнул к Максиму — протягивая левую руку за деньгами. Так что они взяли одновременно: взрослый мужчина — за паспорта, подросток — за банкноту. И мгновенно совершили обмен.

Макс, когда паспорта оказались у него, не сдержался и торжествующе потряс ими в воздухе, прежде чем сунуть в карман джинсовой куртки. А Пафнутий поместил очередную банкноту себе за пазуху, после чего раззявил губастый рот и заорал во всю мочь:

— Дядя Гунар, сюда! На помощь! Он батю убил!

И тут же прыгнул через половину лестничного пролета вниз — оказавшись вне

достигаемости своего противника.

«Вот гаденыш!» — только и подумал Макс.

В этот момент папаша Пафнутия дернул одной ногой, промычал что-то нечленораздельное и перекатился на бок — чтобы сподручнее было вставать. А внизу уже громыхал по ступеням, спеша сюда, дядя Гунар — подельник сынка и папаша.

Макс кинулся к тайной двери, перескочил через порог и дернул ручку на себя. А потом рывком задвинул деревянный дверной засов.

6

Он успел сделать по коридору только пару шагов и споткнулся обо что-то, крепко зашибив пальцы на ноге. Чертыхаясь, он вытащил из кармана брелок с фонариком и осветил им себе под ноги.

На полу лежал им же самым заброшенный сюда тазер — рядом с цепочкой мужских следов. А рядом с ним топорщился в пыли еще один предмет: совершенно обыденный для Макса, как для работника госпиталя, но непонятно как сюда попавший. Макс поднял его, осветил фонариком и в изумлении прошептал:

— Да откуда же здесь это?..

Но из-за двери уже доносился топот тяжелых ног: это наверняка прибыл дядя Гунар. И Макс, опустив небольшую вещицу в карман, почти рысью припустил по коридору. Паутина задевала его по лицу, в горле першило от пыли и гари, ныла ушибленная спина, однако это были сущие пустяки в сравнении с тем, что уготовили ему соседи-погорельцы. Так что сбавлять скорость он не собирался.

Позади него кто-то уже долбил в дверь кулаком. Но Макс надеялся, что массивный деревянный засов окажется прочным. Да и потом, дверь открывалась наружу — на лестничную клетку. Чтобы высадить её, требовались время и недюжинная сила. И беглец не паниковал: считал, что у него есть небольшая фора.

Запах дыма всё усиливался, но даже он не мог перебить застарелой вони мышинового помета, наполнявшей коридор. И несколько раз Макс видел на полу иссохшие, мумифицированные мышинные трупки. А потом впереди заметно посветлело, и показался еще один дверной проем, на сей раз — одна только арка, без двери вовсе. Сквозь эту арку в коридор и проникал едкий дым — вместе с дневным светом. Это был выход в чью-то выгоревшую квартиру.

Макс выключил фонарик и поспешил к пустому проему, рядом с которым лежала внутри коридора выбитая дверь. На полу светлым прямоугольником выделялась её оклеенная обоями внешняя панель. Кто-то, находившийся в квартире во время пожара, высадил её, чтобы спастись — уйти через пыльный коридор в соседний подъезд.

Макс пробежал по двери, которая издала глухой кашель под его ботинками, выскочил в прихожую задымленной квартиры и стал озираться по сторонам, ища выход. Вот тут-то позади него, в дальнем конце коридора, и раздался треск: старая древесина засова всё-таки не выдержала натиска. А потом треск усилился в несколько раз, сделался почти невыносимым для слуха — как если бы кто-то выдирал гигантский зуб из челюсти великана.

Госпитальный волонтер оглянулся и увидел существо — громадное и бесформенное, как носорог. Надо полагать, это и был дядя Гунар. В сравнении с ним папаша Пафнутия выглядел сублильным юношей. На немыслимой для человека такой комплекции скорости он

понесся вперед. И — поразительное дело: на нем тоже был разгрузочный жилет.

Макс отшатнулся в сторону и припал к стене обгоревшей прихожей, так что протопавший по коридору здоровяк пролетел мимо него, не сшиб его с ног. Но Макс ощутил такое напряжение в воздухе, как если бы рядом с ним закрутился столб торнадо.

Тут он увидел входную дверь квартиры — незапертую, всего метрах в четырех от себя. Только между ним и дверью находился теперь амбал с ручищами, как у лесоруба, ростом превосходивший Макса чуть ли не в полтора раза, и уж точно — вдвое тяжелее его. Макс мог бы ударить его своим самодельным кистенем, разве что, по огромному пивному животу. И сомнительно было, что от этого удара дядя Гунар хотя бы почешется.

Правда, комплекция делала его неповоротливым. Шея у него практически отсутствовала: голова его словно бы сидела прямо на покатых плечищах. Он должен был поворачиваться всем корпусом, чтобы посмотреть вправо или влево. И Макс, прежде чем гигант заметил его, успел бросить на пол свой бесполезный кистень и сорвал с вешалки, стоявшей в прихожей, тонкий мужской плащ из серого бионейлона. Как только голова Гунара повернулась в его сторону, Макс хлестнул здоровяка этим плащом по лицу — рассчитывая нанести удар по глазам. Но бить ему пришлось снизу вверх, замаха не хватило, и тонкая ткань стеганула здоровяка только по массивному подбородку.

Слегка ошеломленный, Гунар отмахнулся от Макса, как от назойливой мухи. И

случайно проехался ладонью по его правому плечу — вскользь, по касательной. Однако и этого мимолетного удара хватило, чтобы госпитальный волонтер потерял равновесие и боком повалился на пол. А Гунар подобрал с полу оклеенную обоями дверь, поднял её обеими руками над своей головой и двинулся на Макса так, как если бы собирался разрубить его дверью пополам.

Макс попытался откатиться в сторону, но сумел только перевалиться с боку на живот. На миг запрокинув голову, он увидел: Гунар делает замах, совмещая его с разворотом и последним шагом вперед. Оставлять своего противника в живых он явно не планировал.

Госпитальный волонтер втянул голову в плечи и хотел зажмурить глаза, но внезапно зацепился взглядом за какой-то прямоугольный предмет, что валялся рядом с ним на полу: размером с книгу, но почти плоский и с острыми углами. Не думая, он схватил его левой рукой и метнул в здоровяка — не целясь, без всякой надежды на успех. И — угол этого предмета ударил дядю Гунара точнехонько по правой коленной чашечке. Причем случилось это в то самое мгновение, когда гигант уже опускал сорванную с петель дверь. Гунар пошатнулся, долю секунды словно бы поколебался — падать или нет? — а потом грянулся спиной об пол, да еще и саданул сам себя дверью по тому же правому колену.

Прихожая гулко содрогнулась, стоявшая возле стены вешалка упала, а здоровяк, впервые подавая голос, прокричал неожиданно тоненько:

— Моя нога!

И этот крик словно бы стал той самой соломинкой, которая — не переломила спину верблюду: проломила пол выгоревшей квартиры. В старом доме перекрытия между этажами были, конечно же, деревянными. Так что амбал, весивший центнера полтора, пробил при падении прогоревшие доски пола и балки перекрытий. С грохотом, вздымая вихри сажи, штукатурки и пыли, он провалился в квартиру этажом ниже.

Послышался новый тоненький вскрик, потом — короткий стон, а после — наступила тишина. Макс, повинувшись рефлексу доктора, подался было к провалу в полу — посмотреть, какие травмы получил при падении здоровяк. Но тут из дальнего конца потайного коридора донесся голос Пафнутия:

— Дядя Гунар, ну, что там? Он *готов*?

И Макс на локтях отполз от пустого дверного проема, чтобы пацан со своим папашей не увидели его силуэт. А потом вскочил на ноги, прижался спиной к стене и двинулся приставным шагом мимо провала к выходу из квартиры.

Только тут, посмотрев себе под ноги, он увидел, что за предмет он метнул в Гунара. И поразился до такой степени, что застыл — на непозволительно долгие секунды — глядя не верящим взглядом на эту вещь.

То была фотография в рамке — модный ретро-аксессуар для украшения квартиры. *Его собственная* фотография. Он, Максим Алексеевич Берестов, был на ней запечатлен примерно в возрасте двадцати лет — еще *до* его эпохального открытия. До того, как он вместе со своим другом и братом основал корпорацию «Перерождение», а потом проклял и покинул её. До того, как он уехал из своей страны. До того, как прошел трансмутацию, приняв чужой облик и чужое имя.

Гунар закричал и застонал внизу, и это вывело Макса из оцепенения. Через незапертую дверь квартиры, где у кого-то висел прежде его портрет, он выскочил на лестничную площадку. И меньше минуты ушло у него на то, чтобы выбраться во двор, добежать до машины, забраться в неё и выехать из подворотни на улицу. Никто из жильцов, суетившихся

во дворе, на него и не поглядел.

Макс поехал домой.

7

Обретение паспортов должно было бы поднять ему настроение. А уж спасение от погорельцев-разбойников — и подавно. Но, пока Макс вел машину, на душе у него становилось всё более и более пакостно. И даже не из-за фантазмагорического появления его *прежней* фотографии. Он хорошо понимал, какова цена его поразительной везучести, сегодня в очередной раз явленной ему. Цена эта была — непомерной. И платить её приходилось не столько самому Максиму, сколько совсем другим людям.

И он снова погрузился в воспоминания.

Тогда, три года назад, Максим Берестов изучил от корки до корки отчет следователей «Перерождения» по делу Аделины Розен. Он, как второй крупнейший акционер корпорации, мог получить к нему доступ по Корпнету — уцелевшему осколку Глобалнета. Причем изучал он его из вполне осознаваемых мазохистских побуждений: чтобы самого себя наказать.

Та история с двумя взбалмошными девицами, случившаяся в июне 2083 года, закончилась через трое суток после того, как Аделина Розен отобрала у своей подруги Ирмы её *приобретение* и, торжествуя, повезла его домой. Подруге она пообещала, что позвонит ей завтра и расскажет о своих впечатлениях. Уходя, она позаимствовала в доме Ирмы медицинский ортопедический воротник (чтобы придать вертикальное положение шее безликого) и маску-наголовник из латекса, изображавшую знаменитого киноактера начала века Джейми Дорнана.

А Ирма от огорчения даже не поехала в больницу за новым подопытным: засела дома, глуша водку и ожидая звонка от Ады. Что она из дому не выходила — было доказано (впоследствии, когда всё раскрылось, Ирма попала под подозрение, и ей понадобилось алиби). А барышня Розен назавтра так и не позвонила подруге. И та пришла к выводу: Аделина так увлеклась своими экспериментами, что позабыла обо всем на свете. Так что и она может об этой предательнице позабыть. И барышня фон Берг снова взялась за водку.

Но Аделина не позвонила и на следующий день, что показалось Ирме уже по-настоящему странным. Подруга должна была либо похвастаться своим небывалым сексуальным приключением, либо разнести в пух и прах идею использовать *таких* партнеров. Дочка главврача забеспокоилась — правда, несильно. И стала названивать подруге сама. Однако к телефону та не подходила.

Вот тут уже Ирма начала волноваться всерьез. Она прекратила свои одинокие возлияния, привела себя в порядок и на другой день, утром, отправилась к подруге домой. К тому времени затворничество Аделины в обществе безликого партнера длилось уже почти 72 часа.

Ирма звонила в дверь, стучала, кричала: «Ада, открой», и даже: «Открой, сука!»; ничего не помогало. А между тем от консьержки девушка знала, что её подруга, заявившаяся к себе на квартиру три дня назад вместе с *каким-то медлительным красавчиком*, больше оттуда не выходила. И тогда Ирма решилась: позвонила отцу Аделины, спикеру Балтийского сената Мартину Розену.

Тот прибыл со своей личной охраной меньше чем через полчаса, а его телохранители сразу же выломали дверь и ворвались в квартиру Ады. Господин Розен и барышня фон Берг

поспешили следом. И первым, кого они увидели, едва вошли, был молодой охранник, который пулей вылетел из спальни Аделины и тут же, прямо в прихожей, расстался со своим завтраком. Да и то сказать: мясной запах несвежей крови и тошнотворная вонь экскрементов ощущались даже возле входной двери. Ирма привалилась в прихожей к стене и не пошла дальше: ей сделалось нехорошо. Зато Мартин Розен тут же ринулся в спальню дочери, отпихнув с дороги охранников, которые пытались его остановить.

Аделина неподвижно лежала на своей кровати — совершенно обнаженная, широко раскинув ноги. Она была бледнее простыни, на которой вокруг её тела расплзлось огромное кровавое пятно — уже бурое, засохшее. Вероятно, она была мертва уже как минимум сутки. Однако не это оказалось самой жуткой частью открывшейся картины.

Над Аделиной нависало *создание*: тоже обнаженное, в резиновой маске на голове, которая являла собой устрашающе правдоподобное изображение человеческого лица. Ступнями это создание упиралось в основание кровати, его согнутые в локтях руки лежали по обе стороны от мертвой Ады, а всё его тело ниже пояса покрывали засохшие размазанные испражнения. Пол существа в маске не вызывал сомнений. Оно (*он*) всё еще продолжало совершать соитие с бездыханной партнершей: бедра его ритмично дергались.

Двое охранников с трудом оторвали его от тела Аделины (один из них потом скажет, что голое чудище было тяжелым, как мертвец) и швырнули на пол. Но это *нечто* и на полу продолжало имитировать фрикционные движения. Его огромный, прямо-таки порнографических размеров орган, испачканный засохшей кровью, по-прежнему находился в рабочем состоянии.

И Макс догадывался, из-за чего случилась катастрофа: понимал медицинскую подоплеку произошедшего. Аделину погубил *предварительный эксперимент*, поставленный её подругой.

Он будто собственными глазами видел, как Ада располагается на кровати, как помещает безликого партнера в ту самую миссионерскую позу, от которой её предостерегала Ирма фон Берг, и как дает существу в маске Джейми Дорнана *посыл*: сообщает его чреслам колебания с довольно большой амплитудой. Барышня Розен знала то, что знали все: безликие станут повторять изначально приданное им движение бесконечное число раз, остановиться не смогут. Однако она ошибочно полагала: в данном случае остановка произойдет в любом случае — когда у безликого случится эякуляция, и его детородный орган утратит эрекцию. Увы, кое о чем Ада не была осведомлена: в организме мужчин, подвергшихся экстракции, перестает вырабатываться семя. А его последнюю порцию, сохранившуюся со времени пребывания в нормальном состоянии, её любовник израсходовал еще во время эксперимента Ирмы. Так что эякулировать он больше не мог. Как и не в состоянии был по своей воле прервать коитус. И — да: эксперимент барышни Розен показал, что половой акт у безликих мужчин может длиться *беспредельно* долго.

Аделина, может статься, и заподозрила неладное, но далеко не сразу. Поначалу она, вероятно, даже радовалась необычайной *стойкости* своего безликого секс-раба. А потом... Кто знает: может, она уже слишком ослабела, чтобы выбраться из-под него. Или потеряла сознание. Или — пыталась звать на помощь, но никто её не услышал.

Розен отказался обращаться в полицию или приглашать судмедэкспертов: заставил Ирму позвонить её отцу и вызвать его на место трагедии. Фон Берг прибыл быстро и констатировал смерть Аделины от внутреннего кровотечения. Причем сказал, что девушка, по его мнению, мертва уже не меньше тридцати часов.

А дальше — началась вторая часть чудовищного действия.

И Макс был почти счастлив, что подъехал к своему дому раньше, чем ему вспомнились все детали этой *второй части*. Да, жизнь Аделины оборвалась ужасным образом; но с Аделиной, по крайней мере, всё было ясно: она пала жертвой своих доходивших безумия сексуальных фантазий. Однако то, что случилось после, не могло даже считаться безумием. Поскольку те, кто всё это совершил — *совершал* — вовсе не были безумны в клиническом смысле этого слова. Не могли эти люди и списать всё на мифическую апрозопофобию, поскольку сами являлись её творцами. И не видели кошунства в том наименовании, которое они для себя избрали: *добрые пастыри*.

Глава 9. Экстренный выпуск новостей

28 мая 2086 года. Вторник. Рига

1

Макс думал, что Настасья ещё будет спать к моменту его возвращения. Однако она выскочила в прихожую, как только он отпер входную дверь. И едва не опередила Гастона, который принялся прыгать и суетиться подле хозяина так, как если бы не видел его целый год.

Девушка надела одежду Макса: джинсы со слегка подвернутыми штанинами, хлопковый пуловер-толстовку с длинноватыми ей рукавами и растянутым капюшоном. И явно успела принять душ и перекусить. Но по её взгляду он тут же понял: пока он отсутствовал, что-то стряслось.

— Ну, слава Богу! — воскликнула Настасья. — Полиция вас не задержала!

— *Полиция?* Ну, уж к ней за помощью пастыри не обратятся!

— Да нет, теперь — другое. — Гостья посмотрела на него со странным сочувствием. — Пойдемте! Они сказали: будут повторять выпуск каждые двадцать минут.

Она ухватила его за рукав и увлекла в кабинет — где стоял компьютер, монитор которого использовался в качестве телевизора. Гастон потрусил за ними следом. Про свой паспорт Настасья словно бы и забыла, так что Макс даже немного обиделся.

— Какой еще выпуск? — удивленно спросил он; на мониторе его компьютера мелькали кадры из какого-то старого американского сериала: Настасья до его прихода смотрела один из двух оставшихся в Риге телеканалов.

— Экстренный выпуск теленовостей! Ради него даже прерывали показ «Сверхъестественного». Я прямо как чувствовала, что тот усыпляющий пистолет еще принесет сюрпризы!

— Экстренный выпуск? — Макс так поразился началу Настасьиной тирады, что прослушал её окончание. — Да вы шутите, наверное. Я таких выпусков не видел уже лет пять.

Даже простых — не экстренных — выпусков новостей Балтийское телевидение давно уже не транслировало.

— Ну, да — странно, — признала Настасья, и тут же вскинулась: — Вот, вот, опять! Смотрите!

И вправду: стародавний сериал прервали прямо на середине кадра. А на дисплее возникла картинка: молодая женщина-диктор начала говорить, произнося текст сперва на латышском языке, потом — на русском:

— Сегодня утром, примерно в 11.00, был предательски убит главный врач Общественного госпиталя Балтийского союза Корнелиус фон Берг.

— Что?! — изумился Макс; но Настасья жестом призвала его к молчанию.

А дикторша продолжала:

— Его тело было обнаружено дежурным уборщиком при осмотре бассейна, расположенного в цокольном этаже здания госпиталя. В доктора фон Берга был произведен выстрел из пистолета с усыпляющими патронами, после чего преступник столкнул в воду

врача, заведомо находившегося в беспомощном состоянии. Уборщику удалось извлечь тело Корнелиуса фон Берга из воды, после чего он вызвал врачей госпиталя, которые попытались произвести реанимационные мероприятия. Однако эффекта они не дали, и была констатирована смерть фон Берга в результате утопления. Прибывшая на вызов полиция обнаружила на дне бассейна пистолет...

— *На вызов?* — Макс всё-таки не сдержался. — Да сейчас — только половина второго! Полиция до сих пор еще не прибыла бы...

— Да тише вы! — шикнула на него Настасья. — Главное пропустите!

И это *главное* дикторша произносила прямо сейчас:

— Согласно регистрационным данным, пистолет принадлежит волонтеру госпиталя Максиму Петерсу, выполнявшему прошлой ночью обязанности дежурного врача.

Тут же на экране Макс увидел свою *теперешнюю* фотографию: он стоял, улыбаясь, в компании других работников больницы. И его фигура была обведена ярко-красным маркером. Гастон, который пристроился на полу возле ног Макса, коротко и басовито взлаял: тоже увидел снимок, занявший весь экран.

Но фотография тут же уменьшилась в четыре раза, переместившись в нижний правый угол экрана. А дикторша стала произносить дальше свой текст:

— По версии следствия, когда доктор фон Берг пришел сегодня утром на работу, между ним и Петерсом произошел конфликт, причину которого предстоит выяснить. Петерс заманил главврача к бассейну и там вероломно убил его. Полиция обращается к жителям города с просьбой оказать содействие в поимке преступника, от руки которого погиб один из достойнейших граждан Балтийского союза. Если вы знаете, где сейчас находится Макс Петерс, просьба сообщить об этом в органы правопорядка. Коллеги доктора фон Берга гарантируют любому, чья информация поможет задержать преступника, вознаграждение в размере пятидесяти тысяч балтийских марок. Вы можете позвонить по одному из телефонных номеров, которые вы видите сейчас...

«Понятно, что это за *коллеги*», — только и подумал Макс. Пятьдесят тысяч балтмарок — это была зарплата рижского врача примерно за год. От себя лично такое вознаграждение никто из них выплачивать не стал бы.

На экране возникла длинная строчка цифр, и Настасья приглушила звук: похоже, знала, что на этом выпуск завершится. Правый висок Макса снова пронзила боль, и он принялся усиленно его тереть.

— В принципе, я мог бы предъявить алиби: в одиннадцать часов я как раз кое с кем беседовал, — проговорил он. — Но не думаю, что это сработает.

Дело было даже не в том, что Пафнутий предпочел бы забыть об их сегодняшней встрече. Память Пафнутия можно было бы освежить при помощи конфедератских червонцев. Но Макс не сомневался: клеветникам было плевать на его алиби. Да и на него самого, скорее всего, тоже. Их интересовала Настасья Филипповна Рябова — случайная свидетельница ночной вылазки добрых пастырей. Возможно, будь у них изображение Настасьи, они выдали бы девушку за его сообщницу. И призвали бы ответственных граждан принять участие и в её поимке. Однако в больнице видеорекамеры давно не работали, а единственная камера, имевшаяся на автостоянке, не могла запечатлеть Настасьиного лица: на голове у девушки был капюшон.

— А с кем вы беседовали? С кем-то из моих соседей? — Настасья, казалось, только теперь вспомнила, куда и зачем он ездил.

Он выложил на стол в своем кабинете два паспорта: один — Настасья, другой — Ивара Озолса. Зачем он взял второй — Макс и сам не сумел бы себе объяснить.

— Как же вам удалось их вернуть? — изумилась девушка.

— Пришлось кое с кем сторговаться. И, кстати, ваши соседи нашли также и блокнот с инструкциями вашего дедушки. Вы их читали?

— Нет, к сожалению. Но я надеялась — вы и без этих инструкций сумеете переправить меня в Новый Китеж.

— Смогу, пожалуй, — пробормотал Макс, а про себя подумал: только бы их не угораздило нечаянно повторить тот маршрут, который выбрал для своей внучки Петр Королев — дорогу, на которой их теперь наверняка станут поджидать добрые пастыри.

А на мониторе снова возникли кадры сериала почти столетней давности: Сэм и Дин Винчестеры преследовали очередного демона. И Макс выключил компьютер, подумав, что только в счастливые прежние времена люди могли снимать и смотреть такое кино. Во времена, когда у каждого имелся мобильный телефон, а у некоторых — даже и не один. Когда всемирная коммуникационная сеть, именовавшаяся тогда Интернетом, позволяла пользователю из любой точки мира отыскать любую информацию, связаться с кем угодно, мгновенно узнать любую новость — да хоть выложить на всеобщее обозрение видео собственного посещения сортира! Информационная революция — такое название придумали для той эпохи; и оно быстро стало затертым штампом. Но зато определение нынешнего времени: *информационная инволюция* — применяли только злоязыкие умники. И превратиться в клише ему не грозило. Средства связи, которые могли бы сделать это определение притчей во языцех, оставались теперь только у малой толики граждан: у одного из тысячи, в лучшем случае. Да и эти избранные счастливики обладание ими не жаждали афишировать.

Спусковым механизмом для информационной инволюции — *триггером*, как говорили когда-то, — стало обнародование в 2048 году эпохального открытия Николы Теслы. Хотя поначалу никто и вообразить себе не мог, какую цепную реакцию это запустит.

Конечно, ни для кого не стало сюрпризом, что внедрение технологии Теслы привело к разорению нефтяных корпораций. И вполне ожидаемым стало катастрофическое падение прибылей электроэнергетических компаний. Даже рецессия в тяжелом машиностроении никого не удивила: заказы на оборудование от компаний топливно-энергетического комплекса практически перестали поступать. Но почему-то никто не предполагал, что после этих событий всю мировую экономику разобьет паралич. И не догадывался, чем это обернется для отдельных людей и для целых стран.

— Но расскажите, как всё прошло в моем доме! — попросила Настасья.

— Документы оказались у одного из тех, кто преследовал прошлой ночью вас и вашего жениха, — сказал Макс. — И там было кое-что еще...

Он хотел рассказать ей — в общих чертах — о своей стычке с её соседями. А также — поведать о тайной двери, о коридоре с паутиной и о своей странной находке: медицинском браслете. Но сделать этого не успел: из прихожей до них донесся пронзительный сигнал домофона.

Макс и Настасья вздрогнули и переглянулись. А Гастон понесся к входной двери —

ожидая, что сейчас объявятся новые гости, с которыми он сможет познакомиться. Но его хозяин не поспешил за ним следом.

— Я уже говорил: никому из госпиталя я своего адреса не сообщал, — сказал Макс, отвечая на невысказанный вопрос Настасьи. — А мои соседи в лицо меня не знают. Дом построен так, что на каждой остановке лифта имеется только одна квартира. И, чтобы лифт остановился на конкретном этаже, нужно использовать специальный ключ. Можно, конечно, случайно столкнуться с кем-то в лифте, но я всегда проверяю, свободен ли он, прежде чем его вызывать.

Между тем сигнал домофона прозвучал вторично.

— Надо пойти — посмотреть, кто там, — проговорил Макс. — А вы лучше оставайтесь здесь.

Но Настасья вышла в прихожую вместе с ним.

Гастон уже изнывал от нетерпения: крутился юлой возле входной двери. Макс прошел к переговорному устройству, потрепав пса по лобастой голове, и отключил на домофоне двустороннюю видеосвязь. Теперь он мог видеть своего гостя, а тот его — нет. И только после этого он надавил на кнопку соединения.

Видеокамера домофона находилась в подземном гараже кондоминиума. И смотрели в неё сейчас не полицейские и не охранники сенатора Розена. В неё смотрела очень привлекательная блондинка лет двадцати пяти. Макс, однако, при виде неё ахнул и от переговорного устройства отшатнулся. Прежде он видел её лицо только на фотографиях, но мгновенно барышню узнал. И в первый момент подумал даже: это галлюцинация, вызванная его недавними воспоминаниями.

Однако на кнопку передачи звукового сигнала он уже успел нажать. И теперь слышал вкрадчивый, слегка хрипловатый голос Ирмы фон Берг:

— Ну, давай, дружочек! Ответь мне! Я же знаю, что ты дома.

3

Настасья беззвучно проартикулировала:

— Кто она?

Макс отключил на переговорном устройстве также и микрофон, а потом сказал, сам удивляясь спокойствию своего голоса:

— Это дочка фон Берга, Ирма.

Девушка охнула, но тут же спросила:

— Откуда вы её знаете?

— Я её не знаю. Ни разу с ней не встречался.

— Но как же...

Домофон снова издал звуковой сигнал: куда более протяжный, чем раньше. Было видно, что Ирма не убирает тонкий наманикюренный палец с кнопки: вдавила её и не отпускает. Так что Макс опять включил микрофон. И его посетительница тут же сказала — глядя прямо в видеокамеру голубыми, как у её отца, глазами:

— Я знаю, что ты, дружочек, моего фатера не убивал. Потому как — мне точно известно, *кто* его убил. Может,пустишь меня? И я всё тебе расскажу.

Это, конечно, могла быть провокация. И по бокам от Ирмы, в слепой для видеокамеры зоне, вполне могли находиться полицейские из группы захвата. И всё же что-то в Ирме: в её

манере говорить, в посадке головы, в капризном изгибе губ — никак не вязалось с добрыми пастырями. Да и потом, информация, собранная следователями «Перерождения», была Макс слишком уж памятна. Для него не было секретом, что происходило с барышней фон Берг после обнаружения тела её подруги.

— Хорошо, — проговорил Макс, впервые обратившись к своей гостье. — Поднимайтесь. Я сейчас отправлю к вам кабину лифта.

Вот так и вышло, что уже пять минут спустя они все трое сидели в его гостиной: он сам, Настасья и фройляйн Ирма. Ну, и Гастон, само собой, тоже увивался рядышком. Ирма облаченная в полотняный брючный костюм цвета слоновой кости, устроилась на небольшом диванчике; на коленях она держала маленькую сумочку, ремень которой перебросила через плечо. Настасья расположилась в кресле, стоявшем чуть в отдалении; Гастон, обойдя всех, сел на пол возле её ног и положил свою лобастую башку ей на колено. А Макс даже не стал садиться: встал возле дверей, скрестив руки на груди.

— Как вы узнали, где я живу? — спросил он.

— Ну, это оказалось нетрудно, дружочек, — сказала Ирма; по-русски она говорила с легчайшим немецким акцентом, как и её отец. — Твоя машина попала в объектив на стоянке перед госпиталем. Так что мне оставалось только изучить записи с полицейских видеокamer, которые еще остались в городе. Одна из них, между прочим, установлена возле твоего кондоминиума. А у меня в полиции есть *очень хорошие друзья*. — Окончание фразы она выделила голосом.

«Да уж кто бы сомневался!» — чуть было не сказал Макс.

Но вместо него заговорила Настасья.

— И где теперь эти записи? — спросила она.

— Не волнуйся, бэбинька! — Ирма поглядела на неё с ласковой насмешливостью. — Мой *хороший друг* сделал так, что больше их никто не увидит.

— Ну, так что же вы хотели рассказать относительно... — Макс запнулся, не желая произносить слово «убийство», — ...относительно гибели вашего отца? И, кстати, приношу вам свои соболезнования, Ирма Корнеевна.

— Ох, да брось, дружочек! *Mein Vater* этого не заслужил.

— Каждый это заслужил, — снова подала голос Настасья.

— Ну, твое счастье, бэбинька, что тебе не довелось познакомиться с моим фатером поближе, — сказала Ирма.

— Намекаете: его убил кто-то, с кем он был близко знаком? — спросил Макс.

— О, да! — Ирма издала хриловатый смешок. — Очень близко знаком! Вы ведь слышали, как умерла Аделина Розен? Это теперь — прямо городская легенда. А знаете, что случилось потом? После того, как сенатор Мартин Розен объявил всем: его горячо любимая дочь пала жертвой безликого монстра, который сперва над ней надругался, а потом жестоко её убил? Рассказать вам?

Макс ощутил, что у него начинает заходить ум за разум. Утром он встречает эту девочку — *Настасью Филипповну*, которая с бухты-барахты именно к нему обращается с вопросом о Новом Китеже. Днем к нему заявляется участница тех событий, о которых он вспоминал всего часом ранее. А теперь она еще и грозит рассказать ему о вещах, которые он и так уже три года не может выбросить из головы. От изумления он будто онемел, зато Настасья — нет.

— *Безликий* — кого-то убил? — недоверчиво переспросила она. — А перед тем —

надругался над кем-то? Да разве такое возможно? Я хочу сказать...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. — Макс наконец-то обрел дар речи. — И вы правы: такое невозможно. Люди, которые подверглись прижизненной экстракции — *безликие* — полностью лишаются способности к целеполаганию, к физическому контролю над собственным телом и к осуществлению каких-либо контактов с внешним миром. Я бы сказал, что это худшая форма аутизма. Но даже такое сравнение вряд ли будет корректным.

— Складно говоришь, дружок! — похвалила Ирма. — Но, думаешь, мой фатер и его лучший друг, сенатор Розен, всего этого не знали?

Макс не стал отвечать на этот явно риторический вопрос. Вместо этого он повернулся к Настасье.

— Могу я вас попросить, — сказал он, — приготовить нам крепкого кофе? А то я не спал уже почти двое суток. На кухне есть кофе-машина. И заодно этому оболтусу насыпьте, пожалуйста, корму. — Он указал на Гастона, который поднял голову с колена своей новой фаворитки и глянул на хозяина с легкой обидой.

Настасья хотела что-то возразить, даже рот приоткрыла, но затем поймала взгляд Макса. И явно поняла, что спорить бесполезно. Она встала с кресла и, сопровождаемая Гастоном, вышла за дверь, гневно зыркнув на Макса своими серо-зелеными глазищами. Но тот сделал вид, что ничего не заметил.

4

— Хорошо, что ты догадался отослать бэбиньку, — сказала Ирма. — То, что я собираюсь рассказать — не для её маленьких ушек.

«А то я сам этого не знаю», — подумал Макс.

Ирма минут пять излагала детали, и без того Максу известные. Потом проговорила:

— А когда Розен понял, что Ада мертва, и что умерла она... скажем так, в ходе затянувшейся любовной игры, он прямо-таки впал в неистовство.

И она стала рассказывать дальше. Повела, как её отец пришел в квартиру Ады и долго о чем-то совещался с сенатором Розеном. И как после этого совещания саму Ирму, не решавшуюся зайти в спальню подруги, чуть ли не силком завели туда телохранители Розена. И как они же растянули на полу безликого — держа его за руки и за ноги. А тот всё еще продолжал двигаться, как будто в пароксизме любовного акта.

Макс едва не позабыл про конспирацию — чуть было ни сказал: «Довольно, я и так всё знаю». Но по лицу Ирмы он понял: ей *нужно* это рассказать. Она хотела рассказать это — хоть кому-нибудь — уже давным-давно.

— А после этого, дружок, — говорила она — уже без всякой игривости в голосе, — мой отец раскрыл свой докторский саквояж, извлек лазерный скальпель и отрезал безликому... ну, ты понимаешь — *что*. Ах, да, я забыла сказать: на этом существе всё еще была маска Джейми Дорнана, её так никто и не снял. Только сквозь прорези для глаз виднелись одни опущенные веки. Ты знаешь, дружок: у безликих глаза почему-то всегда закрыты. Ну, или *почти* всегда.

И вот эта деталь: маска давнего секс-символа, ныне — глубокого старца, перешагнувшего столетний рубеж и отказавшегося от трансмутации, — стала для Макса последней каплей. Точнее — последним пикселем, после добавления которого в его собственной голове составила полная, без всяких пробелов, картинка событий

четырёхлетней давности.

Макс будто въяве увидел, как на ковре в спальне Аделаиды Розен лежит голый человек с улыбающимся лицом симпатяги-киноактера. И продолжает подергивать бедрами даже после того, как доктор фон Берг оскопил его лазерным скальпелем. Если бы не этот высокотехнологичный инструментарий, *пациент* мог бы истечь кровью, и всё закончилось бы куда быстрее. Но нет: доктор прижег лазером кровеносные сосуды. И, невзирая на ужасные раны, человек явно не собирался умирать.

А доктор фон Берг не собирался останавливаться. Подстрекаемый Мартином Розеном он всё тем же скальпелем принялся осуществлять вивисекцию безликого — который так и не издал ни единого звука. Не попытался освободиться. Только продолжал конвульсивно дергать бедрами; никто так и не догадался зафиксировать их в неподвижном положении, чтобы остановить эту инфермальную порнографию. И длилось это час, а может — полтора.

Ну, а потом — Розену поднадоело следить за кровавыми манипуляциями с жертвой, которая внешне никак не реагировала на истязания. И он приказал фон Бергу *дать отпущение этой овце*. Что тот и проделал: приподнял латексную маску и перерезал безликому горло.

В последний миг перед смертью глаза мнимого Джейми Дорнана распахнулись. И на всех, кто находился в комнате, обратился взор его белых, лишенных радужки глаз — с одними черными кляксами зрачков. Он словно бы оглядел всех своих мучителей, после чего испустил дух — и снова сомкнул веки. А доктор, должно быть, решил потрафить своему могущественному другу, обронившему фразу про овцу. И разразился евангельской цитатой: *Ich bin der gute Hirte. Der gute Hirte läßt sein Leben für seine Schafe*[1].

— Вот так они и появились: *gute Hirten* — *добрые пастыри*, — закончила свой рассказ дочка главврача. — Организация действовала всегда негласно, но знали о ней повсеместно. У нас, как во всей бывшей Российской империи — всё секрет, и ничто не тайна.

Макс даже вздрогнул: он почти забыл, что слушает её. А Ирма, будто и не замечая, что её *дружочек* пребывает в легкой прострации, прибавила:

— Розен и мой фатер стали основателями этой организации — ку-клукс-клана для безликих. Мартин Рихардович по неофициальным каналам дал понять всем заинтересованным лицам: он не просто жаждет свершить возмездие — он хочет обезопасить всех *нормальных* людей, чтобы никто не повторил судьбу его горячо любимой дочери. И очень многие нашли его идеи в высшей степени разумными. Так что почли за честь присоединиться к этой похоронной команде. Но — знаешь что?

Ирма внезапно понизила голос, встала с дивана и подошла к Максиму вплотную. Её яркие губы оказались так близко от его лица, что он ощутил клубничный аромат её помады.

— Что? — спросил Макс — отметив с удивлением, что тоже перешел на шепот.

— Я не думаю, дружочек, что безликие — они как зомби. В смысле — ничего не ощущают. Ведь тот, кого мой отец убил — он же *реагировал*, когда я начала его трогать. У него всё встало, и довольно быстро. Ну, сам подумай: разве так было бы, если бы он ничего не чувствовал?

Макса сначала бросило в жар, а потом изнутри он словно бы заledenел. В словах белокурой барышни крылся ужас такой истины, какой до сего момента он и вообразить себе не мог. Да и никто не мог. Какими же слепцами все они были! Ведь то, что происходило с безликими, не особенно волновало даже их близких родственников. Те больше были озабочены юридическими аспектами, связанными с получением компенсаций от

корпорации «Перерождение». Безликие были для всех — просто ходячие мертвецы.

— Так что, дружочек, — будто издалека донесся до Макса голос Ирмы, — деяния моего фатера и его приятеля Розена — это форменный геноцид. А ты говоришь: *приношу соболезнования!*

Тут в двери гостиной кто-то мягко ткнулся, они распахнулись и внутрь неспешной рысцой вбежал Гастон. А следом за ним вошла Настасья, неся в руках поднос с тремя чашками, кофейником, сахарницей и сливочником.

Ирма и Макс отпрянули друг от друга, словно они были школьниками, которых застигла врасплох классная дама.

5

Настасья покосилась на них с подозрением, однако ничего не сказала. Молча она поставила поднос на кофейный столик и стала разливать кофе по чашкам. Макс тут же схватил одну и отпил глоток, чуть не обварив себе язык. А затем тяжело опустился в кресло рядом со столиком.

— Вот спасибо, бэбинька! — Ирма вернулась на диван с чашкой в руках и начала осторожно отхлебывать кофе маленькими глоточками.

— На здоровье! — Настасья добавила в свой кофе сахару и сливок, уселась во второе кресло и поставила чашку на его подлокотник. — Я ничего важного не пропустила, надеюсь? Вы сообщили Максиму Алексеевичу то, что хотели?

— Ах да, Ирма Корнеевна, вы же так и не сказали главного! — Макс повернулся к своей гостье, и только теперь осознал, что она всё это время обращалась к нему на *ты*, а он к ней — на *вы*. — Кто убил вашего отца?

— Разве я не сказала? *Я* его убила. Выстрелила в него из твоего Рипа ван Винкля, дружочек. А потом сбросила фатера в бассейн.

У Макса горячий кофе попал не в то горло, он закашлялся, и кашлял долго, до слез. Обеспокоенный Гастон подскочил к нему и не спускал с него карих глаз. Ирма попыталась постучать Макса по спине, но тот лишь отмахнулся, продолжая кашлять. А когда его дыхание, наконец, восстановилось, он воззрился на дочку доктора так, словно она была — Юдифь, поставившая ногу на отсеченную голову Олоферна.

— А вы это, часом, не выдумали? — спросила Настасья; всё это время она переводила пасмурный взгляд с Ирмы на Макса и обратно. — С какой радости вам было его убивать?

— *Радость* была, бэбинька, — сказала Ирма. — Вот уж в этом ты можешь не сомневаться. Я только что рассказала господину Петерсу, как из-за меня погибла Ада — моя самая близкая подруга. Ну, а потом со мной много чего произошло...

Она допила свой кофе и снова принялась рассказывать.

6

Ирма вот уже три года посещала Общественный госпиталь по вторникам. Но не потому, что желала навестить отца на его рабочем месте. Барышня фон Берг еженедельно бывала там в качестве пациентки: обязана была регулярно посещать психиатрическое отделение, чтобы избежать принудительной госпитализации. Отец показывал ей бумаги, подготовленные еще в 2083 году. Стоило ему дать им ход, и его дочь отправили бы в *санаторий*: расположенный

далеко на взморье, в тихом и безлюдном месте.

У её отца имелись причины, чтобы те документы оформить. Что правда, то правда. Тогда, три года назад, душевное здоровье Ирмы фон Берг было, мягко говоря, подорвано. Через пару месяцев после того, как её подругу Аделину Розен с помпой похоронили в фамильном склепе, Ирма поняла, что должна совершить искупительное жертвоприношение. В смысле — принести в жертву саму себя. На черном рынке она без проблем приобрела капсулу Берестова/Ли Ханя. И одним дождливым вечером заперлась у себя на квартире, накачавшись водкой — чтобы не было так страшно и чтобы не передумать в последний момент. А потом сделала главное: то, ради чего, возможно, она и затеяла всё это. Ирма позвонила своему отцу на работу — как раз тогда, когда у того было время вечернего обхода. И наговорила ему на автоответчик сообщение. Оно было коротким, но всё равно далось ей нелегко: от выпитого алкоголя язык у неё едва ворочался.

— Я надеюсь, папа, что тебе и твоему лучшему другу доставит удовольствие самолично отправить меня на дно Даугавы. И я разрешаю вам загнать колберами капсулу с моим экстрактом. Они дадут вам за неё хорошие деньги.

Дочка доктора бросила трубку на рычаг и только после этого позволила себе разрыдаться. Так, плача и даже не утирая слезы, она и взялась за капсулу, которая уже лежала рядом с телефоном. Ирма заранее изучила инструкцию по её применению. И думала, что готова её использовать: осуществить вытяжку экстракта Берестова из своего собственного мозга.

Она дождалась, пока из брюха колбы вылезет толстое заостренное жало инъектора, и взмахнула блестящим сосудом, целя себе в висок. Но — то ли она переборщила с выпивкой, то ли инстинкт самосохранения оказался сильнее доводов её помрачившегося рассудка. Всё, что Ирма смогла сделать, так это сильно рассечь кожу — даже не на виске: на лбу. А для столкновения с прочной лобной костью капсула Берестова/Ли Ханя не предназначалась. Она выскользнула из руки барышни фон Берг и, ударившись об пол, разлетелась вдребезги. Однако Ирма этого уже не увидела. Пьяная в хлам и напуганная до чертиков, она отключилась, прямо сидя за столом.

Так и нашел её отец полчаса спустя: в глубоком беспмятстве откинувшуюся на спинку стула, с осколками зеркальной капсулы возле ног. Он в тот день закончил обход раньше обычного, прослушал сообщение Ирмы и помчался к ней домой.

После этого Корней Оттович и подключил к делу психиатров: отправил дочь на обследование в элитную клинику. Где врачи и констатировали, что у фройляйн фон Берг развился алкогольный психоз, и порекомендовали ей длительное пребывание в *санатории*. Да тут еще и сама Ирма подлила масла в огонь: поняв, что её *жертвоприношение* провалилось, она впала в буйство. Бесперывно кричала, что хочет встретиться с представителями ООН и дать показания о деятельности добрых пастырей. Грозил врачам, что засудит их всех. И не уставала повторять, что её отец — исчадие ада.

Так что — барышне светило не просто отправиться в санаторий, а еще и отправиться туда в смиренной рубашке. Но тут вмешалась мать Ирмы. Она заявила мужу: если тот упрячет их единственную дочь в психушку, она немедленно подаст на развод. А в качестве причины укажет физическую неспособность Корнелиуса фон Берга исполнять супружеские обязанности.

— Вы обе — дуры и шлюхи! — орал доктор. — И будь я проклят, если пойду у вас на поводу!

Однако потом всё-таки сдался. Скандальный развод был ему совсем не на руку. Он даже разрешил Ирме жить отдельно — в её собственной квартире. Но выдвинул условие вторичных посещений госпиталя. Там пациентке еженедельно делали инъекцию такого сильного транквилизатора, что его действия хватало на следующие семь дней.

Благодаря этому лекарству Ирма *успокоилась* — до такой степени, что всё свое время проводила, лежа дома в постели и с блаженной улыбкой разглядывая потолок. Она бросила работу в фармацевтической фирме, куда её когда-то устроил отец, и жила теперь только на его подачки. Она перестала с кем-либо встречаться; её больше никто не интересовал — ни друзья, ни любовники. Она бросила пить, а случалось — целыми сутками голодала, забывая поесть. Словом, теперь она уже не представляла опасности ни для себя самой, ни для окружающих (в смысле — для добрых пастырей).

Вот только — была одна вещь, о которой доктор фон Берг умудрился позабыть. Любой фармакологический препарат, даже самый сильный, после многократного применения способен вызывать привыкание организма. К нему вырабатывается толерантность, и он перестает быть эффективным. Уж конечно, врач, который делал Ирме уколы, это хорошо знал. Однако увеличивать дозы вводимого ей препарата или сажать её на другое лекарство он не стал. Может, пожалел молодую и красивую пациентку. А, возможно, просто побоялся последствий. Ведь он явно понимал, что *лечение*, которое он осуществляет, является принудительным и незаконным. Главный же врач, который лично присутствовал всякий раз, когда его дочери делали внутривенную инъекцию, указаний об увеличении дозы транквилизатора не давал.

И к маю 2086 года барышня фон Берг после каждой очередной инъекции ощущала только легкую сонливость. Но продолжала уходить из кабинета психиатра, покачиваясь и блаженно улыбаясь. Обычно отец отправлял её после этого домой со своим личным шофером. Однако утром 28 мая всё сложилось не по запланированной программе. Ирма заметила *кое-что*, когда её отец появился в кабинете психиатра. И после очередной инъекции она, удивив своего *фатера*, произнесла заплетающимся языком:

— Я хочу поплавать. Отведи меня к бассейну, пожалуйста.

Корнелиус фон Берг немного опешил, но ничего крамольного не заподозрил. И спустился вместе с дочерью в цокольный этаж госпиталя.

7

— Вы увидели у него пистолет Максима Алексеевича? — спросила Настасья; не рассказчицу она взирала с каким-то болезненным интересом.

— Ты догадлива, бэбинька! — сказала Ирма. — Да, халат на моем фатере не был застегнут. А *Pipa van Винкля* он засунул прямо за ремень брюк — даже не поместил его в кобуру.

Макс видел, как у Настасьи при упоминании кобуры губы искривились и дрогнули — как если бы она услышала что-то неприятное до отвращения. Но почти тут же девушка совладала с собой и спросила:

— А как вы сумели отобрать у него пистолет? Не сам же он вам его отдал?

— Да уж ясно, что не сам, — усмехнулась Ирма.

И стала излагать свою историю дальше.

Перед своим *фатером* она продолжала изображать, что транквилизатор на неё

подействовал. И, когда они вдвоем оказались возле бассейна, Ирма принялась раздеваться: медленно, делая паузу после каждой снятой с себя вещи — как если бы демонстрировала стриптиз в каком-нибудь второсортном клубе. Её отец не проявлял нетерпения: просто стоял и наблюдал за ней. Под его распахнутым светло-зеленым халатом топорщилась над поясом брюк рукоять пистолета. Дочка доктора хорошо разглядела это оружие — поняла, что оно с усыпляющими патронами. В неё саму пальнули один раз из такого — в бурные времена её пребывания в элитной психиатрической клинике.

Ирма осталась в одном белье — в обычных трусиках и бюстгальтере, не в купальнике. И медленно двинулась к краю бассейна, не забывая покачиваться из стороны в сторону. Её отца явно не смущало ни отсутствие на дочери купального костюма, ни её дезориентированное (якобы) состояние. Отговаривать её от купания он не собирался. И вообще, даже не глядел в её сторону. Просто стоял, погруженный в какие-то свои мысли, озабоченно хмурился и то и дело поглядывал на часы.

— Давай, не тяни время! — сказал он. — Хотела плавать — плавай!

— А давай — и ты со мной! — воскликнула вдруг Ирма.

Она кинулась к отцу: очень резко, бросив ломать комедию — изображать сонную муху. Однако доктора опять ничего не насторожило.

— Не глупи! — Фон Берг отступил от Ирмы на шаг. — Что еще за блажь?

Но его дочь уже подбежала к нему и вцепилась в него обеими руками — практически повисла на нем.

— Ну, давай же, давай! — зашептала она ему в самое ухо и провела рукой у него под халатом, сунув пальцы за ремень его брюк.

— Да ты совсем сбрендил, что ли? — Главврач со злостью отпихнул её от себя.

Если бы транквилизатор оказывал на Ирму свое прежнее — изначальное — воздействие, барышня непременно упала бы от подобного толчка. Рухнула бы навзничь, расшибив себе затылок о кафельный пол. Но Ирма лишь слегка покачнулась. И направила на своего фатера пистолет, который только что вытянула у него из-за пояса.

— Сюрприз! — воскликнула она и разразилась смехом, в котором, должно быть, и вправду сквозило сумасшествие.

Если её отец и растерялся, то виду не подал.

— Ну, — сказал он, — у тебя, как я посмотрю, наметился рецидив. Ты даже не поняла, что эта игрушка у тебя в руках никого убить не способна.

— А зачем мне тебя убивать? Мне достаточно тебя усыпить — на время. У меня в сумке лежит еще одна капсула Берестова/Ли Ханя. Конечно, ты немного староват для колберов, но внешность у тебя импозантная. И хоть сколько-нибудь они за тебя точно заплатят.

Ирма блефовала: не было у неё с собой никакой капсулы. Однако сумку её при входе в госпиталь никто и никогда не досматривал. Так что её отец поверил. И она с невыразимым торжеством увидела, что лицо его становится почти такого же цвета, что и медицинский халат.

— Если ты это сделаешь, — сказал он, — то останешься без гроша — как и твоя мать! Моя экстракция приведет к тому, что меня объявят безвестно отсутствующим. Я ведь не оформлял биогенетический паспорт, и мою личность никто подтвердить не сможет. Так что тебе и твоей мамаше придется ждать семь лет, прежде чем я буду признан умершим, и вы сможете получить принадлежащие мне деньги. На что вы будете жить всё это время? Станете торговать собой?

— Вероятно, — сказала Ирма, — ты говорил то же самое — что она останется без гроша — и той медсестре? Татьяна Павловна — так ведь её звали? Да, да, не удивляйся: я знаю, что ты беседовал с ней перед тем, как она слетела с катушек. Ты ей пообещал, что уволишь её с волчьим билетом, если она не утопит своих пациентов?

— Ну, не в бассейне же! — вырвалось у фон Берга.

— Ах, ну да! Такой эскапады ты от неё не ждал. Ей только и надо было, что помочь твоим подельникам довести безликих до Даугавы. А полиция не стала бы выяснять, при каких обстоятельствах все эти люди исчезли.

— Они не люди! Эти существа — они просто человеческие отходы, которые кто-то должен убирать!

При этих словах своего отца Ирма и нажала на курок — просто не смогла больше сдерживаться. А когда доктор упал и провалился в сон, она подтащила его бесчувственное тело к бассейну и босой ногой спихнула в воду.

8

— А потом, — сказала барышня фон Берг, — я бросила в бассейн и *Рина ван Винкля* тоже. Чтобы вода уничтожила мои отпечатки пальцев. Я же не знала, дружок, что это был не его пистолет, а твой. Не думала, что нечаянно подставлю тебя.

Она глянула на Макса с извиняющейся улыбкой. Но тот лишь покачал головой:

— Фон Берг наверняка сам собирался меня подставить. Потому и забрал мое оружие. Точнее, ему был интересен не я... — Он осекся на полуслове, поняв, что едва не выдал секрет Настасьи.

А та неожиданно спросила, удивив Макса своей прямолинейностью:

— И для чего вы нам это рассказали, Ирма? Вряд ли вы планируете сдать полицию, чтобы с Максима Алексеевича сняли обвинения.

— Не планирую. Да и какой смысл — если на вас двоих ополчились добрые пастыри? — Она явно и без слов Макса поняла, что Настасья оказалась у него дома не просто так. — Но я помогу вам покинуть Балтийский союз — доставлю вас обоих до границы с Конфедерацией. На твоей машине, дружок, вам двоим из Риги точно не выбраться. И раздобыть новую ты не сможешь: тебя первый же встречный сдаст ради получения награды.

9

Вещи для отъезда Максим Берестов держал наготове постоянно, с тех пор, как поселился в этой квартире. Так что уже через пять минут он вошел в гостиную, держа в одной руке свой паспорт с вложенным в него ветеринарным сертификатом Гастона, а в другой — уложенную спортивную сумку. В портмоне Макс положил толстую пачку дорожных чеков, номинированных в червонцах Евразийской Конфедерации: с портретом знаменитого русского путешественника Николая Пржевальского, который многие ошибочно принимали за изображение генералиссимуса Сталина. А дочка доктора к тому времени уже переговорила с кем-то по телефону из соседней комнаты. И сообщила, что машина будет ждать их на подземной стоянке кондоминиума через десять минут.

— Я смотрю, — сказала Ирма, — у тебя, дружок, тоже старый паспорт — не

биогенетический. Прямо как у моего фатера!

Макс только пожал плечами:

— Никто же не обязан получать паспорта нового образца!

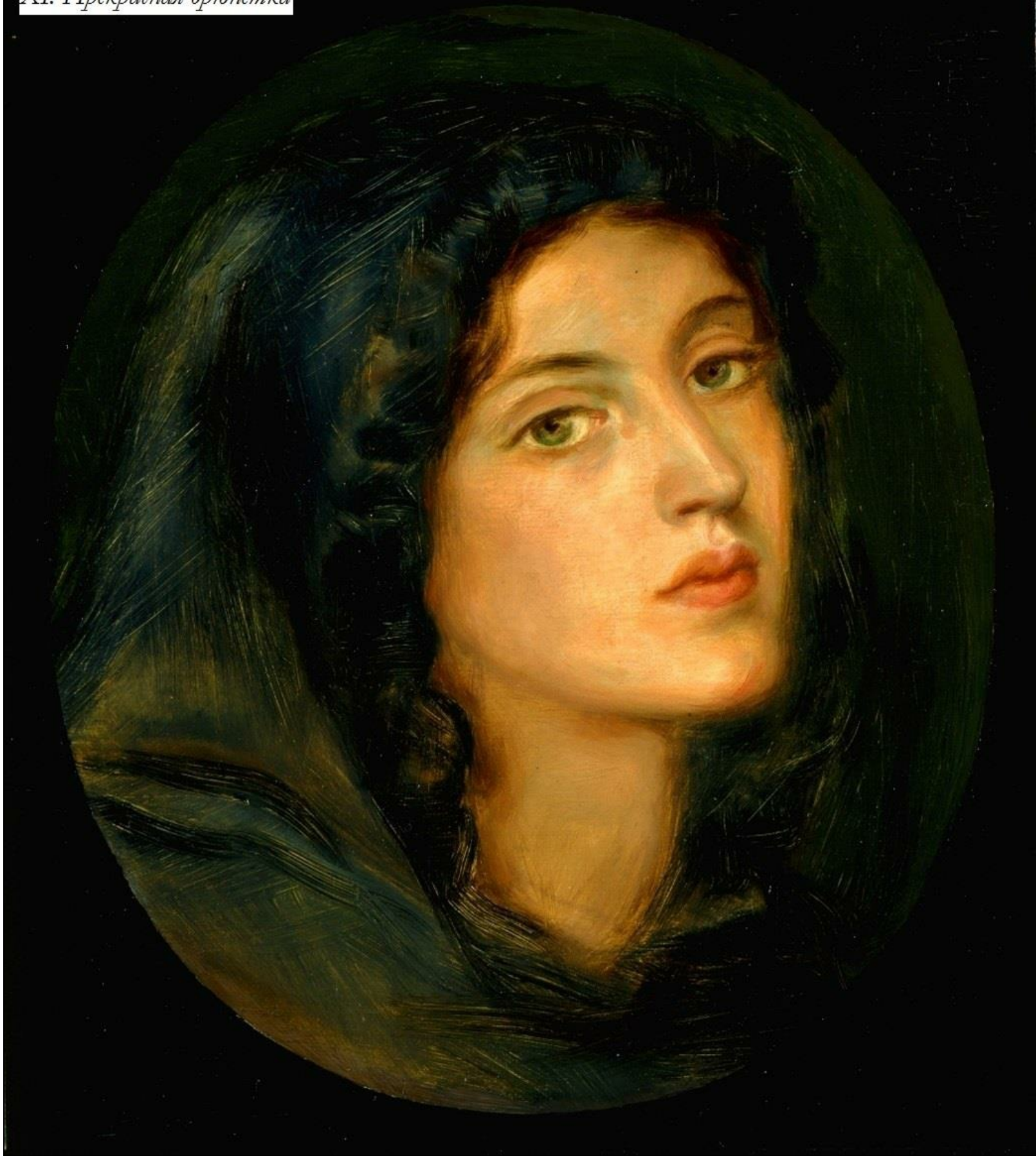
Новые паспорта стали выдавать в конце 2076 года. И были это высокотехнологичные гаджеты, напомиавшие паспорт только прямоугольной формой и гербом. Теперь даже идентификация безликих не составляла проблемы — если, конечно, документы имелись у них при себе. Так что колберы, бросая *обезличенную* жертву, очищали её карманы не только от денег.

Но изредка биогенетические паспорта всё же продавались вместе с нелегально извлеченным экстрактом Берестова. Он изменял геном организма до такой степени, что генетический материал реципиента вполне мог использоваться для активации паспорта донора. Вот только — возникал риск двойной идентификации. Если бы полиция сумела обнаружить безликого генетического двойника владельца паспорта, то это стало бы как раз тем самым *веским и неоспоримым доказательством*, которое могло привести к осуждению и наказанию виновного. А незаконная трансмутация была одним из тех преступлений, которые карались принудительной экстракцией. То есть, попросту говоря, отсроченной смертной казнью.

Потому-то и бесполезны были для посторонних людей паспорта Настасьи и её погибшего жениха. Он уже передал их девушке — оба. И Настасья убрала их во внутренний карман старой кожаной куртки Макса, которую она надела поверх его же толстовки. Под её длинной полрой девушка спрятала от чужих глаз кобуру с зеркальной колбой, а капюшон толстовки вытащила наружу.

— Ну, мы можем отправляться? — спросила Настасья, набрасывая капюшон на свои роскошные черные волосы.

XI. Прекрасная брюнетка

Макс так залюбовался на неё, что даже не сразу услышал её вопрос. А потом его вдруг осенило.

— Ох, чуть не забыл! — Он даже по лбу себя хлопнул и поспешил в свою спальню.

Там, в тайнике за прикроватной тумбочкой, лежал предмет, которым он даже не

предполагал воспользоваться когда-нибудь. Хранил он его просто так, на всякий случай. И еще — из уважения к отцу, который прислал ему эту вещь охраняемой курьерской почтой, хотя по виду это был всего лишь прямоугольник из плотной бумаги. Форматом он был с визитную карточку, однако выглядел абсолютно чистым — без каких-либо надписей. Макс бережно убрал его во внутренний карман своей джинсовой куртки, вышел в прихожую, и они все вместе направились к выходу.

Макс покинул квартиру последним — чтобы запереть за собой дверь. А потом еще отвлекся на то, чтобы снять у Гастона с шеи бандану и надеть на него ошейник с поводком (чего он почти никогда не делал). Так что он и не заметил, как Ирма нажала кнопку вызова лифта.

10

Макс понял, какую они допустили оплошность, только когда дверцы лифтовой кабины разъехались в стороны. В кабине ехали две пассажирки: молодая мать с дочерью двух-трех лет. И взрослая женщина, и маленькая девочка — обе были красивыми, как с рекламной картинки. Но друг на дружку совершенно не походили. Девочка со странным выражением на личике разглядывала собственное отражение в лифтовом зеркале. А её мать так и уставилась на них троих — *четверых*, считая Гастона. Макс изрядно постарался, чтобы не сталкиваться лицом к лицу ни с кем из своих соседей по кондоминиуму. И теперь молодая женщина глядела на него с напряженным любопытством.

— Если вам вниз, то садитесь! — проговорила она. — Надеюсь, ваша собака не кусается?

Макс чуть было не сказал: *нет, нам наверх*. Или же: *мой пес очень агрессивный, так что вы лучше поезжайте без нас*. Но — оба ответа только вызвали бы еще больше подозрений. Первый — потому что кабина лифта останавливалась лишь в том случае, если новые пассажиры собирались ехать попутно. А второй — потому что Гастон чуть не удавился поводком, радостно прыгая возле лифта. Любвеобильный, как все ньюфаундленды, он был просто счастлив расширить круг своих знакомых.

Так что пришлось им всем войти в кабину — которая вместила бы в себя и десять человек с десятью большими собаками.

— Нам на стоянку, — сказал Макс.

— Как и нам. — Молодая мать не могла оторвать взора от маловыразительного лица своего соседа. — Нажимайте кнопку!

Кабина мягко покачнулась и неспешно поехала вниз. В кондоминиуме были установлены не высокоскоростные, а старомодные — *новомодные* — медленные лифты.

Гастон ринулся было к девочке, явно рассчитывая, что та проявит к нему интерес — погладит, потискает, как это обычно делали все его знакомые дети. Но их маленькая попутчица бросила на собаку только мимолетный взгляд. И снова вперилась в зеркало — разглядывая в нем самое себя и одновременно ощупывая маленькими ручками свое красивое, как у куклы, личико. И ньюфаундленд попятился от неё, а его песья улыбочка погасла. Казалось, вот-вот произойдет невероятное: добряк зарычит на маленького ребенка, обнажая клыки.

Максу на миг померещилось, что тросы, тянувшие лифтовую кабину, оборвались, и она ухнула вниз. Но это его сердце ухнуло. Он понял, *что* так потрясло Гастона. Да и Настасья

явно о чем-то догадалась: она смотрела на ребенка расширившимися от ужаса глазами. Только Ирма словно бы ничего не замечала: тоже разглядывала свое отражение в зеркале. Должно быть, оценивала, как сказались на её внешности сегодняшние события.

Но затем она от зеркала отпрянула: должно быть, увидела в нем отражение внезапно изменившегося лица молодой матери. Только что та взирала на Макса просто как на диковинное насекомое, и вдруг будто проснулась. Глаза её вспыхнули, и она не сдержала изумленного вздоха.

«Экстренный выпуск новостей, — подумал Макс. — Она тоже его видела».

Перемену в попутчице заметила и Настасья. Взгляд девушки сделался хмурым, как ноябрьское утро — но страха в нем не было. Она сунула руку под куртку и одновременно повернулась к Ирме — что-то зашептала ей в самое ухо, изобразив улыбку. И барышня фон Берг лучезарно улыбнулась ей в ответ.

А потом губы Настасьи оказались уже возле уха самого Макса.

— Когда я скажу *дом*, нажимай на кнопку остановки лифта, — почти беззвучно произнесла она.

Макс не успел даже ничего осознать, а Настасья уже обратилась в полный голос к молодой женщине:

— Вы давно здесь живете? Это очень красивый дом.

Когда она произносила «красивый», Ирма подхватила на руки маленькую девочку. А на слове «дом» пришлось уже вступить Макс. И он, не уразумев — зачем, остановил лифт. Кабина дернулась, но несильно — ехала-то медленно. И Настасья тут же схватила их взрослую попутчицу левой рукой за плечо, а правой прижала к её виску капсулу Берестова/Ли Ханя — не забыв выщелкнуть из неё острие инъектора.

Девушка держала блестящую колбу так, что мать маленькой девочки могла видеть в лифтовом зеркале свое отражение с прижатым к виску страшным жалом. Но при этом пальцы Настасьи закрывали индикаторные окошки на колбе, и невозможно было понять, что она *уже* заполнена.

— Ну, и во сколько же тебе обошлась трансмутация твоей дочери, тварь поганая? — В голосе Настасьи звучало такое бешенство, что даже Макс стало не по себе.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — заскулила красотка, стараясь отодвинуть голову от жала инъектора.

Её дочь на руках у Ирмы слабо пошевелилась, но на мать даже не посмотрела: выбрала такую позицию, чтобы снова видеть свое отражение. Но зато Гастон уставился на колбу ошалелым взглядом, так что Макс укоротил поводок, притянув пса поближе к себе.

— Не понимаешь? Ну, так слушай: я *видела* того ребенка, чье лицо теперь — у твоей дочки. И, как по мне, она совсем этому не рада.

— Трансмутация детей, не достигших десятилетнего возраста, запрещена резолюцией ООН, — подал голос Макс. — Малолетние дети не готовы к такой процедуре психологически. И не способны дать свое осознанное согласие на неё.

— Да вы же убийца! Я видела вас по телевизору! И вы еще будете *мне* говорить про ООН? — Молодая мать попыталась повернуть голову в его сторону, однако натолкнулась виском на острие, ахнула и замерла.

Тут уже решила вмешаться Ирма.

— Послушай меня, золотце, — обратилась она к взрослой попутчице. — Вряд ли ты захочешь стать безликой — как те, у кого ты позаимствовала внешность для себя и для своей

дочурки. И получить срок за ювенальную трансмутацию ты тоже не захочешь. А срок тебе светит порядочный. Я, между прочим, бакалавр права и знаю, о чем говорю.

Макс возрился на неё так, словно барышня сообщила, что она — потомственная марсианка.

— Но, возможно, мы проявим к тебе доброту, — снова заговорила Настасья. — Ради твоей дочери.

Макс понял — с удивлением — что две его спутницы полностью взяли ситуацию под свой контроль. А Настасья повернулась к нему:

— У тебя в квартире есть замок с таймером, верно? — Она явно забыла, что нужно говорить ему *вы*.

— Да, есть, — кивнул Макс.

Он установил такой замок еще в то время, когда он не брал с собой Гастона в госпиталь. Оставляя пса одного в квартире, Макс вовсе не был уверен, что возвратится туда сам — хоть и не мог считаться достойной добычей для колберов. И, если бы он отсутствовал 24 часа, дверь его квартиры автоматически открылась бы. А затем сработал бы сигнал вызова службы защиты животных.

— Вот и хорошо, — сказала Настасья. — Нам только нужно будет забрать из твоего дома все телефонные аппараты.

11

Перед повторным вызовом лифта они не забыли удостовериться, что его кабина пуста. И молча вошли в неё, избегая даже глядеть друг на друга — не то что обсуждать случившееся. Колба с мозговым экстрактом Ивара Озолса снова перекечевала в кобуру на поясе Настасьи. Две соседки Макса — мать и дочь — остались запертыми в его квартире: с основательным запасом еды и работающим сериальным телеканалом. Но, как и сказала Настасья, без телефонов. Все аппараты Макс вынес из квартиры и сбросил в мусоропровод. И на всякий случай даже проверил сумку и карманы молодой женщины. Однако это оказалось излишним: запрещенного мобильного у его соседки не оказалось.

Мобильные телефоны стали постепенно изымать из обращения еще в 2057 году, сразу после распада Европейского Союза. Якобы потому, что они таили в себе опасность для здоровья и даже для самой жизни людей. Ну, то есть — до этого никто про такую опасность не знал, а потом вдруг на всех нашло просветление! Но, конечно, мало было наивных дурачков, уверовавших в такую мотивацию запрета мобильной связи. Все знали об иных причинах: после экономического коллапса конца 40-х и социальных потрясений 50-х годов XXI века мобильник превратился в потенциально угрожающий предмет на улицах почти всех стран мира. Привести с его помощью в действие взрывное устройство было ужасающе легко. Скоординировать действия экстремистских групп — еще легче. А позвонить в какой-нибудь крупный торговый центр и сделать ложное сообщение о его минировании, чтобы потом под шумок поживиться товарами, пока всех эвакуируют — и вовсе проще пареной репы.

Так что — да: мобильные телефоны и вправду стали слишком уж опасны. И соседка Макса, которая подпольно осуществила трансмутацию своей двухлетней дочери, изображала из себя законопослушную гражданку: такими гаджетами не пользовалась.

— Через сутки вы сможете отсюда выйти и отправиться домой. А мужу наврёте, что

попали в плен к колберам, и вам только чудом удалось вырваться от них, — сказал ей Макс. — И, разумеется, в ваших же интересах молчать о том, что вы видели меня. Схема проста: я попадаю в руки полиции — вы попадаете не скамью подсудимых за трансмутацию малолетней дочери.

— Доказательств у вас нет! Иначе вы не стали бы меня здесь запереть.

— Медицинское освидетельствование твоей дочери, золотце, может стать таким доказательством, — сказала Ирма. — Но ради неё мы всё-таки хотим дать тебе шанс — как и обещала бэб... как обещала моя подруга. — Она явно поняла, что продолжать и дальше именовать Настасью *бэбинькой* — неуместно и даже смешно.

После этого Ирма, Макс и Настасья уже без всяких препон спустились на подземную стоянку.

— Как думаешь, она расскажет кому-нибудь о встрече с нами? — спросила Настасья Ирму; теперь, после инцидента в лифте, они все были друг с другом на *ты*.

— Через сутки это уже не будет иметь значения. Вы окажетесь далеко отсюда. Я об этом позабочусь. А вот и наш транспорт! — И барышня фон Берг указала на полицейский электрокар, возле распахнутой дверцы которого застыл молодой мужчина в темно-синей форме.

«Неужто она всё-таки сдала нас полиции?» — подумал Макс, не веря собственным глазам. И тут же до его слуха донесся пронзительный, переходящий на фистулу, женский голос:

— Офицер! Офицер, помогите! Меня и моего ребенка похитили!

Они все — включая и молодого полицейского, и даже Гастона, — повернули головы к источнику этого голоса. Да, Макс выбросил все телефонные аппараты, что имелись у него в квартире. Но кое о чем позабыл: переговорное устройство домофона имело двустороннюю связь.

[1] *Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (нем.). От Иоанна (10; 11).

Глава 10. Стая

28–29 мая 2086 года. Вторник. Ночь со вторника на среду
Рига и Псковское шоссе

1

— Эта стерва-мамаша нас видит! — Барышня фон Берг повернулась к полицейскому: — Алекс, ну, что ты застыл? Сделай что-нибудь! Надо, чтобы она заткнулась.

— Как скажешь, Ирмочка, — пробасил молодой человек и зашагал мимо спустившейся на стоянку компании прямоком к переговорному устройству.

— Ну, ясно, — сказала Настасья, — это и есть твой *хороший друг*.

— Да, это Алекс. — На лице Ирмы промелькнуло смущение — почти невозможно было поверить, что она способна его испытывать. — Надо было сразу сказать вам, *кто* за нами приедет. Надеюсь, вы ничего плохого не подумали? — (При этих её словах смутился уже Макс — даже глаза опустил). — Мой друг довезет нас до границы, и никто его машину не остановит.

— Офицер! Ну, наконец-то вы подошли! — донесся из динамика домофона облегченный возглас. — Я хотела...

Но они так и не узнали, чего именно хотела молодая мать. Раздались два негромких хлопка, и голос говорившей оборвался. А в сторону их троих двинулся Алекс, на ходу пряча в кобуру свой пистолет — из которого он только что расстрелял коммуникатор и видеокамеру в подземном гараже.

— Зря он это сделал! — Макс с беспокойством оглядел гараж. — На стоянке постоянно дежурит охрана! Домофон можно было просто отключить.

Но молодой полицейский этого не услышал. Подойдя к ним, он спросил, глядя на барышню фон Берг с обожанием:

— Ну, вот, Ирмочка, я её заткнул. Теперь мы можем ехать?

Но ответить ему Ирма не успела. Гастон предупреждающе гавкнул, глядя им за спины: от будки охраны к ним бежали два человека в камуфляжной форме, и один из них что-то говорил на бегу в маленькую рацию, прикрепленную к его рукаву.

Макс хотел было предложить *хорошему другу* Ирмы объясниться с гаражными секьюрити. Но потом передумал: эти двое тоже могли видеть экстренный выпуск новостей. И, вероятно, Алекс пришел к такому же выводу. Всю его вальяжную неторопливость как рукой сняло.

— Все — в мою машину! — крикнул он и распахнул правую переднюю дверцу для Ирмы; а Макс, Настасье и Гастону пришлось заскочить в задний отсек, отделенный от переднего сиденья решеткой.

Они едва-едва сумели там угнездиться: Настасья — позади водителя, Макс — позади Ирмы, сумка с вещами — между ними, а Гастон — у них в ногах, словно огромная подушка. И тут же Алекс рванул с места, одной рукой защелкивая пряжку своего ремня безопасности и крича остальным:

— Пристегнитесь!

Они просвистели мимо людей в камуфляже, которые едва успели отпрыгнуть в разные

стороны. Чтобы миновать будку охраны, из которой тут же выскочил еще один дежурный, Алекс резко вывернул руль, выезжая на левую сторону, и их всех мотнуло вбок. Гастон, который один из всех не был пристегнут, от неожиданности привскочил с места и больно наступил хозяину на ногу своей широченной когтистой лапой. А лицо Макса покрыли брызги теплой липкой влаги: слюни Гастона, на котором не было шейного платка, разлетались по всему салону — пока полицейский автомобиль несся по пандусу наверх, выезжая с подземной стоянки.

2

Было около шести часов вечера — единственное время, когда город более или менее оживал. И теперь это было совсем некстати. Едва только они оказались на улице, как им навстречу вырулил откуда-то другой электрокар — отчаянно сигналил: они по-прежнему ехали по левой стороне.

— Ты из Англии, что ли? — проорал в открытое окно водитель машины, с которой они едва не столкнулись; его явно не смутило, что перед ним транспортное средство полиции. — Правой стороной ездить надо, козел!

Но хорошему другу Ирмы всё никак не удавалось пересечь разделительную линию. По встречной полосе следовал слишком плотный поток машин. Макс и припомнить не мог, когда он в последний раз видел столько электрокаров одновременно.

Однако необычно плотное движение мешало не только им. За ними — по правой стороне — упорно следовал белый универсал, который Макс прежде не раз видел на стоянке своего кондоминиума, возле будки охраны. И вряд ли простой акт вандализма — уничтожение домофона с видеокамерой — мог заставить охранников гнаться за ними по улицам. Тем более — гнаться за полицейским электрокаром. А вот пятьдесят тысяч балтмарок были куда более веским стимулом для погони.

Подобраться к ним вплотную белый универсал пока не мог. Но из-за машин, ехавших им навстречу и отчаянно сигналивших, Алекс вынужден был то и дело тормозить. И было только вопросом времени, когда ретивые охранники их догонят.

Но Максим Берестов явно еще не исчерпал лимита своей везучести. Впереди они увидели один из немногих работающих светофоров, что оставались в городе. И Алекс выполнил маневр, еще с прошлого века известный как *полицейский разворот*.

На пешеходных переходах не было ни одного человека, когда они подъезжали к светофору. Так что молодой полицейский выехал на середину пустого перекрестка, где и остановился. А потом на небольшой скорости проехал метров десять задним ходом, снял ногу с педали газа и вывернул руль налево до отказа. Их занесло вбок, но Алекс делал всё правильно: продолжал удерживать руль в вывернутом положении и не давил на тормоз. Только когда разворот на 180 градусов был уже почти завершен, полицейский вернул колеса своего электрокара в прямое положение, а затем надавил на газ.

И они наконец-то двинулись вперед по правой для себя стороне — в противоположном направлении от первоначального. Те, кто находился в белом универсале (лица их скрывала тонировка стекол), этот маневр видели. Они даже пытались совершить разворот через двойную сплошную линию, чтобы продолжить преследование. Но *хороший друг* Ирмы, включив сирену и сигнальные полицейские огни, на полной скорости пронесся мимо них.

Одно только было плохо: в кабине универсала горел зеленый индикаторный огонек

включенного видеорегистратора. И Макс подумал, что у молодого полицейского могут возникнуть серьезные неприятности, когда он возвратится в Ригу.

Но Алекса, казалось, это не волновало. Макс видел, *какие* взгляды молодой человек бросает на сидевшую рядом с ним Ирму фон Берг. Ради того, чтобы угодить своей пассии, Алекс наверняка мог бы рискнуть жизнью — не то, что карьерой в полиции.

— Нам — на шоссе «Рига-Псков»? — спросил он. — Планы не переменились?

— Нет, сладенький, — ответила Ирма, — ничего менять мы не будем.

И они — уже с выключенной сиреной — понеслись по улицам, вырывая на северо-восток.

3

Из города они выехали около семи часов вечера. И солнце, клонившееся к закату, светило им в спину. Макс видел свой серый абрис на перегородке, отделявшей передние сиденья полицейской машины от арестантского отсека. И сам не заметил, как принялся беззвучно шептать финальные строки любимого стихотворения своего отца:

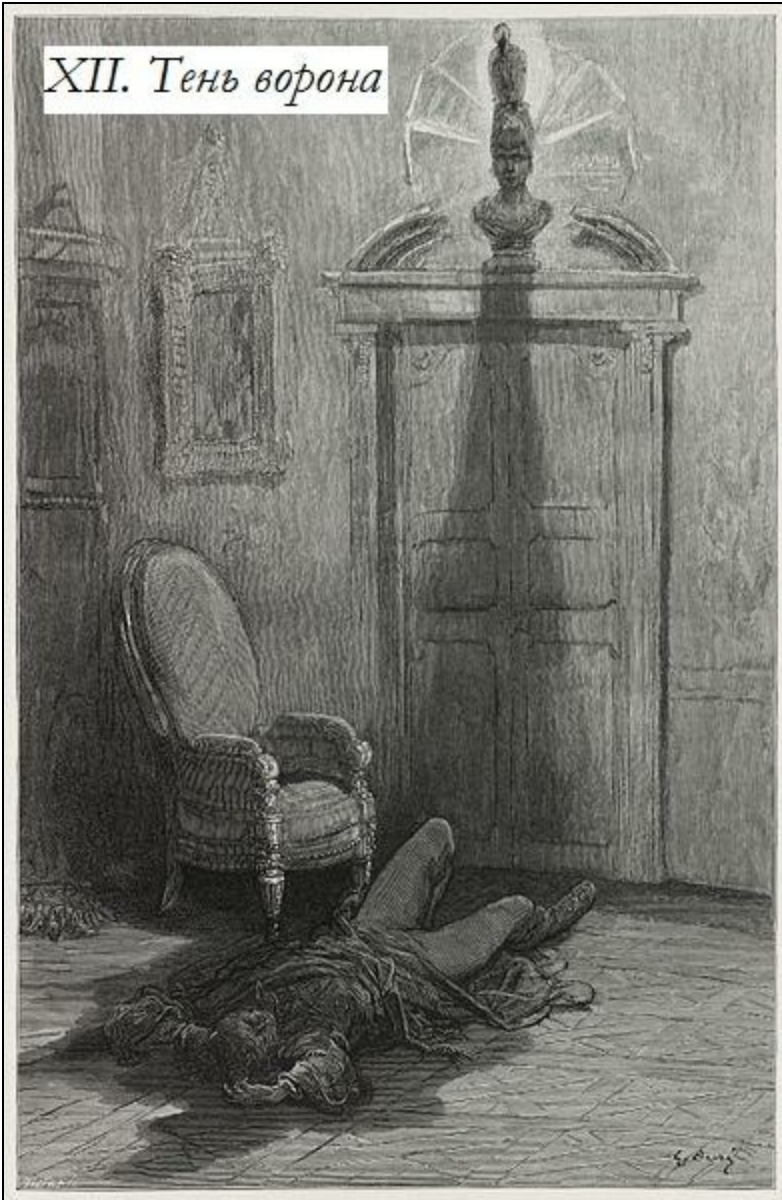
Тень ложится удлинено, на полу лежит года, —

И душе не встать из тени, пусть идут, идут года, —

Знаю, — больше никогда! [1] —

Только Гастон уловил этот легчайший шепот своего хозяина; запрокинув голову, он сочувственно глянул на него. А затем с ясно слышимым вздохом опустил морду на вытянутые передние лапы. Пес хорошо знал эту дорогу и догадывался, что хозяин, как и всегда, впадет в меланхолию, когда они будут ехать по ней.

XII. Тень ворона

Впервые Макс проезжал здесь без малого пять лет назад — направляясь из Конфедерации в Ригу. Тогда Гастон, дремавший на заднем сиденье его машины, был еще подростком — хотя уже вымахал размером с немецкую овчарку. Да и машина у Макса была другая — не та винтажная модель, на которой он ездил потом. И он в который уже раз спросил самого себя: а не глупец ли он был, что решил *пересесть на другую машину* — во всех смыслах?

— Ты знаешь, куда мы едем?

Макс даже вздрогнул, услышав голос Настасьи.

— Да, знаю. Мы едем к пропускному пункту на границе между Балтсоюзом и ЕАК. До него примерно двести пятьдесят километров. Лухамаа — так этот пункт называется.

— *Лухамаа*, — повторила Настасья, будто пробуя незнакомое слово на язык, а потом нахмурила черные, как бархат на старинном камзоле, брови: — Но ведь и там есть телевидение! Или полиция могла связаться с погранслужбами по своим каналам.

— Об этом не беспокойся. Я потому и выбрал этот пункт, что знаю людей, которые мне *помогут*. — Он хотел прибавить: за вознаграждение; но это и так подразумевалось. — Главное — не попасться на глаза случайным свидетелям. А они там вряд ли появятся. В Конфедерации приняли закон: иностранные граждане, въезжающие на её территорию, обязаны иметь при себе денежные средства в сумме не менее одной тысячи червонцев. Так

что сейчас этот пропускной пункт в основном пустует.

Настасья глянула на Макса как-то по-новому. А потом спросила, понизив голос и перегнувшись к нему через туго набитую сумку:

— Откуда у тебя столько денег, а, Макс? Ну, то есть, это не мое дело, конечно. Но ты, быть может, контрабандист? Ты много раз пересекал границу, судя по всему?

Макс рассмеялся так громко, что Ирма поглядела на него через плечо с заметным удивлением. А в зеркале он поймал недоуменный взгляд Алекса.

— Только не думай, что я тебя осуждаю! — Настасья вспыхнула, словно возможность такого осуждения показалась ей постыдной. — Как по мне, это даже романтично! Просто — мне нужно знать, насколько тебе может навредить сделка со мной. Она ведь *уже* навредила — тебя обвинили в убийстве. И я должна тебя спросить: может быть, когда ты проводишь меня до Китеж-града, то захочешь...

Но Макс её не дослушал.

— Нет, романтичная барышня, — все еще смеясь, проговорил он, — я не контрабандист. И никакого *дополнительного* вреда наша договоренность мне причинить не может. Не забивай себе этим голову. Лучше отдохни — попробуй поспать. И я тоже немного вздремну, с твоего позволения.

Он подумал: «Заснуть-то я, конечно, не смогу. Но должен закрыть глаза хотя бы пять минут». И он их закрыл.

4

Разбудил его неистовый, захлебывающийся лай Гастона. И поначалу Макс думал, что продолжает спать: еще ни разу за всю свою жизнь его пес-молчун так не лаял. Но оглушительные, будто идущие из железной бочки звуки всё не прекращались. Так что Макс кое-как разлепил глаза. И обнаружил, что его ньюфаундленд словно бы спятил: задался целью перебудить всю округу.

Правда, потом до Макса дошло: будить в той местности, где они очутились, было некого. Они отъехали от Риги уже, наверное, километров на двести: за окнами успело стемнеть. И сейчас полицейский электрокар Алекса стоял, освещая фарами негустую полосу смешанного леса. Однако Макс не увидел за рулем самого служителя порядка. А Ирма — та сидела, вся вытянувшись в струнку. И явно пыталась разглядеть нечто, находившееся за пределами подсвеченного фарами пространства.

— Что-то произошло? Нас остановили? — После сна у Макса пересохло в горле, и голос его звучал так сипло, что он сам себя едва слышал.

Но Гастон сразу же уловил, что его хозяин-соня наконец-то соизволил пробудиться. Обратив к нему морду, на которой читалась немыслимая для ньюфа бешеная ярость, пес перестал брехать. И мягко ухватил Макса зубами за правое запястье — будто желая куда-то его утянуть, заставить пойти вместе с ним.

— Похоже, — сказала Настасья (почему-то шепотом, что казалось совершенно бессмысленным после оглушительного речитатива Гастона), — тут на дороге — какие-то люди. И собаки. Только мы не можем разглядеть ни тех, ни других. Алекс вышел посмотреть, что там такое.

— Его нет уже четыре минуты, — заговорила Ирма: не шепотом, но таким отрешенным, чужим голосом, что Макс немедленно вспомнил про угрозы фон Берга поместить свою дочь

в санаторий. — Он сначала светил себе фонариком, но потом выронил его. И почему-то не стал поднимать.

Макс вытянул шею, пытаясь оглядеть пространство за окном. Шагах в двадцати от машины, на обочине дороги, он увидел маленький световой конус: Алекс выронил свой фонарь не выключенным. А самого полицейского нигде поблизости не было.

— Мне показалось, — еще тише проговорила Настасья, — что он фонарик не уронил, а швырнул о землю.

Ирма ничего на это не ответила — может, просто не расслышала тихих слов. А Гастон слегка сдавил зубами запястье хозяина: очень аккуратно и в то же время настойчиво. Макс потрепал своего пса свободной рукой по холке:

— Спокойно, мальчик, спокойно!

А потом высвободил из собачьей пасти правую руку и принялся отстегивать поводок от ошейника ньюфа.

— Вы не пробовали окликнуть его — Алекса? — обратился он к Ирме.

За неё ответила Настасья:

— Мы не решились. Видишь ли... Мы ведь остановились не просто так: перед нами переходила дорогу целая толпа из... — Девушка запнулась и покосилась на Ирму, явно не желая ранить её чувства.

— Из безликих, — закончил за неё Макс. — Понимаю. И что было дальше?

Говоря, он расстегнул на Гастоне еще и ошейник — на всякий случай. Он знал, что в незнакомой обстановке собаке лучше быть *голой*: без ошейника или иной амуниции, которыми можно зацепиться за что-то и получить травму.

— Дальше — Алекс затормозил, и мы стали ждать, когда *они* перейдут шоссе. — Настасья понизила голос до едва слышного шепота и, перегнувшись через дорожную сумку, почти что прижала губы к уху Макса. — Ирма распахивалась: решила, что и тут орудуют добрые пастыри. И гонят безликих... ну, как она сказала: *на закланье*. А тут еще Гастон будто сошел с ума: вскочил с пола, встал передними лапами на решетку и ну брехать! Может, он унюхал что-то, окна-то у нас приоткрыты.

Они были приоткрыты только спереди — не в заднем отсеке. И это явно оказалось к лучшему — с учетом дальнейших слов Настасьи:

— Мне кажется, — продолжала она шептать, — если бы он мог вылезти в окно, то сорвался бы с поводка и выскочил из машины. И тут ему ответили — в смысле, *другие собаки*.

Девушка упоминала о каких-то других собаках уже во второй раз, но Макс не видел и не слышал их. Равно как не видел и никого из безликих — которые, похоже, проследовали куда-то в лес.

И тут его будто ударило.

— А те, другие собаки — давно они замолчали? — спросил он.

— Минут пять назад. Они просто перестали лаять и начали... Как бы тебе сказать... Грызться между собой, что ли.

«Или, может быть, грызть что-то, — подумал Макс. — Или *кого-то* — кто не мог даже позвать на помощь или закричать от боли».

— Тогда-то Алекс и вышел из машины, — сказала Настасья.

— Собаки — они были одни? Или кто-нибудь... — Макс едва не сказал: *натравливал их*, но всё-таки смягчил формулировку: — ...кто-нибудь руководил ими? С ними были

обычные люди — не безликие?

Ответить ему Настасья не успела: раздался крик Алекса. Он-то мог подать голос, и теперь орал во всю глотку:

— Ирма, запри дверь машины! И не выходи! Ни в коем случае не выходи! Я попытаюсь отбиться от них сам. Но я перепутал...

Что и с чем он перепутал, расслышать они не сумели. Раздалось несколько частых приглушенных хлопков, после одного из которых пронзительно взвизгнула какая-то псина. А затем — будто разверзся собачий ад. Бешеный лай огласил пространство за окнами машины: разноголосый, перемежающийся с рыком. И Гастон тоже присоединил свой низкий, бухающий голос к этой какофонии. Да что там — голос! Ньюф не просто поднялся на задние лапы: он принялся яростно ударять правым боком в сетчатую решетку арестантского отсека.

5

— Ирма, стой! — закричал Макс, видя, что та подалась вправо — явно с намерением выскочить наружу. — Разблокируй задние двери! Нужно выпустить Гастона!

Макс увидел в зеркале её лицо: белое даже под косметикой, искаженное, как древнегреческая маска ужаса. Но потом её глаза приобрели более или менее осмысленное выражение.

— Я не знаю, как их разблокировать! — воскликнула Ирма — с нотками набирающей силу паники. — Эти твари разорвут Алекса! Почему он больше не стреляет по ним? Они что — *уже* отгрызли ему руку?

Её голос почти перекрывался неистовым лаем Гастона, и Макс сделал то, чего в жизни себе не позволял: схватил своего пса за морду и крепко сжал ему челюсти. Ньюф мотнул было головой, словно не узнавал хозяина и пытался вывернуться из его рук. Но потом всё-таки покорился и умолк — только скосил на своего человека укоризненный взгляд.

— Молчи! — приказал Макс. — Больше ни звука!

Он сразу же отпустил собачью морду, и Гастон встряхнул ею, как если бы выбрался из воды. Приказание хозяина он понял: не стал больше лаять. Но тут же продолжил таранить решетку арестантского отсека. И звуки дребезжащих ударов его корпуса о стальную сетку стали аккомпанементом к беснованию собачьей стаи снаружи.

— Ирма, слушай меня! — Макс попытался дотянуться до её плеча, просунув свои худые пальцы сквозь ячейки решетки; но только всколыхнул воздух. — Посмотри на кнопки с пиктограммами на приборной панели! Там должна быть кнопка разблокировки.

Барышня фон Берг послушно наклонилась вперед и вроде бы стала изучать символические изображения на кнопках. Но по окаменелости её плеч и по дрожащей от напряжения тонкой шее Макс понял: Ирма изо всех сил сдерживает истерику. И сейчас не то, что пиктограммы — буквы алфавита вряд ли сможет распознать. Гастон с особым исступлением кинулся на решетку, так что вся машина вздрогнула, но Ирма при этом даже не пошевелилась.

— Ирма, Ирма! — стала звать Настасья. — Мы не сможем помочь Алексу, если останемся здесь! Ищи кнопку! Быстро!

И эти слова белокурая барышня услышала: зашевелилась, начала водить пальцем с ярким ногтем по приборной панели, касаясь всех кнопок по очереди. Откинулась крышка багажника машины, заработали дворники и замигали на крыше полицейские огни, но задние

дверцы всё не открывались — сколько ни толкали их Настасья и Макс.

А затем в собачью разноголосицу влился человеческий крик: вопль ярости и боли, перешедший в стон. И барышня фон Берг не выдержала: бросила изучать кнопки, распахнула правую переднюю дверцу машины и выскочила на разбитую асфальтовую дорогу.

И всего на пару секунд позже усилия Гастона увенчались-таки успехом. Решетка рухнула вперед, и, если бы Ирма осталась на переднем сиденье, то заработала бы как минимум сотрясение мозга. Гастон пробежал по стальной сетке, которая под ним прогнулась и только чудом не прорвалась; но огромному черному псу это было до лампочки. Вырвавшись, наконец, на свободу, он рванул в ту сторону, где кричал терзаемый собаками человек.

Ирма ринулась было туда же, куда и пёс. Но у неё, как видно, имелся надежный ангел-хранитель. Белокурая барышня была в туфлях на высоких каблуках, так что почти сразу она подвернула ногу на какой-то кочке, покачнулась и упала — *рыбкой*: вытянув руки вперед. Её спутники увидели это, когда выбрались из машины по обрушенной Гастоном решетке.

— Настасья, останься с ней! — велел Макс, а сам кинулся к открытому багажнику полицейского электрокара.

6

Он отключил для себя все звуки, наполнявшие ночь: лай озверевших псов, стоны Алекса, крики и плач Ирмы, голос Настасьи, пытавшейся её успокоить. И всё свое внимание сосредоточил на содержимом багажника. Ему повезло, что Ирма случайно багажник открыла и обеспечила его подсветку красно-синими огнями полиции. Да еще и в небе желтела полная луна. Так что Макс почти сразу увидел то, что ему было нужно: помповое ружье с фирменным знаком в виде бородатого мужчины, который верхом на лошади преследовал волка. Это был знаменитый помповый дробовик марки «Лев Толстой» — названный так оружейными мастерами Тульской губернии в честь гениального земляка. Неизвестно, что сказал бы по поводу такого названия сам граф Лев Николаевич, в молодости — страстный охотник, а под конец жизни — вегетарианец и пацифист. Но во второй половине XXI века дробовик, получивший его имя, считался самым убойным личным стрелковым оружием в мире. Макс хорошо знал эту марку: такое же ружье имелось у его отца.

Это была новейшая модель «Толстого»: с магазином на шестнадцать патронов и лазерным прицелом. Конечно, такой прицел был почти бесполезен для дробовика, но и он мог пригодиться — с учетом того, что госпитальный волонтер в последние годы почти не практиковался в стрельбе. Ружье было заряжено, а рядом лежала еще и коробка патронов к нему.

— То, что надо! — прошептал Макс.

В этот момент Алекс прокричал какую-то фразу, из которой Макс разобрал только последние слова: «...лежит в бардачке». Ему показалось, что друг Ирмы имел в виду какое-то оружие. Но уже не было времени его искать. Макс запихнул коробку патронов в карман своей джинсовой куртки и побежал мимо машины вперед по шоссе — ориентируясь на свет валявшегося у обочины включенного фонарика.

Подбирать его Макс не стал: для стрельбы ему требовались обе руки. Он пробежал мимо светового конуса и устремился дальше, на звуки остервенелого собачьего лая — в

котором голоса Гастона он почему-то не улавливал. Однако раньше, чем он добрался до эпицентра этой какофонии, его ждала находка: на краю лесополосы, между двумя старыми березами. И Макс понял, из-за чего грызлись между собой одичавшие псы.

На истоптанной траве, черной в лунном свете, лежал человек. Не мертвец, а еще живое существо мужского пола. Обнаженное и безгласное, истекающее кровью, оно ежесекундно содрогалось в конвульсиях: рефлекторных, не требующих нормальных мозговых реакций и потому возможных даже для безликого. А *безликим* это несчастное создание являлось теперь в куда большем смысле, чем прежде: все мягкие ткани с передней части его головы были обгрызены собаками. Как обгрызены были его кисти и предплечья, голени и стопы, ребра и гениталии. Впечатление возникало такое, словно его освежевал какой-то безумный мясник. Или же — существо это перебралось сюда напрямик из Дантова ада, из его седьмого круга, где расточителей и мотов загоняют гончие псы. Глаза безликого, в которых отсутствовали радужки, были приоткрыты. Изувеченный людьми и псами, человек находился на пороге смерти, агонизировал, но все никак не мог умереть. Осатаневшие от крови собаки бросили его — не довели дело до конца, явно отвлекшись на другую добычу.

Макс не хотел этого делать, но знал, что должен: он остановил красную точку лазерного прицела точно между глаз безликого, а потом спустил курок. Дробовик разнес и без того изуродованную голову, как если бы это была гнилая тыква. Но звук выстрела оказался куда более тихим, чем Макс ожидал. Очевидно, у «Льва Толстого» имелся встроенный глушитель, дабы служители порядка в случае чего не напугали пальбой законопослушных граждан. Макса это слабый звук совсем не порадовал: он-то рассчитывал как раз на другое. Но выбора не оставалось. И он побежал дальше.

В лесополосе имелся разрыв: её пересекала довольно широкая грунтовая дорога. По ней, надо думать, и шла толпа безликих, из-за которых Алексу пришлось остановить машину. Макс даже не подозревал, что теперь, в конце двадцать первого века, подобные дороги где-то еще сохранились. И, как ни странно, не замечал эту развилку прежде — когда ездил по шоссе «Рига-Псков».

Здесь, на этой диковинной грунтовке, Макс и увидел всех участников фантазмагорической *псовой охоты*.

7

Первым, кого он заметил, был Гастон. Пес, получивший от хозяина команду молчать, по-прежнему её исполнял: не издавал ни звука. Он молча стоял, растопырив лапы, над каким-то громоздким предметом, лежавшим на земле. А со всех сторон на него наседали скалящие зубы, истекающие пеной бездомные собаки. Они норовили вцепиться ему в бока, повиснуть на нем, повалить его наземь.

Макс поверх головы своего пса дважды выстрелил в воздух, надеясь отогнать от него озверевших шавок. Но — случилось то, чего он и опасался: приглушенные хлопки «Льва Толстого» их совершенно не впечатлили. Казалось, они даже не услышали их за собственным лаем, рыком и визгом. И, как ни странно, их даже не отвлекло появление нового действующего лица. Они были полностью поглощены своими наскоками на лохматого, невиданных размеров пса, который самым фактом своего существования будил в них первобытную злобу и ошеломляющую зависть.

— Гастон, держись! — прокричал Макс. — Я сейчас тебе помогу! — И прибавил

мысленно: «Если только пойму, как это сделать». Открывать стрельбу по собакам, атакующим ньюфаундленда, он боялся: даже лазерный прицел мог не защитить ньюфа от случайного попадания дроби.

Пес бросил на хозяина очень быстрый, экономный взгляд — не желая даже на миг выпустить из поля зрения своих бесчисленных противников. В глазах его Макс прочел не просто отвагу и решимость: в них читалось намерение сражаться до последнего вдоха, но не сойти со своего места.

Пока что Гастона спасало то, что он был намного крупнее своих противников. И, как все ньюфаундленды, обладал водоотталкивающей шерстью — очень скользкой. Нападавшие вцеплялись в неё, но почти тут же и срывались. И Макс надеялся, что никому из них не удалось прокусить исключительно густой подшерсток ньюфа — добраться до его боков.

Однако неуязвимым его пес отнюдь не был. Он крутил башкой и с рыком клацал зубами, но какой-то мелкий беспородный кобель на глазах Макса вцепился ему в правую заднюю лапу. Ньюф извернулся, крутанул шей и ухватил своего обидчика зубами точно поперек туловища. А потом резко мотнул круглой башкой, отшвыривая в сторону пса людоеда — как рыбак закидывает в лодку извлеченную из сети рыбину. Раздался короткий взвизг — и противник Гастона упал на землю со сломанной шейей.

Только вот — нападавших было слишком уж много: не меньше двух десятков. И тут же еще один пес, высоко подпрыгнув, цапнул Гастона за свисающее треугольное ухо — основательно его порвав. По морде ньюфа заструилась кровь, крупными каплями падая вниз.

И главное — куда-то запропал Алекс. Будто сквозь землю провалился. Вместо него Макс видел лишь новые свидетельства собачьего пиршества, происходившего здесь. Чуть в стороне, примерно в десятке шагов дальше по грунтовой дороге, возле обочины светлели четыре или пять обнаженных тел. Макс не сумел понять, были мужчины это или женщины — прежде. Зато разглядел, что их изгрызли и разодрали куда сильнее, чем того несчастного, которому он из милосердия выстрелил в голову. Собаки практически выпотрошили их. Оставалось лишь надеяться, что они были уже мертвы к тому моменту, как псы начали пожирать их внутренности.

На созерцание и осознание всего этого у Макса ушло три или четыре драгоценные секунды. И дольше медлить было нельзя. Гастон оборонялся из последних сил. Макс опять вскинул винтовку и навел лазерный прицел на самую неумную тварь, которая бросалась ньюфу под ноги — явно намереваясь повалить его. И готов был уже спустить курок — лишь чудом не успел этого сделать.

Предмет, над которым встал Гастон, закрывая его собой — это оказалась не какая-то неодушевленная вещь. На земле распластался Алекс: грязный, окровавленный, явно лишившийся чувств. В неподвижной руке молодого полицейского все еще был зажат пистолет — матово блеснувший вороненой сталью в красном свете лазерного прицела.

— Да чтоб меня!.. — воскликнул Макс. — Чуть было не грохнул его!..

Тут же он подумал, что от пистолета в ближнем бою будет куда больше проку, чем от громоздкого дробовика. И, передернув ружейный затвор, дважды выстрелил в землю возле Алекса — надеясь, что сумеет не ранить *лежащего полицейского*. Тот застонал и слегка пошевелился, но явно не из-за того, что в него угодила дробь. Псы, возле которых выстрелом разметало землю, отпрыгнули в стороны. И Макс метнулся к пистолету, зажав дробовик под мышкой.

Он даже не понял, откуда взялась собака, которая кинулась на него в тот самый момент,

когда он потянулся за пистолетом. Её зубы клацнули в миллиметрах от его щеки; как видно, человеческое лицо стало любимым лакомством для озверевших тварей. И собака-людоед промахнулась только потому, что её отшвырнул Гастон, сделавший, наверное, самый непростой выбор за все пять лет своей собачьей жизни: кого именно из людей он должен спасать? Он прыгнул вперед, спасая хозяина — и оставив без защиты молодого полицейского.

8

— Гастон, вернись к нему! — закричал Макс, хватая полицейский пистолет и направляя его на того людоеда, который был к нему ближе остальных.

Но ньюфаундленд застыл между хозяином и Алексом, вертя головой и пытаясь определить, кому он будет нужнее прямо сейчас. Макс хотел приказать ему вторично, но понял: ньюф станет исполнять то решение, которое примет сам. И решил довериться ему. Прицелившись, он нажал на курок и — услышал только сухой щелчок. Магазин пистолета оказался пуст («Какой я дурак! Он стрелял бы, оставайся у него патроны!»).

Макс, как был — в полуприседе, — попытался снова взять в руки помповое ружье. Однако оно каким-то образом зацепилось прикладом за карман его куртки. И он пожалел, что не был в этой схватке голым, как его пес. Тут же на Макса кинулась сбоку еще одна собака, и Гастон клацнул зубами в её сторону, но промахнулся. Псина прыгнула и повисла у Макса на рукаве куртки — на правой его руке, под мышкой которой у него находилось застрявшее ружье. Он попытался взмахом руки отбросить от себя шавку, но вместо этого потерял равновесие и начал опрокидываться на спину.

Упасть он не успел: Гастон оказался позади него, подставил мягкий бок, в который Макс уперся левой рукой. А потом развернул помповое ружье так, чтобы его дуло смотрело в противоположную от ньюфа сторону, и нажал на спусковой крючок. У собаки, повисшей на рукаве Макса, зарядом дробы снесло всю заднюю половину туловища. Но — даже мертвая, она не расцепила зубов. И её передняя половина осталась висеть на руке человека, похожая на диковинное инопланетное существо. А ружье всё-таки высвободилось из кармана Макса и, отброшенное отдачей, отлетело далеко в сторону.

И тут же снова закричал Алекс: псы-людоеды, до этого сдерживаемые Гастоном, накинулись на него. Один из них сомкнул зубы на кисти его правой руки, которой молодой полицейский пытался защитить лицо. Другой — принялся с остервенением грызть его левую голень, из которой и без того уже были вырваны клочья мяса.

Гастон прыгнул, корпусом отбросил от Алекса обеих тварей. Но те немедленно кинулись обратно — как и полтора десятка остальных. Макс ударил одного из псов рукоятью полицейского пистолета по загривку, но тот словно бы и не ощутил этого. Запах крови ударил псам-людоедам в голову. И Макс припомнил, что он читал об этом: если собака хоть раз попробовала человечины, остается только усыпить её. Поскольку — от подобного рациона она не отвыкнет уже никогда.

Он встал наконец-то в полный рост, шагнул к Гастону и вместе с ним приготовился отразить новую атаку осатаневших бестий, наступавших на них с трех сторон. Макс был уверен: ни он сам, ни его пес, ни полицейский Алекс не переживут этой ночи. И надеялся только, что смерть их окажется милосердно быстрой. Сам он, быть может, и не заслуживал такого послабления, но вот его пес и молодой друг Ирмы — они-то уж точно имели право

уйти без мучений.

Макса кольнула мысль о Настасье. Он обещал доставить её к Новому Китежу, а в итоге — не смог даже перевести через границу. И, уж конечно, теперь девушка не сможет отыскать *Китеж-град* никогда. Никакие инструкции деда (которые Настасья даже и не прочла), не помогли бы ей туда попасть. Новый Китеж взаправду оставался невидимым для всех, кто не был посвящен в его тайну. А вот Макс — был посвящен, и он мог и *должен был* проводить Настасью туда. А теперь — в самом лучшем случае, Ирма заберет её с собой обратно в Ригу. Да еще и захочет ли Ирма ей помогать — с учетом того, *чем* эта помощь обернулась для её друга Алекса?

Все эти мысли пронеслись в голове у Макса за долю секунды — как если бы они сжались в тугую пружину, которую придавили сверху каменным надгробьем. Чуть ли не впервые за тридцать четыре года своей жизни Макс ощутил подлинный страх смерти. И не какой-нибудь экзистенциальный ужас, а примитивное, животное нежелание умирать.

Одна из собак кинулась на него, и он ударил её в оскаленные зубы пистолетной рукоятью. Шавка с воем отлетела в сторону, но тут же две другие ринулись к Максиму — справа и слева одновременно. Одну он отбросил пинком в сторону, другую цапнул за бок Гастон — но та успела огрызнуться, и только чудом не вцепилась ему в уже порванное ухо. Алекс, лежавший на земле, глухо застонал и принялся бубнить себе под нос что-то невнятное. Кажется, он твердил, что кто-то его *жрет*. И это в любой момент могло стать полной правдой.

Сразу три собаки кинулись к ним: с ощеренными пастьями и налитыми кровью глазами. Все три были крупные — не как Гастон, но размером не меньше доберманов. Перепачканные кровью, поджарые — они напряжинивались, кружились вокруг них, готовились прыгнуть. Макс и его пес крутили головами — не спускали с них глаз, хотя это уже почти не имели смысла. Максиму подумалось даже: сопротивляясь, они только продлят свои мучения. Однако он не готов был капитулировать, отдать себя просто так на съедение этим тварям.

— Ну, — крикнул он, вскидывая руку с разряженным пистолетом, — подходите, мать вашу!..

И в этот момент началось мигание света — частое, как точки и тире в стародавней азбуке Морзе.

9

Макс решил, что давеча он всё-таки рухнул наземь: Гастон не успел подставить ему спину, так что он, доктор Берестов, получил черепно-мозговую травму и теперь галлюцинирует. То, что он видел, просто не могло быть реальностью.

Обложившие их собаки только что щерили клыки и бесновались, готовясь разорвать двоих людей и защищавшего их ньюфа. И вдруг — все они разом притихли, стали поджимать хвосты и пятиться назад. Свет мигнул еще пару раз, и псы-людоеды все, как один, развернулись и кинулись наутек — в противоположную от дороги часть лесополосы. Они не оглядывались, не пытались оценить обстановку и, тем более, совершить какой-нибудь обманный маневр. Сделать круг и вернуться, к примеру.

Ошеломленный, Макс поглядел на Гастона. И обнаружил, что его отважный пес весь подобрался, низко опустил голову и начал тихонько поскуливать. Казалось, он прилагает

героические усилия, чтобы тоже не обратиться в бегство.

Но в этот момент мигание света прекратилось, и откуда-то из-за деревьев к ним шагнула Настасья. На лбу у неё красовалась заметная шишка, а в руках девушка держала небольшой приборчик в ярко-желтом пластиковом корпусе. Он походил на карманный фонарик, но явно им не был.

— Это ультразвуковой отпугиватель для собак, — сказала Настасья. — Он лежал в бардачке, как и сказал Алекс. Но у него там *такое!* — Невзирая ни на что, она издала смешок. — Как любит... любил говорить мой дедушка: солдат со шпагой пропадет. Я никак не могла эту штуковину найти. И головой здорово треснулась, пока её искала. Вот и задержалась. Надеюсь, вы все целы?

Она стала озираться по сторонам и машинально еще раз нажала на кнопку фонарика, вмонтированного в ультразвуковое устройство. Гастон вскинулся и панически взлаял — даже позабыв теперь, что хозяин велел ему молчать. И девушка поспешно кнопку отпустила. Но одновременно с этим издала вздох ужаса. За ту секунду, что дорога и маленькая полянка были освещены, она сумела разглядеть чересчур много.

10

Макс оставил Настасью и Гастона возле молодого полицейского, который снова впал в беспамятство и начинал бредить. А сам побежал обратно к полицейской машине — к своей сумке с вещами, в которую он уложил, среди прочего, универсальную аптечку. Но сперва он подобрал с земли помповое ружье и с отвращением отодрал от рукава куртки *половину собаки*.

Уже на бегу он обернулся и крикнул Настасье:

— Только не смотри по сторонам!

Но та и сама не собиралась обозревать окрестности: держала голову так, чтобы даже случайно не поглядеть туда, где у обочины грунтовой дороги лежали изувеченные мертвецы. Гастон положил голову ей на колено, и она зажимала носовым платком его кровоточащее ухо. На другом колене у неё лежало устройство, напоминающее фонарик, и Гастон косился на него с легким подозрением. Алекс лежал возле них на земле, бормоча что-то бессвязное, и голова его моталась из стороны в сторону. Но Макс запретил девушке трогать его. Любое перемещение, произведенное без оценки степени тяжести его ранений, могло только навредить молодому полицейскому.

«Ирма будет в шоке, — подумал Макс. — Уж точно пожалеет, что взялась нам помогать!». И всё же главная его мысль была — о Настасье. Он так и видел её — выходящую из-за деревьев в лунном свете. Ни бесформенный наряд с чужого плеча, ни шишка лбу, ни растрепанные волосы не могли испортить её невероятной красоты.

«Хватит! — одернул себя он. — Довольно уже! У тебя давным-давно не было женщины, вот тебе и лезет в голову всякое!».

Но это было неправдой. То есть, женщины-то у него и в самом деле не было уже почти четыре года — не столько даже из-за невзрачности его внешности, сколько из-за упорного, маниакального нежелания Макса кого-то впускать в свою жизнь. Терять хоть малую толику своей одинокой свободы. Неправдой являлось другое: вовсе не из-за своей хронической неудовлетворенности думал он теперь о Настасье. Из-за этого он мог бы думать об Ирме фон Берг, что да, то — да. Когда она только появилась на его пороге, Макс ощутил жар и

возбуждение, каких уже давно не испытывал. Но это промелькнуло и сгинуло. А вот к Настасье он чувствовал нечто совсем иное.

Когда-то — в прежней жизни — он пользовался немалым успехом у барышень. И один раз был даже близок к тому, чтобы жениться. А теперь ругал себя даже не за сами мысли о Настасье, а уже за одно то, что он *допустил возможность* подобных мыслей. Как будто — между ними могло возникнуть хоть что-то!

Но Макс не мог перестать думать о ней. Так что бросил эти мысли отгонять. По крайней мере, он, благодаря им, почти не замечал сожранных собаками безликих, пока бежал вдоль шоссе к полицейской машине. Приостановился он лишь на секунду: подобрал с земли фонарь, который Алекс по ошибке взял из своей машины вместо ультразвукового отпугивателя для собак.

[1] Э.А. По. «Ворон» (пер. В. Брюсова).

Глава 11. Маска Красной Смерти

29 мая 2086 года. Среда

Шоссе «Рига-Псков» — Пропускной пункт «Лухамаа»

1

Макс подогнал полицейский электрокар настолько близко к месту стычки с собаками, насколько это было возможно. Вместе с ним в кабине ехала Ирма — серая лицом, босая, с повязкой на растянутом при падении голеностопе, которую наложил ей Макс, в перепачканном землей и травяной зеленью брючном костюме. Уже начинало рассветать, небо из темно-фиолетового превращалось в сине-сиреневое, и, когда они остановились, окружающая картина открылась им во всей красе: целиком, а не только на пространстве, освещенном фарами.

Место пиршества и побоища выглядело гнусно и страшно. На небольшом отдалении виднелись разодранные, наполовину сожранные тела безликих. Чуть ближе к машине валялось на окровавленной и изгвазданной экскрементами траве несколько издохших собак-людоедов. Кого-то застрелил Алекс, кого-то прикончил Гастон, а одну расстрелял из помпового ружья Макс. А рядом сидела на земле Настасья, возле которой с одной стороны пристроился встрепанный и обляпанный кровью ньюфаундленд, а с другой — лежал человек в полицейской форме, изорванной в заскорузлые клочья.

Ирма выскочила из машины даже раньше, чем она полностью остановилась. Припадая на левую ногу, она подбежала к Алексу, рухнула перед ним на колени и, пожалуй что, начала бы трясти своего возлюбленного за плечи: желая привести его в чувство, а на деле — добивая его. Но Макс крикнул ей:

— Ирма, не трогай его! Если хочешь, чтобы он выжил — не трогай!

И барышня фон Берг отдернула руки с ярким маникюром, уже протянутые к мотавшейся вправо-влево голове бредящего Алекса. Тот заунывно, без всякого выражения бормотал:

— Не должен был бежать... Потерял контроль... Они жрали его... Они жрали их всех... Они жрали меня...

Ирма зажала себе рот обеими ладонями, и отчаянный её крик вышел сдавленным. Но и его хватило, чтобы Гастон, чьи нервы были взвинчены до предела, вскочил, воздел к заходящей полной луне морду и завыл, словно какой-нибудь волк-одиночка.

2

Макс прилепил Настасье на лоб новомодный пластырь с говорящим названием «Медный пятак», и после этого девушка взялась ассистировать ему при проводимых в полевых условиях операциях. Она и держала фонарь, который он давеча поднял, и подавала инструменты. Ирма совсем расклеилась, и Макс вынужден был сделать ей инъекцию успокоительного препарата — предварительно спросив, не его ли кололи ей прежде в Общественном госпитале? По счастью, транквилизатор оказался другим, и на барышню фон Берг он оказал необходимое воздействие. Сейчас она дремала на переднем сиденье полицейской машины, куда Макс почти насильно её усадил.

Пожалуй, Ирме даже повезло, что у неё сдали нервы. Если бы ей довелось присутствовать при очистке и обработке рваных ран, оставленных собачьими зубами на теле Алекса, она, возможно, отправилась бы в тот самый *санаторий*. Хуже всего дело обстояло с левой ногой молодого полицейского. Псы обгрызли её до такой степени, что виды были большая и малая берцовые кости. Всё, что мог сделать Макс — это наложить гемостатическую антибактериальную повязку на голень полицейского и по возможности скрепить стяжками края прочих его ран. Но даже и не это представлялось самым опасным: по мнению доктора Берестова, у его пациента стремительно развивался травматический шок. Алекса била крупная дрожь, и наброшенная на него куртка совсем не помогала. Кожа молодого полицейского побледнела до синевы, а губы покрыла коричневая корка. В сознание он так и не приходил, хотя бредить и перестал. Скорее всего, из-за обезвоживания он был уже просто не в состоянии говорить.

У Макса в аптечке из противошоковых препаратов имелся только глюкокортикоидный гормон, который он и вколол Алексу. Однако особых надежд на его чудодейственные свойства он не возлагал.

— Алекс... потеряет ногу? — шепотом спросила Настасья, огромные серо-зеленые глаза которой стали, казалось, еще больше; по её запинке Макс понял, что хотела она спросить совсем другое: *Алекс умрет?*

Он в очередной раз поразился силе духа и хладнокровию этой девушки восемнадцати лет — почти ребенка. Именно она спасла их всех этой ночью, и он был, конечно же, безмерно благодарен ей за это. Но вместе с тем он испытывал неловкость: это он должен был защищать юную Настасью Филипповну, а не наоборот.

— Он выкарабкается, если ему помочь. Но я, к сожалению, оказать необходимую ему помощь не в состоянии. — Макс произнес это суше, чем собирался — и разозлился на себя за это. — Дадим Ирме еще пятнадцать минут поспать. Надеюсь, и глюкокортикоид за это время подействует. А пока давай займемся Гастоном.

И они еще четверть часа потратили на ньюфаундленда, который до этого терпеливо дожидался своей очереди. Макс обработал укус на его правой задней лапе и наложил на неё повязку, казавшуюся неестественной белой на фоне угольно-черного собачьего меха. А потом вынужден был еще и зашивать бедолаге ухо. Он обработал его анестезирующим спреем, но сомневался, что тот подействовал в полной мере, нанесенный поверх шерсти. Однако Гастон процедуру зашивания перенес мужественно — даже ни разу не дернулся. Правда, его голову придерживала одной рукой Настасья, и Макс на какой-то странный миг даже позавидовал своему псу. Тот никогда не боялся проявлять свое обожание. Никогда не терзался подозрением, что его отвергнут. Он был уверен, что все станут одаривать его любовью за один только факт его существования. Вот и сейчас Настасья ласково поглаживала указательным пальцем носатую морду Гастона, на которой запеклась кровь. И этот поросенок принимал нежную ласку как должное: не смущался, не впадал в комплексы, не задавался вопросом, сумеет ли он оправдать Настасьины ожидания и не разочаровать её. Он еще и заводил темно-янтарные глаза, умильно поглядывая на девушку и как бы говоря ей: «Ну, гладь меня еще, гладь!»

А когда Макс уже заканчивал возиться с Гастоном, неожиданно пришел в себя молодой полицейский. Они с Настасьей даже вздрогнули, когда услышали его удивленный хриплый голос:

— Я что — еще жив?

Они уложили Алекса на заднее сиденье полицейской машины, и в ногах у него пристроилась Ирма — слегка сонная, но уже не впадающая в истерику: серьезная и собранная. В руках белокурая барышня держала теперь капельницу с физраствором — которая нашлась не у Макса, а в аптечке полицейского электрокара. Полчаса назад у Ирмы даже хватило сил на то, чтобы попросить Макса осмотреть безликих — тех, которые сделались ужином для озверевших бездомных псов. С той кошмарной поляны она согласилась уйти только тогда, когда Макс её заверил: несчастные давно мертвы и ни в какой помощи больше не нуждаются. В отличие от её хорошего друга Алекса.

Уже совсем рассвело, но мимо них так и не проехало ни одной машины. Развилка, где они очутились, явно не пользовалась популярностью ни у путешественников, ни у местных жителей.

— Ты должна будешь отвезти его обратно в Ригу — в больницу, — сказал Макс Ирме. — Можешь — в Общественный госпиталь. Там к тебе и твоему другу отнесутся внимательнее, чем где-либо еще. У тебя есть часа три-четыре на дорогу — ты должна успеть. Ты сможешь вести машину? Как твоя нога?

— Вести машину я смогу, дружок, — заверила его Ирма. — Но жаль, что вы с бэбинькой не сможете вернуться с нами вместе. — На почве пережитого стресса она снова стала именовать Настасью, как прежде.

— Мне тоже жаль, — сказал Макс и сел за руль.

Настасья устроилась на переднем пассажирском сиденье, а Гастон с огромным трудом втиснулся между ними двумя. Так они и ехали, пока не увидели на встречной полосе брошенный электрокар. Батарея Теслы была в нем не разряжена, и машина выглядела совсем новенькой, но Настасья вдруг заартачилась.

— В ней видеорегистратор не работает! — заявила она. — Будем искать другую!

— Придумала: копать, как переборчивая невеста, — проворчал Макс; но всё-таки они поехали дальше — в сторону Риги, удаляясь от границы с Конфедерацией.

По пути девушка забрала еще один попавшийся им электрокар. И только третья по счету машина приглянулась ей: диковинного коричневого цвета, вся в грязи, но зато с действующей видеокамерой. По счастью, это оказался мощный внедорожник с просторной кабиной и с ключом в замке. Он даже немного походил на тот автомобиль, который Макс водил в Риге. Настасья, Макс и Гастон перебрались в него. Ирма фон Берг, пересевшая на место водителя в полицейской машине, махнула им на прощанье рукой с ярким маникюром, рванула с места и помчалась обратно в оставленный ими город: вотчину колберов и добрых пастырей.

Гастон сумел, наконец, с комфортом расположиться на заднем сиденье, где тут же уснул. И во сне он громко сопел, перебирал лапами и подергивал ушами. Вероятно, видел сны о событиях минувшей ночи — о поляне возле грунтовой дороги.

Макс туда по своему выбору ни за что на свете не вернулся бы. Нет уж, дамы и господа, увольте! Он специально остановил их новый электрокар километра за три до неё, чтобы они

с Настасьей могли перекусить захваченной из Риги едой. И уж никак Максим Берестов не ожидал, что его спутница заявит ему:

— Мы должны возвратиться к тому месту и всё там осмотреть.

Он сперва вообще не понял, о чем она ведет речь. А когда понял, то решил, что у неё частично помрачился рассудок на почве стресса и недосыпания.

— *Что* ты хочешь там осматривать? — возопил он. — Безликие, которых собаки не доели — они просто лежат на земле. Как зомби с вышибленными мозгами в сериале «Ходячие мертвецы». Наверняка ты видела тот сериал по телевидению. А если одичавшие псы снова объявятся? Мы должны ехать к пропускному пункту и переходить границу. Всё остальное — просто потеря времени.

— Во-первых, — сказала Настасья, — если псы объявятся, то мы сможем их отпугнуть: я забрала ультразвуковое устройство себе. А, во-вторых, те зомби... ну, то есть — безликие, они же шли по дороге *голые*!

Последнее слово Настасья произнесла, слегка понизив голос — тоном школьницы, которая рассказывает подружкам о подсматривании за мальчиками, моющимися в душевой после урока физкультуры. И Макс чуть было не рассмеялся. Сдержался только потому, что побоялся: девушка разобидится на него, и ему станет еще труднее переубедить её.

— Ну, ладно, — сказал он. — Я согласен: сами они раздеться не могли. Кто-то озаботился тем, чтобы снять с них всю одежду. И, так сказать, консолидировать их партию.

Последних своих слов он тут же устыдился. И порадовался, что его не слышит Ирма. Да и вправду: не пристало ему, доктору, говорить о людях как о товарах для транспортировки. Ему вспомнились слова барышни фон Берг о том, что безликие всё чувствуют, только не проявляют этого внешне. Это могло быть правдой. И Макс, пожалуй, мог бы даже провести близкую аналогию: с торпидной фазой травматического шока, когда пациент впадает в протрацию, но его болевые ощущения при этом вовсе не уменьшаются.

Но Настасья, по счастью, не придавала значения его словам о консолидации.

— Вот и я думаю так же! — воскликнула она. — Вероятно, Ирма была права. И здесь, неподалеку, в самом деле орудуют они — *добрые пастыри*. — Страха в голосе девушки совершенно не ощущалось.

— Ну, допустим, пастыри и впрямь здесь орудуют, — сказал Макс. — Предположим даже, мы узнаем это доподлинно. Но что мы делать-то станем с этим знанием?

Он хотел прибавить, что до границы с Конфедерацией осталось чуть больше двадцати километров. И они просто не имеют права провалить переход через неё, чтобы пустить псу под хвост все принесенные во имя этого жертвы. Но Настасья и сама это знала — не хуже него. И всё равно сказала — нахмурившись и уставив на него взгляд своих пасмурных глаз:

— В электрокаре есть видеорегиистратор. Если мы зафиксируем на камеру преступления пастырей, то сможем переслать запись в ООН. Как только окажемся на территории Евразийской Конфедерации.

— Не обязательно в ООН, — сказал Макс — понимая, что сдается. — Есть и другой вариант. — И он изложил, какой именно; события в Риге навели его на эту мысль.

Свою коричневую машину они поставили за кустами сирени возле грунтовой дороги. *Псевдо-грунтовой* — как понял Макс, когда при дневном свете рассмотрел её. Дорога эта

была не в большей степени грунтовой, чем были садовыми лужайками площадки для игры в лаун-теннис. Её покрытие казалось твердым, как асфальт. И, уж конечно, являлось рукотворным.

Они с Настасьей устроили свой наблюдательный пункт в кустах с той стороны дороги, где не валялись обезображенные тела безликих. Но и сюда долетал запах начинавшего гнить мяса и свернувшейся крови. К несчастью, погода стояла теплая: уже с утра, если верить термометру в их новом электрокаре, температура воздуха составляла +21° по шкале Цельсия. Но, по крайней мере, долго сидеть в засаде им не пришлось.

— Смотри! — прошептала вдруг Настасья, притрагиваясь к плечу Макса.

Она указала куда-то вдаль — на уходящую от лесополосы часть грунтовой дороги. Макс поглядел в ту сторону — и ему снова вступило в правый висок. А Гастон, который успел проснуться, высунул лобастую башку из открытого заднего окна электрокара и жалобно, едва слышно заскулил.

Они передвигались по псевдо-грунтовой дороге, направляясь к шоссе «Рига-Псков» — то есть, по направлению к Макс и Настасье. Расстояние до них пока что оставалось порядочным: не менее ста метров. Но, возможно, *они* заметили бы машину за кустами, если бы смотрели вперед, а не вниз, обследуя обочины дороги. Ведь на сей раз к шоссе направлялись не безликие — обычные люди.

Они медленно ехали в темно-сером пикапе. И периодически останавливались: подбирали с земли изгрызенные собаками тела и забрасывали их в кузов своей машины. А на лица людей в пикапе отбрасывали тень светлые широкополые шляпы, напоминавшие мексиканские сомбреро. Должно быть, они символически заменяли им островерхие колпаки ку-клукс-клана.

И Макс уже потянулся к кнопке стартера, чтобы запустить двигатель электрокара, но Настасья схватила его за руку:

— Надо, чтобы они проехали мимо нас! Иначе нам не сделать качественную видеозапись!

— Мы должны найти укрытие получше и пропустить их вперед, — выделяя каждое слово, проговорил Макс — молясь, чтобы не употребить невзначай какое-нибудь крепкое выражение; он бы со стыда сгорел, если бы выматерился при Настасье. — Тогда мы и сделаем запись. А пока — надо сваливать отсюда!

И — о, чудо: Настасья вняла доводам рассудка — отпустила его руку. Внедорожник рванул с места и понесся по гладкой и твердой, как асфальт, проселочной дороге. Они ехали в одном направлении с пастырями, опережая их: в ту сторону, куда ночью шествовали пересекавшие шоссе безликие.

6

Макс рассчитывал, что они с Настасьей найдут подходящее место для видеосъемки намного раньше, чем доберутся до конца мнимой грунтовой дороги — явно проложенной добрыми пастырями. Однако всё вышло иначе.

Лес по обеим сторонам от рукотворного проселка стоял чистый — совсем без подлеска. Человеку там спрятаться было почти невозможно, а уж спрятать машину — тем более. Макс поехал медленнее — благо, *шляпников* им удалось существенно опередить. И они с Настасьей озирались по сторонам: выискивали густой кустарник или небольшую ложбину,

где они могли бы укрыться. Но — безрезультатно.

— Как думаешь, — спросила девушка (по её виду было заметно, насколько она взвинчена), — почему они именно сюда направляют безликих? Что у них за цель — у пастырей?

Но Макс не успел даже ничего предположить: они *увидели* ответ. Лес расступился, и впереди открылось большое светлое пространство, на котором сверкала на солнце обширная водная гладь. Затопленный гравийный карьер — вот что это было. И прямо к нему вела дорога, по которой они мчались теперь. Если бы Макс не успел сбавить скорость, то они запросто могли бултыхнуться в эту чистейшую студеную воду — как это сделало большинство безликих, отправленных сюда пастырями. Это и был ответ на вопрос Настасьи. Пастыри знали, какое воздействие оказывает на безликих длительный — более чем трехчасовой — контакт с водой. Так что заклятие своих *овец* предпочитали производить при помощи утопления — в любом глубоком водоеме.

Однако не все их подопечные утопились в карьерном пруду. И пастырям наверняка было известно о возникавших порой эксцессах — потому-то и выслали утром *дозорных*: проверять, каковы итоги ночной операции. Просто Макс и Настасья очутились тут раньше этих *шляпников*.

— Господи, — прошептала девушка, — да что же это?

Она забыла про свои планы относительно видеозаписи. Она не высматривала больше подходящее место для засады на пастырей. Макс даже подумал: она и про его существование позабыла. Она только глядела на берег пруда, где собралось десятка полтора людей: обнаженных мужчин и женщин. Слава Богу, хотя бы детей здесь не оказалось. Головы у всех болтались на безвольно склоненных шеях, не позволяя увидеть их лица — узреть *отсутствие* их лиц. Босые ноги у всех были сбиты в кровь: берег водоема покрывали крупные куски гравия. На их телах не было заметно собачьих укусов: очевидно, дорожную развилку они миновали раньше, чем там появились псы-людоеды.

Но зато теперь несчастные зомби калечили сами себя, и по их блеклой коже потеками струилась кровь. На берегу искусственного водоема располагалось несколько покосившихся раздевалок для купальщиков. И эти небольшие кабинки оказались непреодолимым препятствием на пути безликих. Раздевалки были старые, железные, выкрашенные светло-зеленой масляной краской, которая давно успела облупиться. И сейчас их стены густо покрывали потеки ржавчины, местами проевшей железо насквозь. Из-за них обнаженные тела безликих, столпившихся на берегу, казались присыпанными пудрой терракотового цвета: голые мужчины и женщины раз за разом ударялись о кабинки, словно застрявшие в прорезях своих дорожек механические куклы. Макс видел такие, когда был ребенком. Он родился в Москве и еще застал те времена, когда действовали знаменитые часы с куклами на фасаде Театра Образцова.

И тут Гастон снова издал тихий жалобный скулеж. А потом со стороны леса донесся звук мотора.

«Лев Толстой» оставался у Макса при себе. И запасные патроны тоже имелись. Но и шляпники тоже вряд ли отправились в свой рейд безоружными. А никакого укрытия Макс и Настасья так для себя и не отыскали.

— Включай регистратор! — закричала девушка.

Он включил — спорить означало бы: потерять время. Но, как только загорелась зеленая индикаторная лампочка записывающего устройства, приказал:

— Наружу, быстро!..

Настасья и Гастон покинули машину одновременно. А Макс подхватил с заднего сиденья помповое ружье и выскочил следом, заблокировав дверцы электрокара ключом-брелоком. Поймут ли пастыри, что коричневая машина подъехала только-только, а не стоит здесь, скажем, с неделю? Всё зависело от того, как часто они проводили свои операции по уничтожению *человеческих отходов* — по определению доктора фон Берга. И когда в последний раз высылали свой дозор к карьерному пруду. Макс надеялся, что это было уж точно не вчера. Ну, требовалось же пастырям время, чтобы насобирать по округе столько *овец*? Возможно, их даже привозили сюда из более отдаленных мест. И Настасья угадала с выбором электрокара. Их машина снаружи выглядела такой грязной, что могло показаться: она уже давным-давно стоит здесь.

Макс указал Настасье на одну из пляжных раздевалок, стоявшую чуть в отдалении от остальных:

— Туда, бегом!

И они побежали, оступаясь на крупных кусках гравия. Гастон трусил обок от них. Но, хоть он и припадал на раненую заднюю лапу, ему всё равно приходилось периодически приостанавливаться — чтобы его люди от него не отстали. Ему-то в любом случае бежать было удобнее — с его широченными лапами, устойчивыми, как снегоступы. Удачно было лишь то, что на гравии они все не оставляли следов.

И они всё-таки успели забежать в раздевалку и скрыться за поворотом её перегородки на несколько секунд раньше, чем пастыри на своем темно-сером пикапе въехали на гравийный пляж. Грузовичок остановился метрах в тридцати от их укрытия — Макс и Настасья увидели это, когда припали к дырам в ржавых стенах кабинки. И над пляжем тут же поплыл тяжелый сладковатый дух разложения: кузов машины был забит почти что доверху. Гастон, который тоже нашел для себя смотровую лазейку в стене и прильнул к ней любопытной мордой, нервно задергал носом. Но — умный мальчик — не издал ни звука.

Из пикапа на гравийный берег выбрались три человека, все — в дурацких белых шляпах, и вместе с тем — в разгрузочных жилетах цвета хаки. Настасья при виде их почти беззвучным шепотом произнесла — словно бы процитировала — странную фразу: «Ночью — маски, днем — шляпы»; но у Макса даже не успел этой фразе удивиться.

Двое из троих шляпников: один — взрослый, другой — щуплый подросток лет пятнадцати, — несли наперевес длинные палки с крючьями на концах, походившие на лодочные багры. А третий пастырь, выбиравшийся из кабины медленно и неловко, держал в руках ружье: дробовик «Лев Толстой». В громадных ручищах этого третьего оружие выглядело как детская игрушка.

«Нет, этого не может быть! — подумал Макс. — Таких совпадений просто не бывает».

А двое с баграми уже зашагали в сторону пляжных раздевалок, о которых, как мухи о стекло, продолжали биться безликие.

На минуту они задержались: оглядывали грязный внедорожник, стоявший чуть в отдалении. И Макс подумал с опозданием, что должен был заклеить зеленую индикаторную лампочку видеорегистратора пластырем — или вовсе разбить её. Но — всё обошлось и так. Машина стояла, обращенная к пастырям противоположным боком. Из такой позиции камера

могла заснять их всех только в профиль — и это в самом лучшем случае. Но зато *безумные шляпники* не увидели зеленого глазка индикатора. И потопали дальше, к последним из своих злополучных *овец*.

— Я мог бы их всех троих расстрелять, — раздумчиво прошептал Макс.

Настасья ответила ему — но после небольшой паузы, явно обдумав его слова как предложение:

— Не надо. Тогда мы не сможем использовать запись с регистратора. Тебя обвинят в самосуде.

«Да и пусть, — подумал Макс. — Одним обвинением больше, одним меньше...»

Однако он отлично знал: случись такое — и пастырей никогда не уличат и не осудят. Настасья никогда не доберется до Нового Китежа. Ирма фон Берг никогда не обретет душевный покой. А отец Макса, всё еще живший в Москве, навсегда укрепитя во мнении, что его сын — человекоубийца.

И потому он промолчал — стал только смотреть.

Двое с баграми подошли сзади к одному из безликих, бившемуся о ржавую кабинку для переодевания, зацепили его крюками за обе подмышки и чуть оттащили в сторону. Не слишком далеко: ровно настолько, чтобы несчастное создание, по-прежнему перебиравшее ногами, двинулось к обрыву затопленного карьера, как только пастырипустили его. Такую

же операцию обладатели багров проделали и со вторым безликим, и с третьим, и с четвертым. А тот, у кого было при себе помповое ружье, всё это время следил за их работой со скучающим, слегка отрешенным видом. На кабинку, за стенками которой прятались Макс, Настасья и Гастон, этот человек с ружьем ни разу не поглядел.

Между тем пастыри с баграми работали споро и сноровисто. Первый из безликих, перенаправленный ими к пруду, только-только ухнул в воду с обрыва, а они уже цепляли крюками последнюю свою овицу.

— Да чтоб им в аду гореть! — прошептала Настасья; всё это время она следила за происходящим, ни разу не отвела глаза.

Макс ничего не ответил — и не стал говорить ей, что этих добрых пастырей она знала. По крайней мере, сталкивалась с ними прежде.

Между тем, как только последний из безликих механически зашагал к пруду, пастыри двинулись к своему пикапу. Макс подумал: они сбросят в воду и остатки ночного собачьего пиршества из кузова. Но, как видно, шляпники получили от кого-то инструкции не делать этого — не оставлять лишних улик в виде изувеченных тел, которые не утонули бы без груза.

Взрослый и подросток побросали свои багры в кузов пикапа, прямо поверх обезображенных останков овец. Потом взрослый сел за руль машины, а подросток угнезвился с ним рядом. Но третий пастырь — здоровяк с ружьем — явно уезжать не торопился. Когда пикап развернулся, чтобы ехать по грунтовой дороге обратно, он подошел к кабине и что-то негромко сказал водителю. Тот кивнул, и электрокар покинул гравийный пляж. А сам человек с ружьем зашагал напрямик к коричневому внедорожнику, на котором приехали Макс и Настасья. Свой дробовик он нес в правой руке, перекинув его через сгиб локтя левой. И на ходу неловко выбрасывал правую ногу.

8

— Он увидит камеру! — Настасья произнесла это громко, и Макс шикнул на неё, хотя человек с ружьем находился от них далеко.

Однако здоровяк и в самом деле мог заметить работающий видеорегистратор. И Макс измыслил только один способ этому помешать. Наклонившись к Гастону, он произнес:

— Голос, мальчик!

Ньюфаундленд запрокинул морду, и во взгляде, каким он одарил своего человека, явственно читался вопрос: «А ты, хозяин, часом не ополоумел?». Но Макс коротко потрепал ньюфа по широкому загривку и повторил команду:

— Голос!

И Гастон исполнил то, что от него требовали. Железные стены кабинки сработали как резонатор звука, и Настасья с Максом едва не оглохли, когда пес разразился своим фирменным бухающим лаем. Впечатление было такое, будто кто-то лупит с размаху кувалдой по пустой железнодорожной цистерне.

Пастырь с ружьем подпрыгнул на месте так, как если бы пес цапнул его зубами прямо за массивный зад. Закрутившись юлой, здоровяк сам стал похож на пса — который безуспешно ловит собственный хвост. А Гастон продолжал оглушительно лаять.

Наконец пастырь уразумел, откуда исходят звуки, и заспешил было к дальней кабине. Но потом вдруг остановился и наклонился вперед, выгнув шею и словно бы высматривая что-то, находящееся низко над землей.

— Гастон, хватит! — Макс накрыл морду пса ладонью, и ньюф немедленно умолк.

— Что ты задумал? — спросила Настасья, хмурясь от беспокойства. — И на что он смотрит? — Сквозь пробоину в стене кабинки она указала на человека с ружьем, который теперь выпрямился во весь рост, но по-прежнему стоял на месте.

Макс поглядел вниз — и мысленно обругал себя непечатными словами. Он-то рассчитывал, что пастырь, услышав лай, решит, что собаки-людоеды добрались и сюда, а теперь грызутся за одну из *овец*. Он сунулся бы в кабинку для переодевания, чтобы отобрать у собак их добычу — для последующей утилизации. И Макс тут же оглушил бы его прикладом *Льва Толстого*, сыграв на эффекте неожиданности.

Однако великий генетик Берестов позабыл одну простую вещь: стенки в пляжных кабинках всегда делали сантиметров на двадцать не достигающими до земли. И видневшиеся из-под них голые ноги сигнализировали другим купальщикам, что кабинка занята. А теперь в зазоре между ржавым железом и гравием добрый пастырь узрел аж целых восемь ног: четыре — человеческие, четыре — собачьи. Причем на ногах людей имелась обувь, что ясно показывало: это не заплутавшие *овцы*, забредшие в одну из кабинок.

Повезло им с Настасьей только в одном: пастырь чуть замешкался, прежде чем принять решение. Раньше ему приходилось иметь дело только с беспомощными и безгласными созданиями, с которыми быстрота реакций отнюдь не требовалась. И Макс пальнул из «*Льва Толстого*» прямо в ржавую стену, так что у него самого и у Настасьи едва не полопались барабанные перепонки. Зато в стене кабинки образовалось пробоина диаметром с днище пятилитровой кастрюли. А Макс передернул затвор и заорал — диким голосом, отчасти из-за того, что в ушах у него стоял надрывный звон:

— Бросай оружие, падаль! Сейчас брюхо тебе прострелю!

Ствол его дробовика уже лежал на зазубренном крае отверстия в стене, а лазерный прицел «*Льва Толстого*» высветил ярко-красную точку на животе доброго пастыря. И тот нелепо скосил глаза, воззрившись на свое необъятное пузо, которое горой выпирало из-под разгрузочного жилета. Пастыри явно получали разгрузки как спецодежду — вместе с белыми шляпами.

По этим жилетам Макс и узнал своих вчерашних знакомцев: вероломного Пафнутия, его встрянутого электричеством папашу и дядю *Гунара* — явно не слишком сильно пострадавшего при падении через провал в полу. Но Настасья так соседа и не опознала. В ночной погоне за ней и за Иваром этот человек, похоже, не участвовал. Да и прежде она его вряд ли встречала.

— Гунар! — закричал Макс. — Я больше повторять не стану!

И, пожалуй что, именно от звука собственного имени здоровяк и уронил помповое ружье на гравий.

— А теперь ложись на землю мордой вниз! И ручонки свои заведи за голову. Ах, да: шляпу с головы ты можешь снять.

9

— Если он потянется к оружию — сразу нажимай на курок.

Макс передал ружье Настасье и навел его ствол так, чтобы световая клякса лазерного прицела легла на затылок дяди *Гунара*. А потом вместе с Гастоном выбрался из кабинки на пляж.

Гунар лежал пузом на гравии и своими ладонями с пальцами-сосисками прикрывал себе затылок. Его «Лев Толстой» валялся от него справа, метрах в полутора. А нелепую шляпу пастырь отбросил почти что к самой воде. Он был похож на отожавшегося слизняка. И от жира у него даже на спине топорщилась разгрузка — чуть пониже его бугристой слоновьей шеи.

Макс поднял брошенный пастырем дробовик и обнаружил в нем полный магазин патронов. А Гастон подбежал к Гунару, слегка припадая на раненую заднюю лапу, и уселся рядом с его правым боком. При этом на здоровяка пес уставился вроде как сочувственно. Может быть, увидел в нем товарища по несчастью: Гунар ведь тоже хромал — после вчерашнего инцидента с участием портрета и двери.

— Только не стреляйте! — заканючил толстяк, снова удивив Макса своим тоненьким, диссонирующим с внешним обликом, голоском. — У меня денег нет, но за мной вернется машина. Там у мужика и сынка его кое-что имеется! Они вчера слупили с одного барыги пятьдесят червонцев за краденые паспорта. А оружия у них при себе нет.

Макс понял: этот слизняк его не узнал. То ли потому, что боялся поднять глаза от земли, то ли не разглядел его вчера толком. Он опустил голову Гунара на корточки и несильно прижал ствол дробовика к его плечу. Здоровяк охнул, однако отодвинуться побоялся.

— Когда они вернутся — отец и сын? — спросил Макс. — Как ты с ними договорился?

— Я сказал им, чтоб они возвратились за мной, когда сожгут... ну, тех, кого собаки не доели. А я должен был убедиться, что никто не выплыл. И еще, — он чуть запнулся, — я хотел осмотреть ту тачку. Она ваша, наверное?

«Осмотреть — на предмет, нельзя ли там чем-нибудь пожить», — подумал Макс. А вслух спросил:

— Поблизости есть крематорий?

— Чего? — не понял здоровяк.

— Где они будут сжигать тела? Не в костре же?

— Так здесь же старый завод стройматериалов неподалеку! Там есть печь, в которой раньше кирпич обжигали.

— И сколько времени обычно занимает кремация? В смысле — сожжение останков?

— Полчаса. Может, минут сорок. Ну, и на дорогу туда и обратно еще минут двадцать уйдет. Этот завод — он по другую сторону от шоссе.

«Выходит, — понял Макс, — у нас в распоряжении меньше часа. Возможно, минут сорок пять». Но ему уж очень хотелось расспросить — *допросить* — этого человека.

— А как вы трое во все это ввязались?

— Да нас не трое — больше! Просто сегодня была наша очередь зачищать дорогу после ночного перехода.

— Вас кто-то завербовал? В смысле, нанял за деньги выполнять эту работу?

— Да уж ясно — что за деньги! Кто ж бесплатно-то согласился бы кишки с дороги подбирать? Но денег у меня с собой нет! Они в Риге — я жене их отдал.

Макс попытался представить себе жену этого человека-слона — и не смог.

— Кто вас нанял? — повторил он свой вопрос. — Кто выплачивал вам деньги за работу?

Гунар замаялся, и Макс чуть сильнее ткнул его в плечо дулом дробовика:

— Говори, не тяни время!

— Был один доктор — он еще лечил мою жену в Общественном госпитале. Он сказал:

за нами будут заезжать раз в неделю. Каждый вторник, по вечерам. И отвозить на работу. Я, правда, вчера ехать не хотел — ногу себе повредил. Но они сказали: тогда нужно возвращать аванс. Ну, я и поехал.

Настасья завозилась в кабинке: дробовик заскреб стволом по зазубренным краям пробоины в стене. Девушка явно поняла, что за доктор был госпитальным вербовщиком.

— У вас где-то поблизости есть базовый лагерь? — спросил Макс. — Вы оттуда гоните сюда безликих?

— Овец-то? — Гунар издал тоненький смешок. — Да прямо с того завода и гоним — где раньше стройматериалы делали. Туда овец сперва со всего Балтсоюза свозят: здесь место тихое. И пруд карьерный рядом.

— То есть, тех, кто еще жив, вы топите, а кто уже умер — сжигаете?

— Ну да! — Здоровяк даже вскинул на Макса недоуменный взгляд, словно бы удивляясь, как можно спрашивать об очевидных вещах. — Чтобы доказательств не оставалось. Тот доктор — он говорит: если кто-то умер от утопления, и следов борьбы на теле нет, то доказать ничего нельзя. А когда *эти* побудут в воде денек — ну, тут уж следов и сам Шерлок Холмс не сыщет!

Макс подумал: теперь каждый обыватель знает о том, какое воздействие вода оказывает на безликих! А пастырь тем временем прибавил:

— Но если собаки кем-то закусили — этого уже не скроешь. Тогда нужно всё, что они не доели, сжигать.

— А для чего вы раздеваете их всех донага? — спросил Макс.

— Так ведь — раньше тут был нудистский пляж. — Последние два слова Гунар выговорил так старательно, что было ясно: он их специально заучивал. — Если бы тут кто-то потонул во время купанья, то только голяком. Ну и, опять же: никто их не опознает — *овец* — если при них не останется никаких вещей.

— А к чему такие сложности — с прудом и утоплением? Вы же могли бы ликвидировать их все прямо там — на том заводе. И сразу же, на месте, кремировать тела.

Гунар искренне возмутился:

— Мы же пастыри добрые — мы ничью кровь не проливаем! Нам даже и бумагу выдали — где написано, что с овцами делать можно, в чего нельзя!

— Бумагу? — подала голос Настасья из своей кабинки. — А она у тебя с собой?

— Ну да. — Голос Гунара зазвучал как-то напряженно. — В боковом кармане разгрузки. Могу показать. Только мне нужно сесть, чтобы её вытащить.

— Ладно, садись, — разрешил Макс. — Но руки держи за головой. Настасья, выйди и осмотри его карманы.

Гунар, сопя и кряхтя, кое-как уселся. Руки он при этом держал уже не на затылке, а на шее. Но Макс не придавал этому значения и, когда подошла Настасья, сказал ей:

— Дробовик отдай пока что мне.

Девушка послушалась, и оба *Льва Толстых* оказались у Макса: по одному в каждой руке. И, чтобы сподручнее было их держать, он продел указательные пальцы в предохранительные скобы на спусковых крючках.

когда-нибудь ему подобное умение понадобится. Но главное — он никак не ожидал такой прыти от дяди Гунара.

Гастон издал короткий предупреждающий рык: почуял недоброе раньше всех. А вот Макс ничего не заметил: толстенная шея Гунара скрыла его руки, лежавшие чуть ниже затылка. Настасья подошла к здоровяку вплотную и запустила пальцы в тот карман на его разгрузке, где якобы лежали письменные инструкции добрых пастырей. И только тут Макс уразумел, что на жилете Гунара имелся внутренний карман и *сзади*. Разгрузка на его спине топорщилась не из-за жировых складок своего владельца.

— Настасья, назад! — крикнул Макс.

Однако было поздно. Гунар уже выхватил из-за спины маленький плоский баллончик без крышки. И направил его прямо в лицо Настасье.

— А теперь бросай оружие ты, умник, — своим почти кукольным голоском произнес верзила. — Иначе у твоей подружки будет *лицо колбера*.

Скорее всего, Макс это приказание исполнил бы. Но тут Гастон понял, что его людям угрожают. И сделал то, что привыкли делать в таких случаях ньюфаундленды: загородил людей собой, оттолкнул обидчика. То есть — попытался оттолкнуть. Гунар от его толчка только слегка покачнулся — был как минимум вдвое тяжелее ньюфа. Однако Настасью он из поля зрения на миг выпустил, и девушка успела отпрыгнуть в сторону. Так что, когда здоровяк вдавил кнопку распылителя на своем баллончике, в облако аэрозоля попало не её лицо, а морда Гастона.

Ньюфаундленд взвыл — скорее от удивления, чем от боли. Лапы его заплелись, и он свалился прямо под ноги здоровяку, ослепленный. А Макс, не думая, подался вперед — к своему псу. Но — оступился на куске гравия и упал на спину.

В этот-то момент ему и брызнуло в лицо вещество, ноу-хау на производство которого он сам же и передал пастырям полтора года тому назад. Липкая суспензия мгновенно покрыла его кожу, склеивая его веки и почти лишая возможности дышать. И свое следующее действие доктор Берестов совершил чисто рефлекторно: оба его указательных пальца согнулись сами собой.

Даже сдвоенный звук ружейного выстрела прозвучал на открытом воздухе негромко, приглушенно. Макс его почти не услышал. Он со свистом втягивал в себя воздух, который едва пробивался сквозь пленку на его ноздрях. Он чувствовал себя так, как если бы на его голову натянули полиэтиленовый мешок, в котором имелись лишь две крохотные дырочки.

Откуда-то из другой вселенной до него доносились испуганные крики Настасьи и заполошный лай Гастона. Однако Макс не в силах был дать этим звукам хоть какую-то интерпретацию. А про Гунара он и вовсе ухитрился забыть. Отбросив от себя оба дробовика, он принялся с силой тереть себе лицо. То есть, делать именно то, из-за чего обличительная краснота должна была обрести удвоенную яркость.

«Нет, — подумал Макс, — это не *лицо колбера*. Это — маска Красной Смерти». И неспроста ему пришел на ум рассказ Эдгара По — любимого писателя его отца!

Он то и дело взглядывал на себя в зеркало, сидя за рулем коричневого внедорожника — на котором они уехали с гравийного пляжа. Зрение вернулось к Максиму — как только он отодрал пленку со своих глаз. Как вернулось оно и к Гастону, глаза которого, правда, всё еще

слезились: из-за густой песьей шерсти Настасья не смогла полностью удалить с его морды застывшую суспензию. Однако во всем остальном густой мех выручил ньюфа: уж на нем-то никаких *масок* не просматривалось.

У самого же Макса вид был такой, будто с его лица наждаком соскребли весь эпителий. Его кожа не воспалилась, не чесалась, но ему стоило огромных трудов убедить Настасью в том, что эта жуткая багровость не причиняет ему страданий. По крайней мере, физических. Да и участь их с Гастоном обидчика оказалась куда более плачевной.

Когда Макс выстрелил одновременно из двух дробовиков, их стволы были обращены снизу вверх в сторону Гунара. И этот двойной заряд произвел отменный эффект — так что Максупоневоле вспомнилась давешняя шавка, намертво вцепившаяся в его рукав. Когда Макс наконец-то продрал глаза, то обнаружил, что человек, который нацепил на него *маску Красной Смерти*, больше не существует как единое целое. Два выстрела в упор из дробовиков «Лев Толстой» разорвали его туловище по диагонали: от пупка спереди до верхних краев лопаток сзади. И то, что оказалось ниже это разрыва, упало навзничь прямо там, где стояло: рядом с самим Максом. А верхушку огромного тела выстрелы из помповых ружей отбросили метра на три назад — ближе к воде. Палец правой руки Гунара так и остался лежать на распылителе баллончика, выдавливая остатки его содержимого на гравий. Лицо же здоровяка, совершенно не пострадавшее от выстрелов, не выражало ничего, кроме бесконечного удивления.

Они там его и оставили — на пляже. Макс предложил было сбросить тело в карьерный пруд, к безликим, но Настасья сказала: нет. У мерзавца есть жена, и она имеет право похоронить своего мужа. И Макс нехотя с ней согласился.

И вот теперь он, щурясь от яркого света и жалея, что не захватил с собой из дому солнцезащитные очки, вел их внедорожник обратно к шоссе «Рига-Псков». Оба дробовика — и полицейского Алекса, и тот, что принадлежал доброму пастырю, — они везли с собой.

— Прости, что я втянула тебя в эту авантюру с видеозаписью, — в который уже раз повторяла Настасья. — Ты сказал: эта краснота останется у тебя минимум на двадцать дней?

Она была расстроена донельзя, несмотря на то, что видеорегистратор внедорожника зафиксировал все подвиги пастырей. Мало того: неосторожное убийство Гунара в объектив не попало, так что запись эта Максуповредить не могла. Однако теперь всё это совершенно не радовало девушку. Она понимала: в таком виде пересечь границу её провожатый не сможет. А если даже и сможет — подмазав кого-то на пропускном пункте Лухамаа, — то по другую сторону границы, в Конфедерации, его незамедлительно схватят как неудачливого колбера. И поступят с ним по всей строгости закона: приговорят к принудительной экстракции. С колберами в Евразийской Конфедерации не церемонились — благодаря чему всё еще сохраняли остатки цивилизации и порядка на своей территории.

— Ничего, — сказал Макс, — главное — твое лицо не пострадало. Ты перейдешь границу прямо сегодня.

— С ума сошел? — возмутилась девушка. — Одна я этого делать не стану.

— Ты будешь не одна: с тобой пойдет Гастон. А потом и я присоединюсь к тебе. Не через двадцать дней — раньше. — И после паузы прибавил: — Я надеюсь.

Настасья вскинулась было — протестовать. Но в это самое время они вырулили на шоссе, и мимо них по встречной полосе проехал пикап, в кабине которого сидели взрослый мужчина и подросток. Стекла у пикапа не были тонированы — как, впрочем, и у их внедорожника. Настасья охнула и проводила темно-серую машину долгим взглядом.

— Один из них — мой бывший сосед по дому, — сказала она. — Я помню, что видела его позапрошлой ночью. Да и он, похоже, меня сейчас узнал.

12

Они остановились в двух километрах от пропускного пункта Лухамаа.

— Возьмешь с собой свой паспорт, ветеринарный сертификат Гастона и дорожные чеки на пять тысяч червонцев, — сказал Макс. — Из вещей захватишь для виду только пакет с собачьим кормом — не с пустыми же руками тебе идти. Всё, что тебе будет нужно, ты купишь уже на территории Конфедерации.

Настасья сидела рядом с ним в машине, кусала губы, но больше не спорила. И безо всяких возражений она отдала Максиму капсулу с мозговым экстрактом своего несостоявшегося жениха, Ивара Озолса. Даже не спросила, зачем она ему. А Макс не стал ей ничего объяснять. Если его план удастся, она и так всё узнает. Если же нет...

— Сразу после пересечения границы ты попадешь на таможенный пункт Шумилкино в Псковской губернии. Рядом с ним есть мотель. Называется «Сириус» — в честь собачьей звезды. Туда разрешают вселяться даже с такими собаками, как Гастон. Ты снимешь там номер и будешь ждать меня сорок восемь часов, начиная с этого момента. Да, и вот еще что...

Он даже умолк на минуту — так не хотелось ему продолжать: пугать девушку. Однако промолчать он никак не мог, обязан был её предупредить.

— Тогда, в Риге, — сказал он, — тебя подвез до госпиталя сенатор Розен. Я думаю, именно он и сообщил фон Бергу о тебе — о том, что ты могла видеть пастырей.

— Розен тоже о них знает? — удивилась Настасья; начальной части рассказа Ирмы она не слышала.

— Не просто *знает*: он и возглавляет их организацию.

— Но он же не тронул меня тогда — когда я села к нему в машину!

— Возможно, не хотел рисковать. Вдруг какая-то работающая камера засняла бы вас с ним вместе.

А про себя Макс подумал: «Или не хотел, чтобы её кровь осталась на его руках. *Того* — безликого любовника своей дочери — он тоже приказал убить фон Бергу. Наверное, у него такой пунктик: не лишать никого жизни собственноручно». Вслух же он прибавил:

— Так что — соблюдай осторожность. Прячь лицо, насколько это будет возможно. Не выходи никуда, где тебя смогут увидеть. Если же через двое суток я не появлюсь, то — вот. — Он протянул Настасье свернутый вчетверо листок бумаги. — Здесь записаны имя и адрес моего отца. Он живет в Москве.

— Для меня — всё равно, что на луне.

— Не говори ерунды. До Москвы ты на поезде доберешься без проблем. — Доктор Берестов постарался придать своему голосу уверенность. — Скажешь отцу, что тебя послал Макс, и он поможет тебе добраться до Нового Китежа. Он знает, как. Но, пока двое суток не пройдут, ты в эту бумажку не заглядывай, ладно?

Настасья только кивнула — снова не стала ничего спрашивать. Она вообще сильно притихла за последние два часа. И у Макса кошки скребли на душе. Столько потерь уже выпало на её долю, а теперь еще и он может стать очередной из них. И всё потому, что из глупого пижонства он решил поделиться с пастырями идеей своего «Антиколбера»! Макс

старался даже не смотреть на свое отражение в зеркале машины. Легко было представить, чем может обернуться его появление на людях в таком виде.

Так что вместе с Настасьей на пропускной пункт он, конечно, не пошел. Отправил её вдвоем с Гастоном, нашептав своему псу в самое его ухо, зашитое и слегка припухшее:

— Иди с Настасьей, мальчик! И береги её.

Пес так на него посмотрел, что у Макса сжалось сердце. Он знал: даже если у него всё получится, своего прежнего хозяина ньюфаундленд не увидит уже никогда. И, казалось, Гастон тоже это почувствовал: не отводил своих темно-янтарных глаз от его лица.

— Ну, ладно, ладно! — Макс потрепал ньюфа по холке, а Настасье только коротко кивнул — боялся даже заглядывать ей в глаза. — Теперь ступайте!

И девушка, рядом с которой вышагивал, чуть прихрамывая, громадный черный пес, двинулась к зданию пропускного пункта «Лухамаа». Поводок и ошейник Гастона они забыли в машине Алекса, и всё, что Макс у оставалось — повязать псу на шею хлопковую бандану из своих запасов. Но он рассчитывал, что ньюфаундленда пропустят и так: собаки этой породы отличаются полным отсутствием агрессивности. Девушка и пес беспрепятственно вошли в двери, предназначенные для туристов, которые отправляются за границу знакомиться с достопримечательности, не используя личного транспорта. И Макс перевел дух.

А уже через десять минут он увидел стройную Настасьину фигурку снова. Девушка шла в сторону границы по застекленному переходу — склонив голову, на которую она набросила капюшон толстовки, выпростанный из-под ворота кожаной куртки. Макс велел ей не оборачиваться, и она не стала этого делать. Но Гастон, пока они шли, непрерывно крутил своей лобастой башкой, словно еще надеялся, что его хозяин всё-таки идет следом.

13

Макс припарковал грязный внедорожник за пределами поселка, примыкавшего к пропускному пункту: в небольшом перелеске, под низко нависавшими кустами бузины. Он хорошо знал, что ему предстоит: один раз уже проходил через такое. Именно из-за этого знания он и откладывал процедуру, сколько мог.

Однако медлить и дальше он просто не имел права. И так было просто чудом, что он со своим *лицом колбера* никому не попался на глаза. А Пафнутий и его папаша не догадались или не успели известить своих работодателей о происшествии возле пруда, дабы те могли перекрыть Макс у все подступы к границе. Возможно, отец с сыном не узнали его. Возможно, не уразумели, что означает кирпичный цвет его лица. Но в любой момент на них могло снизойти просветление: они могли вспомнить и Макса, и сумму вознаграждения, обещанного за помощь в его поимке. Ждать этого момента Макс не собирался.

Он вколол себе двойную дозу глюкокортикоидного гормона, инъекцию которого давеча получил Алекс. И теперь доктору Берестову казалось, что его голова вот-вот лопнет из-за резко подскочившего давления. Однако он сомневался, что даже такая подпитка поможет ему продержаться долго. Та процедура, которой он собирался себя подвергнуть, неспроста проводилась только в условиях стационара и только под общим наркозом. Случай Ирмы фон Берг был не в счет. Она планировала другое. Да и, к тому же, Макс при любом раскладе не опростоволосился бы так, как это случилось с белокурой барышней. Уж в этом он был уверен.

Он в очередной раз посмотрел с отвращением на (*маску Красной Смерти*) свое

отражение в зеркале. А потом извлек из пистолетной кобуры сверкающий цилиндр, переданный ему Настасьей, и положил его себе на колени. Там уже лежал ярко-зеленый медицинский маркер со снятым колпачком. Глюкокортикоид подействовал: Макс ощутил в себе бесшабашную удачу. Его страх отодвинулся куда-то вбок, в сторону, как театральная декорация на поворотном круге.

— Вот смеху-то будет, — в полный голос произнес он, — если у меня случится инсульт прямо сейчас. — И он громко рассмеялся.

Этот смех, как ни странно, привел его в чувство. Он снова сосредоточился на своем отражении, но теперь глядел на него отстраненно, бесстрастно. Его походная аптечка лежала рядом с ним на переднем сиденье, и Макс тщательно обработал дезинфицирующим средством сначала — правый висок, потом — свои руки. Воспользоваться перчатками он не мог: ему требовалась максимальная чувствительность пальцев.

Он принялся ощупывать тонкую черепную кость на правом виске. И быстро нашел то, что ему было нужно: затянувшийся круглый след от предыдущей трепанации. При помощи маркера Макс отметил его ярко-зеленой точкой на коже, после чего поднес к виску зеркально сиявшую капсулу.

— Пора! — прошептал он.

Быстро, чтобы, чего доброго, не передумать, Макс надавил кнопку на капсуле, высвобождавшую острое иглы. А затем, сделав только одно короткое, быстрое движение, вонзил его в собственный висок — точно в центр отмеченной точки.

Раздался хруст, у Макса из глаз непроизвольно брызнули слезы, но всё же боль оказалась не такой сильной, как в первый раз. Он ощутил, как внутрь его головы проникает инородный холод, но как раз это ощущение не было болезненным, наоборот: сопровождалось онемением и частичной потерей чувствительности. Но он знал, что это не будет продолжаться долго. Холод — это был только первый побочный эффект введения открытого им самим экстракта.

Следующим побочным эффектом стала резкая, как удар хлыста, судорога, пробившая всё его тело. Макс дернулся, изогнулся в водительском кресле, но не выпустил капсулу из правой руки: продолжал удерживать её возле виска. Перед глазами у него всё поплыло, однако он по-прежнему не отрывал взгляда от своего отражения в зеркале.

А потом голова его словно бы стала сплющиваться, но только сплющиваться — *изнутри*. Ощущение было такое, будто внутрь его черепа поместили мощный гидравлический пресс, который начал давить на его мозг, заставляя его ужиматься и притискиваться к лобной кости. Максусу казалось: его лоб сейчас проломится, и мозговое вещество выплеснется наружу — прямо на отражение его багрово-красной физиономии в зеркале.

Однако он уже увидел: багровость начала потихоньку пропадать с его лица. Сначала побледнел его злополучный, готовый взорваться лоб. Потом щеки приобрели приятный матовый оттенок и юношескую гладкость, потом — губы и подбородок сделались бледными. И одновременно жесткую двухдневную щетину на его щеках сменил легкий темный пушок.

«Трансмутация! — Макс даже позабыл на миг про раздиравшую его боль — охваченный эйфорией, и вовсе не из-за глюкокортикоида. — Она началась!»

И тут же каждая его мышца, да что там — каждая клетка тела! — завопила от шока и возмущения. Его прилизанные светлые волосы сперва встали дыбом, а потом волосяные фолликулы принялись с пронизывающим жжением выдираться из кожи его головы, как если

бы какой-то невидимый садист обрабатывал её эпилятором. А вместо жиденьких светлых прядей на голове Макса стали возникать густые темно-каштановые кудри. Он даже не удивился их росту: трансмутация всегда вызывала смену волосяных покровов со взрывной скоростью.

Одновременно вся его кожа словно бы начала отходить, отслаиваться от подкожных тканей, и Макс не сдержался — закричал. Однако по-прежнему не выпустил из рук драгоценную капсулу. Любой ценой он должен был дождаться завершения инъекции экстракта. Кожа его вибрировала, ходила ходуном, а из зеркальца в салоне машины на Макса глядели уже не голубые, почти бесцветные глаза: в зеркале он видел темно-карие радужки Ивара Озолса.

«Еще немного, — подумал он. — Нужно продержаться еще чуть-чуть».

И тут же внутрь каждой его кости, каждого сустава, каждого зуба будто вонзилось по миллиону раскаленных игл. Если бы не эффект противошокового препарата, он, вероятно, просто умер бы от боли — сразу, в ту же секунду. Но Макс не умер: он согнулся пополам, зажимая себе рот свободной левой рукой, чтобы не дать вырваться дикому крику.

Но это было уже почти всё. Он ощутил под пальцами правой руки легчайшее вращение: перекрывался клапан, подававший *экстракт Берестова* в его мозг. Инъекция была завершена, и острие инъектора само собой втянулось в опустевшее брюхо капсулы.

Макс даже не попытался залепить рану на виске или чем-то её обработать: знал, что не сможет. А кровопотери или заражения он не боялся: все капсулы Берестова/Ли Ханя обладали антисептическим и гемостатическим эффектом. Поэтому он просто бросил зеркальный цилиндр на пол внедорожника. И наконец-то позволил себе потерять сознание.

Часть третья. НЕВИДИМЫЙ ГРАД КИТЕЖ. Глава 12. Мотель «Сириус»

29–30 мая 2086 года. Среда и четверг
Поселок Шумилкино. Псковская губерния

1

Мотель «Сириус» находился всего в полутора километрах от пропускного пункта, и дорогу туда Настасье указала пожилая таможенница на конфедератской стороне границы.

— Там на шоссе везде указатели, — сказала она. — Ты не заблудишься. Но лучше бы тебе, деточка, не ходить по вечерам одной.

— Я не одна. — Настасья, кивнула на Гастона, на шею у которого снова красовалась пестрая бандана.

Пес не оплошал: одарил таможенницу таким умильным взглядом, что женщина немедленно растаяла.

— Ах ты, хороший! Лапонька! — Она принялась гладить лобастую башку Гастона, который при этом блаженно щурился. — Смотри, что у меня есть!

Из кармана форменной тужурки таможенница вытащила початую пачку галетного печенья, высыпала пригоршню печенек себе на ладонь и поднесла угощение псу. Гастон благодарно всё схрюпал, слизнул крошки с морды и выклянчил бы еще, но тут Настасья окликнула его и вывела на улицу.

Уже и вправду вечерело, но девушка не понадеялась на сумерки: снова набросила себе на голову капюшон толстовки. И они с ньюфом двинулись по шоссе — в противоположном от пропускного пункта направлении.

Здесь, в Псковской губернии, всё выглядело и похожим, и не похожим на то, что осталось по другую сторону границы. Пейзажи были теми же самыми: смешанные леса северо-западной части бывшей Российской империи, неяркое небо над ними. Но всё остальное казалось гораздо более приглаженным, окультуренным, чем в Балтсоюзе. Во-первых, ни одного брошенного электрокара Настасья на шоссе не увидела. Во-вторых, поля возле шоссе были засеяны люцерной, может быть — еще с прошлого года; но всё-таки заброшенными они не выглядели. Ну, и в-третьих: неподалеку от пропускного пункта, за развилкой шоссе, белой оштукатуренной громадой выделялось здание, в котором Настасья опознала железнодорожный вокзал — по особенностям архитектуры, виденным в старых фильмах. Все окна в здании были целыми — не выбитыми, и над черепичной крышей развевался флаг Псковской губернии: золотой барс на лазурном фоне. Вокзал явно действовал. А на некотором отдалении от него виднелись двухэтажные кирпичные коттеджи небольшого поселка, все — обнесенные высоченными глухими заборами.

Впрочем, к железной дороге Настасья пока идти не собиралась. И молилась мысленно, чтобы ей не пришлось исполнять указание Макса: ехать до Москвы на поезде. А на шоссе и вправду имелись указатели — со стрелками и надписями: *Мотель «Сириус»*. Так что девушка — хоть и вымотанная до предела, и в компании с хромящим псом, — дошла до места назначения меньше, чем за полчаса.

Возле мотеля горела старомодная неоновая вывеска, извещавшая о том, что свободные

номера имеются. А чуть ниже светилась сине-фиолетовая стрелка, надпись под которой гласила: «Владельцам собак — сюда».

Настасья вошла в дверь, рядом с которой красовалась табличка «Администрация», и парень лет двадцати восьми, сидевший на ресепшене, тут же поднялся при её появлении:

— Здравствуйте, меня зовут Андрей! — произнес он — глядя на гостью с легким подозрением. — Чем я могу вам помочь?

— Здравствуйте, — сказала Настасья. — Мне нужно снять номер.

И она вытащила из кармана кожаной куртки Макса портмоне с дорожными чеками.

При виде чеков портье так и расплылся в улыбке.

— Сколько планируете погостить у нас, барышня?

Неоархаизмы, как видно, и здесь были в чести.

— Не меньше недели. — Уж конечно, она не собиралась съезжать отсюда через двое суток, если Макс за это время не объявится.

— Запишитесь, пожалуйста, вот здесь. — Портье пододвинул ей регистрационный журнал — даже не спросив у гостьи паспорт.

И Настасья написала: *Генриетта Куракина, город Рига, Балтийский союз.*

— У меня есть для вас отличный двухкомнатный номер, — сказал Андрей. — Идеальный для владельца такой большой собаки.

— Меня устроит. — Настасья даже не спросила о цене.

— Отлично! — Портье протянул ей ключ-карту. — В номере имеется кабельное телевидение. Для просмотра каналов нужно только включить компьютер, подсоединенный к гостиничной сети. А для выгула собак прямо за вашим корпусом располагается специально взрыхленная и обработанная безопасным для животных антисептиком площадка. — Андрей явно произносил заученные фразы, но потом кое-что прибавил и от себя лично: — У нас даже не нужно убирать за своими собаками дерь... ну, то есть — экскременты.

Настасья уставилась на него во все глаза, не зная, была ли это шутка, требующая улыбки, или похвальба, предполагающая восхищение? И в итоге только молча кивнула; её куда больше интересовало другое.

— Здесь есть... — Она пощелкала пальцами, не зная, как правильно сформулировать свой вопрос. — Есть возможность отправить посылку так, чтобы её быстро доставили?

— Экспресс-почта? Конечно, есть. Рядом с вашим корпусом находится терминал, из которого каждые два часа производится выемка корреспонденции. Он, правда, принимает только монеты, но я могу разменять вам дорожный чек на рублики.

Она разменяла деньги, а пятнадцать минут спустя уже вселилась в двухкомнатный номер «Сириуса». Стены там обладали дополнительной звукоизоляцией, никаких ковровых покрытий на полах не было, и в каждой из комнат помимо мебели имелась длинная низкая лежанка, застеленная шотландским пледом в черно-красную клетку. Владельцы придорожной гостиницы явно знали толк в том, как принимать гостей-собачников.

Первым долгом Настасья насыпала корма Гастону: в номере обнаружился целый набор собачьих мисок. И только тогда, когда ньюф увлеченно зачавкал, девушка уселась за стол, на котором был установлен большой монитор. Но, конечно, не для того, чтобы просматривать конфедератские телеканалы.

Предмет, который дед сунул в карман её ветровки, был внешним жестким диском компьютера — это Настасья поняла еще в Риге. И даже начала просматривать содержимое дедушкиного подарка — в квартире Макса, пока тот ездил за паспортами в её бывший дом.

Однако объем информации на диске оказался просто колоссальным. И тогда Настасья так и не успела понять, что за файлы передал ей дед.

2

Некоторое время она просто сидела у стола, держа винчестер в руках — не подключая его к компьютеру и пытаясь совладать с желанием расплакаться. Она так и не оплакала толком их обоих: Ивара и своего дедушку. А теперь, возможно, ей предстояло еще оплакивать и Макса — в самом скором будущем. Она не стала спрашивать у него, для чего ему понадобилась заполненная капсула Берестова/Ли Ханя, но не потому, что ей было неинтересно. И не потому, что опасалась: Макс не сочтет нужным ей отвечать. Совсем наоборот: Настасья не спросила, потому что боялась *услышать* ответ.

Она даже самой себе не могла бы объяснить, что чувствует к этому странному человеку — Максусу Петерсу. Она почти не сомневалась, что имя это — фальшивка, как и его внешность. Неясно было, правда, для чего кто-то стал бы проходить трансмутацию, чтобы приобрести столь не авантажный облик? Однако сам факт трансмутации Макса сомнений у неё не вызывал. Она была уверена: этот человек повидал и совершил в своей жизни такое, что мало кому удавалось повидать и совершить. Чтобы понять это, достаточно было хоть раз увидеть, каким *болезненным* становился временами его взгляд — и каким в то же самое время он делался жестким, даже — беспощадным. Так, по представленьям Настасьи, мог бы глядеть матерый волк, которому капканом отхватило часть лапы — но который сохранил в целости все свои зубы.

Она, может быть, даже и не решилась бы ему довериться — если бы не увидела Гастона. Ну, не мог быть злым или вероломным человек, у которого *такой* пес! И теперь Настасья страшилась потерять Макса. Страшилась — не только потому, что тогда у неё совсем уж никого не останется. Она чувствовала, что эта потеря принесет ей настоящую боль — ничуть не меньшую, чем потеря дедушки и её несостоявшегося жениха Ивара.

И всё же — заплакать она не имела права. Она не спала уже две ночи подряд — лишь подремала пару часов в полицейской машине. Так что хорошо понимала: начини она плакать — и этими слезами мгновенно загонит себя в сон. Отключится, прямо сидя за столом.

Она с силой потеряла саднящие от недосыпа и от накопленных слез глаза, а потом подсоединила внешний жесткий диск к компьютеру.

3

Со своей соседкой, проживавшей в соседнем номере, она столкнулась на следующий день. Уже перевалило за полдень, и Настасья, выспавшись впервые с понедельника, решила выйти на улицу. При мотеле имелся ресторан, но, по словам портье, еду можно было заказать и в номер — что девушка и собиралась сделать. Однако сперва она хотела выгулять Гастона — на той самой площадке, что являлась предметом гордости мотеля «Сириус».

Вместе с ньюфаундлендом Настасья вышла за дверь и уже запирала свой номер при помощи ключа-карты, когда увидела её: очень красивую рыжеволосую женщину лет тридцати с небольшим на вид. Никогда прежде Настасья её не встречала. Однако соседка поглядела на неё так, будто узнала её — хотя девушка и не забыла набросить на голову капюшон толстовки, бросивший тень на её лицо. И взгляд, каким соседка её одарила, совсем

не показался Настасье добрым.

Впрочем, взгляд рыжей дамочки тут же прояснился.

— Доброе утро! — воскликнула она с приветственным взмахом руки. — Выводите погулять своего красавчика, да? — Голос женщины звучал как-то странно: казалось, она пользуется им с опаской, словно боясь, что её изумительное контральто внезапно пропадет, и его сменит какой-нибудь писк или скрип.

Вопрос явно был риторическим, и Настасья только сказала:

— Здравствуйте! А вы, должно быть, тоже решили выгулять свою собаку?

— Какую собаку? — Рыжая явно удивилась.

— Но это же мотель для собачников.

— Ах, да! — Женщина улыбнулась вроде как смущенно. — Только собаки у меня нет. Меня поселили сюда, потому как в другом корпусе свободных мест не оказалось. Кстати, я — Клементина. А вас как зовут, барышня?

— А я — Генриетта, — сказала Настасья.

— Ну, так может быть... — начала было говорить Настасьина соседка, и даже подалась к ней, но тут внезапно между ним встал Гастон, и рыжая мгновенно от него отшатнулась.

Всё в позе пса: в том, как он стоял, широко расставив лапы, как напряглась его спина — ясно показывало, что он думает об их новой знакомой. И Настасья была благодарна ньюфу за то, что в своей оценке они оказались едины.

— Извините, мне пора, — пробормотала она и потянула Гастона за бандану на шею, уводя его в противоположную от рыжей дамочки сторону.

Но на ходу она не удержалась: бросила короткий взгляд через плечо. Рыжая всё еще стояла возле двери своего номера и глядела ей вслед.

4

— Нужно уезжать, и как можно скорее, — бормотала Настасья себе под нос, пока Гастон делал свои дела на специально обработанном песке собачьей площадки. — А Максу оставить сообщение в администрации мотеля.

Но тут же она поняла: её сообщение у портье легко перекупит эта рыжая. Черт её знает, кто она такая. Может быть, одна из прихлебателей добрых пастырей. Те, чтобы заполучить запись с видеокamеры внедорожника, стали бы носом землю рыть. Вот только — откуда бы пастырям про эту запись узнать? Работавшую камеру мог бы заметить Гунар — бывший Настасьин сосед. Но уж он-то ни с кем не сумел бы поделиться своими догадками и подозрениями.

Конечно, оставались еще Пафнутий и его отец. Вчера они вполне могли разглядеть её лицо, а потом рассказать пастырям о той встрече на дороге. Но — будь так, рыжая соседка могла бы прямо сегодня, не откладывая дело в долгий ящик, разделаться с Настасьей. Пальнуть в неё и в Гастона из пистолета с глушителем, а потом смыться из мотеля. Однако делать этого она не стала. И, получается, Настасьина смерть — по крайней мере, немедленная, — ей была не нужна. Ей требовалось что-то другое — то, что Настасья могла бы ей предоставить, только оставаясь живой.

А в том, что соседке от неё что-то нужно, сомневаться не приходилось. Иначе с чего бы ей селиться рядом с ней, да еще и врать, что не было других свободных номеров? Ведь Настасья видела вчера неоновое оповещение на вывеске «Сириуса».

По дороге обратно в номер соседку свою Настасья уже не увидела. Да и вообще, никто им с Гастоном по пути не встретился: мотель явно пустовал. Но Настасью это совсем не успокоило. Она беспрерывно теребила дедов подарок в кармане куртки (уж конечно, она не стала оставлять его в номере), и ей даже подумалось: а уж не за этой ли вещью охотится рыжая? Но сразу же она одернула себя: «Ну, нет. У меня просто паранойя. Кто, кроме дедушки, мог про эту вещь знать?»

Но её (*шестое чувство*) параноидальное воображение немедленно ей подсказало: да кто угодно мог знать. Скажем, сотрудники дедушкиной лаборатории в университете. Или работники компьютерного центра, где Петр Сергеевич Королев получал необходимые ему данные по закрытой сети *Corpnet*, предназначенной исключительно для нужд международных корпораций.

Однако Настасья изучила вчера дедушкин диск. И знала то, чего все эти люди знать не могли: завершить свои исследования Петр Сергеевич так и не успел. Может, ему не хватило какого-то месяца, чтобы разработать технологию, которая могла бы снова перевернуть мир — во второй раз после заявления Берестова об открытии трансмутации.

— Дедушка, дедушка, — беззвучно прошептала Настасья, отпирая дверь в свой номер, — ну, почему ты так любил скрывать?

Она шагнула через порог, а в пространство между её боком и дверным косяком ввинтился Гастон. Но оба они — и девушка, и пес, — сразу же замерли на месте. Что-то было не так. Ньюф — тот, возможно, учуял посторонний запах в номере. Однако и Настасья что-то почуяла — иным образом, но тоже совершенно отчетливо.

Кто-то здесь побывал за время их отсутствия. Все предметы вроде бы оставались на прежних местах, и на входной двери не просматривалось даже царапины, но Настасья в своем выводе не усомнилась. Покрывало на кровати выглядело слишком уж гладким. Складки на раздвинутых оконных шторах распределялись чересчур симметрично. Стул возле стола с компьютерным монитором и сам этот стол имели вид ненатуральный и безупречный — словно бы сошли с картинки в школьном букваре. И этот же самый налет чрезмерного порядка, Настасье совершенно не свойственного, лежал теперь буквально на всем.

— Ладно, заходим, — сказала она Гастону шепотом, хотя и понимала, что визитеры — кем бы они ни были — уже убрались восвояси.

Пес первым вбежал в номер и принялся с фанатическим упорством всё там обнюхивать. А Настасья заперла дверь изнутри и вытащила из кармана дедушкин подарок. Его нужно было спрятать, и срочно.

5

Обед Настасья заказала в номер, как и планировала — просто позвонив по телефону. И, когда в дверь постучали, сперва поглядела в глазок. Она увидела белую униформу официанта, сервировочный столик и белую шапочку на седоватой голове коротко стриженного мужчины. Лица ресторанный работник она разглядеть не могла: тот наклонился над поручнем тележки, готовясь закатить её в номер.

Гастон, не дожидаясь, пока Настасья его позовет, вскочил со своей лежанки, подбежал к двери и встал рядом с девушкой. Собственно, потому-то она и открыла: присутствие огромного черного пса внушило ей уверенность.

Мужчина в белой униформе закатил тележку с обедом в номер, и Настасья спросила:

— Я должна что-нибудь подписать? Какой-нибудь счет?

Только тут человек в униформе вскинул голову — и они оба опешили: и Настасья, и немолодой мужчина с ежиком седых волос на голове. Тот самый, который перевез её в Риге через мост Европейского Союза. Секунды две или три они просто стояли и пялились друг на дружку.

— Гастон! — выкрикнула, наконец, девушка — даже не зная, какую команду она должна отдать ньюфу.

Но паника в её голосе и так ему всё объяснила. Пес ринулся вперед, оттолкнул сервировочную тележку, на которой загремела посуда, и, как тараном, ударил башкой в живот стоявшего позади тележки человека. Тот врезался спиной в стену, хватанул ртом воздух и согнулся пополам, как если бы ему врезали кулаком под дых.

Но Гастон по какой-то причине вдруг потерял к нему интерес: вывернул шею и глухо гавкнул, поглядев Настасье за плечо. Возможно, он даже успел бы еще что-то предпринять. Однако между ним и раскрытой дверью, находившейся у Настасьи за спиной, оказалась сервировочная тележка.

Девушка обернулась, уже догадываясь, кого она увидит. И, конечно, это была она: рыжая соседка, неуверенное контральто.

— Ну, здравствуй еще раз, Настёна! — выговорила дамочка этим своим чужеродным голосом.

«Не может быть!» — мелькнуло у Настасьи в голове. По этому обращению — *Настёна*, которого она терпеть не могла, — девушка тут же опознала рыжую. Ну, то есть, *подумала*, что опознала. Ведь — что же это получалось? Сестра Ивара Озолса не только выжила в пожаре и обратилась в какую-то там Клементину, но еще и пересекла границу одновременно с ней самой и сенатором Розеном, который переделался официантом! От изумления Настасья даже не сразу осознала, что за предмет мнимая Клементина держит в руке.

Внучка профессора Королева увидела — словно кадр из кинофильма — как рыжая нажимает на курок пистолета, и ощутила несильный удар в правую руку — чуть пониже плеча. Почти одновременно с этим обиженно взлаял Гастон, и девушка успела еще повернуться и разглядеть, что мнимый официант держит в руках такое же оружие, как у Клементины: *Рипа ван Винкля*, ствол которого направлен на ньюфаундленда.

Но пес весил в полтора раза больше девушки, а усыпляющий заряд попал в него на пару секунд позже. Так что Гастон сумел сделать рывок. И сомкнул челюсти на руке Розена, в которой тот сжимал пистолет — пресловутый *ван Винкль*.

«А еще говорят, что ньюфаундленд никогда не укусит человека!» — удивилась Настасья; а потом тьма накрыла её.

6

Настасья видела свою маму — которую она, сколько себя помнила, всегда называла не мамой, а просто Машей. Да и то сказать: Мария Рябова выглядела такой юной, что казалось старшей сестрой собственной дочки. Именно такой она предстала перед ней и теперь: стройная, прекрасная, в оранжево-красном купальнике и парео, какие были на ней в тот последний день — во время пикника на пляже.

— Ты знаешь ли ты, Настасьюшка, — как ни в чем не бывало, обратилась она к дочери, — *кто* вызвал тогда полицию? И кто застрелил тех колберов? Ведь это не был

полицейский снайпер! Полиция не имеет права использовать патроны с антикоагулянтами.

— Понятия не имею, — призналась Настасья, ничуть не удивляясь этим вопросам: они и ей самой тысячу раз приходили в голову. — Кто это был, Маша?

— А ты сама как думаешь?

Даже во сне — ясно было, что это всего лишь сон, — Настасья испытала приступ раздражения. Это была манера её деда: отвечать вопросом на вопрос. И тут же её мама сказала:

— А еще подумай хорошенько: тебе в твоём дедушке никогда ничего странным не казалось?

И Настасья только собралась ей ответить — что нет, не казалось, когда её мама вдруг начала словно бы меркнуть. Сначала потускнели яркие цвета её купальника и льнущего к ногам парео. Потом — лицо и волосы Марьи Петровны Рябовой стали прозрачным. А под конец, хоть она и продолжала еще что-то говорить, её слова сделались *бесплотными*: растворялись в воздухе раньше, чем слетали с губ.

— Маша, стой! — успела еще крикнуть ей Настасья, а потом — от её мамы остались только завихрения воздуха над пляжным песком.

И тут же Настасья (*очнулась*) проснулась.

Её правую руку саднило в том месте, куда угодил усыпляющий заряд. Во рту пересохло так, что собственный язык показался Настасье жестким, как кирпич. В голове раздавался тоненький противный звон. А обе её руки были закинута вверх и примотаны чем-то мягким, возможно — банным полотенцем, к какой-то твердой опоре.

Даже не открывая глаз, Настасья поняла, что она лежит на застеленной покрывалом кровати с привязанными к её спинке руками. И что официант-самозванец, господин Розен, отчаянно бранится на немецком языке.

Она чуть-чуть приоткрыла глаза — так, чтобы её длинные ресницы это скрывали. И стала исподтишка оглядываться. Она по-прежнему находилась в своем номере, и сервировочная тележка стояла на прежнем месте. (*Как они узнали про мой заказ? Подкупили кого-то в ресторане?*). Обнаружила девушка и кое-что еще: на ней остались надеты лишь футболка и трусики, поверх которых на неё небрежно набросили шотландский плед с собачьей лежанки; а вся прочая её одежда, сваленная в кучу, валялась у неё в ногах. Сюзанна и Розен явно обыскали и её вещи, и её саму, пока она находилась под воздействием снотворного. Они даже распустили ей волосы, которые теперь были раскинуты на кровати, как черная шелковая мантилья.

Во сне Настасье показалось, что её встреча с мамой длилась не больше пятнадцати минут. Но с момента, как в неё и Гастона пальнули усыпляющими зарядами, наверняка прошло уже несколько часов. В окне виднелось клонившееся к закату солнце, а в номере горел верхний свет. «Они уже десять раз могли бы меня убить, — подумала Настасья со странной отрешенностью. — Но не сделали этого. Выходит, Розен отыскал меня здесь не потому, что хотел убрать свидетельницу».

Она скосила глаза книзу и увидела лежащего на полу Гастона. На одно страшное мгновение девушке показалось, что пес убит: вся его морда была в крови. Но потом она заметила, что лохматый песий бок равномерно вздымается: Гастон всё еще спал неестественным сном. А кровь на его морде, похоже, принадлежала не ему.

На маленьком диванчике, стоявшем возле двери в ванную комнату, сидел Розен, исторгавший ругательства. Его правая кисть имела такой вид, словно побывала в медвежьем

капкане: окровавленная, прокушенная насквозь, с почти полностью содранной кожей на мизинце и указательном пальце. В руке он держал баллончик с каким-то спреем, которым щедро опрыскивал свою изувеченную руку. А подле него хлопотала Сюзанна-Клементина, державшая наготове бинт для перевязки, возможно, позаимствованный из аптечки мотеля. Другая повязка — окровавленная, явно только что снятая, — неопрятным комом краснела на диванчике рядом с господином Розеном. И его белая официантская куртка, брошенная на пол вместе с форменной шапочкой, тоже была изгваздана кровью.

Настасья чуть повернулась, разглядывая Розена, и кровать под ней скрипнула — совсем тихо. Однако сенатор тут же перестал ругаться, вскинул голову и бросил на девушку острый, испытующий взгляд. Можно было, конечно, еще попритворяться — изобразить, что она просто повернулась во сне. Однако Настасья решила не ломать комедию: распахнула глаза и сама уставилась на Мартина Розена. Который, как ни странно, от этого её взгляда будто онемел. Так что первой к ней обратилась Сюзанна-Клементина:

— Ну, что, ты всё еще жива, моя *почти родственница*?

«Знает ли она о гибели Ивара?» — задалась вопросом Настасья. И решила, что знает. Иначе она хоть исподволь попробовала бы выпросить, что случилось с её братом.

— Удивительно, что *ты* всё еще жива, — выговорила Настасья, хоть язык её и прилипал к нёбу. — Я-то думала: ты сгорела. Как по мне — самая подходящая кончина для ведьмы.

— Ах ты, маленькая сучка. — Голос мнимой Клементины звучал почти беззлобно. — Только и есть у тебя хорошего — что красота. Как и у братца моего — была. Жаль, досталась другим.

Тут, наконец, вступил в разговор сенатор.

— Я сообщил ей о смерти её брата. Мне сказали: колберы убили его и подвергли экстракции. Но подумать только: я ведь вас — именно вас! — встретил тогда на мосту. Если бы я знал тогда, что вы — внучка профессора Королева!

Он пристально и цепко посмотрел на неё, словно пытался оценить и впитать в себя каждую деталь её нового облика, открывшегося ему.

— Если бы знал, — встряла в разговор Сюзанна, — мне бы уж точно не светило получить вот эту роскошь! — И она повела рукой снизу вверх, от своего нового лица к талии. — Так бы я валялась в ожоговом отделении того госпиталя, где мама утопила безликих.

— Тебе повезло, мне нет, — сухо сказал Розен. — Мне нужен был человек, который знал бы в лицо внучку профессора. А тебе нужен был экстракт для трансмутации — чтобы срочно восстановиться после ожогов. Но я, как выяснилось, мог найти Настасью Рябову и без тебя.

— Ага, еще скажи: ты сам бы общмонал и её номер, и её саму!

— *Что* я бы сделал?

Остзейский немец Розен уж точно не знал всех русских жаргонизмов.

— Она хочет сказать, — подала голос Настасья, — что очень вам помогла, обыскивая меня и мой номер. Хотела бы я знать: что именно вы искали?

— Ну, не сучка ли? — Теперь в голосе Сюзанны-Клементины сквозило чуть ли не восхищение. — А то ты не знаешь! И я еще плохо тебя общмонала — кое-куда не заглянула. Интересно, братец мой *туда* заглядывал? Думаю, вряд ли. Он смотрел на тебя как на святую икону. Наверное, даже и не пытался тебя трахнуть.

— Ну, хватит! — резко оборвал сенатор свою поделницу, поднялся на ноги и подошел

к Настасьиной кровати. — Я знаю, какие исследования проводил ваш дед. Мир потерял в его лице одного из величайших ученых мужей. И я прошу простить мою спутницу за её бесцеремонные, хамские высказывания.

— Я попросила бы тебя выбирать выражения. — Видоизмененная Сюзанна сделала к ним несколько шагов, основательно прихрамывая; как видно, даже трансмутация не восстановила полностью её ахиллово сухожилие, поврежденное гарпуном. — Я ведь...

Розен только глянул на неё через плечо — и она тут же осеклась, умолкла.

— Как вы меня нашли? — спросила Настасья.

— Вы предъявили свой паспорт в Лухамаа. А у меня, как вы понимаете, есть кое-какое влияние в Балтсоюзе. И я попросил своих сторонников, чтобы она помогли мне вас отыскать. Для меня лично и для той организации, которую я представляю, жизненно важно получить доступ к разработкам вашего деда. Полагаю, он передал их вам на каком-то электронном носителе?

— А с чего вы взяли, будто он передал мне что-то? Моя *почти родственница* разве вам не рассказала, при каких обстоятельствах мы с дедушкой виделись в последний раз?

— Ну, ладно. — Розен кивнул так, словно ничего другого и не ожидал услышать. — Поговорим иначе. Вы же понимаете, что я могу сильно навредить вам?

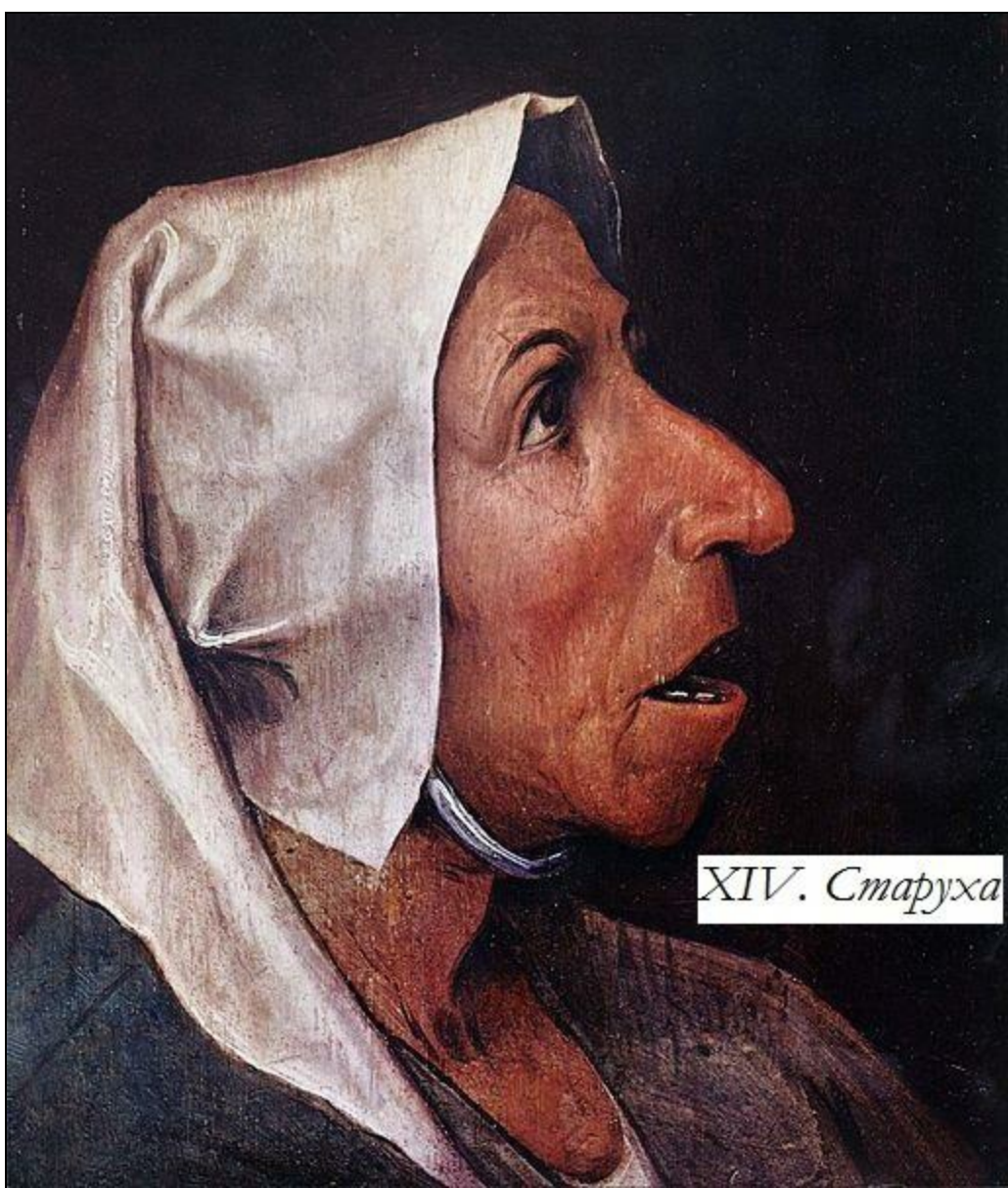
— В смысле — убить меня?

— Нет, что вы, убивать я вас не стану. Я помню заповедь: «Не убий».

Настасья позволила себе издать мысленный смешок, однако вслух ничего не сказала.

— Но вот устроить вам трансмутацию — это другое дело, — продолжал сенатор. — Говорят, без наркоза — это просто агония. Были случаи: люди проделывали это в домашних, так сказать, условиях. И сходили с ума — в медицинском смысле, не в фигуральном. Но у них, по крайней мере, был стимул: обрести красоту. А не стать *вот таким* созданием.

Он сунул в карман пиджака левую руку; из его правой руки всё ещё сочилась кровь. Зеркально блеснула колба — капсула Берестова/Ли Ханя; и Розен, явно наслаждаясь моментом, поднес её к самым глазам девушки. И в индикаторном окошке она разглядела чудовищный лик седой бабищи лет шестидесяти на вид — с мерзким испитым лицом, с заплывшими поросячьими глазками.

XIV. Старуха

— Как вам, Настасья Филипповна, перспектива: прожить остаток жизни в таком виде? — спросил сенатор. — Ваш пёс — и тот убежит от вас. Когда проснется, конечно. Он, в отличие от вас, получил двойную дозу успокоительного: моей спутнице пришлось выстрелить в него еще раз, когда он вцепился мне в руку.

Настасья несколько не удивилась, что он знает её имя-отчество. Если уж он навел справки о местожительстве Петра Королева, то, конечно, разузнал всё и о единственной родственнице профессора.

Гастон, словно бы почуввав недоброе, заворочался на полу и засопел. Но пока и вправду не проснулся. Настасья дернула руками, пытаясь высвободить хотя бы одну, но — хлопковое полотенце держало крепко: не скользило, не растягивалось. А тяпнутый господин явно шутить не собирался: поднес капсулу к виску Настасьи и нажал кнопку, высвобождавшую жало инъектора.

Транквилизатор на неё уже не действовал, и Настасья ощутила, как сердце её затрепыхалось от паники. Да, она знала, что благодаря китайскому биоинженеру Ли каждый теперь мог проходить трансмутацию сколько угодно раз. И, даже став старой уродиной, она совсем не обязательно осталась бы ею на всю жизнь. Вот только — она бы уж точно никогда не стала собой прежней. И она не хотела *терять себя* — почти так же сильно, как не хотела отдавать этому *не-убийце* разработки своего дедушки.

— Это не её пес, — вдруг произнесла (*Сюзанна*) рыжая дамочка. — Они с дедом никогда животных дома не держали.

— Вот как? — Розен недоверчиво вскинул брови, но, по крайней мере, чуть отодвинул зеркальную колбу от виска Настасьи — заглянул ей в глаза. — И чья же тогда эта собака?

— Отвяжите меня от кровати и позвольте одеться, — сказала девушка, с трудом проглотив сухой комок, перекрывший ей горло. — Тогда и поговорим.

Она ясно понимала: второго шанса у неё не будет. И ей нужно было всё разыграть правильно — вообразив себя, к примеру, героиней кого-нибудь старого фильма о ловкой шпионке на задании. Или, на крайний случай, представив себя девушкой Бонда — вроде Веспер Линд из фильма «Казино Рояль». Её дед говорил ей, что она очень похожа на Еву Грин, которая сыграла роль Веспер. Вот только — Настасья хорошо помнила, чем завершилась та история. «Веспер Линд утонула, — подумала она, — так же, как все те безликие — *овцы* добрых пастырей».

7

Настасья теперь сидела — не лежала — на своей кровати. Её не только развязали, но и позволили одеться. Она натянула длинноватые ей джинсы Макса с заедающей застёжкой-молнией и его толстовку, а потом собрала волосы в пучок и сколола их заколкой. И всё это время Сюзанна держала её на прицеле *ван Винкля*.

А Гастон между тем начал просыпаться: продрал глаза и широко зевнул, показав длинный, изогнутый на конце черпачком, язык.

— Ну, — проговорил Розен, едва только Настасья оделась, — я свою часть сделки исполнил. Итак?..

— Дедушка передал мне кое-что перед тем, как мы с ним расстались, это правда. Но сейчас этой вещи у меня с собой нет. Я отдала её кое-кому — владельцу собаки и тех вещей, которые сейчас на мне. Это был внешний жесткий диск компьютера. Кажется, в старые времена такие называли словом *винчестер*.

— Вы знаете, *что* находится на этом диске?

У Розена даже заострился от напряжения нос, когда он спрашивал это. Чему Настасья нисколько не удивилась. То, что разработал её дед — это было супероткрытие, *бомба*. Даже в не завершённом ещё виде.

— Диск был защищён паролем, — сказала она (*имя любимого писателя твоего отца задом наперед*). — Потому-то мне и пришлось обратиться к тому человеку — владельцу пса. Дедушка записал пароль на листке и положил его вместе с диском в сумку, где были наши с Иваром вещи. Но... из сумки всё выпало.

— Когда ваши соседи по дому вас преследовали. — Розен явно был в курсе событий той ночи.

— Да, — кивнула Настасья. — И в темноте мы с Иваром мало что смогли подобрать. Винчестер — да, подобрали. А бумажка с паролем куда-то запропала.

Настасья сама подивилась тому, как легко ей дается вранье.

— И тот собачник — он был хакер? — спросил Розен.

— Кто-кто? — не поняла Настасья.

— Словом *hacker* до информационной инволюции называли компьютерных взломщиков.

— А, ну да: он обещал подобрать пароль к диску.

— И где вы с этим человеком познакомились?

Соврать об этом было проще всего.

— В госпитале, куда вы меня тогда привезли, — сказала Настасья. — Он там работает... или *работал* специалистом по компьютерной диагностике. И он уверил меня, что с этим диском разберется. Только сказал: ему может понадобится помощь каких-то его друзей. Так что он дал мне денег и велел переходить границу без него. И ждать его потом здесь, в этом мотеле. — Из фильмов и книг Настасья знала, что ложь всегда лучше прятать среди правды. — Я заподозрила тогда: он хочет забрать дедушкин диск и продать, а меня оставить ни с чем. Но он как будто прочел мои мысли. Сказал, чтобы я взяла с собой Гастона — его пса. Дескать, за псом-то он в любом случае вернется.

Ньюф услышал свое имя: приподнял голову и пошевелил передними лапами.

— Может, еще разок в эту псину пальнуть? — спросила Сюзанна-Клементина, заметившая его пробуждение. — Пока он кому-нибудь из нас горло не перегрыз.

— Сюзанна права, — заметил Розен. — Этот пес отнюдь не безобиден.

— Если вы оба так его боитесь, — сказала Настасья, — давайте я его привяжу к батарее электроотопления.

— Чем привяжешь-то? — спросила Сюзанна. — На нем нет ни поводка, ни ошейника.

— Привяжу его платком, который у него на шее. И покажу вам узел. Да вы и сами сможете подойти, проверить — хорошо ли Гастон привязан.

— Ладно, привязывайте, только побыстрее, — сказал Розен.

Настасья встала с кровати и подошла к Гастону:

— Поднимайся, мальчик!

Пес тут же вскочил на лапы — но его качнуло при этом. Как видно, снотворное всё еще оказывало на него остаточное воздействие. «Нужно выгадать еще немного времени», — подумала Настасья. Она подвела Гастона к батарее — холодной в это время года, — сняла с ньюфаундленда бандану и, пропустив её между двух батарейных секций, завязала концы прямым узлом на песьем загривке.

— Вот, — она отстранилась, показывая узел Розену, — видите? Хотите — подойдите сами, проверьте.

— Я вижу, что узел надежный, — сказал тот — подходить не стал.

И Настасья перевела дух.

8

Розен снова уселся на диванчик у входа в ванную комнату — рядом с рыжей Сюзанной, которая всё-таки перевязала ему повторно руку. И сейчас бросала на него напряженные — словно бы ревнивые — взгляды. Очевидно, она уже считала остзейского немца своей собственностью. Неспроста же они обращались друг к другу на «ты».

— Ну, теперь мы можем продолжить, я надеюсь? — спросил сенатор. — Как зовут этого загадочного хакера? Только не говорите, что он вам не представился.

— Имя его я знаю, но и только. Он просил называть себя Макс. — Настасья решила придерживаться тактики наименьшего вранья.

— Макс? — Розен подозрительно оживился. — А фамилию свою он вам, стало быть, не назвал?

— Нет, не назвал.

— Как интересно! — Сенатор здоровой левой рукой вытянул из кармана листок бумаги, сложенный вчетверо. — А эту бумажку дал вам он?

Он развернул листок и поднес его к самому лицу девушки — как давеча капсулу, в руки ей не передавая. И Настасья наконец-то увидела, *что* написал Макс в своей записке, в которую она не должна была заглядывать раньше, чем через двое суток.

Несколько рукописных строк удивили её настолько, что она дважды их перечитала. «Да неужели же такое возможно?» — мелькнуло у неё в голове. Но тут же она сказала:

— Этот листок дал мне дедушка. Он — из тех вещей, которые нам с Иваром удалось тогда подобрать с земли.

Розен коротко кивнул — возможно, в ответ на какие-то собственные мысли.

— А теперь — самый главный вопрос, — проговорил он. — Сколько, по-вашему, стоит ваша жизнь и дальнейшее благоденствие, дражайшая Настасья Филипповна?

— Вы хотите обменять мою жизнь на винчестер, которого у меня даже нет с собой?

— Я хочу *купить* его у вас, когда здесь объявится ваш знакомец — Макс.

— Но я даже не знаю, когда именно он объявится, — сказала Настасья. — Потому я и сняла номер в мотеле на неделю. Можете проверить.

— Только не пытайтесь меня убедить, что вы с Максом не обговорили способ связи на экстренный случай.

Сердце у девушки учащенно заколотилось.

— Обговорили, да, — после паузы, словно бы нехотя произнесла она.

— Ну, и?..

— Здесь, в мотеле, есть терминал экспресс-почты. А у этой почты правила: о получении посылки отправитель всегда может узнать, если введет код почтового отправления. — Девушка порадовалась, что накануне прочла все правила пользования почтоматом, когда отсылала кое-что в Москву — на Единый новостной канал Евразийского телевидения.

— И что дальше?

— Макс отправил мне посылку на адрес этого мотеля — просто пустую коробку. Если всё пойдет по первоначальному плану, я её не должна получать. Но если мне понадобится срочно его увидеть, то я заберу посылку из терминала. А Макс будет ежедневно отслеживать судьбу своего отправления, и в этом случае немедленно прибудет сюда.

Настасья подумала, что на сей раз вранье у неё получилось малоубедительное, шитое белыми нитками. Но — сенатор, похоже, купился и на эту байку.

— Отлично! — Розен поднялся с диванчика. — Тогда поступим так. Мы с вами вдвоем отправимся сейчас к терминалу, и вы заберете посылку господина Бер... Макса. И не советую вам откалывать какие-нибудь номера или пытаться бежать. Пес — ваш или не ваш — останется здесь. Думаю, вы не захотите, чтобы Сюзанна его *усыпила* — согласно старому эвфемизму.

Девушка бросила короткий взгляд на Гастона, который напряженно замер возле батареи — будто чего-то ожидая. И пес поглядел на неё в ответ своими темно-янтарными глазами, в которых читалось: «Ты только намекни, и я всё для тебя сделаю». Он явно полностью очнулся от сна.

— Хорошо, идем за посылкой! — сказала Настасья и оглядела комнату.

Сюзанна-Клементина мгновенно поняла, *что* ищет её несостоявшаяся родственница.

— Извини, — она с деланным сочувствием развела руками, — твои кроссовки больше

носить нельзя. Мы думали, ты в них устроила тайник.

— Но не босиком же ей идти, — сказал Розен. — Сними свои туфли и отдай ей.

Сюзанна пробурчала что-то себе под нос, но всё же сняла матерчатые туфли на резиновых подошвах и передала их Настасье. Они оказались той велики размера на три; но всё же она их надела, затянув потуже шнурки.

— Выходим. — Розен подошел к двери номера, распахнул её и первым вышел на улицу.

Настасья сделала к двери несколько шагов, изо всех напрягаясь, чтобы не оглянуться раньше времени. И лишь возле самого порога развернулась всем корпусом и выкрикнула так пронзительно, что у неё самой заложило уши:

— Гастон, спасение висельника!

От её вопля Сюзанна, ковылявшая к диванчику, споткнулась на ровном месте и слету пропахала носом пол. А сенатор невольно отшатнулся от двери — на что и рассчитывала Настасья. Гастон же исполнил свой трюк еще с большей ловкостью, чем тогда — в Общественном госпитале. В один миг он вывернул голову из банданы, подскочил к выходу из номера, и они с Настасьей вдвоем ринулись наутек.

9

Настасья боялась, что проблемы могут возникнуть из-за не зажившей задней лапы Гастона. Но тут она ошиблась. Гастон, даже прихрамывая, всё равно передвигался быстрее, чем она сама в чужих туфлях. Пес раньше неё добежал до угла *собачьего корпуса* мотеля и приостановился — оглянулся на Настасью, словно бы спрашивая: «Куда дальше?»

Колебаться было некогда. Позади уже слышался топот ног остзейского немца, который опаматовался и кинулся за ней и за Гастоном вдогонку. Девушка боялась даже оборачиваться, чтобы не потерять драгоценные секунды.

— За мной! — крикнула она ньюфу и побежала к площадке для выгула собак: единственному месту, которое она успела здесь изучить.

За собачьей площадкой располагалась стоянка личного транспорта посетителей мотеля. И Настасья, выгуливая Гастона, обратила внимание, что там имеется будка охранника. А сейчас в этой будке горел свет. И там, стало быть, можно было найти если уж не помощь, то любопытные глаза и уши — совсем не то, с чем желал бы столкнуться Розен.

— Стойте! — Возглас сенатора прозвучал негромко — подтверждая мысль Настасьи о нежелательности для него лишних свидетелей. — Я не хочу стрелять ни в вас, ни в вашу собаку! Не вынуждайте меня.

Девушка не стала отвечать. Но на всякий случай резко мотнулась вбок — чтобы сбить Розену прицел, если тот и вправду соберется пальнуть ей в спину. Её маневр повторил и Гастон. И они одновременно выбежали на рыхлый песок собачьей площадки, пропитанный антисептиком.

Гастон помчался было дальше — он-то никакого дискомфорта не ощущал! Его широченные лапы с перепонками между пальцев отлично годились для бега и по глубокому снегу острова Ньюфаундленд, и по песку Псковской губернии. Но уже через пару метров он остановился — повернулся к Настасье.

Девушка и на асфальте никак не могла приноровиться к туфлям, которые хлябали у неё на ногах. Что уж тут говорить про песок! Она сразу же запнулась об него пустым носом одной туфли и чуть было не упала. Вприпрыжку, вприскокочку она сумела сделать еще

несколько шагов. И тут Гастон раскатисто гавкнул три или четыре раза — явно предупреждая её о приближении врага.

Настасья не оглянулась: помнила миф об Орфее и Эвридике. И только из последних сил устремилась вперед — к стоянке, к спасительной будке охранника. Пес опять пристроился бежать сбоку от неё. И они почти уже достигли середины площадки, когда Настасья вдруг ощутила, что её левая нога поехала куда-то назад — как будто она наступила носком туфли на какое-то скользкое вещество, похожее на сырую глину. Сперва она даже не уразумела, что это такое. Поняла только тогда, когда растянулась на земле и вляпалась рукой в комок такой же глины. Идеальную прогулочную площадку для собак покрывали безвредные для людей и животных, продезинфицированные собачьи экскременты.

10

Глупо было обращать внимание на подобную ерунду. Однако неприятное открытие отвлекло девушку — отобрало у неё те секунды, которые она сэкономила во время безоглядного бегства. Гастон снова оглушительно залаял и повернул назад. А Настасья не успела ни остановить его окликом, ни даже приподняться и поглядеть, что происходит. Она только услышала очень тихий хлопок выстрела и короткий собачий взвизг. И сама закричала почти синхронно с этим, словно от боли.

Перекатившись на спину, она увидела неподвижный абрис Гастона, черневший на светлом песке площадки. Ньюф лежал на боку, его язык вывалился из приоткрытой пасти и слюни стекали прямо ему на грудь: он снова остался без своего любимого шейного платка. А сенатор, держа *ван Винкля* в опущенной левой руке, уже шел к Настасье — слегка проваливаясь в песок, но всё равно слишком быстро, чтобы пытаться от него убежать.

Но она и не строила больше планов бегства. Когда Розен приблизился к ней, девушка прямо с земли нанесла удар ногой — метя мерзавцу в пах. Вот только носок её туфли был пустым, и она промахнулась: угодила сенатору в верхнюю часть бедра. Розен поймал Настасьину ступню — левой рукой, для чего ему пришлось отбросить *Рипа ван Винкля*. И разразился еще одним немецким ругательством.

Настасья дернула ногой — один раз, потом еще и еще. Негодяй вроде бы собрался её отпустить; по крайней мере, девушке так показалось. Однако потом, будто поколебавшись мгновение, он ухватил её ногу крепче: уже не за ступню, а за голень. И проговорил сдавленным, заметно изменившимся голосом:

— Лучше не дергайся.

И Настасья ощутила, что её желудок скручивает спазм, а в правом подреберье будто начинает шевелиться еж с длиннющими иглами. Голос Розена показался ей *жадным*. Даже не так — *жаждущим*. Она подумала: голос противный, как собачьи какашки. Но эта мысль ничуть её не рассмешила. Она хотела сказать: «Отпусти меня, или я закричу!» Но потом решила — да какого черта? И завизжала сразу, без предупреждения — надеясь, что её услышит если уж не охранник в будке, то кто-нибудь из жильцов *собачьего корпуса* мотеля.

Точнее, она *попробовала* завизжать. С её губ успел сорваться только коротенький, как икота, тонкий звук. А в следующий миг сенатор уже рухнул на неё всем своим телом: навалился, зажимая ей рот перевязанной правой рукой. И это было умно, следовало признать. В другую его руку Настасья вцепилась бы зубами — не хуже Гастона. А прокусить толстую бинтовую повязку нечего было и пытаться.

— Ну, тише, тише, — произнес Розен, слегка задыхаясь. — Я не хочу делать тебе больно.

Тело его закаменело, напряглось. И даже сквозь двойной слой одежды — своей и его — Настасья ощущала жар, исходивший от его кожи. Чего хочет сенатор — ей было ясно. Да, Ивар Озолс, её названный жених, и вправду никогда не пытался овладеть ею. Однако она еще успела побродить по просторам Глобалнета — до его отключения. Так что представляла себе, как происходит физическое соитие между мужчиной и женщиной. И понимала, почему под брюками у сенатора образовался словно бы твердый узел, упирающийся ей в живот.

Настасья начала извиваться, пытаясь сбросить с себя Розена. Но тот был раза в два тяжелее, чем она, и вряд ли даже заметил её усилия. Он запустил свою левую руку под её свитер и начал водить ею по Настасьиной груди, по животу и даже по ключицам. Она просто не понимала, как его рука могла оказаться такой *длинной*? И почему дыхание его сделалось таким тяжелым, как будто он только что пробежал дистанцию марафона? Настасье всё это казалось нереальным, подобием дурного сна. И нужно только чуть-чуть постараться, напрячь силу воли, чтобы проснуться. Тогда всё это разом закончится — растает, не будет иметь никакого значения.

А Розен медленно, будто нехотя, вытащил руку у неё из-под свитера и, потянувшись к её волосам, выдернул из них заколку. Черная грива Настасьиных волос тяжелой волной растеклась по заделанному собаками песку, и мужчина провел рукой по её волосам — раз, другой, пропуская их через пальцы своей левой руки, как через гребенку с толстыми зубьями. Волосы упали девушке на глаза, и она перестала видеть гнусное лицо Мартина Розена, на котором застыло какое-то отрешенное выражение.

А потом сенатор, ведя рукой по её длинным прядям, дотянулся до молнии на её джинсах и начал дергать застежку вниз. Настасья подумала: джинсы Макса ей велики, и Розен мог бы и так стащить их с неё. Но ему это, очевидно, просто не приходило в голову. Он только дергал молнию, которую заело, потому как на ней не хватало двух зубцов.

И, как только Настасью посетило это простое и ясное воспоминание о поврежденной застежке, ощущение нереальности происходящего внезапно отхлынуло от неё. Разом пропало. Сквозь завесу своих густых волос Настасья ясно увидела лицо сенатора — который не смотрел на неё: опустил глаза книзу, чтобы понять, почему не желает поддаваться замок металлической молнии? Он даже слегка ослабил давление перебинтованной ладони на её рот. И девушка ударила его: лбом в переносицу, так сильно, как только смогла — хоть она только утром сняла со лба пластырь «Медный пятак».

Розен даже не вскрикнул — хрюкнул. И скатился с неё наземь. Кровь, казавшаяся почти черной в вечерних сумерках, потекла из обеих его ноздрей по его губам и подбородку. А Настасья вскочила на ноги и, пошатываясь, сделала два шага к отброшенному сенатором пистолету. Даже наклонилась, чтобы его поднять. Но ей снова ей не хватило нескольких секунд.

Она поняла, что Розен очутился рядом, только тогда, когда он просунул руки ей под мышки и завел скрещенные кисти ей за шею. Настасья мгновенно вспомнила, как этот приемчик называется: *двойной нельсон*. Она видела такое на спортивном канале Балтийского телевидения. Сенатор ухитрился выполнить этот прием даже с перебинтованной правой рукой.

— Сюзанна сразу предлагала тебя продать колберам. — прошипел он ей в самое ухо. — Но ты такая красивая!.. Тогда, на мосту, ты была грязная, вся в крови, и я даже не заметил

этого. Зато сегодня — заметил. И я ведь собирался обойтись с тобой *по-хорошему!*

Девушка его почти не слышала. Стараясь отогнать подступавшую дурноту, она пыталась припомнить: как же освобождались борцы вольного стиля от подобного захвата — двойного нельсона? И возможно ли это было? Она чувствовала, что её шея вот-вот переломится, как старый грифельный карандаш.

— Ты думаешь, я *этого* хотел? — в ухо ей шептал сенатор. — Нет, у меня *такого* и в мыслях не было. Это ты во всем виновата. Ты нарочно меня возбуждала! — И он со всей силы надавил на шейные позвонки Настасьи.

Боль горячим взрывом прокатилась по всему её позвоночному столбу, отдалась в глазах и зубах, добралась до кончиков пальцев и даже до мочек ушей. Казалось, негодяй собирается даже не сломать ей шею, а отделить её голову от туловища. Перед глазами у Настасьи потекла черная река, и она поняла, что вот-вот эта чернильная мгла её поглотит. После чего Мартин Розен сотворит с ней всё, что ему заблагорассудится.

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится, — начала она мысленно произносить слова из псалма, который каждый день читал вслух её дедушка. — Речет Господеву: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятжена, плещма Своима осенит тя... [1]»

Но те стихи псалма, которые шли дальше, она не то, чтобы забыла: её мозг просто начал отключаться. Перестал формировать связные мысли. Боль и тьма сокрушили её, не давая ни думать, ни дышать, ни издать хоть один звук.

И вдруг — всё прекратилось. Сенатор так резко и внезапно перестал давить на её шею, что это прекращение боли оказалось почти таким же мучительным, как сама боль.

— Розен! — будто из дальней дали долетел до Настасьи молодой мужской голос — звонкий и яростный. — Смотри, что у меня есть!

[1] *Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя... Псалтирь (90; 1–4).*

Глава 13. Люди и манекены

30–31 мая 2086 года. Четверг и пятница
Лухамаа. Балтийский Союз
Псковская губерния. Евразийская конфедерация

1

Макс чувствовал себя странно, но это была прекрасная странность. Так он сам определил для себя это состояние. За его жизнь это была уже вторая трансмутация, и обстоятельства первой ему даже вспоминать не хотелось. Однако теперь он всё ощущал иначе. И даже — стыдясь этого — начинал признавать справедливость наименования, которое Денис Молодцов дал учрежденной ими корпорации: «Перерождение».

Он и вправду будто переродился: снова стал восемнадцатилетним юношей. Хотя и остался при этом самим собой: отгородившимся от всех одиночкой тридцати четырех лет от роду, пережившим и славу, и падение, имевшим когда-то весь мир в кармане — и потерявшим теперь даже отеческую фамилию. Но — прекрасное как раз в том и состояло, что неизбежность всех этих потерь внезапно утратила для него остроту. Это было воспоминание о том, какую горечь он ощущал, но не о самой горечи.

И главное: в своей новой ипостаси он посмел вообразить, что его жизнь еще не закончена! Что будто бы он еще сможет исправить всё — ну, или хотя бы что-то. Он столько времени прятался: строил для себя, как речной бобр, неприступные хатки с тайными входами, делал запруды на своей реке и возводил плотины. А теперь настало время поискать себе другую реку — и построить на ней что-то иное.

Эта мысль: о необходимости искупить вину, выправить кривое, переписать набело всё вымаранное — была первой, какая пришла ему в голову, когда очнулся поздним днем 29 мая в своем заляпанном грязью внедорожнике. И посмотрел на себя в зеркало ясным, не замутненным болью и лекарствами взглядом.

Он увидел в зеркале не себя, а Ивара Озолса, погибшего жениха Настасьи Рябовой. Но когда он поднял к лицу *не* свою руку, то его зеркальный двойник в точности скопировал его движение. И, когда он вздрогнул и поморщился от прикосновения к свежей ранке на правом виске, его двойник проделал то же самое. Прекрасный юноша, расставшийся с жизнью два дня тому назад, стал теперь *им*. И Макс понимал, что просто не имеет права провалить всё снова — не воспользоваться шансом, который он получал уже в третий раз.

Пошевелившись, он услышал, как что-то перекатилось по полу электрокара. А когда посмотрел вниз, то увидел опустевшую зеркальную капсулу. Она не разбилась, уцелела.

— Спасибо тебе, Ивар, — прошептал Макс. — Ты был героем, настоящим рыцарем без страха и упрека. И я тебя не подведу.

«И тебя, Настасья, не подведу тоже», — прибавил он мысленно. Теперь, когда он стал так похож на её погибшего жениха, он боялся произнести её имя вслух.

Преображенный доктор Берестов снова убрал капсулу в кобуру из-под *Рина ван Винкля*, достал походную аптечку и наклеил белый квадрат «Листа подорожника» себе на висок. А потом вытащил из кармана расческу и зачесал на виски густые кудри Ивара — скрывшие пластырь от любопытных глаз.

— Пойдет, если не присматриваться, — решил он и вышел из электрокара, забрав с заднего сиденья оба дробовика. Их он сунул в багажник, прикрыв каким-то брезентом, валявшимся там. После чего завел машину, вывел её из-под шатра бузинных веток с еще зелеными ягодами и поехал по направлению к пропускному пункту Лухамаа.

Паспорт Ивара был при нем — вместе с пачкой червонцев Евразийской Конфедерации. И границу он пересек без всяких препон, даже помощь его прежних знакомцев на пропускном пункте не понадобилась. Если бы он выглядел на свой прежний возраст, на него, пожалуй, поглядывали бы удивленно из-за джинсов и куртки, которые стали ему коротки: Ивар явно был выше ростом, чем прежний Макс. Однако восемнадцатилетний юноша, выросший из своей одежды, ни у кого недоумения не вызывал.

2

Макс прибыл в «Сириус», когда уже начинало смеркаться. И, оставив свой внедорожник на стоянке, огляделся по сторонам — не видно ли где Настасьи? Глупо, конечно, было рассчитывать на это — когда он сам велел ей сидеть в номере; но ведь рядом со стоянкой была расположена площадка для выгула собак, и девушка могла бы выйти туда вместе с Гастоном. Однако ни её, ни своего ньюфа доктор Берестов не увидел. И поспешил к административному корпусу, о местоположении он был прекрасно осведомлен: ему не впервой было этот мотель посещать.

— Здравствуйте, меня зовут Андрей! — с дежурной улыбкой повернулся к нему парень за стойкой. — Чем я могу вам помочь?

Макс объяснил ему, *чем*. И молодой портье проявил невероятную сговорчивость и полную готовность содействовать ему во всем. Новый вид Макса ничуть его не обманул: Андрей сразу уразумел, что внешность юноши принадлежит человеку, который на деле старше его самого. И портье, даже не заглянув в паспорт гостя, спросил его имя-отчество, после чего стал почтительно обращаться к нему: *Максим Алексеевич*.

Вот только — они чуть было не опоздали. Когда Андрей узнал от своего нового нанимателя, кто именно ему нужен, то проявил серьезную обеспокоенность.

— Про эту девушку здесь уже расспрашивал один тип — прибалт какой-то, — сказал он. — Узнавал, в каком номере она поселилась.

Бессмысленно было спрашивать, сообщил портье эту информацию прибалту или нет. Ясно было, что сообщил.

— Но, я надеюсь, — сказал Макс, — вы не откажетесь принять *от меня* небольшую сумму — в качестве авансовой платы за содействие в поисках этой девушки? — И он выложил на стойку четыре банкноты по пятьдесят червонцев каждая.

Андрей, порозовевший от радости, тут же эти деньги сгреб. И через минуту уже шел вместе с Максом к его внедорожнику, откуда они забрали оба дробовика и поспешили в Настасьин номер. Где и обнаружили босую рыжую дамочку, которая при их появлении впала в истерику и принялась орать, тыча пальцем в Макса:

— Ты же умер! Тот сукин сын сказал мне, что ты *умер!* Хотя ведь он сказал, что и дед Настасьин — *тоже* умер. Как же это я не поняла, что он врет?

Макс тут же догадался, *кто* перед ним, хоть Настасья и описывала старшую из двух сестер Ивара иначе. Удивился он только этому «тоже» — относившемуся к профессору Королеву. Но сейчас некогда было разбираться с этим.

— А ну, прекрати голосить! — рывкнул на дамочку Макс. — И говори, где Настасья, пока я башку тебе не снес! — И он качнул стволом дробовика перед её лицом.

— Убежала! — прогнусавила рыжая. — С этим поганим кобелем!

— Что значит — *убежала с кобелем*? С ньюфаундлендом? С большим черным псом?

— Нет! За ней побежал этот кобелина Розен! Ну, то есть да: тот кобель черный, здоровенный — он тоже побежал с ней вместе.

Тогда-то с улицы и донесся бухающий лай Гастона, а потом — его короткий взвизг.

— У тебя есть мастер-ключ? — Макс быстро повернулся к портье.

— Есть — универсальный мастер-ключ. — В голосе парня послышалась гордость. — Подходит не только для дверных замков, но и для любых транспортных...

— Да, да, я знаю! Тогда запри рыжую в номере и беги за мной следом! — И Макс выскочил за дверь — в сгущающийся сумрак.

В какую сторону бежать, он не знал. Гастон больше не лаял, и не доносилось вообще никаких звуков, которые помогли бы сориентироваться. Так что Макс припустил вокруг корпуса для собачников, крутя головой. И — на собачьей площадке позади здания он разглядел несколько темных пятен. В одном, неподвижном, он узнал своего пса. А в двух других, движущихся — мужчину и девушку.

Сделав небольшой крюк, Макс побежал к ним сбоку. Рыхлый песок приглушал его шаги, и ни один из этих двоих его не заметил. Но и сам он разглядел обидчика Настасьи, только оказавшись от него в трех или четырех шагах. Мартин Розен, выдающийся политик и основатель секты добрых пастырей, был страшно увлечен тем, что пытался сломать шею барышне Рябовой. И заметил присутствие Макса, только когда тот прижал ему к сонной артерии дуло дробовика.

— Розен! — закричал Макс — изо всех сил сдерживая себя, чтобы не спустить курок сразу же. — Смотри, что у меня есть!

3

«Ну, дай мне повод!» — подумал Макс.

Но сенатор дураком не был: сразу же вскинул руки раскрытыми ладонями вверх. А Настасья, едва только мерзавец её отпустил, потеряла равновесие — упала на колени, упершись обоими кулаками в землю. Она хотела повернуть голову, посмотреть на своего избавителя, но только ойкнула — явно от боли, и попытку повторять не стала.

— Макс? — позвала Настасья, по какому-то наитью опознавшая его. — Это ты?

— Это я, — отозвался Макс, у которого чуть не разорвалось сердце, когда он услышал, каким слабым и сиплым стал её голос. — Ты порядке? Что эта падаль тебе сделала?

— Он пытался... — Настасья сбилась, поперхнулась воздухом и начала снова: — Он пытался изнасиловать и убить меня. И мне кажется, он убил Гастона. — Она судорожно всхлипнула.

— Вот как? — У Макса в висках запульсировала кровь, и страшно заболела рана от инъектора, но говорил он почти спокойно, и дробовик в его руках не дрожал. — Это, пожалуй, потянет на принудительную экстракцию. И уж, как минимум, на химическую кастрацию — за попытку изнасилования несовершеннолетней!

— Ей уже исполнилось восемнадцать, я видел документы! — с искренним возмущением воскликнул Розен. — А пса этого я не убивал. Уверен, что он жив — просто спит. Такой

мастодонт и три усыпляющих заряда запросто переживет!

— Вот и ты у меня сейчас *просто уснешь*, — сказал Макс, а потом ловко перехватил ружье за ствол и засветил доброму пастырю прикладом в висок.

Мартин Розен обмяк и рухнул лицом вниз на загаженную собаками площадку. А Макс, даже не поглядев на него, закинул дробовик за спину и кинулся к Настасье. Девушка повернулась к нему — всем корпусом, упираясь правым кулаком в песок. И замерла в такой позиции — чуть приоткрыв рот, как если бы беззвучный потрясенный возглас замер у неё на устах.

Макс застыл в полушаге от неё — не решаясь приблизиться. Но Настасья вдруг вскочила на ноги — откуда только силы появились! — бросилась к Максиму и обняла его. Обхватила его руками, уткнулась носом ему в шею, втянула в себя его запах.

«Кого же она обнимает: меня или Ивара?» — подумал Макс. Но тут Настасья запрокинула лицо и потянулась одной рукой к его затылку, запустила пальцы в его новые волосы: темные кудри. И — ждать он уже не смог: первым поцеловал её. Совсем не братским поцелуем. И сжал её в объятиях.

XV. Поцелуй

— Слава Богу, у тебя получилось, — прошептала она. — Я так рада тебя видеть!

И опять какой-то злобный бесенок зашептал в голове у Макса: «Она рада видеть — *тебя*? Или *его*? Она даже по имени тебя не назвала, когда увидела». Однако он этого бесенка

прогнал. В тот момент ему было всё равно, кого в нем видит Настасья Рябова, обнимая и целуя его. Он-то знал, кого он обнимает и целует: лучшую девушку на свете.

Он представил, как несколько минут назад Розен лапал её, и у него возникло нестерпимое желание: снова схватиться за дробовик и теперь уже не махать его прикладом, а разрядить его в голову сенатора. Возможно, он бы и прикончил его прямо здесь — на собачьей площадке. Но тут к месту действия подоспел ночной портье: послышалось его деликатное покашливание. И они разжали руки: сперва — Настасья, потом уже — Макс, нехотя.

— Запер ту рыжую, как вы и велели, — доложил Андрей. — Сдадим городовым эту парочку, Максим Алексеевич?

— Может быть, и сдадим, — отозвался Макс. — Но позже. А пока принеси мне походную аптечку из моей машины. Этого мерзавца еще нужно будет приводить в чувство. И моего ньюфа — тоже.

— А мне, если можно, найдите какую-нибудь чистую одежду, — попросила Настасья.

— Мигом всё сделаю! — пообещал портье, отдал Максу второй дробовик и рысцой пустился прочь.

А когда он отдалился на порядочное расстояние, Настасья повернулась к Максиму:

— Если Розен спросит про диск — увиливай, темни, — сказала она. — Я потом тебе всё объясню.

О каком диске она ведет речь — было неясно. Но Макс испытывал слишком сильное смутение, чтобы расспрашивать её. Он думал об их с Настасьей поцелуе — который, возможно, предназначался не ему. Он переживал за Гастона — к которому поспешил подойти. И еще: он страшно сожалел, что ударил Розена прикладом *недостаточно* сильно.

4

Макс усадил очухавшегося Розена вместе с рыжей дамочкой на диванчике в Настасьином номере, а затем стянул им обоим запястья и лодыжки сверхпрочным скотчем из бионейлона. Настасья, уже успевшая принять душ и переодеться в немудрящую новую одежду, всё это время держала их на прицеле *Льва Толстого*. Да и пробудившийся Гастон увивался рядышком. Сенатор давеча не соврал: пес просто спал. А широкое применение усыпляющих зарядов привело к тому, что Макс держал в своей аптечке подходящий антидот, который он и ввел ньюфу.

Сверхпрочный скотч им только что принес ночной портье Андрей, который весь вечер носился, как борзая за механическим зайцем. До этого он, доставив Максиму аптечку, побежал обратно в административный корпус, где имелся небольшой магазинчик для постояльцев. Там портье подыскал для Настасьи пару футболок, шорты и какие-то шлепанцы на липучках, а заодно и пластмассовую заколку для её роскошных волос. И Макс подумал: прежде чем они отправятся к месту назначения, нужно будет прикупить для девушки одежды и обуви.

— Тебе, наверное, нужно вернуться к себе на ресепшен? — обратился к Андрею Макс.

— *За конторку*, — поправил его парень. — Но — да: вернуться надо.

Он уже долго отсутствовал на рабочем месте, но явно утешался тем, что полученные этой ночью доходы многократно перекроют возможные вычеты за прогул. А увольнять работников никто не решался по обе стороны границы: где было взять новых? *Депопуляция* — таким словом называли это ученые хмыри. Вымирание человечества — вот что на самом

деле происходило в мире после того, как гениальный генетик Берестов совершил свое эпохальное открытие.

— Если вам что-то понадобится, — сказал Андрей, уходя, — вы только наберите на гостиничном телефоне «0», и я тут же примчусь.

Когда парень вышел, Макс подошел к двери и запер её электронным ключом-картой.

— Не понимаю! — пробурчал Розен. — Почему он предал меня? Я же дал ему денег.

— Ты дал ему денег, — осклабился Макс, — а я дал ему *много* денег.

Говорить этой гниде «вы» он уж точно не собирался. «А собираюсь ли я оставить его в живых — вот в чем вопрос?» — подумал он. Всем сердцем доктор Берестов желал сейчас одного: убить негодяя. Каковы бы ни были резоны против этого.

Макс подошел к Настасье и забрал у неё дробовик.

— Пойди — приляг, — сказал он ей.

Настасья — всё еще бледная после свалившихся на неё злоключений — опустилась на широкую, почти квадратную кровать и укрылась гостиничным пледом. А Гастон пристроился рядом на ковре. На Макса пес взирал со странным выражением: со смесью узнавания и недоверия. Пока он явно его дичился, и Макс не хотел торопить ньюфа. Один раз тому уже пришлось пережить подобный стресс: *изменение* своего хозяина. Так что — рано или поздно Гастон должен был признать его и в этом новом облике.

Макс выдвинул кресло и сел так, чтобы видеть всю спальню гостиничного номера целиком. «Лев Толстой» при этом словно бы сам собой шевельнулся в его руке, а правый висок Макса полыхнул болью.

— А откуда у тебя деньги, Ивар? — вдруг подала голос рыжая Сюзанна; это вопрос явно занимал все её мысли.

— Ивар теперь — мертвое безликое существо, — сказал ей Розен, но рыжая будто и не услышала его.

— Зря я тебя откачал, — раздумчиво проговорил Макс; сам того не осознавая, он уже прикидывал: будет ли слышен глухой хлопок «Льва Толстого» в соседних номерах?

— Может, и зря, — подала голос Настасья со своей кровати. — Он, похоже, еще и с колберами якшается. Уж больно быстро он устроил трансмутацию Сюзанны. Да и сейчас у него при себе капсула с экстрактом какой-то бабки. Он грозился, что *преобразит* меня в неё.

Голос Настасьи немного отвлек Макса от мыслей об убийстве, и он чуть повернул к ней голову, не выпуская из поля зрения двоих пленников.

Настасья не глядела на него. Она вообще старалась на него не глядеть после их объятий и поцелуя на собачьей площадке. Но, если Макс какое-то время не смотрел в её сторону, а потом вдруг поворачивался к ней, то неизменно ухватывал самый краешек её взгляда, который она тут же от него отводила. Вероятно, этот взгляд предназначался вовсе не ему: взгляд, полный нежности и невероятной боли. Не имел он права на такие взгляды Настасьи. И всё равно — его так и тянуло встретиться с ней глазами, прикоснуться к ней хотя бы мысленно.

— Я эту капсулу видел, — кивнул Макс.

Она, вместе с несколькими другими вещами из карманов сенатора, лежала сейчас на журнальном столике рядом с громоздким проводным телефонным аппаратом. Одна из отобранных у сенатора вещей и являлась тем резонансом, из-за которого Макс *не должен* был эту гниду убивать.

— Я думаю, нам следует сдать этих двоих вместе с их капсулой конфедератской

полиции, — сказала Настасья. — Там наверняка заинтересуются ими обоими.

Однако у Макса имелись иные планы. Иные — даже по отношению к тому, чтобы разнести несостоявшемуся насильнику голову выстрелом из «Льва Толстого».

— Мы, конечно, можем передать их полиции, — сказал Макс. — Но, возможно, у этого ушлепка имеется нечто, что может нам с тобой пригодиться.

— Полагаю, это у вас с Настасьей Филипповной есть нечто, что могло бы всем пригодиться, — бесцеремонно заявил Розен. — И я имею в виду не только ваш блестящий интеллект, милостивый государь.

Сенатор со своей формальной немецкой вежливостью продолжал, невзирая ни на что, говорить Максиму «вы».

— Заткнись, Розен, — сказал Макс; он только теперь вспомнил, что Настасья говорила ему про какой-то диск, и пожалел, что не расспросил девушку о нем, пока была такая возможность.

Но добрый пастырь затыкаться не собирался. И про блестящий интеллект Макса он упомянул, как оказалось, совсем не в ироническом смысле.

— Ваше лицо раньше выглядело иначе, — сказал он. — И я мог бы и не догадаться, *кто* вы. Однако кое-что мне помогло. — Розен повернулся к Настасье: — Та записка, которую я вам показал — вы ведь соврали, что её написал ваш дед.

От ярости висок Макса снова ожгло болью: эта пададь Розен обращался на «вы» — как ни в чем не бывало! — и к Настасье. И это — после всего, что он сделал и *не успел* сделать с ней! Макс даже не сразу уразумел, о какой записке сенатор ведет речь. А тот продолжал вещать:

— Я знаю руку вашего деда: видел его записи в университет. И тот адрес написал не он. Однако почерк мне всё же показался знакомым. И я вспомнил, откуда. Трансмутация на почерке не сказывается. А в сенате Балтсоюза еще в 1977 году выступал именитый гость — генетик Максим Берестов. Он приезжал в Ригу вместе со своим коллегой Денисом Молодцовым и его отцом, который ту поездку и организовал. И господин Берестов лично для меня надписал тогда свою книгу — «Перерождение мира».

Макс не смог вымолвить ни слова, когда Розен с выжидательным выражением уставился на него. Так что, не дождавшись никакой реакции, сенатор снова обратился к Настасье:

— Я эту книгу частенько перечитывал после... ну,неважно, после чего. И хорошо запомнил почерк автора: он был очень характерным. Точь-в-точь как в той записке, где значились имя и адрес: *Берестов Алексей Федорович, Москва, улица Большая Никитская...* И никто, кроме вашего друга, мнимого хакера, вам эту записку дать не мог. Так что прошу любить и жаловать: перед вами — Берестов Максим Алексеевич, собственной персоной.

5

Макс быстро глянул на Настасью — ожидая увидеть ужас на её лице. Но нет: юная красавица даже бровью не повела. Заявление Розена вовсе не сразило её наповал — на что тот явно рассчитывал.

Заметно разочарованный, сенатор обратился уже к самому Максиму:

— Именно вы в ответе за нынешний общемировой бардак!

Макс видел, как изгибались тонкие губы остзейского немца, когда тот произносил эти

слова. И как натягивалась на скулах его кожа с отросшей седоватой щетиной. Но сами слова Розена едва расслышал: он изо всех сил сосредоточивал внимание на мельчайших деталях внешнего облика сенатора, чтобы не позволить разуму упустить контроль над руками — не застрелить эту пададь прямо сейчас.

И тут Настасья повернулась к Максусу:

— Когда Розен обыскивал мои вещи, то нашел записку, которую ты мне передал. Ту, где указано имя твоего отца: Берестов Алексей Федорович. И показал её мне. Я сама её не разворачивала — пусть даже мне и хотелось. Но вот что удивительно, Макс. — (Она впервые назвала его по имени после того, как увидела в новом облике). — Это имя — Алексей Берестов — упоминал и мой дедушка. Он, кстати, никогда не верил слухам о том, что ты умер. И частенько говорил, что хотел бы отправиться в Москву, чтобы встретиться с твоим отцом. Не догадываешься, зачем?

— Да чтобы узнать, как можно связаться с его беглым сынком-гением, у которого, я думаю, ваш дед хотел попросить совета насчет своих разработок, — сказал Розен — хоть его никто и не спрашивал. — Он и в своих инструкциях написал, что вы с Иваром должны будете передать *кое-что* Алексею Берестову — при условии, что он сам, Петр Королев, этот предмет вам передаст.

— Так ты — *не* Ивар? — воскликнула вдруг Сюзанна-Клементина. — Ты *тоже* прошел трансмутацию?

— Вот уж русская поговорка не врет, — пробормотал Розен. — До некоторых всё доходит — как до жирафа, на пятые сутки...

— Не убивай его, — проговорила вдруг Настасья; за секунду до этого она всё-таки встретила с Максусом взглядом, и, должно быть, что-то такое в его глазах заметила — чего не замечал этот самодовольный индюк Розен. — Если ты его застрелишь, добрые пастыри поднимут его имя на щит — сделают из него мученика за свою веру.

— Да бросьте, Настасья Филипповна! — Розен недоверчиво хохотнул. — Зачем бы господину Берестову...

— Настасья, помоги мне, пожалуйста, с одним дельцем, — перебивая его, произнес Макс. — На минуточку встань и закрой это падали рот скотчем — рулон лежит на тумбочке. А после этого мы без помех поговорим с Сюзанной.

— Не валяйте дурака, Берестов! — возмутился сенатор, но почти тут же Настасья припечатала ему к губам прозрачную полоску клейкого материала.

И Макс наконец-то выдохнул с облегчением — даже чуть ослабил хватку на своем дробовике. Каким-то чудом ему удалось удержаться: не заставить Мартина Розена замолчать окончательно.

6

— Извини, Настасья, — сказала Сюзанна, когда Розен перестал мычать и дергаться — замер с заклеенным ртом в относительной неподвижности. — Я и подумать не могла, что этот кобель полезет к тебе. Мало ему было... — Должно быть, она хотела сказать: *мало ему было меня*; но не договорила, и только одарила своего подельника испепеляющим взглядом.

При слове «кобель» Гастон изумленно вскинул голову. Услышав понятное ему слово, он, казалось, хотел спросить: «Это вы про меня, что ли?» И Настасье, которая снова расположилась на кровати, пришлось успокаивающе потрепать его по загривку.

— Ты *хороший* кобель, — сказала она ему.

А Макс, удивленный, понял: Сюзанну возмутило вовсе не то, что Мартин Розен пытался изнасиловать девочку восемнадцати лет, еще недавно — невесту её брата. Её возмутило, что тот пытался *изменить* ей самой. Но сейчас не это имело значение.

— Как вы добрались сюда так быстро? — спросил он.

— Что? — не поняла Сюзанна.

— Каким транспортом вы сюда добирались?

При этом вопросе Макса сенатор снова что-то промышчал — явно намекая Сюзанне, что той лучше бы помолчать. Но рыжая дамочка предпочла этого не заметить.

— А, это! — протянула она, уразумев, о чем её спрашивают. — Ну, так ведь у него, — она указала подбородком на Розена, — есть свой электрокоптер. И он заранее запросил воздушный коридор для пересечения границы.

Макс повернулся к столику, на который он сложил содержимое карманов Розена. И взял с него тот самый предмет, который давеча заинтересовал его более всех остальных — даже больше, чем работающий мобильный телефон, имевшийся у сенатора при себе. Впрочем, работающим он оставался недолго. Макс вытащил из него сим-карту, после чего шарихнул по мобильнику прикладом дробовика: ему вовсе не хотелось, чтобы Розена при помощи этого телефона отыскивали его прислужники.

— Это — ключ-брелок от электрокоптера? — Макс показал Сюзанне болтавшуюся на цепочке пластиковую подвеску с крохотными кнопками.

— Да. Только он, — (новый кивок в сторону Розена), — говорил, что нужен специальный код, чтобы брелок сработал.

В глазах сенатора на краткий миг мелькнуло торжество. Но Макс даже и не подумал спрашивать его об этом коде.

— А где вы свой коптер оставили? — обратился он к Сюзанне.

И рыжая дамочка, несмотря на ненавидящие взгляды Розена, всё выложила. Макс коротко кивнул: он довольно хорошо знал эти места и понял, о чем речь.

— Настасья, можешь еще минутку подержать этих двоих на прицеле? — обратился он к девушке, а сам взял гостиничный телефонный аппарат и, благо провод оказался очень длинным, вышел с ним в соседнюю комнату.

7

Наверное, им нужно было отправляться в дорогу сразу — прямо на рассвете. Но Макс помнил, что должен еще купить одежду и всё необходимое для Настасьи. А местный супермаркет, как сообщил ему портъё, открывался только в восемь утра. Главное же — Макс никак не мог решить, что же ему делать с Розеном и Сюзанной?

Конечно, Розен стал для него теперь бесполезен. И больше всего на свете Макс хотел снести ему голову. Однако Настасья была права: негодяй не заслуживал того, чтобы оставить по себе память как об убиенном мученике. И еще: сенатор чего-то хотел от Настасьи Рябовой. То есть, понятно, *чего* он хотел — на площадке для выгула собак. Однако ему что-то было нужно от неё изначально, когда он только прибыл сюда из Риги. Поразительно, что именно он встретил её тогда на мосту Европейского Союза! Конечно, он сообщил о ней фон Бергу — как о возможной свидетельнице деяний добрых пастырей. А потом, должно быть, обкусал себе все локти — когда понял, что внучка профессора Королева находилась у него в

руках, да он её упустил. И теперь Макс не мог сдать балтийского сенатора конфедератской полиции, покуда не выяснит, какие карты у того имеются на руках.

Однако спросить об этом самого он политика не мог. Во-первых, тот по-прежнему оставался с заклеенным скотчем ртом — хоть периодически и начинал издавать мычание, явно намекая, что такое положение дел его не устраивает. Он мог мычать до скончания века, это никого не волновало. А, во-вторых, Мартин Розен решил бы, что Макс хочет вступить с ним в торги — по поводу имеющейся у него, Розена, информации. И стал бы ему врать и пытаться выговорить для себя условия освобождения. А начни Розен торговаться с ним — и Макс уж точно учинил бы физическую расправу над этим негодяем, который пытался надругаться над Настасьей. Над девушкой, которую Макс, беглый сын своего отца и *enfant terrible* великой науки генетики, ухитрился полюбить. Да, он больше не желал себя обманывать: он её любил.

Макс напрямую спросил Сюзанну: что именно они искали в номере Настасьи? Нерыжая дамочка могла сказать немного: Розен велел ей искать любые электронные носители информации. Без объяснений, что на этих носителях может находиться.

А Настасья не выказывала охоты расставаться со своими секретами. Раза два или три Макс, улучив минутку, шепотом пытался завести с ней разговор о предмете интереса Розена. Но девушка только сказала ему, что сенатор искал диск, на котором хранилась информация о научных разработках её деда, Петра Королева. И, когда Макс начал допытываться, что это за информация, Настасья лишь пообещала: «Потом всё расскажу». Даже не раскрыла секрет: где она этот диск спрятала? А уж о том, для чего научные сведения могли понадобиться лидеру добрых пастырей, Настасья и сама могла только гадать.

И вот теперь Макс очутился между Сциллой и Харибдой. Он должен был как-то избавиться от Розена и его спутницы — не тащить же их было к Новому Китежу, куда он рассчитывал доставить Настасью уже сегодня? Но вместе с тем он и не решался от них избавиться. Помнил известное правило: держи друзей близко, а врагов еще ближе.

Потому-то он и совершил нелепый, несуразный поступок: повел сенатора и его рыжую пассию в супермаркет, где вместе с Настасьей собирался сделать покупки. Скотч от тонких губ Розена он отлеплять не стал: забинтовал ему вместо этого всю нижнюю половину лица, отчего политик сделался похожим на героя писателя Герберта Уэллса — Человека-невидимку. Иного способа заставить его молчать он не видел. Но руки пришлось развязать и ему, и Сюзанне. Макс показал им обоим пистолет, подобранный вчера на собачьей площадке, после чего спрятал его в карман куртки и пообещал:

— Пошевелите хоть пальцем без моего разрешения — и проснетесь в полицейском участке.

В ранний час большой поселковый магазин, гордо именовавшийся Центром моды и торговли, практически пустовал. С Гастоном их в торговый зал не пустили бы, и ньюфа пришлось оставить в машине: на заднем сиденье, рядом с пакетом, где лежал его корм. Этот пакет, теперь наполовину опустевший, Макс вручил Настасье еще в Балтсоюзе. Но девушка не пожелала бросить его в номере, куда они больше возвращаться не собирались, хоть в супермаркете они могли купить для Гастона новую еду. Так что Макс самолично загрузил собачий корм в машину — благо, она была просторной, и на заднее сиденье смогли еще

затиснуться Сюзанна с Розеном. Которые на парковке перед магазином первыми из машины вышли — стояли рядом с коричневым внедорожником, сбежать не пытались.

Ньюфаундленд пока так и не признал Макса в полной мере. Хотя он уже не дичился его и даже позволял себя погладить, но все же сохранял дистанцию — как по отношению к человеку хорошему, но *не* своему человеку. Макс потрепал пса по голове, прежде чем запереть внедорожник, но Гастон при этом смотрел не столько на него, сколько на стоявшую рядом Настасью.

— Всё хорошо, мальчик, — сказала она. — Мы скоро вернемся.

И они все четверо вошли в торговый центр.

Макс опасался, что все в магазине станут глазеть на них с подозрением, но ошибся. Других покупателей в ранний час не было, а малочисленные продавцы не обращали особого внимания на странноватый вид их четверки.

Розен и Сюзанна, топавшие впереди, вопреки погоде надели тренчкоты, которые Макс забрал из их номера. Требовалось ведь как-то прикрыть имевшиеся на одежде этих двоих пятна крови (и не только крови — учитывая кувырки Розена на собачьей площадке). А сенатор шел, к тому же, с перебинтованным лицом, как после пожара или дорожной аварии. Еще десять лет назад подумали бы: как после пластической операции; но нынче все клиники пластической хирургии разорились — не выдержали конкуренции с продукцией «Перерождения».

Макс, хоть и смотрелся юным красавцем, был облачен в одежду, которая явно не подходила ему по размеру. В своих кургузых джинсах и с вылезавшими из-под манжет куртки запястьями ему было бы сподручно, согласно старинному присловию, *от долгов бегать*. Впрочем, поглядев на себя в одно из зеркал, Макс подумал: пожалуй, такая одежда лишь прибавляет ему экстравагантности. Делает его красоту не такой кричащей. И решил пока обойтись прежними тряпками, не покупать себе ничего нового.

А Настасья, которая вышагивала с ним рядом, выглядела почти неземной красавицей, разве что — смотрелась чересчур бледной. Но одета она была, как для пляжной вечеринки: в майку, шорты и шлепанцы. Поверх майки она надела поношенную косуху Макса — которую одну только и оставила себе из его старой одежды, поскольку этой куртки на ней не было во время стычки с Розеном. Девушка почти не спала минувшей ночью, так что поначалу выглядела вялой и апатичной. Но потом, когда они вошли в занимавший пол-этажа отдел женской одежды и обуви, внезапно ожила.

— *Сколько* же здесь всего! — воскликнула она, озираясь по сторонам. — Дедушка покупал мне всё необходимое, но...

Макс её понял: это было совсем не одно и то же, что ходить по магазинам и делать покупки самой. *Шопинг* — так называли подобное занятие в прежние времена. Но теперь заменили это слово неохаризмом: *отоваривание*. И Настасья принялась отовариваться.

Вначале она страшно заинтересовалась одеждой, в которую были облачены манекены в центре отдела. И попыталась даже снять с пластиковой женщины летнее платье белого цвета с рисунком в виде красных маков. Но тут же к ней подскочила продавщица, до этого щебетавшая о чем-то с кудрявым пареньком, похожим Алешу Поповича, который скучал, сидя за кассой.

Продавщица быстро объяснила Настасье, что раздевать манекен нет ни малейшей необходимости.

— Сейчас я принесу то, что вам понравилось, — пообещала она. — У нас как раз есть

ваш размер.

И она убежала куда-то в дальний конец отдела.

А Настасья тем временем принялась бродить между стойками с одеждой, снимая то одну вешалку, то другую, и перекидывая наряды себе через руку.

— Не стесняйся — бери всё, что захочешь, — сказал ей Макс.

Розена и Сюзанну он заставил встать в центре зала — так, чтобы он мог их видеть, не выпуская и Настасью из поля зрения. А она тем временем добралась до отдела обуви и принялась примерять всё подряд. И Макс отвлекся на целую минуту — пока любовался Настасьей, которая крутилась перед зеркалом в своих пляжных шортиках и туфлях на высоком каблуке. И даже вздрогнул слегка, когда осознал: он позабыл о Сюзанне и Розене! Но, впрочем, почти тут же и успокоился: в центре зала он увидел этих двоих на том самом месте, где он их оставил.

Тут примчалась и продавщица с искомым платьем. Она подхватила в охапку всё то, что Настасья успела для себя выбрать, и повела девушку в примерочную. Макс пошел за ними следом, и на всякий случай снова поглядел в центр зала: Розен и Сюзанна стояли там же и в тех самых позах.

Тут Настасья попросила его:

— Посмотри, пожалуйста, как я в этом выгляжу?

И он занялся оценкой примеряемых ею нарядов — ей всё было к лицу. Периодически Макс взглядывал и на Розена с Сюзанной, однако он был слишком зачарован видом Настасьи в модных нарядах, и отмечал только то, что эти двое стоят неподвижно.

Наконец, девушка выбрала всё, что хотела: и одежду, и обувь, и аксессуары для своих роскошных черных волос. Счастливая продавщица — явно за одно утро продавшая товаров больше, чем за весь предыдущий месяц, — понесла покупки на кассу. А Настасья не стала снова надевать шорты, майку и шлепанцы: сразу переоблачилась в то самое цветастое платье, которое ей так приглянулось, и в босоножки-сандалии.

— А где Сюзанна и *тот*? — спросила девушка.

— Да вон они стоят! — Макс указал рукой на пару в центре зала.

Но тут же рука его сама собой упала, и он застыл на месте — не веря собственным глазам. Теперь, когда он отошел от примерочной кабинки и сменил ракурс обзора, ему стало видно то, чего он не замечал всего минуту назад: *лица* двух фигур. Застывшие и неподвижные: лица манекенов, на которые напялили свои тренчкоты Розен и его сообщница. Они успели даже забинтовать мужскому манекену лицо. А когда Макс — с трудом удерживая рвущиеся с губ нецензурные слова — к этим манекенам подбежал, то заметил полоску скотча из бионейлона, глумливо приклеенную к носу еще одного мужского манекена, стоявшего рядышком.

Макс не мог уразуметь: как Сюзанна с Розеном сумели такое повернуть? Почему сидевший за кассой парень допустил, что эти двое переодели манекены в свои плащи? И почему после этого он беспрепятственно выпустил этих двоих из отдела — не потребовал, чтобы они вернули пластиковым истуканам первоначальный вид?

Но, едва Макс успел подумать об этом, как услышал истошный женский визг.

То есть, это уже потом он понял, что визг был *женский*. А в первый момент ему

почудилось: визжит собака. Жалобно, надрывно и безнадежно — как если бы ей раздавило машиной всю заднюю половину туловища. Только нестерпимая боль способна исторгнуть из живого существа такой звук. И у Макса всё внутри заледенело: он подумал, что это визжит Гастон, потому как ублюдок Розен переехал его на коричневом внедорожнике. Но почти тут же ньюф издали отозвался бухающим лаем: явно уразумел, что случилась какая-то беда. И был это лай физически бодрого, хотя и сильно обеспокоенного пса.

Макс завертел головой, отыскал источник ужасающего визга — и понял, что случилось на самом деле.

Молодой светлокудрый кассир, похожий на Алешу Поповича, больше не сидел за аппаратом на выходе из отдела. Он лежал лицом на кнопках кассы, а из его шеи — с правой стороны, там, где находится сонная артерия, — торчала рукоять ножа, используемого для разрезания упаковки на товарах. Весь кассовый аппарат сделался ярко-алым, кровь с него стекала на пол, а на лице мертвого молодого человека застыло выражение удивления и неверия.

И Макс понял, наконец, *как* беглецам удалось проскочить мимо кассира. Сенатору показалось мало оставить его, Максима Берестова, *с носом*. Он оставил его еще и с кровью этого безвестного паренька на руках.

— Розен! — заорал Макс, заозирался по сторонам — уже отлично понимая, что никого не увидит. — Я до тебя доберусь, гнида!

Ответом ему стал только звук хлопающей на сквозняке двери магазинного пожарного выхода, расположенного точно напротив отдела одежды. Ясно было, что именно через него Розен с Сюзанной и удрали.

А между тем продавщица уронила все вещи, выбранные Настасьей, прямо в лужу крови на полу возле кассы. И начала истерически рыдать, размазывая по лицу черные потеки туши, словно гуашь по листу бумаги. Уж конечно, позвонить в полицию она никак не могла. А на втором этаже поселкового супермаркета никого, кроме них троих, не было — из числа живых людей. Так что, когда с улицы донеслись звуки сирены подъезжающей полицейской машины, у Макса не возникло сомнений в том, *кто* вызвал городских.

— Надо уходить, быстро! — он повернулся к Настасье, которая подняла из груды вещей, что напивались кровью кассира, лежавший сверху белый льняной блейзер — и держала его теперь слегка на отлете, как диковинную рыбу, явно не зная, что делать с ним дальше.

— А? — Девушка глянула на него слегка плывущим взором. — Уходить? Зачем?

Макс, не говоря ни слова больше, выхватил из бумажника несколько банкнот и бросил их прямо на пол — надеясь, что продавщица найдет их, когда немного очухается. А потом схватил Настасью за руку и потянул из отдела одежды и обуви прочь. Манекены словно бы провожали их взмахами своих загорелых рук. А те два, на которых были плащи Розена и Сюзанны, явственно ухмылялись.

И, едва Макс и Настасья выскочили в проход между отделами, как раздался крик:

— Стоять!

Навстречу им бежали двое здоровенных бугаев — в темно-серой полицейской форме, но почему-то без знаков различия. И на их серых фуражках отсутствовали кокарды. Оба они целились в Настасью и Макса из пистолетов: настоящего боевого оружия, а не каких-нибудь *Рипов ван Винклей*.

— Не стреляйте, мы просто свидетели! — Настасья взмахнула своим новым блейзером, словно белым флагом.

И в тот же момент один из стражей порядка пальнул в неё. Макс чуть было не завопил от гнева и ужаса, но пуля только всколыхнула слегка Настасьины волосы, стянутые на затылке новой модной заколкой.

У Макса в обойме *ван Винкля* оставалось всего пять зарядов. И разбазаривать их впустую не мог. Так что он пригнул Настасью к полу, сам склонился в три погибели и, прикрывая девушку собой, потянул её к распахнутой двери пожарного выхода. Им вслед пальнули еще дважды — теперь уже без всяких криков и предупреждений. Но снова промазали: пули пробили стену из гипсокартона чуть выше их голов.

Макс втолкнул Настасью в дверь пожарного выхода, потом — заскочил сам. У него возникла надежда, что ему стрелять не придется вовсе: можно будет забаррикадировать чем-нибудь дверь изнутри и дать деру по пожарной лестнице. Однако работники магазина оказались людьми грамотными и ответственными — ничем не загрождали пожарный выход. Так что возводить баррикаду было не из чего. И даже защелка на двери была выбита — Розеном, надо полагать.

— Замри, не шевелись! — прошептал Макс в самое ухо Настасье, а сам, опустившись на корточки, осторожно выглянул из-за двери.

Прозвучал еще один выстрел, и рядом с головой Макса в дверном косяке образовалась круглая отметина. Но Макс от двери не отпрянул, только склонился еще ниже — и выставил вперед свое оружие. Правда, руки у него ходили ходуном, и даже не от страха. Такой тремор являлся одним из побочных эффектов трансмутации, спонтанно возникавшим у реципиентов. Однако *Рип ван Винкль* не требовал особой точности: обеспечивал крепкий сон при попадании в любую часть тела. Так что Макс дважды подряд нажал на курок.

— Да чтоб меня!.. — Он чуть не шваркнул оружие об пол: оба выстрела прошли мимо цели. Пистолет слишком сильно вибрировал у него в руках.

— Сдавайтесь, птенчики, если хотите жить! — закричал один из якобы полицейских.

Макс даже не понял сперва, почему он *так* обращается к ним с Настасьей. Только мгновением позже до него дошло: они оба выглядят, как вчерашние подростки.

— Ты умеешь стрелять? — одним уголком губ произнес он, общаясь к девушке. — Сможешь в них попасть? Только погоди секундочку: я сделаю кое-что.

Девушка без слов приняла у него *ван Винкля* и опустилась возле двери на одно колено. А Макс взял у неё белый блейзер, свернул в рулон и поднес к дверному косяку.

— По моему сигналу, — прошептал он. — Целься в ноги, не в корпус: на них могут быть бронежилеты. Сейчас! — И он высунул из-за косяка белый сверток — примерно в том месте, где должна была бы находиться Настасьина голова, если бы девушка поднялась на ноги.

Раздался выстрел, и пуля прошила льняную ткань, едва не задев пальцы Макса. И тут же Настасья выстрелила два раза — почти не целясь. Да и не было нужды целиться: оба странных полицейских находились уже шагах в четырех от пожарной двери. Обоим заряды угодили в обтянутые серыми форменными штанами ляжки. И оба друг за дружкой повалились на пол. Еще секунду-другую они взирали на *птенчиков* изумленными взглядами, а потом синхронно отключились.

— Теперь пиджак у меня будет *с перфорацией!* — Настасья расхохоталась — увидела в руках у Макса свой пробитый пулями блейзер.

И Макс разразился хохотом в унисон с ней, сам на себя удивляясь. Он ощущал неестественную, прямо-таки дикую веселость. Не зря, как видно, Уинстон Черчилль, великий политик и литератор, а до этого — боевой офицер, сказал когда-то: «Вряд ли что-

нибудь может сравниться с тем радостным возбуждением, которое испытываешь, когда в тебя стреляют, но не попадают»[1]. Макс позабыл и про сенатора Розена, и про свой новый облик, и даже — почти — про корпорацию «Перерождение».

Девушка надела прострелянный блейзер поверх платья, сунула в его карман пистолет с последним оставшимся сонным зарядом и они побежали вниз по пропыленной, пропахшей табаком пожарной лестнице.

10

Вопреки опасениям Макса, сенатор и его сообщница не проткнули колеса их внедорожника и не разбили окна. Как видно, решили не размениваться на мелочи. А метрах в двадцати от своего электрокара они увидели машину, якобы принадлежавшую полиции. Синяя разметка на ней, равно как и само слово «Полиция», не были нанесены краской. Это оказались просто наклейки: полупрозрачный скотч, местами отстававший.

Других машин, кроме этих двух, на стоянке не было. Так что Гастон издали увидел бегущих Макса и Настасью. И, обычно полный собственного достоинства, вдруг заметался по салону, перепрыгнул с заднего сиденья на переднее и чуть было не высадил передним лапами лобовое стекло.

Макс и Настасья это заметили, удивились и припустили еще быстрее. На бегу Макс выхватил из кармана ключ-брелок, щелкнул кнопкой на нем и разблокировал дверцу коричневого внедорожника. А потом, подбежав, распахнул её. И тут же прямо под ноги ему выкатился Гастон. Он не лаял, не пытался скулить, не заводил умильно глаза — как делал обычно, если желал чего-то добиться от хозяина. Он просто ударил Макса башкой в бок, отбрасывая от машины, так что тот чуть было не плюхнулся на асфальт.

— Да что это с тобой, мальчик? — изумился Макс и снова попытался шагнуть к кабине внедорожника; но ньюф преградил ему путь: набычился, напряг спину и зарычал.

— Он не заболел? — заволновалась Настасья. — Может, это всё из-за тройной дозы транквилизатора? У собаки может случиться нервный срыв?

Макс не ответил ей — протянул руку к Гастону, пытаясь успокоить пса. И — снова в него врезались семьдесят пять килограммов живого веса. На сей раз Макс упал на тротуар, отбил себе задницу и, не сдержавшись, сквозь зубы обматерил своего ньюфаундленда — впервые в жизни. Тут же он виновато покосился на Настасью — но та явно ничего не слышала: смотрела куда-то вверх головы Макса. И взгляд её имел почти такое же выражение, как тогда, когда она увидела зарезанного кассира.

Макс вскочил на ноги и поглядел в ту же сторону. С противоположной конца автостоянки к ним шла, припадая на правую ногу, рыжеволосая женщина, по левой половине лица которой расплывался пурпурный фингал. Она явно пыталась привлечь внимание Настасьи и Макса: периодически вскидывала руку и взмахивала ею над головой. И, когда убедилась, что те её видят, сложила ладони рупором, приложила их ко рту и заорала:

— Только не заводите свою машину! Под ней — бомба!

11

Им повезло, что на стоянке перед супермаркетом не оказалось других покупателей. Иначе слово *бомба* привело бы и к панике, и к тому, что кто-нибудь всенепременно вызвал

бы настоящую полицию. Но сейчас только Макс и Настасья стояли и пялились, потрясенные, на Сюзанну. А та ковыляла к ним — похожая на хромую лису Алису из старой детской сказки.

Макс поглядел на свою спутницу и по её глазам понял: она тоже опасается, что это очередной обман и ловушка. Так что он отпер багажник внедорожника, вытащил один из двух лежавших там дробовиков и взял на прицел рыжую дамочку.

Гастон в открывании багажника ему не препятствовал. Он явно понял, что сесть в машину никто уже не пытается, и немного успокоился. Хотя от распахнутой дверцы со стороны водителя не отошел: уселся рядом на асфальт.

— Сюзанна, какая бомба? — спросила Настасья, когда её несостоявшаяся родственница оказалась от них шагах в пяти. — О чем ты? И почему ты не с *ним*?

— Эта сволочь меня бортанула! — Говорила Сюзанна не вполне внятно: как видно, *бортанули* её кулаком в челюсть. — А где *эти*? — Она указала на мнимую полицейскую машину; дробовика в руках Макса она словно бы и не замечала.

— *Эти* придут сюда не скоро, — пообещал ей Макс. — Давай, выкладывай всё!

— Да что выкладывать-то? Как мы сбежали — вы и сами уже поняли. А после Мартин позвонил кому-то из будки, и почти сразу приехали две машины. На одну наклеили полицейскую раскраску, а на второй он сам сразу же и уехал. Покатил к своему электрокоптеру, наверное. Я ему говорю: «Возьми и меня с собой». А он только рожу искривил. Ну, а потом — я попыталась его удержать, и его шофер двинул мне кулаком. Да еще и заржал, когда я упала...

Сюзанна запнулась, и Макс думал: она сейчас расплачется. Но вместо этого рыжая дамочка принялась затейливо браниться, мешая латышские ругательства с русским матом. И уж она-то присутствия Настасьи не стеснялась.

— Сюзанна, бомба! — напомнила ей Настасья.

— Ах, да! Сам-то Мартин вряд ли стал бы вас взрывать. Он ведь думает: тот диск всё еще у тебя. Но вот *эти*, — она кивнула на машину, изукрашенную скотчем, — решили проявить инициативу. Мартин сказал им, чтобы они забрали вас двоих и подержали у себя, пока он с ними не свяжется. И всё повторял: только не упустите их, только не упустите. Он и вашу машину им показал — на случай, если им придется вас преследовать. Но о том, чтобы они вас не трогали, он им ни слова не говорил.

— И они подумали: взять нас надо живыми или мертвыми, — констатировал Макс.

— Точно, — кивнула рыжая. — И я видела, *что* они стали делать — когда Мартин уехал, а я осталась сидеть на бордюре, как дура последняя. Один из этих — якобы городских — полез в багажник их тачки и вытащил оттуда какую-то круглую хренотень. На консервную банку похожую. А потом сунул руку под вашу машину. И эта хреновина будто прилипла к ней. Второй мужик его спрашивает: а ну, как она взорвется не вовремя — пока мы сами будем рядом? А тот, первый ему отвечает: «Ни фига не взорвется. Там датчик движения. Пока машина не тронется с места, взрыва не будет».

Макс пристыжено покосился на Гастона, которого он обругал только что — а ведь ньюфаундленд спас их!

— Прости, мальчик, — прошептал он.

Гастон посмотрел на него с заметной обидой, но всё же — это была обида собаки на несправедливость своего хозяина. Он смотрел на него как на *хозяина* впервые с момента преобразования Макса.

— Ну, а потом, — продолжала говорить Сюзанна, — эти двое побежали в магазин. И один из них прямо на бегу вытащил пистолет.

— А у тебя пробудилась совесть, — сказала Настасья, — и ты решила нас предостеречь. Если уж вдруг мы уйдем от этих псевдо-городовых живыми. И это — после того, как вы зарезали ни в чем не повинного человека!

Между тем откуда-то издалека, со стороны шоссе, до них донесся звук полицейской сирены. Сюда явно ехали настоящие городовые. Должно быть, девушка-продавщица всё-таки пришла в себя и вызвала их. Или её обнаружил кто-то из администрации магазина — в компании зарезанного кассира и двух мнимых полицейских, пребывавших в отключке.

— Кассира убил Мартин! — вскричала Сюзанна — хотя у неё самой на рукаве желтой блузки засыхали пятна крови. — А мне он даже *денег* не оставил! И я хотела попросить вас, чтобы отвезли меня на вокзал и одолжили сколько-нибудь — хотя бы на билет до Риги.

— На вокзал — это можно, — быстро сказал Макс, прислушиваясь к вою сирены, пока что отдаленному, но явственно приближающемуся.

Он перехватил удивленный взгляд Настасьи и постарался показать ей глазами: всё нормально. Но девушка всё же не выдержала — спросила:

— А как же Розен — со своим электрокоптером?

— Насчет него не волнуйся, — сказал Макс. — Но нам надо поторопиться.

Он заглянул под днище внедорожника: магнитная мина была довольно-таки хорошо видна. И Макс подумал: круг замкнулся. Когда-то он покинул пределы Конфедерации после того, как прокатился на магнитных присосках под днищем похожего внедорожника. И вот, стоило ему на родину вернуться, как под днищем другой его машины появилась намагниченная бомба. Вот уж воистину — он *притягивал* не только удачу!

Макс хотел было отлепить эту *хреновень*, но тут же передумал. Он понятия не имел, сработает ли датчик движения, если он стронет взрывное устройство с места. И он кивнул Настасье на багажник:

— Возьми оттуда второй дробовик!

А сам побежал к мнимой полицейской машине и с размаху ударил прикладом «Льва Толстого» по стеклу водительской дверцы. После чего выбил ружьем остатки стекла и отпер электрокар изнутри. Противоугонной сигнализации на машине не оказалось: не сработало звуковое оповещение об угоне, не замигали фары, не заблокировались автоматически дверцы. И Макс подумал: эту машину уже угоняли до него — те самые мнимые городовые, по всей видимости.

— Садитесь! — крикнул он им всем — Настасье, Сюзанне и Гастону.

Сам же вернулся к заминированному электрокару, выдернул с переднего сиденья свою сумку и вытащил из неё ярко-зеленый медицинский маркер — способный писать на любых поверхностях. Им он вывел крупными буквами на лобовом стекле внедорожника: *Осторожно, под днищем — бомба!* И только после, забрав сумку с вещами, он побежал к электрокару фальшивых полицейских.

Он заскочил на водительское сиденье, и Настасья, уже занявшее соседнее кресло, приняла у него сумку и перекинула её назад — туда, где рядом с Гастоном уселась Сюзанна.

— Но как же ты заведешь машину? — с беспокойством спросила девушка.

— Ну, — сказал Макс, — у меня, конечно, нет универсального мастер-ключ, как у гостиничного портъе. Но машина явно новая, и надо только поискать...

Он сунул руку за солнцезащитный щиток, потом перегнулся через ноги Настасьи и

открыл перчаточный ящик.

— Есть! — Макс выхватил из бардачка мини-планшет: справочник к машине. — Сейчас поглядим...

Перевернув гаджет, он увидел то, что и ожидал: к обратной его стороне крепился полиэтиленовый пакетик с тонким парковочным ключом. И Макс уже запустил двигатель электрокара, когда Настасья вдруг закричала:

— погоди! Я забыла пакет с кормом для Гастона!

И она выскочила из машины — побежала к заминированному внедорожнику.

— Стой! — Макс выскочил за ней следом. — Вернись! Сейчас здесь будут городовые!

Но Настасья не слушала его: подлетела к коричневой машине, выхватила с её заднего сиденья пакет с песьей едой и тут же повернула обратно. Но полицейский электрокар уже въезжал на парковку. Макс подхватил Настасью под локоть и даже не усадил — закинул девушку на заднее сиденье машины с выбитым стеклом — к Сюзанне и Гастону. И они рванули с места — как раз в тот момент, когда электрокар настоящей полиции остановился.

Скорее всего, городовые Псковской губернии не позволили бы им просто так уехать. И вряд ли маскировочный скотч на машине обманул бы их. Но на вызов прибыл наряд всего из двух человек, а предупредительная зеленая надпись, оставленная Максом на стекле внедорожника, даже издали бросалась в глаза. И — стражи порядка выбрали приоритетную задачу: предотвратить взрыв. Не покинули магазинную стоянку.

Макс вывел машину на шоссе, и они помчали к железнодорожной дороге. Он лишь бросил короткий взгляд через плечо: убедился, что новоприбывшие полицейские к заминированной машине не подходят, и что один из них разговаривает с кем-то по радиации — наверняка вызывает саперов. Конечно, городской мог также и передавать ориентировку на их машину с выбитым стеклом, но Макс очень сильно сомневался, что в поселке Шумилкино найдутся сейчас ресурсы, чтобы преследовать их. Что же касается подкрепления откуда-нибудь со стороны, то до его прибытия они с Настасьей должны были уже поселок покинуть.

А потом он поймал в зеркале взгляд Сюзанны: *понимающий* взгляд. Остренький. Рыжую лису Алису явно посетила некая догадка, и она ни секунды не сомневается в её справедливости.

12

Рельсовый транспорт всё еще не утратил своего значения в этой части Европы. И даже ширина железнодорожной колеи здесь оставалась прежней — какой утвердил её больше двухсот лет назад император Николай Первый: 1 метр 52 сантиметра. Но — за последние полвека на железной дороге всё же случились перемены, и весьма серьезные.

Обнародование открытия Теслы в 2048 году дало, с одной стороны, колоссальный стимул для развития электровозного транспорта. Но, с другой стороны, рынок углеводородного сырья после беспрецедентного удешевления электроэнергии рухнул. И более уже не поднялся. Многие тогда думали: это станет смертельным ударом и для всей Евразийской Конфедерации, которая распадется, как распался Советский Союз под волной нефтяного демпинга в 1991 году. Но нет: к 2048 году страны, вошедшие в Конфедерацию, могли уже предложить на продажу много чего и помимо топливно-энергетических ресурсов. Причем — не только продукцию военно-промышленного комплекса, как утверждали злые языки. Генетика, за сто лет до этого объявленная лженаукой, теперь в полной мере себя

реабилитировала. И, начиная со второй трети XXI века, она переживала в Конфедерации небывалый расцвет. Хотя никто еще не знал, что в 2052 году в Москве, в семье Алексея и Светланы Берестовых, родится мальчик — Максим. Который перевернет и генетику, и весь мир своим открытием.

Однако исторические события последних десятилетий мало затронули железнодорожников. Разве что — пассажиропоток на их транспорте здорово сократился. А, кроме того, практически на всех железнодорожных терминалах мира скопился огромный запас невостребованных контейнеров-цистерн для транспортировки топлива. И станция поселка Шумилкино Псковской губернии исключением не являлась. Вот туда-то — к скоплению цистерн, хранившихся прямо под открытым небом, — и направил машину Макс.

Он мог бы сразу поехать к зданию вокзала — найти там кого-нибудь, на чье *попечение* он мог бы оставить рыжую Сюзанну. Однако он хотел сперва проверить, как обстоят дела у его порученца — Андрея. И он повел электрокар сквозь нагромождение ветшающих контейнеров-цистерн: с облезшей маркировкой, с выломанными люками и покривившимися рамами.

И Макс опять — как и при бегстве из Общественного госпиталя, — порадовался тому, что в мире случилась информационная инволюция. Не будь этого, мерзавец Розен запросто мог бы отыскать свою собственность по GPS-маячку. Да и всё равно Макс удивлялся тому, что сенатор этого не сделал! Уж кто-кто, а Розен должен был знать: система GPS в мире всё ещё функционирует. Спутники связи по-прежнему находятся на орбите. А операторы сотовой связи — хоть и сильно сократившиеся числом — продолжают действовать. Только маскируют свои вышки под декоративные мачты с флагами и ветроэнергетические установки.

— Вот он — электрокоптер Мартина! — Сюзанна сразу узрела вертушку, которая стояла на небольшой площадке среди ржавеющих топливных емкостей. — Ты перепрятал его здесь! А я-то, дура, не поняла — что ты там талдычил про универсальный ключ у портье!..

Настасья с неприязнью покосилась на неё, однако ничего не сказала. Её внимание тоже приковал к себе электрокоптер: иллюзорно хрупкая серебристая машина, похожая на стрекозу-мутанта из старых фантастических фильмов. И еще — девушка крепко держала пакет с кормом для собак, который она водрузила себе на колени. Макс хотел ей сказать: не стоит так уж над ним трястись. Но это услышала бы и Сюзанна. И он решил промолчал.

— Наконец-то, Максим Алексеевич! — Едва их машина остановилась, Андрей выскочил из кабины вертолета — как раньше именовали подобные транспортные средства. — Я услышал по радио, что в Центре торговли случилось убийство. И прямо места себе не находил! А где же?..

Он оглядел кабину электрокара, словно ожидая, что седой мужчина с коротко стриженными волосами выберется сейчас откуда-нибудь из-под сиденья.

— Тот господин останется здесь. — Максимум абсолютно не хотелось вдаваться в подробности. — И его подруга тоже.

— Разве ты не дашь мне денег на билет до Риги? — Тон Сюзанны казался елейным, но её прежний — остренький — взгляд никуда не делся.

И она вдруг, не дожидаясь ответа Макса, выхватила у Настасьи пакет с собачьим кормом, распахнула дверцу электрокара со своей стороны и выметнулась наружу. А потом, невзирая на свою хромоту, ринулась прочь — прямо к скоплению цистерн. И Настасья —

Макс не успел её остановить — с потрясенным возгласом устремилась за ней следом. Так что пришлось и Максиму выскакивать из машины и бежать в том же направлении. Да и Гастон увязался за ним следом — как видно, уже полностью простил обиду преобразившемуся хозяину.

Ньюфаундленд и догнал беглянок раньше всех — существенно опередив Макса и коротко гавкнув где-то невдалеке. А вот сам он ухитрился между брошенными цистернами основательно заплутать. Так что, когда он добрался, наконец, до места действия, он было в самом разгаре.

Побледневшая от ярости Настасья стояла на краю невысокой железнодорожной платформы, наставив на лису Алису пистолет с последним усыпляющим зарядом. Гастон застыл, напрягшись, возле Настасьиной ноги. А рыжая дамочка больше не убегала — некуда ей было бежать: прямо у неё за спиной пролегали рельсы, по которым приближался товарный состав.

— Сюзанна, не дури! — Макс сделал несколько шагов вперед, но не рискнул подходить слишком близко: рыжая дама могла от великого ума спрыгнуть с платформы на рельсы, прямо под колеса подъезжающего товарняка. — Отпустить тебя одну обратно в Ригу я не могу. Но, если ты попросишь в полиции, чтобы к тебе вызвали консула Балтсоюза, твою просьбу наверняка удовлетворят. И ты, так или иначе, вернешься домой.

— Только пусть сначала она отдаст мне пакет! Она знает: там находится то, что ей не принадлежит, — встряла в разговор Настасья; но её Сюзанна, казалось, даже не услышала.

— Ты ничуть не лучше их всех!.. — Она глядела только на Макса. — Такая же сволочь, как Мартин Розен! Я ведь сказала ему сегодня, что Королев сумел выжить — и он может получить всю информацию от него. А он, вместо *спасибо*, просто отфутболил меня.

— Что? Что ты говоришь? — Рука Настасьи дрогнула, и пистолет опустился. — *Как* дедушка мог выжить? Как ты можешь *так* врать?

Но Сюзанна ничего ей ответить не успела: события словно бы нахлестнули одно на другое.

Во-первых, в игру вступил Андрей, который понял, что происходит что-то неладное, и устремился следом за своими заказчиками. Макс даже не уловил, когда молодой человек вышел из-за цистерн. Да и Сюзанна явно не уловила этого, хотя стояла лицом в ту сторону.

Во-вторых, у гостиничного портье тоже имелся при себе ван Винкль — чему вряд ли стоило удивляться. Он тут же пальнул из него в Сюзанну. И, конечно же, попал — с такого-то расстояния.

В-третьих, громыхающая громада поезда подкатила к ним как раз в тот момент, когда рыжая дамочка стала заваливаться на спину. И Макс лишь каким-то чудом успел подскочить к ней и отдернуть её, оседающую наземь, назад — прочь от рельсов.

И, в четвертых, издала горестный крик Настасья: она увидела, как выпавший из Сюзанниной руки пакет с собачьим кормом упал на рельсы. И его словно бы вихрем смело с них. Сюзанна тоже успела увидеть это за мгновение до того, как отключилась — и даже попыталась что-то сказать, но сумела издать лишь коротенький стон.

Макс очень хотел поговорить с Настасьей, всё ей объяснить. Но вместо этого ему пришлось возиться с рыжей Сюзанной: на пару с Андреем перетаскивать её к псевдо-

полицейской машине. Не оставлять же её было лежать рядом с рельсами? Да и гостиничного портье нужно было проинструктировать. Тот исполнил всё, что велел ему Макс до этого: угнал электрокоптер Розена с заброшенной вертолетной площадки на окраине поселка и переправил его на контейнерный терминал вокзала. Но теперь для него возникло новое важное поручение.

— Возьми машину, — напутствовал его Макс, передавая ему еще одну пачку банкнот, — и вези женщину прямо в полицейский участок. Скажи: заметил подозрительный электрокар на вокзале, увидел в нем спящую неестественным сном дамочку и заподозрил неладное. Городовые наверняка поймут, что именно она была сегодня в торговом центре. Да и продавщица из отдела одежды сумеет её опознать.

— Всё сделаю, — пообещал парень.

— А то, что я велел тебе, ты проверил? — на всякий случай спросил его Макс.

— Проверил, не волнуйтесь. Поймал на приемнике вертолета средневолновую радиостанцию и слушал помехи. Никакого тиканья не было.

Это была примитивная, но безотказная хитрость для выявления маячка слежения. Сигнал, посылаемый им, вызывал характерное негромкое тиканье, когда вступал во взаимодействие с проводами радиоприемника. «Впрочем, — подумал Макс, — если бы такой маячок на электрокоптере имелся, Розен со своими прислужниками был бы уже здесь».

— Хорошо. — Макс кивнул. — Спасибо за помощь.

— И вам спасибо! Удачно вам добраться — куда бы вы ни летели.

Портье сел в машину, из которой Макс предварительно забрал оба дробовика, и медленно поехал по кладбищу цистерн. Только тогда Макс позволил себе повернуться к Настасье.

Девушка сидела возле электрокоптера прямо на земле, обнимала Гастона. А тот лизал её лицо, по которому текли слезы. Вид у пса был такой, что казалось: он и сам вот-вот заплачет.

— Мой дедушка, — не глядя на Макса, проговорила Настасья, — отдал мне свои разработки перед тем, как умер. А я их не сберегла. Ивара — не сберегла. И даже этого — не сберегла.

Макс подошел к Настасье, опустил перед ней на корточки и тыльной стороной ладони утер ей слезы. А потом сунул руку в карман своей истрепавшейся джинсовой куртки и вытащил оттуда пластиковый квадратный пакет — с винчестером профессора Королева.

— Но как же?.. — Настасья мгновенно выхватила у него пакетик. — Я же спрятала его в пакете с собачьим кормом!

— Я догадался, почему ты так над этим кормом тряслась. И покопался в том пакете, еще когда мы были в «Сириусе». Ну, и не оставлять же там было такую ценную вещь? Ведь и Гастон мог сунуть морду в свою еду!

Ньюф, услышав свое имя, приободрился — тем более что понял: Настасья внезапно перестала плакать.

— Да, и вот еще что, — сказал Макс. — Ты зря решила, будто Сюзанна тебе соврала. Думаю, твой дедушка и вправду жив.

— Жив?! — ахнула Настасья. — Но я же видела его тело! *Сгоревшее!* Оно упало с балкона.

— Я тоже кое-что видел, когда был в твоём бывшем доме: мужские следы в

заброшенном переходе между подъездами. Тогда я не сообразил, кто мог их оставить. Но теперь считаю: это был он, твой дед. Он сумел выбраться из горячей квартиры. И он же, я думаю, потерял в том коридоре одну вещь. А тело... Ну, чье там тело сгорело — я конечно, не знаю. Надеюсь, твой дедушка нам всё разъяснит. Я доставлю тебя в Новый Китеж, а потом отправлюсь искать его.

И через пять минут они втроем — двое людей и черный пес — уже сидели в кабине электрокоптера. Макс имел представление, как им управлять, хотя в воздушной навигации был не особенно силен. Но лететь-то им предстояло в виду железнодорожных путей, и он рассчитывал, что не заблудится.

— А ты не хочешь узнать, *что* на этом диске? — спросила Настасья. — В электрокоптере есть компьютер. Пароль к диску — слово RODEF, как имя Достоевского задом наперед, латиницей и прописными буквами.

— Если ты разрешаешь, я этот диск посмотрю, — сказал Макс. — Но позже. Там, куда мы отправимся, тоже есть компьютеры. А Новый Китеж — он ждать не станет. Он ведь не только *где*, он еще и — *когда*. Потому-то колберы и не могут его найти. Его секрет знаю только я и сами *новые китежане*. Ну, и мой отец, конечно: он это всё придумал.

[1] Из статьи У. Черчилля «Малакандские вооруженные силы», 1898 г.

31 мая 2086 года. Пятница

Москва — столица Российской Федерации

1

Берестов Алексей Федорович родился в Москве и прожил в ней почти всю свою жизнь. Но за последние десять лет он с каждым днем все меньше и меньше узнавал свой родной город. Его квартира находилась в одном из старых домов на Большой Никитской — в дальней её части, что была ближе к Красной Пресне и зоопарку, чем к Моховой улице, Охотному ряду и Кремлю. И Берестов-старший всегда думал, что в этом районе Москвы всё, что могло меняться, уже переменялось — еще в двадцатом веке. А потом вернулось на круги своя. Большая Никитская, ставшая после революции улицей Герцена, снова обрела прежнее название. Охотный ряд с Моховой улицей стали частью проспекта Маркса, а потом прекратили ею быть. Манежная площадь, от которой Большая Никитская начиналась, побывла площадью 50-летия Октября — и опять стала Манежной. А Кудринская площадь, куда эта улица выводила, была и площадью Восстания, и даже площадью Эжена Потье — в честь автора текста «Интернационала», и всё равно опять сделалась Кудринской. Ну, что еще — и зачем — тут могло поменяться?

Да, десять лет назад Алексей Берестов, тогда — сорокасемилетний, именно так и считал. Был в этом уверен. И — ошибся, как и большинство других жителей Москвы.

Сейчас, в 2086-м, зоопарк давно уже не работал. Животных выпускали погулять в вольерах, но посетители на территорию зоопарка попасть не могли: после атаки колберов на экскурсию школьников в 2081 году. Тогда никто и не уловил, когда именно дети одиннадцати лет, вместе с учительницей, сопровождавшей их, пропали. Их разыскивали пять часов кряду, а потом вдруг все они объявились: неподвижно стоящие возле сетки вольера с белыми медведями. Со стороны могло показаться: они следят, как замороженные, за полярными хищниками. Двадцать восемь школьников: пятнадцать мальчиков, тринадцать девочек — обратились в безликих. Где они находились всё это время — выяснить так и не удалось. Их учительницу так и не нашли: похоже, она и организовала похищение. Равно как и не нашли колберов, учинивших массовую экстракцию. Вся Москва содрогнулась тогда. И зоопарк было решено закрыть. Временно.

Так же временно было прекращено движение наземного общественного транспорта в центре города. Никто не мог уследить, кто и когда садился в автобус или троллейбус, а потом выходил из него. И чуть ли не на каждой конечной остановке водителям приходилось ссаживать безликих пассажиров.

А между тем и Москва, и Московская губерния считались едва ли не самыми безопасными территориями во всей Конфедерации! В городе работало метро — благодаря тому, что городские власти установили на каждой станции сканеры, реагирующие на компьютерные чипы в пресловутых *колбах*. Такие же сканеры стояли при входе во все музеи и театры, благодаря чему и они продолжали работать. Даже храмы — и православные, и других конфессий, — обзавелись подобными устройствами, пронести через которые капсулы Ли Ханя было невозможно.

Капсулы Берестова/Ли Ханя — мысленно поправил себя Алексей Федорович. И поковырял немного эту свою душевную рану, проверяя: не затянулась ли она? Рана его находилась в прежнем состоянии: причиняла боль. Как и должна была. Ведь Алексей Берестов знал: только он один был повинен в том, что его мальчик сотворил *такое*. И то, что он, его отец, объявил всем оставшимся в живых родственникам, что Макс умер — являлось частью его, Алексея Берестова, наказания. Макс обиделся, да. Но — мнимая смерть не могла пойти ему во вред. Совсем наоборот — с учетом того, сколько появилось желающих упокоить Максима Алексеевича Берестова по-настоящему.

А потом его мальчик и вовсе выкинул антраша: в 2082 году устроил сам себе трансмутацию. И, хоть Берестов-старший хорошо знал, при каких обстоятельствах всё случилось, он до сих пор не мог думать об этом без ужаса и отвращения. Произошло это далеко отсюда: в Риге, куда Макс уехал, когда они вдвоем завершили все приготовления по проекту «Новый Китеж». И Алексей Федорович узнал обо всем уже постфактум: сын прислал ему длинное письмо по Глобалнету, в то время, еще не отключенному.

Оно до сих пор хранилось в памяти компьютера Берестова-старшего. Но перечитывать его Алексей Федорович давно уже бросил: и так уже помнил его наизусть. Порой ему даже казалось: вот закроет он глаза — и увидит, будто наяву, *что* тогда произошло.

2

Максим Берестов собирался съездить в Балтийский Союз с того момента, как в начале декабря 2080 года возвратился в Москву из Санкт-Петербурга и тайком от всех поселился в квартире своего отца на Большой Никитской. Если ему нужно было выйти из дому, то делал он это лишь после захода солнца — когда улицы города пустели.

Макс, возможно, поехал бы сразу; он всё говорил: «Я должен проверить, как там тот парень. Я сильно перед ним виноват». Но у Алексея Федоровича, которого в молодости прозвали Ньютоном не только за внешнее сходство с гением науки, возникла идея. Мысль, как можно всё исправить *хотя бы частично*. И Макс решил в Москве задержаться. Только переслал тому парню в Ригу деньги — без указания отправителя.

Однако Новый Китеж отобрал у них гораздо больше времени, чем они предполагали изначально. И Макс опоздал со своей поездкой — совсем на чуть-чуть, но опоздал трагически.

Он знал адрес того парня, практически своего тезки: Макса Петерса. Латыш по национальности, тот раньше жил в Санкт-Петербурге и состоял на службе в корпорации «Перерождение». Покуда не стал частью очередного грандиозного плана гениального генетика и самонадеянного дурака Максима Берестова.

Когда Берестов еще только подходил к дому своего тезки в Риге, на глаза ему попался знакомый автомобиль: серебристый джип. Под днищем этого авто — не электрокара, а винтажной машины с бензиновым двигателем, — он чуть больше года назад проник на территорию «Перерождения». Понапрасну проник — теперь-то это было ясно. Денис Молодцов обвел его вокруг пальца, как несмышленного ребенка. А несчастного охранника Петерса, вся провинность которого состояла в привычке регулярно приезжать на работу позже всех, вышвырнул за дверь с волчьим билетом. В Санкт-Петербурге ему после этого никакая работа не светила, и Макс Петерс возвратился в Балтсоюз. Где, как стало известно его тезке Максиму Берестову, жил исключительно на те деньги, которые получал от

неведомого ему благодетеля. И потихоньку спивался. То есть — это Берестов считал, что *потихоньку*.

Макс поднялся на третий этаж дома, где жил его тетка, и позвонил в дверь. О своем визите он бывшего охранника не предупредил — подозревал, что тот не очень-то захочет его видеть. Остановился Макс в отеле, и там же оставил Гастона: ньюфаундленда-подростка, добродушного, но, как и все подростки, довольно-таки своенравного.

Когда никто на звонок не отозвался, и Макс решил: тетка увидел его в видеоглазок и не захотел подходить к двери. Ведь он же находился дома — раз его машина стояла у подъезда! Правда, на миг у Макса возникла мысль: а, может быть, охранник был дома не один? Заявился-то он к нему незваным гостем, хуже татарина, а у парня на этот вечер вполне могли иметься собственные планы. Включавшие свидание с девушкой, к примеру.

Но тут же Макс от этой мысли отказался. И вовсе не из-за невзрачного внешнего облика Петерса. Макс отлично понимал, что не одной лишь красотой мужчины способны привлекать к себе женщин. И отнюдь не только содержимым своего кошелька. Тут дело было в другом: бывший охранник *боялся* женщин — об этом даже ходили всякие шуточки в «Перерождении». И некоторые умники даже намекали Петерсу на его сходство с героем Стивена Кинга — Эрни Каннингемом из «Кристины», — который завел роман со своей машиной.

Берестов еще раз нажал на кнопку дверного звонка, а потом попытался в дверь постучать. Но она вдруг открылась под его рукой — оказалась не заперта. И Макс не колебался — тут же вошел. Петерс не рассердился бы из-за его появления, когда узнал бы, для чего именно бывший босс прибыл. Ведь тот рассчитывал предложить работу бывшему подчиненному: для Нового Китежа требовались кадры.

В квартире Макс сразу уже ударил в нос сильнейший запах алкоголя, словно здесь мыли водкой полы. И на этот резкий спиртовой дух накладывалось еще более неприятное амбре: вонь свежих экскрементов. Берестов не был брезглив — иначе не смог бы стать врачом. Но даже у него от этой смеси ароматов стали возникать спазмы в желудке.

— Макс! — из прихожей окликнул он тещу. — Макс Петерс, ты дома? Это Берестов — помнишь меня? Может быть, ты выйдешь ко мне?

Рядом находилась приоткрытая дверь в какую-то комнату с круглым обеденным столом посередине, но Берестову страшно не хотелось туда заходить без приглашения. Ему *вообще* не хотелось туда заходить: именно там находился источник чудовищной вони, наполнявшей квартиру.

Никто не отозвался. Макс осторожно шагнул к открытой двери и украдкой, как подсматривают в замочную скважину, заглянул в комнату. А в следующий миг уже ворвался внутрь, на бегу срывая с себя куртку и шапку, выхватывая из кармана лазерный скальпель — возвращенный ему Денисом, его *братом*, после инцидента на сорок восьмом этаже «Перерождения».

Макс Петерс и вправду находился дома. А водка и в самом деле блестящей лужицей растекалась по вытертому линолеуму на полу в его столовой. Сам же хозяин дома не сидел за столом, и даже не лежал под ним. Он прямо над этим столом *висел*, слегка покачиваясь в петле из бельевой веревки. По его подбородку стекала пена, капая на грудь его клетчатой рубашки-ковбойки. А в центре стола красовалась старинная хрустальная люстра, снятая самоубийцей с облюбованного им крюка. Макс Петерсу оказалось не жаль собственной жизни, но он пожалел люстру — которую постарался не разбить.

Но Берестову на люстру было плевать. Он одним прыжком вскочил на стол, и та с мелодичным резонирующим звоном свалилась на пол. А Макс точным взмахом скальпеля рассек веревку возле самого крюка и сумел даже удержать от падения тело охранника, всё еще остававшееся теплым. Петерс вряд ли знал, каковы физиологические последствия асфиксии. При повешении у него произошло самопроизвольное опорожнение кишечника, и теперь от него исходил тот самый тошнотворный запах кала, который ощущался даже из прихожей.

Его щуплый тезка оказался тяжелее, чем ожидал Макс. И эта свинцовая тяжесть его тела была скверным признаком. Напрягая все силы, Берестов спустил удавленника на пол, растянул петлю на его тощей шее и отбросил веревку в сторону, а потом припал ухом к залитой водкой рубахе на груди самоубийцы. Сердце у того не билось. Макс выхватил из кармана носовой платок, одним движением вычистил слизь и пену изо рта Петерса и принялся за реанимационные мероприятия.

«Я смогу, — твердил он себе, — я везучий, у меня всё получится...»

Он делал своему тезке искусственное дыхание «рот в рот», стараясь не замечать мерзкого вкуса и запаха. Он делал ему непрямой массаж сердца. Он даже — уже просто от отчаяния — сделал ему трахеотомию лазерным скальпелем, разрезав трахею ниже странгуляционной борозды и вставив в надрез половину шариковой авторучки. Ничего не помогало. Да, вероятно, и не могло помочь. Тяжесть, какой налилось тело Петерса, появляется только у мертвецов. Тех, кого уже не оживить.

Макс уселся рядом с удавленником на пол и ощутил даже не отчаяние: гнев на судьбу. Ну, что бы ему стоило прийти сюда всего часом раньше? Ведь бывший охранник корпорации «Перерождение» явно покончил с собой минут за десять до его появления. Всего десяти минут Петерсу не хватило, чтобы начать новую жизнь в Новом Китеже.

— Упился до белой горячки, — прошептал Макс, надеясь, что язвительность поможет ему справиться с чувством вины. — Типичный *delirium tremens*...

Он запрокинул голову — только чтобы не дать пролиться слезам, которые выступили у него на глазах. И внезапно понял, что люстра, сброшенная теперь на пол, не просто так лежала посреди круглого стола. Она служила чем-то вроде пресс-папье: прижимала к замаранной скатерти какую-то бумажку. Макс поднялся с полу, взял со стола листок в клетку, явно вырванный из школьной тетрадки старого образца, и, смаргивая слезы, прочел почти бессвязные строчки, выведенные прыгающими буквами:

В моей смерти прошу винить корпорацию «Перерождение». Занесли меня в черный список. Не мог провести трансмутацию в больнице. Сказали — оставайся уродом. Деньги не взяли. Обратился к колберам. Они взяли деньги, а капсула была пустая. Не заметил. Денег нет. Карина меня не любит. Я ухожу.

Подписи внизу не было. Зато Макс узрел то, чего не заметил поначалу: под запиской лежала зеркальная капсула. Было просто чудом, что её не раздавили ни сам Петерс, ни забиравшийся на стол Берестов. Индикаторные окошки капсулы ничего не отображали. «Только пьяный осёл мог этого не заметить», — подумал Макс, снова пытаясь насмешничать — и снова без всякого успеха. Его боль даже не думала уменьшаться.

А потом — он взял в руки пустую капсулу, посмотрел на свое отражение в ней и понял, что он должен сделать

Во время учебы в университете Макс проходил врачебную практику в отделении неотложной медицинской помощи одной из больниц Санкт-Петербурга, и на самоубийц насмотрелся вдоволь. И на тех, кому удавалось с собой расправиться, и на других — кого успевали спасти от них самих. Обе категории его ужасали.

Максим Берестов родился и прожил первые восемь лет в православной Москве, был крещен и получил начальные знания о христианских постулатах. Хотя потом, переехав жить к родителям своей погибшей матери в Санкт-Петербург, он даже и на Пасху редко посещал храм. Но он всегда помнил: в глазах Бога убить себя — это, может быть, еще более тяжкий грех, чем убить другого. Потому как — свой грех самоубийцам уже не отмолить.

Однако в еще больший ужас Макса приводили спасенные самоубийцы. Едва придя в себя, почти все они первым долгом давали понять: свое чудесное спасение они не ставят ни во что. И при любом удобном случае повторяют свою попытку. Макс пробовал как-то раз поговорить с одним парнем — несостоявшимся удушенником, вытащенным из петли его матерью. Он спросил пациента: «А ты согласился бы повесить свою собственную мать? Ну, если не мать — то хотя бы соседа по дому?» И парень едва не набросился на него с кулаками. Он же был *не убийца!* И не желал принимать как истину тот факт, что отнимать у себя жизнь — это ничуть не лучше, чем убивать других.

Но Макс тогда всё же сумел переубедить того парня: отвел его на экскурсию в больничный морг и продемонстрировал ему тела нескольких суицидников. После этого бедолага не меньше получаса блевал в больничном ватерклозете. Но, когда он оттуда вышел, в его покрасневших слезящихся глазах и на его бледном до травянистой зелени лице читалась злобная решимость. И это была — решимость жить.

Конечно, и на Макса порой накатывало черное отчаяние — когда он думал, *чем* обернулось открытие, которое он справедливо считал одним из величайших за всю историю человечества. И у него тоже возникали мысли о том, как легко было бы *всё это* прекратить. Однако он точно знал: вот так, убив самого себя, ничего он прекращать не станет. Во-первых, потому, что он понимал, какой грязной трупной мерзостью обернется такое *прекращение*. Во-вторых — потому что был уверен: ничего он таким способом не прекратит. Его друг детства и *брат*, Денис Молодцов, даже и не заметит, что Макса не стало.

Так что Макс вовсе не собирался кончать с собой, когда решил найти применение пустой капсуле для экстракции. Он только боялся, что опоздал даже в этом: процедуру будет проводить поздно. Но нет: пустая капсула Берестова/Ли Ханя сработала, как надо. А после этого Макс отыскал в квартире своего тезки паспорт — обычный, не биогенетический. Он мог пригодиться Берестову — при условии, что удача не оставит его и он переживет первую в истории трансмутацию, произведенную на себе.

Искушение — вот чего он хотел. Тайно похоронить тезку и занять его место. Стать изгоем вместо него. Ну, или *почти* изгоем: у Макса имелись планы, чем он станет заниматься. И его новая внешность не могла помешать ему в этом. Врачи требовались везде, а особенно здесь — в европейской столице колберов, городе с дурной славой, откуда бежали все, кому было, куда бежать.

— Буду ездить на его машине, — прошептал Макс, вглядываясь в появившуюся индикацию на капсуле — после того, как экстрагировал самоубийцу. — Если доведется еще куда-нибудь ездить...

Он понятия не имел, что поступает точь-в-точь, как его отец, который уже много лет

подряд не позволял своим ранам затянуться.

4

И вот теперь Алексей Берестов, недавно отметивший свой пятьдесят седьмой день рождения, вдовец, отец взрослого сына, смотрел на себя, как в зеркало, в темный телевизионный экран. Телевизор он выключил — после того, как в четвертый раз подряд посмотрел выпуск новостей, поразивший его воображение. А он-то считал, что его уже ничто в этой жизни поразить не сможет!

Глядя на свое отражение, он почти машинально отмечал, как сильно постарел за последние десять лет. И — он в самом деле стал похож на сэра Исаака Ньютона. А ведь *Ньютон* — это когда-то было его байкерское прозвище. Ироническое прозвище — другому и быть не могло. Однако в мысленных диалогах с самим собой он и по сей день обращался к себе не по имени и не по фамилии, а по этому прозвищу. И свои байкерские татуировки не собирался сводить — хоть мог бы это сделать с легкостью. Макс даже предлагал дать ему денег на это. Не понимал его мальчик, почему батя так держится за напоминание о байкерском прошлом. Почему продолжает носить байкерские банданы — из которых он и надоумил Макса делать слюнявчики для его пса, тогда — толстолапого щенка, мохнатого и трогательного, как плюшевая игрушка. Не понимал Максимка отца, потому как знал: еще в 2060 году тот сдал на металлолом свой покореженный байк. И новым не обзаводился.

Ньютон смотрел на черный телеэкран и видел почти старика — это в таком-то возрасте, который по меркам теперешнего времени едва считался средним! Его кожу прорезали глубокие морщины. По обеим сторонам лица свешивались длинные пряди седых волос. А губы его кривились как у вечно недовольного старого брюзги. «Ну, ты и вправду — форменный Ньютон с портрета Годфри Неллера», — сказал он сам себе и усмехнулся мысленно. О сэре Исааке он знал всё — даром, что ли, окончил когда-то физмат Московского университета?

А вот усмехаться у него особых поводов не было — после того, что он увидел сегодня. И он — *Ньютон* — понимал это лучше всех.

Поразившие его кадры показал ЕНК — Единый новостной канал Евразийской Конфедерации, на котором шли исключительно выпуски новостей. В течение часа каждый выпуск показывали четыре раза — на русском, сербском, болгарском и монгольском языках. И текст при этом дублировали в виде субтитров на языках всех стран, входящих в Конфедерацию. То же самое происходило и с *тем* видеоматериалом, показ которого молодая дикторша предварила словами:

— Согласно данным присланного нам видеорегистратора, запись была сделана на территории Балтийского Союза, в двенадцати километрах от границы с Псковской губернией. В интересах предстоящего следствия мы не станем называть точное место, где произошли зафиксированные события. И заранее предупреждаем, что сцены, которые вы сейчас увидите, не предназначены для детей и людей с ослабленной психикой.

Женщина на телеэкране выдержала паузу — словно бы для того, чтобы все дети успели отбежать от телевизоров как можно дальше. А Ньютон, когда услышал такую преамбулу при первом просмотре этого выпуска, испытал ощущение, будто по его затылку провели тающим куском льда.

— Максимка, — прошептал он, сам того не заметив; как не замечал уже четыре года, что любую новость, пришедшую из Балтсоюза, он ассоциирует со своим сыном.

А затем на экране возникли кадры настолько жуткие, что Ньютон вообще перестал замечать что-либо. Голые мужчины и женщины с низко опущенными головами монотонно ударялись о железные кабинки пляжных раздевалок, стоявшие на берегу какого-то водоема. Люди словно бы впали в единый пароксизм разрушения и решили протаранить их. И Ньютон

даже не сразу уразумел, что видит он вовсе не купальщиков-нудистов. Только когда на записи их фигуры предстали увеличенными (телевизионщики позаботились), Алексей Берестов понял, *кого* запечатлела камера. *Безликие, зомби, ходячие мертвецы* — как их только ни называли.

А потом рядом с безликими появилось трое людей вполне нормального вида. Если, конечно, понятие нормальности предполагало, что в ансамбле с разгрузочными жилетами нужно нахлобучивать на головы белые шляпы-сомбреро. И что ходить по пляжу следует, вооружившись крючьями-баграми. И что нужно этими баграми цеплять, как свиные туши, безликих людей, а потом сбрасывать их в воду — чтобы потом никто не сумел узнать наверняка, подвергались эти люди экстракции или нет. Еще в самом начале эры трансмутации был открыт поразительный феномен: после длительного пребывания под водой с мозгом подвергшихся экстракции людей начинали происходить перемены, названные *ложной декомпрессией*. А если по-простому: мозг взрывался внутри черепной коробки, делая безликих утопленников — *безголовыми*.

Ньютон смотрел на утопление трансмутантов, машинально дергая себя за длинную седую прядь волос — будто проверяя, а не спит ли он? А потом, когда на экране застыла ужасающая финальная картинка: человек с безжизненно повисшей головой бултыхается в воду, — за кадром снова раздался голос дикторши. Был он серьезным и полным печального негодования.

— Пока что, — говорила телеведущая, — мы не получили от руководства Балтийского Союза никаких комментариев по поводу этой записи. Однако наши источники сообщили нам, что ответственность за геноцид людей, подвергшихся недобровольной экстракции, несет экстремистская организация «Добрые пастыри». По нашим сведениям, её основали доктор Корнелиус фон Берг и сенатор Мартин Розен, оба — известнейшие в Балтийском союзе люди, столпы общества и филантропы.

На экране возникли фотографии их обоих: двух немолодых уже мужчин с одинаково лучезарными улыбками. Ньютон так и впился взглядом в экран: эти двое явно были его ровесниками, людьми, родившимися и выросшими в эпоху информационной революции и экономического либерализма. Оба, похоже, так и не смогли примириться с действительностью нынешнего дня. И решили, что лучший способ исправить положение — это доломать сломанное, а не ремонтировать его.

А телеведущая продолжала говорить; и бывший байкер, услышав сказанное ею, начал яростно материться. И матерился все четыре раза — сколько он смотрел этот новостной выпуск.

— Известие о трагической гибели доктора фон Берга, главного врача рижского Общественного госпиталя, на днях потрясло весь Балтийский Союз, — говорила дикторша. — В связи с убийством фон Берга полиция Балтсоюза разыскивает некоего Макса Петерса — чье личное оружие фигурирует в этом деле.

Фотографий Макса, правда, по телевизору не показывали — очевидно, их не оказалось в распоряжении ЕНК. Но Ньютону хватило и того, что он услышал. Да и, в любом случае, на этих фотографиях был бы запечатлен кто-то, совсем не похожий на его мальчика — каким Алексей Берестов до сих пор помнил его.

И он всё еще сидел перед выключенным телевизором, пытаясь собраться с мыслями, когда в дверь его квартиры вдруг позвонили.

— Максимка? — прошептал Ньютон — на сей раз вполне осознанно. И кинулся к

входной двери, даже не удосужившись взглянуть на монитор видеоглазка.

Однако последние десять лет всё же не прошли для него даром. Прежде чем отпираться, он почти автоматически выхватил из старинной стойки для зонтов помповое ружье «Лев Толстой» и передернул его затвор.

А когда он без всяких вопросов распахнул входную дверь, то у себя на пороге увидел вовсе не своего блудного сына. Явно — не его, поскольку Макс писал ему, что по-прежнему выглядит на свои тридцать с небольшим лет. Перед Ньютоном же стоял мужчина лет шестидесяти с хвостиком, в запыленных джинсах и черном хлопковом джемпере с подпалинами на рукавах.

— Ты кто, мать твою, такой? — рявкнул бывший байкер и повел стволом «Льва Толстого» в сторону незнакомца.

— Алексей Федорович, не стреляйте, — тихо, но внятно произнес тот. — У меня к вам разговор — по поводу вашего сына.

— Мой сын умер еще шесть лет назад, — сказал Ньютон.

— Не думаю, что это так. — Тихий голос пожилого мужчины был сильным и усталым; но ни страха, ни сомнений в нем не ощущалось.

5

Дробовик Ньютон не убрал и даже не отвел его от своего посетителя, которого пригласил-таки войти. Он хотел послушать, что тот скажет, и усадил его на табурет в маленькой кухоньке, а сам устроился на подоконнике — чтобы солнечный свет бил ему в спину.

— Ну, — спросил он, — что ты там говорил о моем *покойном* сыне?

— Мы оба знаем, что слухи о смерти Максима Берестова сильно преувеличены, — без улыбки сказал пожилой мужчина. — И, кстати, позвольте представиться. Я — Петр Сергеевич Королев, профессор, доктор медицинских наук. И я восхищаюсь работами вашего сына. Я прилетел из Риги специально, чтобы встретиться с вами и с ним.

Профессор отнюдь не насмешничал, но для Берестова-старшего в его словах всё равно таилась жестокая издевка. И еще — его сильно обеспокоило упоминание о Риге. Так что Ньютон сказал — еще грубее, чем раньше:

— У тебя, Петр Королев, уши грязью забиты? Мой сын — умер. Могу еще раз повторить, если ты слабослышащий.

Но и его гость не остался в долгу:

— Да хватит вам ломать комедию! Ваш сын прошел недавно вторую трансмутацию — это правда. Однако он вполне себе жив. И я очень заинтересован в том, чтобы увидеть его.

Вторую трансмутацию! Ньютон ощутил уже не просто прикосновение куска льда к своей голове: ему показалось, что его голова вмерзла в айсберг — размером с тот, который потопил «Титаник». И бывший байкер собрался уже гаркнуть: «Ну, я сейчас устрою тебе встречу с моим сыном — отстрелю башку!» Но тут Королев сказал — уже совсем другим тоном:

— Пожалуйста, Алексей Федорович, выслушайте меня! Дело в том, что у меня была... была дочь Маша. — Теперь он говорил с заметным усилием. — Ну, то есть, она и сейчас *есть*. Хотя это уже — не вполне она.

Ньютон вмиг догадался, о чем профессор ведет речь. Перед его глазами встали картины:

голые безликие люди безмолвно падают в воду — живые и мертвые одновременно.

— И вы... — Голос Ньютону изменил, и пришлось прокашляться. — Вы будете утверждать, что восхищаетесь работами моего сына?

Ньютон нечаянно перешел с профессором на «вы», на что тот, похоже, даже не обратил внимания.

— Вижу, вы меня поняли. — Голос профессора звучал печально — но, как ни странно, *сочувственно*; Берестов-старший решил даже, что его собственные уши забило чем-то — настолько подобное сочувствие казалось неуместным. — Маша стала жертвой колберов — много лет назад, еще в 2077 году. Но это — не вина вашего сына. Винить его в этом — было бы то же самое, что винить лорда Резерфорда в Чернобыльской аварии, которая случилась ровно сто лет назад. А Маша — она с тех пор пребывает в том состоянии, в каком эти мерзавцы её оставили. Да-да, не удивляйтесь: формально она всё ещё жива. Те колберы — они попытались её утопить. Но Машу удалось вытащить из воды и реанимировать. То есть, спасатели оформили её просто как неизвестную пациентку, *Джейн Доу* — такой вот американизм. Но я отыскал её потом в больнице, в *особом отделении*. И опознал Машу по татуировке в виде кораблика с алыми парусами, которая была у неё на плече. Она в пятнадцать лет набила себе эту картинку — начиталась Александра Грина. Даже надпись велела сделать на борту парусника: *Секрет*. Ах, да, я же забыл вам сказать главное: после извлечения из воды Маша впала в кому. Её не подключали к приборам, она могла дышать самостоятельно, однако её мозговая активность оставалась минимальной. И никаких моторных рефлексов у неё не проявлялось — а они даже у безликих сохраняются!

— Она в овощ превратилась, что ли? — нарочито грубо спросил Ньютон.

И — еще одна поразительная вещь: профессор странно оживился при этих его словах.

— Многие тогда сочли, что да! Но ведь — никому еще не приходилось наблюдать коматозных пациентов в состоянии постэкстракции. Я, конечно, забрал Машу из того жуткого отделения и перевез её за границу, в одну клинику под Санкт-Петербургом: специальное учреждение, где заботятся о жертвах колберов. Не бесплатно, конечно. И все тогда думали: Маша протянет год-другой, не больше. Но тамошних работников ожидал сюрприз. Её жизненные показатели продолжали оставаться неизменными и через три года, и через пять, и через восемь! Выяснилась удивительная вещь: коматозное состояние продлевает жизнь безликим. Никто так и не смог объяснить причин этого.

— Сейчас ситуация изменилась?

— Что, простите? — не понял профессор.

— Вы сказали: через три года и через восемь лет всё оставалось по-прежнему. Но ведь прошло девять лет со времени инцидента с вашей дочерью.

Королев глянул на него изумленно, как если бы хотел сказать: «Надо же, а я-то думал, что вы — тупой мужлан». Потом сказал:

— Да, сейчас многое изменилось. Потому-то я и здесь. Дело в том, что от Маши и её мужа Филиппа, которого тоже больше нет, осталась дочь — Настасья. Да, да, Настасья Филипповна — вижу, вы удивлены. Её отец был горячим поклонником творчества Достоевского. Так вот, в 2077 году я забрал девочку к себе и практически не выпускал её из квартиры с тех пор. Даже учил её на дому. И не сказал ей ничего о том, что её мать всё еще жива — хотя юридически считается умершей. А на днях произошло новое несчастье, и я отправил Настасью из Риги — искать Новый Китеж. Она должна была появиться у вас.

— У меня вашей внучки не было.

Слова Королева так поразили Ньютона, что он забыл даже демонстративно удивиться возможной связи между ним самим и каким-то там *Китежем*.

— Да я уже знаю! — Профессор взмахнул жилистой, очень крепкой на вид рукой. — Кое-кто меня просветил. И теперь, кажется, я могу потерять их обеих: и Машу, и Настасью, которая уехала вместе с вашим сыном. Уж не знаю, где и как она его отыскала. Но теперь за ними охотится некая группа людей. Они себя называют *добрыми пастырями*, но я бы по-другому их назвал. Убийцы и мясники — вот кто они такие.

Ньютон ощутил прилив злости, вспомнив холеные лица фон Берга и Розена на телеэкране, но вслух ничего не сказал.

— И мы просто обязаны найти Настасью и Максима Алексеевича раньше пастырей иначе может случиться катастрофа, — закончил профессор и опять глянул на Берестова-старшего по-новому, на сей раз — неуверенно, просительно.

И от этого взгляда Ньютону вконец поплохело. Он вспомнил: в точности такой же взгляд он видел в зеркале лифта, когда поднимался в номер своих тестя и тещи в гостинице «Ленинград» — сразу после смерти его жены Светланы: их дочери, матери Макса.

6

Вопреки распространенному предубеждению, никто среди его друзей-байкеров не баловался *запрещенными веществами*. И ни одного алкоголика среди них не было. А сам Ньютон ничего, крепче пива, в жизни своей не употреблял. И, уж конечно, в ту роковую ночь он не был ни пьяным, ни под кайфом. По крайней мере, сам он в этом не сомневался.

Ньютон не пересел на электроцикл, как многие из его знакомых. Он и в 2060 году предпочитал вечную классику: ездил на «Харлее-Дэвидсоне». И в качестве единственной уступки новым веяниям установил мощный глушитель на его двигатель. Так что, когда в июне того года Алексей Берестов со своей женой Светланой на байке возвращался домой из гостей, то двигались они по московским улицам практически бесшумно.

Время близилось к полуночи, и движение в городе если не замерло, то сильно утихло. Погода стояла дивная. Дома под присмотром няни их ждал восьмилетний сын. У Ньютона — инженера-программиста Берестова — имелась любимая и высокооплачиваемая работа. Они с женой обожали друг друга. И никогда еще Ньютону его жизнь не казалась такой *совершенной*, как тогда.

Ньютон старался не вспоминать, как он жил и с кем водил знакомства до того, как повстречался со своей Светой — светом его жизни, его *девой лучезарной*. Хотя, уж конечно, жизнь его началась отнюдь не в момент их встречи. Много чего происходило и *до* этого — когда Алексей Берестов после окончания университета поехал стажироваться в Санкт-Петербург, столицу Евразийской Конфедерации. И кое с кем там познакомился.

Ну, то есть, в конце-то концов он познакомился там со Светланой Жуковской — своей будущей женой. И, случись это знакомство на полгода раньше, Ньютон чувствовал бы себя счастливейшим человеком на земле. Но видно у них с Максимкой была одна планида: всё время чуть-чуть опаздывать.

И тогда, в июне 2060-го, Ньютон и Светлана тоже немного запаздывали. Няня должна была пробыть у них до полуночи, а значит — в течение двадцати минут им следовало вернуться домой. И Ньютон гнал «Харлей» по полупустым улицам на скорости почти в 100 километров в час — не выше разрешенного предела, но на самой его грани. Они оба ехали в

шлемах: и он сам, и Светлана, сидевшая позади него. Не хотели, что их остановила дорожная полиция. Хотя его жена всегда надевала шлем скорее для виду: не любила туго затягивать под подбородком его ремешок. И только смеялась, когда Ньютон выговаривал ей за это.

— Да ладно тебе, — говорила Света. — Я знаю: ты довезешь меня в целости и сохранности.

Сияла полная луна — как и в конце мая 2086-го. Но и без этого в городе было бы светло, почти как днем. Открытие Теслы в одном уж точно принесло пользу: электричество сделалось так дешево, что никто не скупился на освещение. И потому Ньютон страшно удивился, когда обнаружил, что катят они по абсолютной темной улице.

Он около минуты пребывал в уверенности, что все фонари внезапно погасли, а полная луна скрылась за облаками. И даже не подумал остановить мотоцикл: он знал дорогу так хорошо, что и в полной тьме не заблудился бы. Только тогда, когда тьма эта начала наливаться фиолетовым оттенком, а затем и вовсе — сделалась багровой, Ньютон уразумел: дело тут не в городском освещении.

Он попытался нажать на тормоз, но его ноги, руки, шея — всё будто одеревенело. Тело стало чужим. Он не мог ни пошевелиться, ни заговорить, ни хотя бы моргнуть.

Однако он продолжал всё слышать — хорошо, даже слишком хорошо.

— Алексей! — донесся до него словно бы многократно усиленный, ставший громовым, голос его жены. — Леша, остановись! Мы разобьемся!

Ему показалось, что это голос *не* Светланы: не могла его любимая жена издавать такие звуки, от которых его череп, казалось, вот-вот лопнет. Он мотнул головой — это, как ни странно, ему сделать удалось, — и даже не услышал, а всем своим существом *ощутил* звук удара, показавшегося ему чудовищным. Только потом, уже несколько часов спустя, Ньютон догадался: в тот момент его шлем стукнулся о шлем Светланы, которая прижималась к его спине.

Раздался женский (*Светкин?*) крик, и «Харлей» повело в сторону: Света, похоже, стала соскальзывать со своего сиденья. Возможно, они и раньше-то ехали не очень ровно — иначе с чего бы она стала так вопить? А теперь даже Ньютон, в своем полупараличе, уловил: байк под ним начал вилять из стороны в сторону.

Ньютон снова попытался нажать на тормоз. И — чудо: ему это удалось. Так что в бетонное основание гигантского телеэкрана на Большой Никитской улице они врезались на скорости не больше восьмидесяти километров в час. Ха-ха, какие пустяки!..

Он до сих пор не мог понять, что произошло тогда. Каким-то образом оказалось, что он лежит на газоне — позади великанского телевизора. От удара о землю из Ньютона чуть не вышибло дух, но он ощущал, что остался цел: ничего себе не сломал.

— Света! — позвал он, обнаружив, что язык снова соглашается ему служить. — Светик, ты как?

Никто не отозвался; он только услышал визг тормозов остановившейся где-то поблизости машины.

Он все еще плохо видел, и шея его поворачивалась туго, но всё же ему удалось оглянуться — поглядеть через плечо.

Позади себя он увидел полицейскую машину, затормозившую рядом с его разбитым «Харлеем». А суть поодаль от байка лежала на асфальте, словно отброшенная ребенком кукла, его жена.

Ньютон сразу же заметил две вещи. От первой сердце его похолодело. А от второй —

его начало рвать, бурно и неудержимо. Он словно хотел исторгнуть наружу свое заледеневшее, как у мальчика Кая в детской сказке, сердце.

Первая вещь была — Светкина голова *без шлема*. Тот отлетел далеко в сторону. А второе — были босые ноги Светланы, с которых свалились туфли: с поперечными ремешками, застегивавшимися на пряжки. И байкер Ньютон знал, что это значит. С живых людей обувь *вот так* не сваливается. Его жена погибла на месте.

Позже медэксперты подтвердили это его заключение. Да еще и дополнили его своим: указали, что в крови Ньютона присутствовало вещество галлюциногенной группы, синтезированное годом ранее в Китае — тогда еще неизвестным биохимиком по имени Ли Хань. Вещество это получило в Конфедерации вполне обоснованное прозвание: *Китайская стена*. Поскольку употребить его было — как налететь на стену. Что случай с Ньютоном и доказал — в буквальном, не в фигуральном смысле.

— Да не закидывался я этой вашей *стеной!* — орал тогда Ньютон на врачей, делавших анализ его крови. — Я даже не пил ничего в тот вечер, кроме лимонада!

И — да: медики с последним его утверждением согласились. Алкоголь в его крови и вправду обнаружен не был. Только благодаря этому он и не угодил тогда за решетку. В законодательстве имелась лакуна: *Китайскую стену* еще не успели внести в перечень препаратов, запрещенных к употреблению при вождении транспорта. Так что формально Берестов Алексей Федорович закона не нарушал.

7

Однако для его тестя и тещи, которые на следующий день прибыли в Москву из Санкт-Петербурга, формальные вещи не играли ни малейшей роли. Родители Светланы выглядели бледными, как мраморные ангелы на кладбище. И от них веяло таким же холодом. Света была их единственным ребенком, и сочувствовать Ньютоном из-за того, что он потерял жену — вместо которой он легко мог бы обзавестись новой — они уж точно не собирались. Пока он был в больнице — ругался с врачами, они поехали к нему домой и забрали с собой рыдающего Макса. Увезли его в старинную гостиницу «Ленинградская», где они всегда останавливались, когда бывали в Москве — пренебрегая квартирой зятя и дочери.

Ньютоном они оставили записку: написали, что будут ждать его в своем номере — для разговора. Вот тогда-то, поднимаясь к ним на лифте, он и увидел в зеркале свое жалкое отражение.

— Ты угробил Свету, — сказал ему тесть, едва только Ньютон переступил порог, — но Максима ты не получишь. Он — всё, что у нас с женой осталось. Так что он поедет с нами в Питер. Да, и на случай, если ты не понял: там же мы будем хоронить Светлану. Как только медэксперты разрешат забрать её тело, мы уедем.

— Максимка — мой *сын!* — вскинулся Ньютон. — Вы не имеете права забирать его без моего разрешения. Как и хоронить мою жену в другом городе.

— Ну, так я советую тебе дать нам это разрешение — подобру-поздорову. Если ты не хочешь, конечно, чтобы суд лишил тебя родительских прав — когда будут обнародованы *обстоятельства* Светланиной смерти.

— Это ошибка! — Ньютон всё еще пытался протестовать, но уже знал, что проиграл; ему было не отмыться уже никогда. — Я не понимаю, что произошло.

— Зато я понимаю! — Тесть говорил шепотом — явно для того, чтобы не побеспокоить

жену и внука, находившихся в смежной комнате. — Ты, поганец, наглотался какой-то дряни — и даже не помнишь этого. По твоим глазам вижу: ты в самом деле этого не помнишь. И ладно бы — если бы после этого ты сел на свой поганый мотоцикл один. Так нет — тебе надо было ехать вместе с моей дочерью. Я бы убил тебя своими руками, да не имею права сесть в тюрьму. Мне еще надо вырастить Максима. И, кстати, ты можешь попрощаться с ним прямо сейчас: до нашего отъезда ты его уже не увидишь.

И Ньютон утер злые слезы, которые текли у него из глаз уже минут пять — а он только теперь это заметил. После чего пошел в соседнюю комнату.

— Максимка, — сказал он зареванному сыну, — ты какое-то время поживешь у бабушки с дедушкой в Питере.

— А школа? — ахнул мальчик.

— Переведешься в питерскую. Будешь, наверное, учиться в одном классе со своим другом — с которым ты всегда играешь во дворе, когда едешь в Питер: с Дениской Молодцовым. Уж он-то точно твоему переезду обрадуется.

Так всё оно и вышло. Макс уехал в Санкт-Петербург, там же похоронили Свету, а Ньютон — точнее, уже не Ньютон, а просто Алексей Берестов, — вернулся в свою квартиру на Большой Никитской. Где с тех пор — тому уже двадцать шесть лет — жил один.

Правда, тесть и теща потом всё-таки смиростивились: Максимка их упросил, чтобы они разрешали ему на летних каникулах навещать отца. Так что один месяц в году его мальчик жил у него. И — чего Ньютон не мог себе простить наравне с той поездкой в июне 2060 года, так это одной вещи, которую он постоянно проделывал в присутствии своего сына. Бывший байкер то и дело читал вслух стихотворение Эдгара Алана По «Ворон»: и в оригинале, и на русском языке, в переводе Валерия Брюсова. Это стало для него сродни психической навязчивости. Он дня не мог прожить, чтобы не повторить эти строки:

Ради неба, что над нами, часа страшного суда,
Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальней,
Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?
Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы всегда?[1]

Так что, если кто-то и вправду был повинен в глобальной катастрофе, вызванной открытием трансмутации, то это был он — Алексей Федорович Берестов. А вовсе не егс гениальный сын, которого он своей дуростью и неумной жалостью к самому себе подтолкнул к чудовищной, невозможной, блистательной идее. Заставил его придумать, как навеки сохранить облик дорогих покойников где-то, помимо собственного сердца. И не объяснил своему сыну, что гений одних — это всегда сфера наживы для других.

Главное же — он так и не рассказал ему о своих подозрениях касавшего его лучшего друга. *В прошлом*, конечно, лучшего: Дениса Молодцова.

Ньютон соскочил с подоконника, положил дробовик на кухонный стол и, пододвинув себе второй табурет, уселся напротив своего гостя. А потом, уперев руки в колени, приблизил к нему лицо.

— Если вы считаете, что я идиот, то это *не совсем так*, — сказал он. — Так что хватит темнить. Что случилось с вашей дочерью Марией? Её захватили добрые пастыри?

Королев отшатнулся от него так резко, что едва не упал спиной назад вместе с

табуретом. А выражение его лица стало таким, что можно было и не переспрашивать. «Я угадал», — подумал Ньютон. Была и еще одна вещь, которую его мальчик унаследовал именно от него: способность к озарениям. Слово *интуиция* Ньютону никогда не нравилось.

— Ладно, — медленно проговорил профессор, — я расскажу вам, как всё было. Но сразу хочу предупредить: вам очень многое не понравится.

Ньютон только пожал плечами, дескать: «Что уж тут поделывать?»

— После того, как я поместил Машу в то специализированное учреждение, у меня была в жизни только одна цель. Ну, точнее две. Но другая цель — защитить Настасью, — всё-таки оставалась для меня на втором месте. А первое, о чем я думал беспрестанно: это как вернуть Машу.

— Как вывести её из комы?

— О, нет. Я быстро понял, что кома оказалась для неё подлинным спасением: продлила её физическое существование на годы. Я думал о том, как снова сделать её *человеком* — а потом уже вывести из комы. И все исследования, какие я проводил после 2077 года, были направлены только на это: разработать технологию дезэкстракции. Говоря простым языком: научиться вводить в мозг так называемых безликих экстракт Берестова.

— Это невозможно, — сказал Ньютон. — Корпорация «Перерождение» лет восемь назад проводила подобные эксперименты на преступниках, приговоренных к принудительной экстракции. Максим сперва не хотел в этом участвовать, но потом всё-таки согласился. Сказал: «Эти люди всё равно обречены. А так у них появится хоть какой-то шанс — если они дадут согласие на проведение тестов со своей видоизмененной оболочкой». Ну и, конечно, почти все такое согласие давали. Только результатов те эксперименты не принесли.

— Знаю, знаю! — Королев нетерпеливо взмахнул рукой. — Это были попытки вводить донорам их же собственный мозговой экстракт. Но я-то пошел по иному пути! Правда, завершить разработку своей технологии я так и не успел — поэтому апробацию на людях не проводил. Однако опыты на приматах прошли в высшей степени успешно. Я вводил в мозг животных, подвергшихся экстракции, вытяжку из мозга *других* подопытных. И более чем в девяноста процентах случаев достигал нужного мне результата: реципиенты приобретали внешние характеристики доноров. Я был так близок к своей цели! Но тут словно бы злой рок вмешался: Маша очнулась. Ну, как очнулась: вышла из комы, не из того состояния псевдокататонии, в котором пребывают все безликие. Так что я стал работать день и ночь, понимая, что могу не успеть: её жизнь оборвется в любой момент. И уж никак я не думал, что в дело вмешаются мои соседки: две сестры, жившие в квартире этажом ниже.

И профессор принялся рассказывать — начав с того, как его внучка пошла к своему жениху Ивару, который внезапно *приболел*. Он поведал все детали случившегося — включая вынужденную экстракцию одной из сестер. И дошел до того места, как он с Настасьей и её женихом покинул свою квартиру — сперва кое-что своей внучке отдав. На всякий случай — если он сам не выберется. И в расчете на то, что в Новом Китеже найдется человек, который сумеет довести до конца дело всей его жизни.

— Я не мог спуститься с балкона на землю, — говорил профессор, — не хватило бы длины веревки. И я должен был вернуться в квартиру Озолсов. Во-первых, я обещал, что выведу оттуда Карину и Сюзанну, сестер Ивара. А во-вторых — я забыл кое-что из этой квартиры забрать.

Он спустился на балкон квартиры Озолсов по короткой самодельной веревке и отвязал от неё одну облитую водой простыню: мокрая ткань могла очень ему пригодиться. А потом шагнул с балкона в комнату Ивара. И первое, что заметил — отсутствие Сюзанны. Та ухитрилась каким-то образом уползти отсюда — даже с порванным ахилловым сухожилием. Зато Карина по-прежнему была здесь: стояла возле балконных дверей в своем зеленом платье. Из-за спины у неё поднимался черный дым.

Профессор хотел сделать, как обещал: вывести её на балкон. И он *попытался* сделать это: в конце концов, она могла бы стать одной из испытуемых, если бы его технология дезэкстракции дошла до стадии тестов на людях. Он даже зашел Карине за спину, собираясь вытолкнуть её наружу — к перилам балкона. Да так и замер на месте.

— Господи, — прошептал он, — да как же она еще жива!..

Платье из зеленой синтетической материи, которое было на Карине, не просто расплавилось у неё на спине. Оно словно бы *вплавилось* в её кожу и мышцы, растопляя их. Зеленую ткань явно произвели подпольно, на какой-то нелегальной фабрике, а потом продали для пошива одежды под видом оригинального бионейлона. И этот эрзац оказался настолько мощным катализатором горения, что профессор увидел, как из-под расплавившееся мышечной ткани на спине Карины виднеются ребра. Несчастная буквально горела заживо. Но характерного запаха горящего белка при этом не ощущалось — потому-то профессор и не разобрался сразу, в чем дело. Всё перебивала вонь исходящей дымом синтетики: поддельного бионейлона.

Он понял: Карине уже не помочь. И сделал то единственное, что ему оставалось: пустил в ход пистолет, который он хотел было отдать Настасье, да в последний момент передумал. Выстрел прозвучал почти бесшумно, и тело Карины, продолжающее гореть, повалилось на пол — лицом вниз. Ну, то есть — просто ничком. Лица-то у неё больше не было.

А сам профессор набросил на голову мокрую простыню и выскочил в коридор.

Поначалу он пытался из-под простыни выглядывать, но потом понял: так он снижает свои шансы не только добраться до цели, но и вообще — выжить. Всё вокруг заполнял едкий дым: Озолсы питали неумеренную любовь к синтетике не только в одежде. И профессор, накрывшись простыней целиком — наподобие героя старинного мультфильма Карлсона, когда тот изображал привидение, — стал пробираться по коридору к комнате сестер. Благо, по своей планировке эта квартира целиком повторяла его собственную, и заблудиться он не боялся.

И тут он услышал звук хлопнувшей входной двери, а потом — скрежет ключа в замочной скважине.

— Сюзанна, — беззвучно прошептал он и закашлялся.

Он понял: сестра Ивара успела увидеть его, прежде чем выбралась на лестничную площадку. И решила, что профессор не должен покинуть горящую квартиру. Иначе с чего бы ей было запирать на ключ дверь дома, уничтожаемого огнем? Но менять свои планы из-за этого он не собирался.

В одном ему повезло: Сюзанна и Карина заранее уложили свои вещи, готовясь пуститься в бега — с деньгами, вырученными от продажи мозговых экстрактов Ивара и Настасьи. И охромевшая Сюзанна, завидев его, не стала тратить время на то, чтобы прихватить свои пожитки. Так что, когда профессор ввалился из коридора в комнату сестер,

он сразу же увидел их чемоданы. Они стояли метрах в трех от двери, а их тугие кожаные бока уже лизало пламя. Пожар-то явно начался именно в этой комнате: от зарядного устройства ноутбука, стоявшего рядом с розеткой.

Профессор попытался было шагнуть вперед, но его обдало таким жаром, что вода на простыне зашипела и начала испаряться. А его самого словно бы погрузили в кипяток. Он снова выскочил в коридор и вернулся в комнату Ивара — молясь, чтобы нужный ему предмет всё еще находился там. И — да: гарпунное ружье по-прежнему валялось на полу. Да и сам гарпун, окровавленный, оставался на тросике.

Профессор схватил ружье, заправил гарпун в его ствол и кинулся обратно. Дыму в коридоре стало еще больше, а простыня сделалась суше, так что по горлу Королева словно бы водили куском наждака — при каждом вдохе. Но теперь он мог не заходить в комнату Сюзанны и Карины. Прямо от её порога он выстрелил в тот чемодан, который стоял ближе к нему. А когда гарпун вонзился, потянул тросик на себя.

И какие-то высшие силы сжалились над злосчастным ученым. Именно в этом чемодане, прямо сверху, лежал Каринин паспорт. Профессор схватил пластиковую книжечку и бережно упрятал в нагрудный карман своего джемпера, под которым — в жестком футляре на поясе — он еще раньше спрятал капсулу с мозговым экстрактом Карины. И собрался уже бежать прочь — когда вспомнил, что бежать-то ему некуда. Дверь в квартире Озолсов была массивная — не выбить. А если бы стал искать запасной ключ от неё, то лестница за время его поисков сделалась бы непроходимой из-за огня и дыма.

Так что он принял другое решение: дикое и единственно возможное. Но сперва ему, как фокуснику, нужна была *престиджитация*: трюк по отвлечению внимания.

Во дворе горящего дома собрался народ, и там же, внизу, находились теперь Настасья с Иваром. И профессор не хотел, чтобы они увидели его и поняли, что у него остаются шансы спастись. Они еще, чего доброго, стали бы дожидаться во дворе приезда пожарных. Или — хуже того — сами попытались бы тушить пожар. А дети и так уже слишком долго пробыли на людях. В чем он и убедился лишний раз, когда ползком выбрался на балкон, где нагрелся даже пол, и с великой осторожностью поглядел вниз через раскалившиеся балясины.

Соседи обложили детей, как охотники волков. Разве что — вместо красных флажков по всему двору метались отсветы огня. И первым побуждением профессора было — начать палить из пистолета по негодьям, взявшим в кольцо Ивара и Настасью. Но, во-первых, от дыма у него слезились глаза, и он не был уверен, что сослепу не попадет в самих детей. Во-вторых, зарядов в обойме его пистолета в любом случае не хватило бы, чтобы перебить всех. А в-третьих — он, опять же, подтолкнул бы Ивара и Настасью к тому, чтобы искать способ ему помочь. И почти гарантированно погубил бы их.

Престиджитация требовалась не только для его бегства — она должна была спасти детей, которых он сам больше не мог защитить. И, быстро перебирая локтями, на которых уже тлели рукава его черного хлопкового джемпера, он заполз обратно в комнату Ивара.

И снова ему повезло. Тело Карины уже оплавилось целиком — как если бы её засунули в гигантскую микроволновую печь. Ни платья, ни волос, ни признаков пола на её теле больше не просматривалось. Так что профессор понял: вот оно — его спасение. И возможность отвлечь внимание от детей — дать им шанс бежать. Его простыня — уже почти совсем сухая — всё еще была на нем. Он скинул её с себя, сложил в несколько слоев и через неё ухватил тело Карины. Но даже и так оно ожгло ему руки, как если бы это был снятый со сковороды бифштекс.

Профессор только стиснул зубы — ношу свою не выпустил. И поволок безликую покойницу (теперь — просто обгоревший труп, не подлежащий опознанию) к балконной двери. Соседи внизу галдели, Ивар пытался отбиться от них, и никто не заметил, как профессор оторвал от балконного пола тело Карины, перевалил его через перила и сбросил вниз.

Королев испытал мимолетное удовлетворение, когда увидел, какую панику это произвело. И удостоверился: дети догадались воспользоваться моментом и пуститься в бегство. А потом полез обратно по веревке из простыней в свою квартиру этажом выше. Хотя вовсе не был уверен, что там сработала примитивная система пожаротушения, которую он установил несколько лет назад — из-за того, что некоторые свои опыты проводил дома.

9

— Это была обычная дождевальная установка, да и воды в ней находилось всего ничего, — закончил свой рассказ профессор. — Но она всё же не подвела, и моя квартира не горела. Всего лишь была заполнена дымом и паром. Я выбрался в коридор, но даже не стал открывать входную дверь. Её ручка оказалась раскалена настолько, что я понял: на лестнице бушует пламя.

— Но вы всё-таки сумели спастись.

— Меня выручило знание истории моего дома. Пушкин когда-то сказал: *мы ленивы и нелюбопытны*. А вот я проявил любопытство. И знал: в том доме, где я жил, когда-то размещалась земская управа. А в ней имелись длинные коридоры, соединявшие разные части здания. Двери в них потом заклеили обоями — когда дом разбили на квартиры. И одна такая дверь находилась как раз в моей прихожей. Я выбил её, перебрался по коридору в соседний подъезд и вышел во двор.

— Столкнулись там с вашими соседями? И с вашей внучкой и её женихом?

— Да нет. — Профессор помрачнел. — Дети убежали, а эти мерзавцы погнались за ними. Но в тот момент я этого не знал. Я решил: Ивар и Настасья укрылись где-то в городе. А соседи... Наверное, я подумал, что они просто отправились выносить свой скарб. Но скорее — вообще *ничего* не подумал. В голове у меня мутилось. Я выбрался на улицу — прошел мимо кареты «скорой помощи», которая всё-таки прибыла, но к врачам обращаться не стал. Отправился пешком к своему университету. Потому что увидел: рядом с моим подъездом стоит черный автомобиль, а возле него... В общем, это был господин, которому все мои разработки были бы — словно кость в горле. И я решил, что должен срочно навестись в мою лабораторию — принять меры для их сохранности.

— Этот господин был — сенатор Розен, лидер добрых пастырей? И вы боялись, что его вмешательство может помешать вам вернуть вашу дочь — провести её деэкстракцию?

— Вы — прямо ясновидящий. — Профессор невесело усмехнулся. — Да, это был Мартин Розен. И я, закончив дела в своей лаборатории, хотел повидать Машу — убедиться, что с ней всё в порядке — что её не отыскал никто посторонний. А ведь я уже тогда получил предостережение свыше! Много лет я носил при себе Машин больничный браслет — из того *особого* отделения, — чтобы ни на минуту не забывать, что я должен делать. А на пожаре я умудрился потерять его — даже не заметил, как. Обнаружил это только тогда, когда уже пришел в университет.

— И там что-то случилось — у вас в университете?

— Случилось, да. Но еще до того, как я там появился.

10

Его лаборатория имела отдельный вход. И он рассчитывал даже в пять утра попасть туда без всяких препон: ключ-карту он всегда носил при себе. Однако эта карта так и осталась у него в руке — пускать её в ход никакой необходимости уже не было. Дверь, ведущая в помещение, висела на одной петле, хотя кто-то для отвода глаз и попытался её захлопнуть. Может быть, желая приглушить шум и гвалт, доносившиеся изнутри.

Профессор ворвался внутрь, и его прошиб холодный пот: в его лаборатории всё равно как Мамай прошел. Лабораторные столы были словно бы нарочно повалены так, чтобы перебить и посуду, и микроскопы, и настольные светильники. Все три стеллажа с папками, книгами и электронными устройствами лежали на полу. Системный блок его компьютера исчез, а дисплей монитора имел такой вид, словно по нему несколько раз крепко шарахнули кувалдой. Но главное — клетки с его животными стояли открытые. И все подопытные макаки — кроме тех, которые являлись, условно говоря, *безликими*, и сидели в своих клетках недвижно, — с криками и визгом носились по битому стеклу, кускам пластика с острыми краями и шипастым обломкам стеллажей. При виде профессора они загалдели еще громче, и кинулись — кто к нему, а кто от него: прятаться за порушенной мебелью. Все они оставляли кровавые следы на полу.

Вот тут профессор — чуть ли не впервые за минувшие часы — испытал подлинный ужас. Эти макаки составляли дело всей его жизни. Да что там — *его* жизни! От них зависела жизнь его Маши. Взломщики, проникшие в его лабораторию, не увидели в маленьких обезьянках никакого интереса. А между тем именно они и были главной ценностью здесь. Результаты опытов, которые он отдал Настасье — их он мог бы восстановить по памяти. Но гибель этих животных, на которых профессор начал ставить опыты по деэкстракции три года назад, означала бы: ему придется всё начать сначала. А *еще* трех лет у Марьи Петровны Рябовой, вышедшей из комы, уже не было.

— Если они погибнут, — прошептал профессор, — то и Маше конец...

Он кинулся было звонить по телефону в ветеринарную клинику, с которой он работал в контакте уже много лет. Однако проводной телефонный аппарат валялся на полу раскуроченный — его будто ногами топтали. И он принялся ловить животных сам.

— Ничего, детки, — шептал он. — Я всем вам сумею помочь.

И — да: он сумел. Он переловил их всех, рассадил обратно по клеткам, а потом загрузил эти клетки в университетский микроавтобус — на котором и уехал, по сути дела, угнав его. Не было еще и семи утра, так что никто профессора за этим деянием не застукал.

Меньше чем за полчаса он довез животных до нужной ему ветеринарной клиники и — прочел на её двери объявление: *Закрото в силу форс-мажорных обстоятельств*. У профессора даже в глазах потемнело. Подобная фраза всегда означала одно: до кого-то добрались колберы. И надо было теперь справляться самому.

Профессор монтировкой взломал заднюю дверь клиники и затащил внутрь все клетки со своими макаками. Без отдыха, еды и питья он пять часов кряду обрабатывал раны своих мартышек; вытаскивал занозы; промывал химические ожоги, оставленные содержимым разбитых колб; накладывал пластыри и повязки. А главное — ставил капельницы экстрагированным макакам, кормил и поил их: из-за голода и обезвоживания они

находились почти на грани гибели.

Он так и уснул — около трех часов пополудни — возле одной из клеток, с поилкой в руках. Он вливал апельсиновый сок в рот одной из несчастных, изуродованных экстракцией обезьянок, шепча ей: «Потерпи, милая, ты скоро снова станешь красивой...», и лишь на одну секундочку прикрыл глаза. А когда он их открыл, за окном уже всю сияло утро нового дня.

11

— В итоге я только в среду днем сумел дозвониться в Комарово — в тот санаторий, куда я поместил Машу, — проговорил профессор. — И знаете, что мне там сказали?

— Ну, я же ясновидящий. — Ньютон скривился: изобразил усмешку. — Полагаю, вам сказали, что ваша дочь пропала. *Потерялась*, как тот браслет.

— Верно. Я знал, что должен ехать туда немедленно, но сперва мне нужно было переправить своих мартышек в надежное место: в специализированный питомник в ста километрах от Риги. Именно оттуда я их всех получал. А ещё — надо было раздобыть тысячу конфедератских червонцев наличными. Иначе меня бы просто не пропустили через границу. И только в четверг вечером я сумел прибыть в Комарово. Я чуть не убил главврача, пытаюсь выяснить, куда Маша делась, и тут — ко мне подошла какая-то медсестра. И передала мне вот эту вещь.

Он сунул руку в карман джинсов и вытащил — Ньютон даже присвистнул от изумления: мобильный телефон-раскладушка. Кнопочный, довольно примитивный, но в рабочем состоянии: как только профессор откинул его крышку, дисплей мобильника засветился.

— Я знал, конечно, что они кое у кого остались, — сказал гость Ньютона. — Но не думал, что мне самому еще доведется таким устройством пользоваться. Когда медсестра мне его передала, там уже было принято голосовое сообщение. Его оставил, представьте себе, сенатор Мартин Розен. Оно автоматически стерлось сразу после прослушивания, но мне и одного раза хватило, чтобы его запомнить. Сенатор начал без обиняков: «На случай, если вы всё-таки живы...» Очень предусмотрительный господин. Он известил меня, что *Джейн Доу*, которую я регулярно навещал, теперь у него. И что её жизнь, равно как и жизнь моей внучки, в его руках. Ну, насчет Настасьи-то, положим, он соврал... Но главное — он предложил мне сделку.

На последних словах профессор понизил голос — как если бы кто-то мог их подслушать. А потом цепко ухватил Ньютона за рубашку и притянул к себе — так что ухо бывшего байкера оказалось прямо с его губами. И только после этого заговорил снова. Зашептал — едва слышно. Чуть громче остальных у него выходило только отдельные фразы: «Он узнал, что я почти нашел способ...», «Я сказал ему, что все результаты отдал...», «Хотел отыскать Настасью — защитить её...», «Пообещал, что приведу...»

Когда он закончил, Ньютон молчал минуты три или четыре — обдумывал его слова. А потом сказал:

— Очень удачно вышло, что вы оставили в Риге ту заполненную капсулу — не повезли её с собой. А мобильник нам пригодится: прежде чем вы позвоните Розену, я отправлю одно сообщение.

[1] Э.А. По. «Ворон» (пер. В. Брюсова).

Глава 15. Новый Китеж

31 мая — 1 июня 2086 года. Пятница и суббота

Алексинский уезд Тульской губернии

Москва

Санкт-Петербург

1

Настасья хвалила себя за то, что оставила себе кожаную куртку Макса. Кабина электрокоптера была закрытой и не продувалась ветрами, однако они решили не включать обогреватель: экономить заряд аккумулятора. И сейчас в кабине температура вряд ли превышала 12 градусов по Цельсию. Но при минимальном расходе энергии они могли добраться до пункта назначения без подзарядки. И теперь двигались на юго-восток, вдоль железной дороги «Санкт-Петербург — Москва». Несколько лет назад по итогам проведенного референдума ей было возвращено историческое название: *Николаевская*.

— В Москве мы приземляться не будем, — сказал Макс, — это слишком рискованно. Сядем на сто километров южнее. Главное — успеть в срок.

— Но мы летим в Новый Китеж?

— Разумеется. Я же обещал, что доставлю тебя туда.

— Тогда какая разница — успеем мы в срок или нет?

Спутник Настасьи только загадочно улыбнулся. И у девушки внутри всё перевернулось при виде этой улыбки: улыбки Ивара. Стоило Настасье чуть прикрыть глаза, и она видела картину: голова её мертвого друга, у которого на виске словно бы вырос один ассиметричный рог — как если бы он нахлобучил на себя испорченный шлем чуди белоглазой. И она знала, что картина эта не пропадет из её памяти, не сотрется, даже если ей, Настасье Рябовой, доведется прожить еще сто лет.

И всё же, когда она смотрела на человека, который вел сейчас их электрокоптер, то не могла определиться: кого же она видит? А главное — кого она *хочет* видеть? Самой себе она говорила: «Конечно, Ивара. Вот почему я так часто смотрю на него. Хорошо, что сам он этого не замечает». Однако — ни в одном из этих пунктов она уверена не была.

Не была она также уверена, что *вполне* отдает себе отчет в том, кто такой на самом деле её спутник. Она и верила, и не верила, что он — тот самый гениальный ученый, которого ставили в один ряд с императором Нероном и Адольфом Гитлером по числу загубленных им жизней. Настасья не хотела думать об этом, а сам Макс явно не хотел ничего ей объяснять. И они — по обоюдному безмолвному соглашению — не обсуждали его раскрытое инкогнито.

Гастон давно задремал, свернувшись в большой черный калач на полу кабины. И ноги Настасьи нисколько не мерзли даже в ремешковых сандалиях: ньюфаундленд согревал их своим боком лучше любой грелки. Ничто не мешало ему спать: электрический мотор вертолета работал почти бесшумно. Его ровное, монотонное тарахтенье действовало так убаюкивающее, что Настасья и сама раза три или четыре проваливалась в сон — минут на двадцать каждый. И всякий раз, пробуждаясь, беспокойно вскидывалась: не добрались ли они еще? Но нет: Макс предупредил, что на место они должны прибыть только к вечеру. Им еще повезло, что Мартин Розен оказался человеком запасливым: в его летающей машине

нашелся и кулер с водой, и целый набор сухих пайков — которые годились и для людей, и для собак. Они перекусывали прямо в дороге — летели уже шестой час подряд. Электрокоптеры были, пользуясь определением старинного военного фильма — *воздушные тихоходы*.

И вот за что Настасья себе *не* хвалила — так это за то, что она позволила Максу отложить изучение материалов её дедушки. Хотя, конечно, задерживаться на том железнодорожном вокзале они никак не могли. А в полете Макс отключил бортовой компьютер электрокоптера — опасаясь, что его использование может выдать Розену их местоположение. Однако кое-чего Настасья больше откладывать не желала.

— Я хочу знать, — повернулась она к Макс, — что это была за вещь — которую потерял мой дедушка?

Макс бросил на неё короткий взгляд, а потом вытащил из кармана своей джинсовой куртки и протянул ей маленький предмет: прозрачный браслет на пластиковой стяжке. Настасья взяла его и прочла на пластине, запаянной в плексигласовый корпус, надпись: *Джейн Доу. Дата поступления: 05.06.2077 г.*

— Пятое июня семьдесят седьмого года... — не веря себе, прошептала она.

2

Ньютон и его гость очень быстро дошли до станции метро «Баррикадная». Идти-то было всего ничего: чуть дальше старинной сталинской высотки на Кудринской площади. Собственно, они могли бы пойти сразу на «Краснопресненскую», поскольку им нужна была кольцевая линия. Однако Ньютон сказал:

— Перейдем, когда спустимся в метро.

Так поступали все москвичи уже несколько лет кряду: передвигаться под землей стало куда безопаснее, чем по её поверхности.

Барельеф со сценой рабочего восстания с наземного павильона «Баррикадной» давно уже сняли — передали в музей революционной атрибутики, размещавшийся неподалеку: в бывшем Центральном доме литераторов на Большой Никитской. Но само наименование станции оставили неизменным — каким оно было с двадцатого века. Хотя Баррикадной улице, по имени которой станцию называли, давно уже возвратили исторический топоним: *Кудринская*.

Время, когда они подошли к «Баррикадной», прежде именовали часом пик. Но теперь в Москве не бывало столпотворений. И они без препон миновали рамки детекторов металла и электронных устройств, что перегораживали вестибюль, как небольшой виадук.

— А я-то не понял, *что* вы мне давеча сказали про капсулу, — сказал профессор, когда они шли по переходу на «Краснопресненскую». — Но к чему все эти предосторожности? Трансмутация — процесс быстрый, но далеко не моментальный. И не заметить его со стороны никак нельзя.

— Колберы насобачились: приспособились затирать потенциальную жертву в угол на станции. Один перекрывал обзор, а другой — производил эту самую экстракцию, чтоб её за... закоротило!

— И никто не пытался звать на помощь?

— Иногда жертва уже бывала мертва — экстракции это не препятствовало. Но чаще — в неё стреляли из *Pupa van Винкля*.

— Вот почему все на нас косятся с таким подозрением, — сказал профессор. — Колберы-то, вероятно, ходили парами.

— Ходили и *ходят*. До сих бывают случаи — нечасто, правда, — когда они вгоняют потенциальную жертву в ступор при помощи *Китайской стены* и выводят из метро под руки в полубессознательном состоянии.

Когда Ньютон говорил «Китайская стена», его передернуло. И профессор, должно быть, что-то такое заметил. Только истолковал неправильно.

— Ваш сын во всем этом не виноват, — снова повторил он.

И дальше они шли в молчании до самой «Краснопресненской», где революционные барельефы никто не снимал, и они до сих пор смахивали на шоколадные фигурки в золотой фольге — ничуть не поблекли. А облицовка стен из красного и белого мрамора походила на землянику со сливками.

— Нам — в сторону «Комсомольской», — сказал Ньютон, хотя его спутник и так это знал. — И, когда мы сядем в вагон, не смотрите себе под ноги — смотрите по сторонам. Иначе люди и вправду решат, что мы с вами колберы. Раньше-то в метро все читали, а сейчас нашли занятие поинтереснее: во все глаза друг за дружкой следят.

— Учту. — Королев усмехнулся. — Сколько нам ехать?

— Если не будет экстренных остановок — минут десять.

— Это хорошо. Когда мы прибудем на место, нам нужно будет осмотреться — до того, как состоится *рандеву*.

3

Настасья стиснула браслет с такой силой, что он едва не сломался у неё в кулаке. Она полагала, что после известия о возможном спасении бабушки уже ничто не сможет ошеломить её. Но такого она уж точно не ожидала!

— Тебе эта дата о чем-то говорит? — спросил Макс.

— По твоему виду кажется, что ты уже знаешь ответ.

— Ну... — Он заметно смутился. — Я знаю о том инциденте, когда пострадали твои родители. Меня это тогда особенно потрясло, потому как я незадолго до этого посещал Ригу — вместе с моим другом Денисом и его отцом, Михаилом Дмитриевичем Молодцовым. В Риге, кстати, я и видел Михаила Дмитриевича в последний раз. Его жена говорила потом, что он заранее всё продумал: решил уехать в Балтсоюз и оттуда исчезнуть — с концами.

— А я вот считала, — Настасья издала подобие смешка, — что мои родители исчезли с *концами*. Ведь я...

Она умолкла: ей вдруг сдавило горло. Получалось, что её дед всё это время знал: её мама не *пропала* на пляже.

— Ведь я думала — её тело так и не нашли, — едва сумела выговорить Настасья.

— Этот браслет — не с *мертвого* тела, — качнул головой Макс. — Покойникам в морге надевают бирку с именем на большой палец ноги. Это — идентификационный браслет *живого* пациента. Хотя скорее всего — безликого. Иначе на браслете имелся бы еще QR-код.

Он глянул на Настасью с таким состраданием, что у той защипало в глазах, и она надолго от Макса отвернулась. То, что её мама осталась *жива* тогда, в 2077 году, теперь уже вряд ли имело значение. Девять лет — это для безликих был Мафусаилов век. Столько никто

из них не жил.

Они летели низко, Макс говорил: чтобы не заблудиться. И Настасья стала, чтобы прогнать слезы, смотреть вниз — где зеленые пятна лесов чередовались с прямоугольниками полей. Реки были видны так хорошо, что Настасье удавалось даже разглядеть отражение в воде электрокоптера. Мосты казались почти хрупкими — и девушка гадала: не страшно ли было по ним передвигаться? Но главным были — города. При подлете к ним Макс всякий раз набирал высоту, однако кое-что Настасья всё-таки смогла увидеть. И этого хватало, чтобы поразить её воображение.

Города внизу не выглядели мертвыми — или полумертвыми, как покинутая ими Рига. Потоки машин реками и ручейками растекались по их улицам. Огромные дома стояли, как скалы и башни сказочных королевств. А когда стало смеркаться, и повсюду загорелся свет, зрелище и вовсе показалось девушке завораживающим. Световые моря городов выплескивали волны яркого марева в начинавшее синеть небо. Световые реки дорог двигались двумя встречными течениями: желтым и красным. Настасья поначалу не поняла: почему так? И даже спросила об этом у Макса.

— Это встречные потоки машин, — объяснил тот. — Их передние и задние фары. Мы приближаемся к Москве.

Однако тут Настасью ждало разочарование: над самим городом они не полетели. Макс облетел российскую столицу с запада, и дальше они двинулись, как он и обещал, в южном направлении.

— А мы не пропустим Новый Китеж? — спросила Настасья, впервые забеспокоившись.

— Это совершенно исключено, — заверил её Макс и кивнул на серебристо-серую ленту реки вдаль. — Видишь — там Ока. Она будет нашим ориентиром.

— Так Новый Китеж — он стоит на Оке?

Макс ничего не ответил ей. Только уголки его губ (губ Ивара?) слегка дернулись вверх. А когда впереди замаячил какой-то город — не слишком большой — Настасья решила: «Ну, вот мы и добрались». Однако не он оказался конечной целью их путешествия: Макс повел их электрокоптер дальше.

Некоторое время они перемещались по воздуху вдоль окского берега, а потом внизу двумя матово блестящими линиями снова возникли железнодорожные рельсы. Макс несколько минут летел над ними, а потом совершил разворот — примерно на 45 градусов: повел их вертолет над какой-то железнодорожной веткой, отходившей от основного пути.

И Настасья обнаружила, что они летят словно бы над толстой гигантской гусеницей: длинной, прямой, едва-едва ползущей вперед.

— Вот он — твой Новый Китеж! — Макс указал пальцем на эту движущуюся темную массу и рассмеялся: звонким мальчишеским смехом Ивара.

Для Дениса Молодцова тридцатое первое мая каждый год бывало мерзким днем. Белые ночи доводили его чуть ли не до безумия, и время, когда они начинались, было для него — как преддверие преисподней. Он скрывал это почти от всех. Еще бы: коренной петербуржец — и вдруг не переносит белых ночей. Только его родители да друг детства Макс Берестов знали истину: как только белые ночи вступали в свои права, Денис терял способность спать. Совсем. И снотворные помогали ему всего лишь впасть в состояние, близкое к обмороку.

Или — если повезет — к медицинскому наркозу.

Однако он продолжал ходить на работу — чтобы хоть немного отвлечься. И сегодня появился в своем кабинете примерно в полдень — успев всё-таки пару часов подремать уже после *настоящего* рассвета.

— Денис Михайлович, — восторженно вскрикнула секретарша, едва зайдя на порог обширных — метров в пятьдесят — кулуаров перед его кабинетом, — вам тут звонили уже четыре раза. Из Псковской губернии.

Денису показалось, что каждое её слово втыкает тупую шпильку ему прямо в мозг, минуя черепную коробку. И он отвернул лицо в сторону, сделал вид, что разглядывает на стене мозаичный символ корпорации — дракона Уробороса. Боялся, что ему не удастся сдержать гримасу боли.

— Из Псковской губернии? — переспросил он.

— Да, да! Звонила женщина — из полицейского участка.

— Что? — Денис решил: он ослышался.

Но тут снова раздалась трель проводного телефона. Только по нему и могли позвонить всеявшему президенту корпорации «Перерождение» посторонние или малознакомые люди. Все, кто входил в его ближний круг, знали другой — секретный — номер: звонили ему на мобильник. Вопреки почти всеобщему заблуждению, мобильная связь отнюдь не канула в Лету. Она всего лишь стала привилегией избранных — как на заре своего зарождения, в конце двадцатого века. Только изначально мобильные устройства продавались по цене автомобиля — что естественным образом ограничивало их распространение. А теперь их просто-напросто изъяли из продажи. И попадали они в руки примерно к тем же людям, какие имели доступ в Корпнет — компьютерную сеть для истеблишмента и бизнес-элиты.

От телефонного звонка мозг Дениса как бы пошел враскачку, наподобие моряка на суше. Секретарша сняла трубку, послушала несколько секунд и быстро закивала.

— Сейчас я уточню, на месте ли президент корпорации, — сказала она и нажала кнопку отключения звука. — Поговорите с ней, Денис Михайлович?

— Да что это за... — Денис едва удержал матерное слово. — Что это за «Псковитянка» — опера Римского-Корсакова? Кто она? Чего ей от меня надо?

— Она сказала: её зовут Клементина, но её имя роли не играет. Она знает, где сейчас находится и над чем работает Максим Алексеевич Берестов. Якобы к нему в руки попала какая-то разработка профессора Петра Королева. Хотя я, сказать по правде, даже не знаю, кто он такой.

Ну, Денис-то это знал! Еще бы: профессор Королев был личностью почти легендарной — если учесть, на какой ниве он трудился до того, как занялся сугубо научной работой. Петр Королев — это было интересно. Этот человек, его деяния, его *перерождение* — без всякой трансмутации: всё это давно волновало Дениса. Ведь не один Макс Берестов был охоч до раскрытия тайн! Только Денис предпочитал тайны иного рода.

— Я поговорю с ней, — сказал он. — Переведите звонок на мой кабинет.

Ньютон всем сердцем ненавидел Каланчевскую улицу — где находилась слишком хорошо памятная ему гостиница «Ленинградская». Но никто, кроме него самого, об этой его

ненависти даже не догадывался. Да и с чего было бы догадаться, если офис фирмы по разработке высокотехнологичных систем охранной сигнализации, принадлежавшей Алексею Берестову, находился именно на Каланчевке? Хотя Берестов-старший без всякого труда мог бы арендовать помещение в любом другом районе Москвы. Но нет: он предпочел работать именно здесь. И каждый день глядел из окна своего кабинета на сумрачную, как дом Эшерова, громаду «Ленинградской». Неспроста видно его мальчик, много раз этот офис посещавший, взял себе тот странный псевдоним — для Нового Китежа.

Да и сам Алексей Федорович Берестов питал слабость к странноватым наименованиям «Законы Ньютона» — так назвал он свою фирму. И рекламный слоган систем сигнализации, над которыми он трудился, был: *Законы Ньютона работают всегда*. Никто из его подчиненных понятия не имел о двойном смысле фирменного бренда. Все они были чересчур молоды, чтобы знать о байкерском прошлом своего шефа.

К офису своей фирмы Ньютон и повел профессора Королева, когда они вышли из метро на Комсомольской площади. Её решили не делать снова *Каланчевской*, а сохранить историческую справедливость: оставить то название, которое дали площади в честь героического и адского труда, вложенного комсомольцами в строительство первой линии метрополитена, как раз под этой площадью проходившей.

— Как мало здесь народу! — сказал Королев. — Когда я посещал Москву в прежние времена, на этой площади всегда было — не протолкнуться.

Он тут же умолк: понял, должно быть, что своим замечанием невольно напомнил Алексею Берестову о роли его сына в нынешнем обезлюдении московских улиц и площадей. Но у того мысли сейчас слишком были заняты другим. И он только сказал:

— Для нас это — прямая выгода. Пространство будет насквозь просматриваться.

— А подходящий транспорт у вас найдется?

— Есть минивэн фирмы — стоит в гараже.

— Минивэн — это то, что нужно, — кивнул профессор. — Вместе с *ним* в Москву прилетели четверо его телохранителей.

— Кстати, я так и не спросил: на чем же вы-то прилетели? Ведь вертолет Розена, как я понимаю, угнал Максимка? — Ньютон сам удивился, уловив в собственном голосе гордость.

— Вы не поверите! Мы летели на самолете: регулярным рейсом «Санкт-Петербург — Москва».

— *Летели регулярным рейсом*, — повторил за профессором Ньютон, а потом прибавил: — Ну, что же, и это тоже — выгода для нас.

6

Макс видел, как изумлена Настасья.

— Так вот оно что! — выговорила она. — Вот почему колберы не сумели Новый Китеж отыскать. Они просто *не то искали!*

Гастон, пробудившись ото сна, подсунул свою башку ей под руку, и она машинально начала его гладить.

— Это была папина идея, — сказал Макс. — Он предложил создать поезд-убежище, который станет невидимкой для всех. Ну, а я эту идею воплотил. И придумал название: *Новый Китеж*. Когда-то давно мы с моим другом детства постоянно слушали записи опер Римского-Корсакова у него дома. Его родители были прямо-таки помешаны на этой музыке.

Он стал заходить на посадку, и внезапно его охватила глубокая грусть. Он понимал, что сделал нечто важное, но — совсем не то, в чем он действительно нуждался.

«Зачем я привез её сюда? — подумал он. — Неужели я не мог бы найти другое место для этой девочки — где она могла бы чувствовать себя в безопасности?»

Однако он упустил время. Они втроем: он сам, Настасья и продолжавший сладко позевывать Гастон — выбрались на лужайку, где Макс посадил электрокоптер. Рядом ершился ветвями сосновый бор, окружавший окский город Алексин, расположенный в северной части Тульской губернии. Здесь, на маленьком полустанке в хвойном лесу, устраивал стоянку ровно на один час уникальный поезд: *Новый Китеж*. Следуя своему расписанию, он всегда останавливался в этом месте на вторую ночь после полнолуния. И принимал пассажиров, буде таковые сыщутся. Поезд — роскошный и комфортабельный, как «Восточный экспресс», — был коммуной для очень красивых людей. Местом, где они добровольно заточили сами себя, чтобы иметь возможность жить, не боясь каждую минуту, что их настигнут колберы. Или — что собственные же родственники захотят поправить свое материальное положение за их счет, как сестры Ивара Озолса.

XVII. Восточный экспресс

Придумка Алексея Берестова с поездом оказалась гениальной. Да, многие видели *Новый Китеж*, когда он проезжал через города и станции: загадочный экспресс, который делал остановки только затем, чтобы получить затребованный заранее груз или принять нового пассажира. Но никому, кроме сугубо осведомленных людей, даже в голову не приходило, что этот поезд может стоить дороже, чем состав, груженный золотом. А те, кто об этом знал, оберегали эту тайну пуше глазу. Сами пассажиры — по вполне понятным соображениям. Служащие поезда — чтобы сохранить работу с *очень* высокой заработной

платой; Максим Берестов, один из двух учредителей корпорации «Перерождение», имел возможность её выплачивать. Именно сюда он и хотел когда-то трудоустроить своего злосчастного тезку — бывшего охранника Петерса.

— Нам надо идти, — сказал Макс и коснулся рукава кожаной Настасьиной куртки — *своей* куртки. — Поезд будет стоять здесь еще двадцать пять минут. А потом отправится в Москву. Ты же хотела туда попасть? Ну, вот, теперь у тебя появится возможность побывать и там, и много, где еще. Вечное путешествие — чем не рай?

7

Денис Молодцов слушал женщину, находившуюся на другом конце телефонного провода, и поневоле сомневался: а вправду ли она говорит всё, что ему слышится? Не плод ли это его бессонницы, пытка которой для него уже началась? Хотя — секретарша-то его наверняка спит нормально. А она вкратце пересказала ему именно то, о чем теперь вела полубессвязную речь эта *псковитянка*.

— Максим Берестов повез её в Новый Китеж — внучку профессора Королева, — говорила она. — Только Берестов — он теперь не он сам. Он теперь — мой брат Ивар. То есть, выглядит он как мой брат. Но, конечно, он совсем не такой простачок, каким тот был.

Денису показалось, что женщина издала легкий вздох. А, может быть, просто плохо работала телефонная связь.

— А в чем суть открытия Королева? — спросил Денис; его собственный голос прозвучал для него словно бы издали.

Повисла коротенькая пауза, а потом женщина произнесла с преувеличенным огорчением:

— Если б знать! Девчонка — та, само собой, знает. И она думает: Королев погиб. Может, и Розен считает так же. Но профессор-то остался жив! Я видела его, когда меня увозила «скорая». Он плелся куда-то со двора, как лунатик.

Денис и сам чувствовал себя, как лунатик. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы спросить:

— И вы знаете, как можно их отыскать — человека, который трансмутировал в вашего брата, и внучку профессора? Может быть, вы знаете даже, где сейчас находится сам профессор Королев?

Он вложил в эти вопросы весь остававшийся у него сарказм. Однако — к его немалому удивлению — эта самая Клементина тут же ему ответила:

— Где профессор — понятия не имею. А как отыскать Настасью Рябову и этого вашего Берестова — очень даже знаю.

Она умолкла, и Денис не выдержал — поторопил её:

— Ну, и?..

— Для этого нужно проследить за Мартином Розеном.

— И только-то? Проследить за тем самым Розеном, чью физиономию без конца показывают по ЕНК? У вас там, в полицейском участке, есть телевизор?

— Да есть, есть. Но смеетесь вы напрасно. Я знаю, как Розена отыскать. Вам нужно только приехать за мной сюда и внести за меня залог.

8

Алексей Берестов поглядел в окно и еще раз удостоверился, что парковочная площадка перед фирмой, на которую он планировал чуть позже вывести минивэн с логотипом «Законов Ньютона», пока совершенно пуста.

— Звоните — назначайте встречу! — велел он профессору; все запланированные приготовления в офисе фирмы они уже завершили. — Теперь — самое время.

И профессор уже извлек из кармана джинсов мобильник — однако набрать номер не успел. Ньютон вдруг схватил его за руку и дернул вниз — повалил на пол. В ту же секунду окно «Законов Ньютона», перед которым они стояли, не зажигая света, разлетелось вдребезги. И мелкие осколки осыпали обоих мужчин.

Ньютон такого не ожидал: проявил беспечность из-за того, что их противники прилетели в Москву регулярным рейсом. И, стало быть, их багаж прошел досмотр. А потом он оглянулся и понял: досмотр тут был ни при чем. Он-то считал: по ним с профессором не откроют стрельбу, поскольку пронести оружие с собой в самолет пассажиры не могли, а купить *ствол* в Москве иностранцу и вообще было невозможно. Во всяком случае, купить быстро и легально. Однако никто по ним не стрелял: возле дальней стены валялся бульжник размером с крупную картофелину.

— Я догадывался, что они могут сами найти нас — по GPS мобильного, — прошептал Ньютон. — Но всё же не думал, что они подсуеются так быстро.

Они с Королевым почти синхронно приподнялись с пола и выглянули сквозь разбитое окно во двор.

— Видите кого-нибудь? — спросил Ньютон.

— Вижу одного. — Глаза профессора — зоркие глаза отнюдь не пожилого человека — словно бы просеивали сумрак за окном. — Прячется в арке подворотни. На нем какой-то черный костюм и маска-балаклава — он прямо на ниндзя смахивает! Если б он не пошевелился, я бы его не заметил.

— А я мельком видел того, кто бросал камень. Наверное, они все здесь собрались: и Розен, и его наймиты.

Алексей Берестов почти жалел теперь, что они с профессором не пошли сюда пешком — и не прихватили с собой «Льва Толстого». Еще лет пять назад они могли бы и на такси приехать, но *таксомоторы* прекратили использовать согласно постановлению городской Думы: колберы ухитрились производить по дороге экстракцию таксистов, если те оказывались хоть сколько-нибудь привлекательными внешне. А пронести оружие в метро — за одну такую попытку можно было угодить на цугундер.

Однако Ньютон полагал, что и без *Льва Толстого* они с профессором должны исполнить задуманное.

— Отступаем, — шепнул он Королеву в самое ухо.

И в этот самый момент в комнату через разбитое окно *вкатился* человек. Ньютон готов был поклясться, что он выполнил в воздухе сальто, перепрыгивая через подоконник — и через головы двоих мужчин. Увы: на сей раз никакого движения они с профессором засечь не успели. Только и смогли, что повернуть головы к незваному гостю.

— Встать с пола, живо! — *Гимнаст* повел в их сторону пистолетом, предусмотрительно сделав два шага назад — чтобы его не могли ударить подсечкой по ногам.

В руках он держал боевое оружие — не какой-то *Рип ван Винкль*. И Ньютон готов был поклясться: это пластиковый пистолет, какие когда-то печатали на 3D-принтерах.

— Да, да, мы встаем! — быстро проговорил профессор, поднимаясь с пола и вскидывая руки над головой.

Он мельком глянул на Ньютона, кивнув ему, и тот нехотя тоже встал в полный рост. А дальше — всё произошло с такой молниеносной быстротой, что Ньютону в первый момент показалось: у него просто на секунду помутилось в глазах из-за того, что он поднялся на ноги слишком резко.

Вот — *ниндзя* стоял напротив Королева, направляя на него ствол пистолета. А затем — Ньютон за это время даже моргнуть не успел — профессор обеими руками обхватил кисть непрошеного гостя, одновременно подавшись всем корпусом вбок. Ниндзя успел спустить курок, но Королев уже ушел с линии огня: пуля угодила в стену. И уже в следующий миг профессор развернул пистолет в сторону самого нападавшего, а затем с вращением дернул оружие на себя. Ниндзя издал то ли стон, то ли короткое ругательство, и рухнул на пол: Королев без всяких предупреждений выстрелил в него — два раза.

— Минус один, — сказал он.

Ньютон склонился над человеком в черном — у которого в левой части груди темнели рядышком два пулевых отверстия. Крови из них почти не вытекло.

— Вы его убили, — сказал Ньютон. — А ведь наш план был другим.

— Вы сами видели: выбора не было. — Профессор пожал плечами — без всякого раскаяния. — А вот теперь — отступаем.

И они, пригнувшись, перебежали к двери в соседний кабинет. *Не совсем* кабинет, если точно. Это помещение Алексей Берестов использовал, чтобы демонстрировать клиентам одну из самых популярных охранных систем «Законов Ньютона».

9

Макс точно знал, что в *Новый Китеж* не попасть просто так. Как только они приземлились и вышли из коптера, забрав из кабины то небольшое, что им принадлежало, он сунул руку во внутренний карман своей джинсовой куртки. Оттуда он вытащил захваченный еще из Риги маленький прямоугольник веленовой бумаги — форматом с визитную карточку, — и зажал его в ладони. И они зашагали вдоль состава, направляясь к головному электровозу — обращенному в сторону Москвы.

Все вагоны *Китежа* — целиком, включая колеса и крышу, — имели пуленепробиваемое и противоударное покрытие. Мало того: электровозы, прицепленные с двух сторон поезда, были оснащены крупнокалиберными дистанционно управляемыми пулеметами — наподобие тех, какие устанавливались на десантно-патрульных катерах ВМФ. Эти боевые модули способны были если не уничтожить, то остановить практически любое транспортное средство. И в каждом вагоне, разумеется, имелась охрана. «Новый Китеж» являл собой аналог бронепоезда, какие колесили по железным дорогам бывшей Российской империи в первой половине прошлого века. Только это был бронепоезд класса «люкс»: для людей исключительной красоты.

«Новый Китеж» стоял с затемненными окнами, однако за ними явственно ощущалась жизнь. Слышались звуки голосов, музыки и телевизионных программ — сильно приглушенные благодаря звукоизоляции. Доносились запахи: готовящейся еды, моющих средств, парфюма. Ощущалась даже едва уловимая вибрация — как если бы по вагонам кто-то пробегал. Иногда — с отчетливым смехом.

— Здесь и дети есть? — удивилась Настасья.

Но ответить ей Макс не успел. Они уже подходили к голове поезда, когда двери одного из вагонов распахнулись. И они увидели направленные на них стволы автоматических пистолетов — которые держали в руках двое парней в темно-синей форме, похожей на старинные мундиры железнодорожных служащих. Гастон тут же выскочил вперед: боком встал между своими людьми и этими двумя. И воззрился на вооруженных незнакомцев — пока без угрозы и рыка, просто с вопросом во взгляде.

— Вам что здесь надо? — спросил один из *синих мундиров*. — Заблудились, что ли?

— Все хорошо, мальчик. — Макс потрепал Гастона по холке, и только потом поднял взгляд на вопрошавшего: — Нам нужен ваш начальник — *Огюст Дюпен*. Пожалуйста, передайте ему вот это.

И он медленно — чтобы его жест не выглядел угрожающим — протянул вооруженному человеку белую карточку, на которой отсутствовал какой-либо видимый текст.

Один из парней в синей форме остался в дверях вагона — по-прежнему целясь в Макса и Настасью из пистолета. А второй оправился куда-то вглубь поезда с карточкой в руках. Прошло минут пять — и он вернулся. Причем не один.

Макс напрягся: не знал, как воспримет *Огюст Дюпен* — начальник здешней службы безопасности и протеже отца и сына Берестовых — его новый облик. Но, как только его старый знакомый появился в дверях вагона, Гастон так и подскочил на месте — а его хвост замотался вправо-влево, как флаг в руках флотского сигнальщика.

— Гастон, дружище! — воскликнул Огюст Дюпен, тоже узнавший ньюфа, а потом перевел взгляд на Макса и его спутницу; только на один миг во взгляде его мелькнуло удивление, а потом он произнес, как ни в чем не бывало: — Здравствуйте, господин Эшер! Я рад приветствовать вас и вашу спутницу в Новом Китеже!

Парень с пистолетом немедленно опустил свое оружие. А так называемый Дюпен откинул подножку вагона и спустился сам — чтобы помочь подняться новым пассажирам. На лице его явственно читалась радость. Однако Макс мимолетно подумал, что радость эта — какая-то алчная, словно у золотоискателя, натолкнувшегося на гигантских размеров самородок. Гастон взбежал по лесенке первым, а следом вошла Настасья — которую Дюпен подсадил под локоть, после чего повернулся к Максусу.

— Я ожидал, что вы появитесь, только не знал, где и когда, — сказал он. — Сегодня в Новый Китеж поступило сообщение для вас — от Алексея Федоровича.

10

Бронированная комната, комната-убежище — так именовала фирма «Законы Ньютона» эту свою продукцию. Сам же Алексей Берестов мысленно называл её — *батискаф*. Эта комната и впрямь походила на небольшой аппарат для спуска под воду. И в этом было одно из главных её отличий от аналогичной продукции конкурентов: подобное убежище помещалось даже в относительно небольшой квартире. Или в просторном трейлере — что было жизненно важно для тех, кто продолжал в них путешествовать. Жить-то в трейлерах на просторах Российской Федерации так и не вошло в моду. А теперь, когда столько жилья освободилось практически во всех населенных пунктах, ясно было: уже никогда и не войдет.

Да, Алексей Берестов сколотил немалый капитал, продавая гражданам защитные

средства, которые помогли бы спастись от колберов даже в случае их проникновение в жилище. Однако по этому поводу он угрызений совести не испытывал: почти все средства, получаемые им, шли на содержание Нового Китежа.

Снаружи дверца *батискафа* имела вид гладкой стены. И без электронного ключа с двадцатизначным кодом её было не открыть. Никакая электронная отмычка такой замок не взяла бы. А изнутри дверца являла собой бронированный люк. И Ньютон трижды повернул ручку на нем, как только они оказались внутри. Автоматически в *батискафе* зажегся свет, и они с профессором уселись — локоть к локтю — перед четырьмя мониторами, которые в разных ракурсах показывали внутренние помещения «Законов Ньютона». Королев сунул пистолет сзади за пояс джинсов, но Ньютон очень рассчитывал, что стрелять из него больше не придется.

Одна из видеокамер смотрела прямо на мертвого *ниндзя*, который лежал в комнате с разбитым окном; все остальные офисные помещения пустовали. И были погружены в полумрак: солнце почти зашло, а электрическое освещение Ньютон не включал — пока.

— Я одного не понимаю, — он повернулся к профессору, — *как* Розен отпустил вас ко мне одного?

— У него в руках — моя дочь.

— А у вас в голове — секрет, который может погубить и его самого, и этих его *добрых пастырей*.

— Он знает, что у Настасьи на руках — копия этого секрета. — Профессор бледно улыбнулся. — Каким же дураком я был, что отдал ей тот диск — подверг её такой опасности! И Розен рассчитывал, что в обмен на Машу я поспособствую ему в том, чтобы захватить вас, Алексей Федорович.

— Чтобы потом обменять на диск с вашими разработками?

— Чтобы обменять на вашего сына — плюс на диск. Да еще и заполучить в придачу Настасью — свидетельницу преступлений пастырей. А потом убить *всех*: и меня, и Максима Алексеевича, и Настасью, и Машу. Так что — не особенно церемоньтесь с ними со всеми сегодня!

В унисон с его словами на одном из мониторов возникла еще одна фигура в черном. На сей раз карикатурный *ниндзя* проник в офис «Законов Ньютона» через дверь — которую Алексей Берестов даже не стал запирать. Он с самого начала рассчитывал, что *посетители* войдут именно в неё.

Ниндзя — тоже вооруженный пластиковым пистолетом, какой он запросто мог пронести через металлодетектор в аэропорту — довольно быстро нашел распростертое на полу тело своего сотоварища. Он приложил пальцы к шее спящего, удостоверился, что тот мертв — но не дал задний ход: стал обследовать помещения дальше, держа пистолет во вскинутой руке.

Ньютон и профессор не отрывали глаз от монитора. Помещения фирмы были оборудованы не только камерами, но и микрофонами, так что до них доносились звуки шагов посетителя и хруст разбитого стекла под его подошвами.

— Ну, давай, посмотри по сторонам! — произнес Ньютон и даже рукой повел — словно бы подталкивая посетителя в нужном направлении.

И, как ни удивительно, это сработало: человек в черном почти тут же увидел запечатанный почтовый конверт, оставленный на столе Алексеем Берестовым. На конверте большими буквами было выведено: *Мартину Розену — лично в руки*. Незванный гость взял

конверт, повертел и положил на прежнее место, а потом двинулся дальше.

Обойдя до очереди все помещения фирмы, он поднес к губам запястье, на котором, надо полагать, крепилось какое-то примитивное переговорное устройство. И довольно громко произнес:

— Их здесь нет. Они ушли. Один из наших убит. Но для вас, Мартин Рихардович, они оставили послание.

А когда сенатор вошел в помещение фирмы — вместе с еще двумя телохранителями — профессор крепко сжал плечо Ньютона:

— Пора!

11

Все визитеры собрались вместе — в той комнате, где Ньютон оставил на столе адресованный Розену конверт. Его сенатор тут же распечатал, и ему на ладонь выпал плотный белый прямоугольник — с криптопечатью, на вид выглядевший простым куском картона. Ньютон выпускал такие специально для потенциальных пассажиров Нового Китежа — и положил его в конверт просто для отвода глаз. Чтобы прочесть текст на карточке, требовался специальный сканер, имевшейся в наличии только у новокитежской службы безопасности.

Розен в изумлении повертел карточку в руках и повернулся к одному из своих телохранителей — явно намереваясь задать ему какой-то вопрос. Тут Ньютон и привел в действие одну из самых простых, но вместе с тем — самых эффективных, защитных систем, что производила его фирма. Одновременно в офисе его фирмы загорелся свет, опустились бронированные жалюзи на окнах и дверях — такие, какие Ньютон установил и в Новом Китеже, — а затем завывла сирена, вроде пожарной. Но целью сирены было — не оповестить окружающих о проникновении, а осуществить психологическую атаку на взломщиков: в комплект сигнализации входила звукоизоляция.

Розен и его спутники на миг будто *просели*: чуть согнули ноги в коленях и втянули головы в плечи.

— А как вам такое: мордами в *китайскую стену*? — произнес Ньютон и тут же нажал еще одну кнопку.

Они с профессором не планировали использовать против Розена и его клеветов *сонное зелье*: заряды с транквилизатором. Для целей Ньютона и его спутника требовалось, чтобы их противники оставались в сознании.

Если у Королева на квартире для противопожарных целей имелась только примитивная дождевальная установка, то Алексей Берестов оборудовал все помещения своей фирмы куда более совершенными распылителями. Да, при необходимости они автоматически подсоединялись к системе пожаротушения. Однако из батискафа, где находились сейчас они с профессором, можно было запрограммировать распылитель и на использование веществ иного рода — отличавшихся от противопожарных реагентов.

Но сам Ньютон не захотел смотреть, что происходило с *объектами* после того, как помещения заполнилось газообразной версией знаменитой китайской дури. Доверил Королеву наблюдать через монитор компьютера, как *стена* валит их противников с ног — обездвиженных, но не лишенных чувств.

— Все — готовы, — сказал ему профессор примерно через минуту.

И Ньютон включил в помещении режим вентилирования. А когда воздух очистился, и они с Королевым вышли к Розену и спутникам, разводить турусы на колесах Берестов-старший не стал.

— Вот что, гаврики, — сказал он, одновременно затягивая плотные пластиковые стяжки на запястьях и щиколотках одного из розеновских охранников, пока профессор занимался самим Розеном. — Я знаю, вы меня слышите — так что слушайте внимательно. Ваше оцепенение скоро пройдет, мы поставим вас вертикально, и вы *поскачете* туда, куда мы вам скажем. *Молча* поскачете. Тогда, быть может, эту ночь вы все переживете. Даже вы, Розен, хотя, будь моя воля... Ну, да ладно. Так вот: мы поместим вас внутрь транспортного средства, где вы — опять же, молча, — станете ждать эвакуации. Если кто-то из вас резко двинется, что-то крикнет или просто громко пернет — в этом транспортном средстве тут же сработает датчик, включающий систему самоуничтожения. В машине заложен вакуумный заряд, и она просто схлопнется — так что от всех вас останутся одни молекулы. Это всем понятно, я надеюсь?

И они с Королевым отвели Розена и троих его наймитов в минивэн «Законов Ньютона», куда потом еще и притащили первого ниндзя — убитого из его же собственного пистолета. Оружие, имевшееся у всех остальных, профессор тоже забрал себе. А потом еще и обыскал всех пятерых — и живых, и мертвеца. У одного он из «ниндзя» он вытащил бритвенное лезвие из язычка ботинка. У другого обнаружил под фальшивым силиконовым шрамом на предплечье универсальный ключ для наручников — им при должном усердии и пластиковые стяжки можно было бы расцепить. Ньютон только диву давался — как ловко и быстро Королев произвел обыск.

— Вы считаете, — обратился к Ньютону профессор, когда они заперли минивэн и вышли на Каланчевскую улицу, — они вам поверили — насчет вакуумного заряда?

Уж он-то знал: закладывать взрывчатку в свой минивэн Алексей Берестов и не подумал. — Ну, — сказал Ньютон, — тот, кого вы прикончили, будет у них на виду. А разделить его судьбу они вряд ли захотят. Так что будут сидеть тихо, как тараканы в буфете.

12

Ньютон привел Королева к рельсам одного из запасных путей бывшего Ленинградского вокзала. Когда железная дорога «Санкт-Петербург — Москва» снова стала Николаевской, то *Николаевским* сделался и сам вокзал тоже.

— Повезло, — повернулся Ньютон к своему спутнику, — что вы именно сегодня решили искать Новый Китеж. А не то — пришлось бы вам пилить и пилить, чтобы до него добраться.

Алексей Берестов не стал интересничать, как это любил делать его сын Максим. И еще дома объяснил профессору, что это такое — *Новый Китеж*.

— *Нам* бы пришлось, — поправил его Королев. — Вы ведь тоже собираетесь прокатиться, разве нет?

— Только если там и вправду окажется мой сын. — А про себя Ньютон подумал: «Он-то окажется, только смогу ли я его узнать?»

Вскоре после душевной беседы, которая состоялась у них с профессором в квартире на Большой Никитской, Ньютон при помощи его мобильного телефона отправил SMS-сообщение — в *Китеж-град*. И теперь им предстояло прождать еще около часа — если

поезд нигде не задержится. Они сидели на двух дощатых ящиках и обозревали изнанку старинного вокзала.

Когда-то он был конечной, тупиковой станцией Николаевской железной дороги. Но потом — примерно сорок лет назад — железнодорожный путь, соединявший Санкт-Петербург и Москву, продлили в южном направлении. И теперь сюда, а не только на Курский вокзал, можно было доехать по рельсам из Тульской губернии.

13

Легендарный «Восточный экспресс» Настасья, конечно же, видела только в старых фильмах, но всё равно решила: *Новый Китеж* переплюнул его. Поезд катился так мягко и ровно, что движение его практически не ощущалось. Настасье отвели купе такого же примерно размера, какой была её комната в рижской квартире. К нему примыкали душевая кабинка и туалет; внутри имелся гардероб, письменный стол с компьютером и раскладной диван. А на стене висел телефонный аппарат, при помощи которого можно было связаться с любым пассажиром поезда или вызвать кого угодно из обслуживающего персонала.

Но Настасья, хоть и была восхищена, оглядела всё это мельком. Так что Макс, который привел её сюда, словно бы даже слегка огорчился: ожидал, наверное, больших восторгов. Гастона увел на кухню его старый знакомец — пресловутый Огюст Дюпен; и можно было не сомневаться, что этой ночью ньюфа ожидает очень сытный и очень продолжительный ужин.

— А почему ты выбрал такой неудачный псевдоним — *Эшер*? — спросила Настасья.

— Как по мне — самый подходящий. — Макс вроде как усмехнулся, и это была именно *его* усмешка: Ивар не умел кривить губы с такой горькой иронией. — Всё, что я создал, *пало* — в точности, как дом Эшеров.

— Всё, что пало, можно воздвигнуть заново. Тот диск — моего дедушки — ты должен увидеть, *что* на нем. Прямо сейчас. Компьютер-то здесь есть. — И она протянула ему винчестер, извлеченный из полиэтиленовой упаковки.

— Хорошо, давай — я всё посмотрю. — Макс взял у неё диск, шагнул к столу и включил компьютер. — Но только — для ознакомления. Внедрять всё это будет твой дедушка — когда я его отыщу. Я дал себе зарок: *больше никогда* я не стану применять свои открытия на практике.

— Знаешь, — сказала Настасья, — мы с дедушкой когда-то смотрели один давнишний фильм про британского суперагента Джеймса Бонда: «Никогда не говори *никогда*».

Макс опять усмехнулся и явно хотел что-то возразить. Но — тут он, введя пароль, открыл первый файл с диска профессора Королева. Да так и замер с полуулыбкой на губах — ничего не сказал. Только принялся открывать все файлы один за другим.

Он не вставал с места, пока Настасья принимала душ и заказывала еду из вагона-ресторана. Даже не среагировал на её предложение поужинать с ней вместе. Не глядел в окна с тонированными стеклами, за которыми мелькали темные массивы лесов и светлые промельки жилых домов и дорог. Он вообще вряд ли замечал, что они едут.

Но сама-то Настасья смотрела во все глаза — то на Макса, то на пейзаж за окном. И невольно ахнула, когда их поезд подъехал к Москве. Великий город, Третий Рим — он даже теперь, даже обозреваемый из вагона поезда, поражал воображение. Это было не просто световое море — это была световая галактика, поглотившая Новый Китеж, как звездное небо поглощает пролетающую комету. Циклопических размеров дома — самые настоящие

небоскребы — стояли здесь наособицу, отдельно от остальных. А большую часть светового сонмища составляли строения относительно небольшой этажности — Настасья даже из поезда с удивлением разглядела двух- и трехэтажные здания: диковину для любого мегаполиса. Транспортные реки — бело-красные — начали уже оскудевать в это время суток, и всё равно — являли собой аналог *Perpetuum Mobile*: вечного двигателя, который, по словам Настасьиной бабушки, никому в мире не удавалось еще сконструировать.

«Любой большой город — это и есть перпетуум мобиле, — подумала Настасья. — Покуда в нем остаются люди...»

Только при въезде в Москву Макс наконец-то оторвался от компьютера и поднял глаза к окну. А потом повернулся к Настасье.

— Я знаю, как это можно будет применить, — сказал он. — Процедуру потребуется доработать, но я знаю — как.

И тут *Новый Китеж* стал замедлять ход.

14

К удивлению Ньютона, профессор заметил приближение «Нового Китежа» раньше, чем он сам. Длинной темной массой, как водяной удав анаконда, состав катился по запасному пути. И они с Королевым оба поднялись со своих ящиков, сделали несколько шагов к рельсам — и так замерли.

Поезд проехал по запасному пути еще немного, скрипя тормозными колодками. А потом, слегка дернувшись перед самой остановкой, застыл на месте. Окна состава оставались затемненными, и двери вагонов никто не открывал. Ньютон знал: сперва окружающую обстановку оценит служба безопасности поезда, которую возглавляет *Огюст Дюпен*. И только потом специальный наряд выйдет забирать подготовленные для Нового Китежа грузы, а охрана всё это время будет нести службу в усиленном режиме.

Они с профессором сделали к поезду несколько шагов, и почти в тот же самый момент двери ближайшего к ним вагона распахнулись. Петр Королев издал громкий потрясенный возглас — и остановился так резко, будто налетел на прозрачную стену.

В распахнутых дверях выгона рядом с охранником в темно-синей форме стоял юноша необыкновенной красоты. А из-за его плеча выглядывала девушка — совершенно ему под стать. Она смотрела исключительно на Королеву. А вот юный красавец вперил взор в самого Ньютона — и виноватое выражение незнакомых, почти мальчишеских глаз тот мгновенно узнал.

— Макс? — Голос Ньютона прозвучал так тихо, что он сам себя едва слышал. — Максимка, это ты?

Однако юный Адонис его услышал. Теперь во взгляде его мелькнуло смущение, но почти сразу он расплылся в улыбке.

— Давно не виделись, папа, — сказал он. — Но это — всё еще я.

А затем его мальчик отступил немного сторону, пропуская вперед девушку, которая мгновенно скатилась по ступенькам и кинулась к профессору — который заключил её в объятия.

И только после этого новый Макс спустился на землю сам и подошел к отцу.

— Надеюсь, папа, — сказал он, — ты с нами вместе прокатись?

— Прокачусь — когда придет мой *багаж*, — сказал Ньютон и, недолго думая, по-

медвежья облапил этого юношу, в котором только выражение глаз да манера речи выдавали его сына.

Макс понимал, что уступает своей привычке к театральным эффектам. Но, тем не менее, попросил всех, с кем он хотел побеседовать, собраться в вагоне-ресторане Нового Китежа. Не мог он отказать себе в удовольствии хотя бы частично воспроизвести сцену из «Восточного экспресса». Он и ощущал себя почти Эркюлем Пуаро, разве что — без нафабранных усов. Ну и, конечно, немалая ирония содержалась в том, что мнимый Пуаро оказался в компании с Огюстом Дюпеном — тоже мнимым.

А часом ранее подчиненные Дюпена доставили к запасному пути Николаевского вокзала четверых *упакованных* гостей в минивэне с логотипом фирмы «Законы Ньютона» — плюс одного покойника, которого тоже пришлось забрать с собой. И сразу после этого поезд тронулся: нужно было соблюдать расписание.

Огюст Дюпен отправил троих живых клеветов Розена *в кутузку*: этим неоархаичным словом на Новом Китеже именовалось небольшое зарешеченное отделение, почти всегда пустовавшее. Застреленного же мужчину пришлось временно поместить в один из поездных холодильников. А все остальные новоприбывшие — включая Розена, с пластиковыми стяжками на запястьях, — расселись за столиками. И даже Гастон, хоть и выспавшийся днем, снова устроился дремать возле ног Настасьи — рядом с которой сидел Королев, уже успевший пообщаться и со своей внучкой, и с самим Максом.

— Я безмерно рад, — говорил теперь профессор, пока поезд мчался сквозь темные просторы к Санкт-Петербургу, — что вы, Максим Алексеевич, готовы оказать мне содействие в завершении моих исследований.

Розен так и зыркнул на Королева, хоть и промолчал — помнил, должно быть, как ему заклеивали скотчем рот. И Макс, перехватив этот его взгляд, сказал:

— А насчет вас, сенатор, у меня были сомнения: звать вас на эту встречу или нет. Собственно, кое-кто, — он бросил взгляд на Настасью и её деда, — был категорически против. Но я решил: вам нужно знать, каковы ставки в этой игре. Невзирая на то, *как* она для вас закончится.

Розен сидел прямо, глядел дерзко. Неспроста этот человек сделался лидером *добрых пастырей*.

— Я скажу, чем всё закончится для Рябовой Марьи Петровны, — заявил он, вздернув подбородок и оглянувшись на деда с внучкой.

Настасья при этих словах переменилась в лице, однако удивления не выказала. Дед уже сообщил ей: существование её матери в виде безликого существа продолжается по сей день. И Макс гадал, как он объяснил внучке свое девятилетнее молчание о том, что её мать по-прежнему существует — хоть и под именем *Джейн Доу*, хоть и в специализированном санатории?

— Я предложил вам честную сделку, профессор, — сказал Розен. — Вы меня выводите на Максима Берестова, к которому попал ваш винчестер, я — возвращаю вам дочь. А вы условия этой сделки нарушили. — Сенатор говорил таким оскорбленным тоном, словно сам собирался эти условия исполнять. — Так вот: если первого июня — а это уже сегодня, — я до 15.00, не выйду на связь с моими сторонниками в Риге, ваша дочь *отправится в плавание*.

Пункт отправления — мост Европейского Союза.

Настасья ахнула, а профессор вскочил было с места, однако всех опередил Алексей Берестов. Бывший байкер коротко и хлестко ударил Розена по лицу тыльной стороной ладони и рывкнул:

— Радуйся, дерьмо собачье, что ты в наручниках! Я бы тебя в графеновую лепешку раскатал!..

— Да брось, папа, — сказал Макс. — Мартин Рихардович скоро и сам поймет, что он был неправ. Когда миру станет известно, что всех безликих можно было вернуть к нормальной жизни, добрых пастырей ожидает второй Нюрнберг. И господин Розен будет счастлив, если в его защиту выступит, к примеру, отец спасенной им женщины. Спасенной из раскаяния, а не из страха кары и разоблачения — после сюжета, показанного по телевидению.

— *Вернуть к нормальной жизни?* — Розен, у которого текла кровь из рассеченной губы, этого словно бы и не ощущал. — Вы слабоумный, что ли? А еще доктор! Да если *даже* такой способ есть, пораскиньте умом: *что* станут чувствовать такие возвращенные? Будут благодарны? Или захотят поквитаться с теми, кто обрек их на ад внутри самих себя? Вы думаете, что мы, добрые пастыри, защищаем только обычных людей от безликих? Да грош бы нам была цена! Мы избавляем безликих от страданий. Наносим им *coup de grâce* — последний удар милосердия, на который не решаются всякие доброты вроде профессора Королева.

Берестов-старший собрался было вклеить Розену еще одну оплеуху, но внезапно поезд качнуло. И послышался дикий скрежет, от которого у всех словно бы взорвались во рту зубы. Макс, кривя лицо и видя такие же гримасы на лицах всех остальных, повернулся к Огюсту Дюпену — который уже вскочил с места и говорил с кем-то по рации.

Но и без переговоров им всем сделалось ясно: происходит экстренное торможение. Их состав останавливается.

Глава 16. Бронепоезд

1 июня 2086 года. Суббота. Тверская губерния

1

Денис Молодцов немного поспал, пока они летели в электрокоптере: отслеживая GPS-маячок, спрятанный рыжей Клементиной в бумажнике сенатора Розена. Это был один из *шести* электрокоптеров, поднятых в воздух по приказу президента корпорации «Перерождение».

— Мартин прямо при мне устанавливал его на свой вертолет, когда мы вылетали из Риги, — сказала Денису эта дамочка, когда он внес за неё залог и увез с собой прямо от здания Псковского губернского суда, куда её доставила полиция всего получасом ранее. — Думал, наверное: я дура, не пойму, что это такое. А потом еще удивлялся, почему он свою вертушку не может найти! Якобы его устройство показывало, что он *прямо сейчас* и находится в электрокоптере. Мартину и в голову не пришло: эта фитюлька — маячок — всё время была при нем. Я её затиснула в его бумажник под фотографию какой-то девицы — его дочери или, может, очередной любовницы.

Историю сенатора она явно не знала. А вот Денис получил на Мартина Розена полное досье. И уже прикидывал, какую кампанию развернет вскоре корпорация «Перерождение», обличая деяния добрых пастырей и сенатора лично.

Правда, по сигналу GPS он сперва никак не мог понять: где же Мартин Розен теперь находится? Чем объясняется столь быстрое и столь прямолинейное перемещение находящегося при нем маячка? И только потом до президента «Перерождения» дошло: Розен едет в поезде! По Николаевской железной дороге: от Москвы — к Санкт-Петербургу. Денис провел совещание со своим начальником службы безопасности, летевшим с ним вместе. По сути дела — с командующим собственной армией, имевшейся у «Перерождения». И они приняли решение: настичь поезд в Тверской губернии. Как раз хватит времени на все приготовления, необходимые для успешного завершения операции захвата.

Они нужны были ему оба: и профессор Королев, и сенатор Розен. Ну, а если там же окажется еще и его друг детства и *брат*, то это будет — как вишенка на торте! А такое было возможно. Если Клементина не соврала во всем остальном, то, скорее всего, сказала правду и об этом: что Розен охотится не за кем-нибудь, а за Максимом Берестовым, прошедшим трансмутацию.

«Вот и ты, брат, сумел оценить, какие преимущества способно принести твое собственное открытие», — подумал Денис.

Брать с собой рыжую Клементину он вовсе не собирался: хотел оставить её в Санкт-Петербурге, в штаб-квартире «Перерождения» — вплоть до своего возвращения домой. Позже он подумал бы, что делать с дамочкой дальше. Тем паче что она была явно ранена: порядочно хромала. Однако рыжая заявила:

— Без меня вам не обойтись. Вы же не знаете, как этот Берестов выглядит теперь. И не узнаете его, даже если столкнетесь с ним лицом к лицу.

И Денису пришлось признать её правоту. Так что, пока он дремал в электрокоптере, летевшем в Тверскую губернию, рыжая Клементина дремала с ним рядом — чуть ли не на

плече у него.

Им нужно было место для проведения операции. И они нашли его: примерно на полпути между Клином и Тверью, близ Иваньковского водохранилища, где в лесу имелась заброшенная ветка железной дороги.

2

Настасья отвлеклась на Макса, который враскачку шел по вагону в их с дедушкой сторону — но не к ним: к стоявшему рядом с ними *Огюсту Дюпену*. И её чуть было не выбросило из кресла вперед, когда поезд остановился. Холодный страх — какого она не испытывала даже на собачьей площадке мотеля «Сириус» — стал обволакивать её. Он распространялся снизу вверх: вначале — заледенели пальцы её ног; потом холод дополз до её живота; и, наконец, подобрался к самому сердцу.

И почти синхронно с этим на окнах состава — снаружи, за тонированными стеклами, — стали опускаться какие-то заслонки. Должно быть, бронированные.

— Кто-то перевел стрелку, и состав ушел на боковую ветку, которая ведет в обход водохранилища. Мы пытались затормозить, но не успели. — Огюст Дюпен сказал это Максу шепотом, но они с дедом всё расслышали.

— Слишком тяжелый состав, слишком длинный инерционный путь, — негромко произнес её дед, и Настасья подивилась тому, как спокойно и собранно звучит его голос.

— Обратное движение? — Макс тоже вроде бы говорил спокойно, но между его бровей возникла глубокая складка — у Ивара такой не было.

К ним подошел отец Макса: здоровенный дядька в кожаной куртке, с длинными седыми волосами. И Огюст Дюпен обратился к ним обоим:

— Команда машинистов докладывает...

Тут он заметил, наконец, что его разговор с отцом и сыном Берестовым слышат и другие. А потому шагнул навстречу этим двум, и всё, что Дюпен говорил дальше, никто, кроме Макса и его отца, услышать не мог.

— Что — нас остановили? Конфедератская железнодорожная полиция? — спросил Розен — но, конечно, ни от кого ответа не дождался.

Настасья подумала: это было бы просто счастьем, если бы именно железнодорожные полицейские задержали их состав. Только она сомневалась, что это в их правилах: переводить стрелки на путях без предупреждения. Не затормози они вовремя — и поезд при резком повороте на большой скорости запросто мог бы сойти с рельсов.

— Это колберы? — Настасья повернулась к деду. — Они, да? Всё-таки прознали, что это за место — Новый Китеж?

Странное дело: её дедушку такое предположение совсем не напугало.

— Если это они, то бояться нечего, — сказал он. — Максим Алексеевич, рассказал мне, как защищен поезд. Атаку колберов мы легко отобьем.

— Но ты не думаешь, что это они, — поняла Настасья.

И, будто в ответ на её слова, до них откуда-то извне донесся голос. Его явно усиливали специальные акустические приспособления, так что и сквозь бронированные стены вагонов слова доносились вполне отчетливо:

— Новые китежане! Соблюдайте спокойствие. Вам ничего не грозит. Меня зовут Денис Молодцов, я — президент корпорации «Перерождение». От её имени я гарантирую

неприкосновенность всем вам — при условии, что мне и моим представителям будет обеспечен беспрепятственный доступ в ваш состав. Открытые двери последнего вагона, расположенного перед электровозом в хвосте поезда, будут означать, что вы принимаете мое предложение. Если через пять минут двери не откроются, я вынужден буду принять меры, чтобы открыть их снаружи. Время пошло.

Отец Макса шепотом выматерился, и по шевелению губ самого Макса было ясно, что и он от отца не отстал. А Настасьин дедушка поднялся со своего места.

— Всё будет хорошо, милая! — Он быстро поцеловал её в макушку и пошел к дверям вагона-ресторана, возле которых совещались Дюпен и Берестовы.

Настасью его слова совершенно не убедили.

— Подожди! — Она вскочила, поймала деда за рукав. — Это — те люди, которые охотятся за твоими разработками?

— Они их не получают.

— А твой пистолет — он у тебя всё еще с собой?

— Тот, который был у меня в Риге? Нет, его у меня больше нет. На — держи этот. — И её дедушка вытащил из-за пояса джинсов какое-то диковинное пластиковое оружие. — Не сомневайся: пистолет не игрушечный. Не смотри на него с таким подозрением.

3

Макс видел, с каким разочарованием Настасья, снова усевшаяся в кресло, глядит на маломощный пистолетик, пригодный только для стрельбы в упор. И обратился к Дюпену:

— У вас найдется компактный боевой пистолет или револьвер?

Тот протянул ему рукоятку вперед модернизированный аналог легендарного маузера — с обоймой на двадцать патронов. И Макс подошел к девушке.

— Вот. — Он положил пистолет ей на колени. — Возьми этот. Здесь — предохранитель, его нужно сдвинуть, прежде чем нажимать на курок. Если к нам и вправду идут бойцы «Перерождения», на них будут кевларовые жилеты и шлемы. Из пластиковой пукалки ты их не пробьешь.

— А из этого — пробью?

— Не уверен. Поэтому стреляй по ногам — как в прошлый раз, в торговом центре. — А потом прибавил — после короткой паузы: — Или в шею: в зазор между жилетом и шлемом. Если сможешь прицелиться и попасть наверняка. Но, я надеюсь, всего этого удастся избежать.

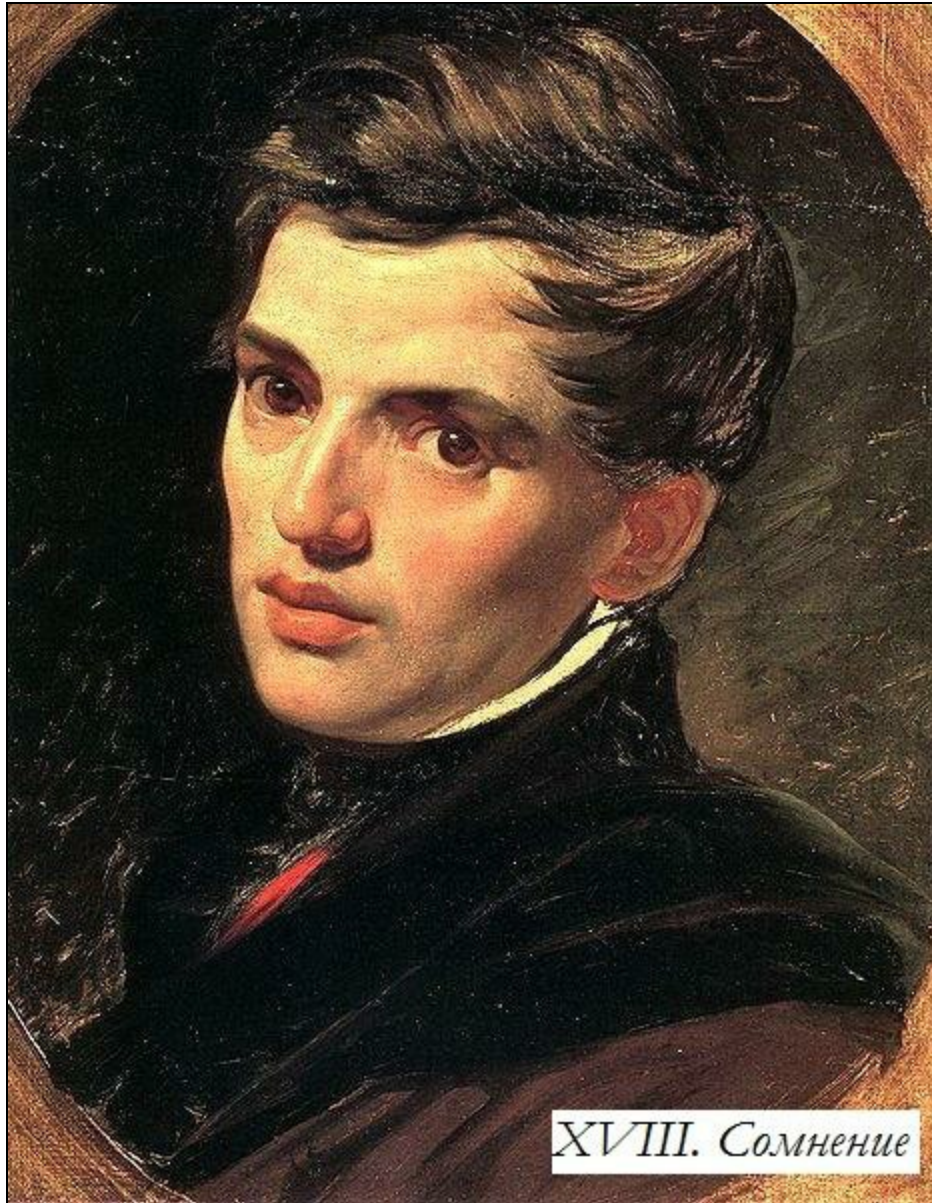
Он сам ощутил неуверенность, прозвучавшую в его голосе. Да, он и его отец сумели превратить Новый Китеж в подобие бронепоезда. Однако — против них выступала не банда колберов. И не конники времен гражданской войны. Денис Молодцов, его друг детства, легко мог бы уничтожить этот состав за одну минуту — они все просто испарились бы. Если он этого не сделал — так это лишь потому, что *содержимое* их бронепоезда ему было до зарезу нужно.

«Как же они выследили нас? — подумал Макс. — Кто привел их? Профессор Королев? Он что — всё это время дурил мне голову? А ведь я даже не проверил: нет ли на нем маячка. Я просто доверчивый олух»

Он поглядел на Королева — который как раз в этот момент что-то горячо обсуждал с его отцом. И новая мысль кольнула Макса: его отец здесь. Как на грех. Он представил, как

Денис исполняет обещанное: раскрывает Алексею Бересту тайну гибели его жены Светланы. Ведь он, Макс, опять намеревался встать у него на пути. «Может быть, — подумал он, — требования Дениса стоит исполнить? Просто открыть двери — и попробовать договориться?»

Вероятно, он был просто обязан сделать это. То был его долг перед всеми, для кого Новый Китеж стал единственным домом. Он дал им гарантии безопасности — и как теперь он мог их подвести? Вероятно, все пассажиры уже проснулись и пребывают в смятении — не зная, что происходит. А Денис Молодцов — что же, пусть у него с Максом свои счета, но невинных людей он не тронет. Ну, *скорее всего* — не тронет. Если только не увидит в них нежелательных свидетелей, опасных для него лично.

Но, оглянувшись, он встретился взглядом с Настасьей и понял: она этого решения сдать не поймет и не примет. И профессор Королев не поймет. И отец Макса. Даже Гастон, который сидел теперь, прижавшись к ноге Настасьи мохнатым боком — и тот не пожелает сдаваться. И Макс повернулся к отцу, Дюпену и профессору, которые стояли бок о бок.

— Мы будем атакованы, — сказал он. — Но нужно оттянуть этот момент. Я попытаюсь вступить с Денисом в переговоры, так что мне понадобится мобильный телефон. И пусть ваши люди, Сергей Ильич, — он повернулся к Дюпену, — займутся пассажирами: нужно,

чтобы те действовали по протоколу. Нам повезло, что вагон-ресторан — предпоследний в составе, и Денис хочет встретиться с нами в соседнем вагоне. Сэкономим время: далеко нам идти не придется.

Ньютон уже знал от Огюста Дюпена — Сергея Ильича Черенкова, бывшего сотрудника корпорации «Перерождения», — то же самое, что было известно и Максиму: на железнодорожных путях и впереди, и позади них приземлились шеренгой по три электрокоптера. Так что двигаться их поезд не может: ни вперед, ни назад. И Ньютону только и оставалось теперь, что материться — шепотом или мысленно. Да, он был чертовски зол на Дениса, приятеля своего сына, который устроил всё это. Был чертовски зол на профессора, который уговорил Ньютона привести его к Новому Китежу — и подставил их всех, втянув в историю с каким-то своим научным открытием. Что все эти открытия — от лукавого, сам Алексей Берестов давно уже понял.

Но главное — Ньютон злился на самого себя. За столько лет он так и не выбрал время, чтобы откровенно поговорить с Максимкой обо всем том, что он, его отец, знал — но вместе с тем *не хотел* знать. При каждой встрече со своим мальчиком — пусть даже встречи эти и не были частыми, — он говорил себе: «Я должен ему обо всем рассказать». И всякий раз малодушно молчал — до самого отъезда сына обратно в Питер. А вот теперь — настало время расплачиваться за свою трусость. И он молился только, чтобы расплатиться пришлось ему одному — а не всем, кому они дали убежище здесь, в Новом Китеже.

Макс ушел в дальний конец вагона-ресторана и говорил по мобильному телефонному аппарату — наверняка с Денисом. «Как только он снова подойдет, я ему всё скажу, — решил Ньютон. — Он должен узнать правду до того, как приступит к исполнению своего плана».

И тут неожиданно-негаданно подал голос Мартин Розен.

— Если это «Перерождение», то мои люди и я — мы можем вам пригодиться. Если вы нас освободите, мы присоединимся к вам — будем защищать этот состав.

«Да что же это — за недоумков, что ли, он нас держит?» — подумал Ньютон.

Тем временем его Максимка закончил говорить, сунул телефон в карман своей джинсовой куртки, которая была ему здорово коротка, и двинулся в их сторону. Когда он проходил мимо Розена, тот попытался что-то ему сказать. И Макс приостановился возле него, выслушал, кивнул.

— Да, без вас нам будет не обойтись, — проговорил он достаточно громко, прежде чем двинулся дальше.

«А ведь он это сказал на полном серьезе, без всякой иронии!» — удивился Ньютон.

— Молодцов согласен ждать еще пять минут, — сказал Макс, подходя к Ньютону, Королеву и Дюпену. — Я сказал: нам нужно время, чтобы успокоить пассажиров и не допустить никаких эксцессов. Но потом он прикажет начинать штурм, если мы его не впустим.

— До этого не дойдет? — спросил профессор, коротко взглядывая на свою внучку.

— Если всё пойдет, как я задумал, то нет. — Макс повернулся к Ньютону: — Папа, я сейчас перейду в соседний вагон. А тебе попрошу: останься с Сергеем Ильичом... то есть — с господином Дюпеном, и помоги ему.

«Ага, спешу и падаю», — подумал Ньютон.

— На два слова. — Он взял своего сына за руку и увлек его за собой в тамбур.

Максим пошел за ним неохотно, пробормотал:

— Ну, если только — на два. С собой я тебя не возьму, даже не уговаривай.

«Как видно, *тот* разговор опять придется отложить». — При этой мысли Алексей Берестов со стыдом ощутил облегчение.

— Если ты не позволишь мне пойти с тобой, — произнес он, как только они остались одни, — я скажу всем — что ты не мой сын, а самозванец. Что ты ловко заморочил голову и мне, и остальным. А вот теперь я понял твой обман. И попробуй потом доказать, что это я вру!

5

Денис Молодцов, когда услышал незнакомый голос в трубке, даже не сразу понял, кто это ему звонит — на секретный номер его мобильного телефона. А когда незнакомец заявил, что он — Максим Берестов, первой реакцией Дениса было:

— Докажи!

— Твои родители очень любили музыку Римского-Корсакова.

— Это тебе мог и рассказать кто-нибудь.

— При нашей последней встрече я тебе сказал, что не стану заниматься новыми научными изысканиями — *больше никогда*. Этого тебе достаточно?

— И ты собираешься это обещание сдержать? — не утерпев, спросил Денис.

— Думаю, мы это обсудим прямо сегодня.

— Ну, ладно, ты меня убедил. В том, что ты — это ты. И я даже готов дать тебе лишних пять минут на подготовку нашего свидания. Только у меня будет условие. Я знаю, что с вами едет один субъект — некто Мартин Розен. Так вот, он должен при нашей встрече присутствовать.

— Хорошо, — мгновенно согласился этот *вроде бы Макс*. — Я его приведу.

И дал отбой. А Денис подумал, что рыжая Клементина оказалась права: и впрямь нужна будет, чтобы она произвела опоздание Берестова в его новом облике — какие бы детали из их прошлого тот ни приводил. Осторожность — прежде всего. Зря, что ли, он мотался за этой самой Клементиной в Псковскую губернию?

Его разговора по телефону она не слышала: он попросил её выйти из кабины вертолета, как только раздался звонок. Но она сразу же похромала к нему, когда по истечении обусловленного времени Денис вышел из электрокоптера. Так они и двинулись к последнему (первому — с их стороны) вагону темного поезда: впереди — взвод личной охраны Дениса Молодцова; затем — он сам вместе с Клементиной; в арьергарде — еще двое охранников, которым предстояло охранять двери вагона, когда в него поднимется всемогущий президент корпорации «Перерождение».

Денис полагал, что принятых им мер предосторожности должно хватить. И все же — дал напоследок напутствие своему начальнику службы безопасности, который оставался снаружи.

— Но это — только в самом крайнем случае, — не забыл прибавить он, когда объяснил, *что* нужно будет сделать.

6

Макс ожидал, что его старый друг появится не один. И всё же — его почти рассмешило, когда в последний вагон, двери которого были теперь открыты, стали один за другим вваливаться мордороты в кевларовых жилетах и в шлемах с пуленепробиваемыми забралами, с автоматами в руках. И выстраиваться в ряд перед ними тремя: им самим, его отцом и профессором Королевым. Четырьмя — если считать еще и Розена, который сидел на полу с пластиковыми стяжками на запястьях.

Макс опасался, что их станут обыскивать — и заранее приготовил объяснения. Однако Денис не счел нужным отдавать такой приказ. Не захотел становиться посмешищем: показывать, что боится врагов даже при своем численном превосходстве над ними в семь или восемь раз.

В последнем вагоне находилась поездная кухня, так что здесь царила теснота — из-за множества электроплит, холодильников, посудомоечных машин и шкафов для разной утвари. Охранники Молодцова уже едва могли повернуться здесь, когда из-за их спин показалась парочка: Денис, за руку которого цеплялась рыжая лиса Алиса. И Макс понял: его удача ему не изменила. Если кто и мог помочь в реализации его почти безумного плана — так это прошедшая трансмутацию сестра Ивара. Нужно было только прощупать почву, правильно всё оценить. И — самое главное: даже на миг не ошибиться с выбором времени.

— Ба! — воскликнул Молодцов, оценивающе оглядывая новую внешность Макса. — Да ты, брат, *принарядился!*

Только после этого он перевел взгляд на тех, кто стоял рядом с Максом. И его лицо вспыхнуло удивлением и злобной радостью, когда он увидел Алексея Берестова. Макс в который раз мысленно обругал своего отца — за то, что тот вынудил взять его с собой. Дал Денису в руки такой козырь. Но, с другой стороны — как знать? Не пойдет ли это даже на пользу делу?

— Да, пришлось *принарядиться*, — кивнул Макс. — Как и твоей спутнице. Кстати, Петр Сергеевич, — обратился он к Королеву, — позвольте вас познакомить заново: перед вами — ваша бывшая соседка, Сюзанна.

— Да, трудновато её узнать, — сказал профессор; на рыжую дамочку он глянул мельком: всё его внимание было приковано к Денису и к людям в боевой экипировке.

— Это он? — Денис повернулся к Сюзанне-Клементине. — Наш общий друг Максим Берестов?

— Уверена, что да. Да ты у Мартина спроси — он ведь тоже здесь.

— Не был бы он здесь — и нас бы тоже здесь не было. — Денис хохотнул. — Если ты еще не понял, брат: у твоего пленника при себе *жучок*. Не *золотой жук*, правда, как у твоего любимого Эдгара По. Но не менее ценная вещица.

— Это неправда! — вскинулся было Розен, а потом, осененный внезапной догадкой, вперился в Сюзанну: — Ты! Ты его мне подложила, сука!

«А я-то еще подозревал профессора!» — мелькнуло в голове у Макса, и он испытал мимолетное раскаяние. Составляя свой план, он принимал в расчет свои подозрения относительно профессора Королева — и не особенно терзался угрызениями совести. А ведь он был единственным оставшимся в живых родственником Настасьи — если не считать, конечно, её безликой матери. Однако теперь переигрывать что-либо было уже поздно.

Рыжая пожала плечами:

— Должна же я была как-то обеспечить свои интересы!

— Ладно, хватит болтать! — Денис дважды хлопнул в ладоши, словно был режиссером на репетиции, который хочет привлечь к себе внимание. — Настало время поговорить серьезно, брат. Моя спутница сказала мне: по твоей вине оказался уничтожен жесткий диск, на котором была записана вся информация, касавшаяся открытия профессора Королева. Так что я прямо-таки жажду услышать обо всем из первых уст — от самого Петра Сергеевича.

«Вот оно! — подумал Макс. — Теперь остается только — выбрать время».

— Вы хотите узнать о сути моего открытия? — Профессор сделал шаг вперед и встал справа и чуть впереди от Макса. — Так ведь мои исследования еще не завершены.

— Ничего. Я думаю, вдвоем с моим лучшим другом вы очень быстро всё доведете до ума. Возможно, и я приложу к этому свои скромные усилия. Если, конечно, их будет, к чему прилагать. Так что вы там открыли?

— Прежде чем я вам всё расскажу, вы должны дать гарантии: никто не пострадает в результате этого вашего налёта.

— *Налёта?* — Денис поднял брови. — Я бы назвал это — дружеский визит. Можно даже сказать: *родственный*. — И он бросил краткий глумливый взгляд на Макса.

Но профессор его слова проигнорировал.

— Гарантии, — повторил он. — Если вы и вправду хотите знать о моем открытии.

— Если вы скажете ему, — вдруг подал голос Розен, — то свою безликую дочь не увидите уже никогда. Я об этом позабочусь — чем бы это ни обернулось для меня лично.

У Петра Королева заиграли желваки на лице, однако на Розена он даже и не поглядел.

— Сами можете убедиться, — сказал он Денису, — мое открытие столь значительно, что кое-кто готов даже пожертвовать собой — лишь бы не допустить его обнародования.

В этот момент — раньше, чем рассчитывал Макс, — в кармане у него завибрировал мобильник. Он произвел только один короткий импульс — как и было условлено. Так что никто, кроме самого Макса, этого не заметил.

— Ну, ладно, ладно. — Денис примирительно поднял руки. — Я готов предоставить вам гарантии — в разумных пределах, конечно. Чего вы хотите?

— Вы должны убрать свои вертолеты, которые стоят позади состава. И позволить отцепить ближний к нам электровоз с нашим последним вагоном. Чтобы те, кто находится в остальной части поезда, могли покинуть это место.

7

Настасья вернулась в свое купе — она уже успела признать его *своим*, хоть занимала его всего несколько часов. И Гастон прошлепал следом за ней — непрерывно оборачиваясь. Пес как будто чувствовал: в том месте, которое они покинули, происходит сейчас что-то важное и нехорошее.

— Вы точно не хотите уйти вместе с остальными? — в третий или четвертый раз обратился к ней Сергей Ильич — *Огюст Дюпен*.

— Я останусь тут, — сказала Настасья. — Мы с Гастоном останемся.

Начальник службы безопасности Нового Китежа только пожал плечами. Спорить с ней ему явно было некогда. И он просто ушел — выводить остальных пассажиров в лес через люки, которые имелись в полу каждого вагона. Для Нового Китежа был разработан протокол эвакуации, и на заброшенных тупиковых ветках много раз проводили учения — для всех его трехсот с лишним пассажиров. Руководили эвакуацией — и во время учений, и сейчас, —

сотрудники службы безопасности поезда. Но сами они в данный момент не все покидали состав — как сообщил Настасье её дед.

— Запрись в купе, — велел он ей при расставании, — и не выходи из него, что бы ни случилось.

Уж он-то был уверен: его внучка останется в поезде — не сойдет. Уговаривать и убеждать её бесполезно. Потому-то он и поведал ей в двух словах, какой план разработал Макс.

Настасью била дрожь — такая сильная, что она взяла с полки купе толстый шерстяной плед и закуталась в него. Гастон улегся у её ног, привалился к ним тяжелым боком — но даже его жаркое живое тепло её не согревало.

8

Макс видел, что Денис даже бровью не повел, когда профессор выдвинул ему свое требование о гарантиях. Только деланно покачал головой:

— Не слабо.

— Это не всё, — сказал профессор. — Вы должны также заключить отдельное соглашение с ним. — Он указал на Розена. — Вы не станете преследовать его, а он сообщит, где сейчас находится моя дочь.

— А вы попробуйте меня заставить! — В голосе сенатора страха не ощущалось, как и прежде.

— И заставлять не придется, — сказал президент «Перерождения». — Благодаря маячку мы сможем отследить все его перемещения в ретроспективном режиме. Ведь до этого маячок стоял на его вертолете.

Розен процедил сквозь зубы какое-то немецкое ругательство. Макс ясно разобрал только слово *Teufelsweib*[1] — явно относившееся к рыжей Сюзанне. Но та лишь искривила в усмешке свои ярко накрашенные губы. Рыжая дамочка чуть ли не наслаждалась всем происходящим.

— Так что, — продолжал Денис, — как только вы, господин Королев, раскроете свою эпохальную тайну, я отдам распоряжение — и местонахождение вашей дочки немедленно раскроют. Возможно, я даже пошлю кого-нибудь из своих людей, чтобы её доставили прямо сюда.

И тут, наконец, вступил в разговор отец Макса — доселе молчавший:

— Сперва убери вертушки, благодетель!

— А я уж думал, Алексей Федорович, что вы онемели за то время, что мы не виделись. По рукам. Я сегодня очень добрый. Только, брат, — он перевел взгляд на Макса, — ты ведь помнишь, о чем мы с тобой говорили в нашу последнюю встречу? Ну, помимо той сентиментальщины — про *большие никогда*?

— Я не забыл, — сказал Макс.

— Хорошо. Я напоминаю тебе об этом на тот случай, если вы все решили меня кинуть с вашим грандиозным секретом. Так ведь, кажется, говорили когда-то — *кинуть*, имея в виду: *привести, одурачить*?

— А смысл-то — нам тебя кидать? — Макс пожал плечами. — Без «Перерождения» это открытие всё равно ничего не стоит. Сами, без твоей помощи, довести его до практического применения мы не сумеем: ресурсов не хватит.

— Ладно. — Денис кивнул, полез в карман за мобильным телефоном и, набрав номер, сказал кому-то: — Электрокоптеры от головы поезда убрать.

Сам же Макс достал рацию, а не свой мобильный телефон. И стал ждать, когда Огюст Дюпен подтвердит, что приказ Молодцова исполнен.

9

Денис Молодцов ощущал возбуждение, какого не испытывал уже много лет кряду. Пожалуй, с тех самых времен, когда они с Максом учредили «Перерождение». Макс — во имя идеалистических устремлений. Он сам — ну, понятно: во имя неограниченной власти над миром. Его мать сказала ему тогда: «Ты хочешь поиграть в бога, сынок». Сказала без осуждения: просто констатировала факт.

Его мать вообще никогда его не осуждала — какие бы номера он в своей жизни ни откалывал. Да оно было и понятно: ей ли было кого-то осуждать — после всех её собственных художеств? И он тоже её не осуждал — даже когда она поведала ему *кое-что*. Много лет назад, когда она вдвоем с мужем вернулась с какой-то вечеринки в сильном подпитии. Дождавшись, пока её супруг уснет, она зазвала Дениса, тогда — двенадцатилетнего, на большую кухню их петербургской квартиры на Канале Грибоедова. И завела с ним разговор о его лучшем друге и однокласснике — Максиме Берестове.

— Знаешь, — пьяным голосом говорила она, — я ведь много раз думала, как бы отвадить его от нашего дома. Думала-думала, да так ничего и не придумала. Да и как тут придумаешь, когда он — ну прямо копия своего отца!

И теперь, много лет спустя, Денис откровенно радовался, что Макс теперь выглядит по-другому. Денису было бы неприятно исполнять то, что он задумал, глядя в прежнее лицо своего друга детства. Своего *брата*.

Конечно, Макс мог ему понадобиться еще на какое-то время: если открытие профессора нужно будет и впрямь доводить до ума. Кто справится с этим лучше, чем его гениальный и везучий друг? Но, как только все доработки будут завершены, везение его друга завершится — теперь уже навсегда. Довольно было играть с ним в игры. Как там говорилось в стародавнем кинофильме «Горец»: *должен остаться только один?*

И этим одним станет он, Денис Молодцов — единственный властелин этого нового мира. Не такого уж дивного — но зато его собственного. Он верил в свое чутье, а оно ему говорило: профессор не врет. И Максим — тоже. Эта новая разработка — она позволит ему, Денису, контролировать *всё*. Ему не надо будет больше играть в бога — он сам станет богом. А заодно — основателем новой, монотеистической религии.

Надо было только получить своё. И глупо было артачиться и отказывать этим дурачкам в их нелепых гарантиях. Куда они денутся от него — из вагона, полного его людей, вооруженных в буквальном смысле до зубов? А что касается всех остальных — ну, далеко ли они уедут по этой ветке? Прокатятся по берегу водохранилища? Да пусть покатаются — напоследок.

Денис отдал приказ своему начальнику службы безопасности: установить сверхмощное взрывное устройство на переднем электровагоне этого поезда. Том самом, который увезет отцепленный состав. Так что Новый Китеж вскоре и впрямь станет *невидимым*. Прекратит существовать. И профессор со своими требованиями гарантий только приблизит конец всех новых китежан. О чем, конечно, ему и Макс предстоит узнать много позже — благо,

взрывное устройство сработает от них далеко, звук взрыва будет для них — как отдаленный раскат грома.

Что могло бы еще сохранить жизнь новым китежанам — на некоторое время — так это пребывание в непосредственной близости от него самого, Дениса Молодцова. И, конечно, от Макса с профессором: эти двое — единственные из всех — нужны ему были живыми. Они еще не исполнили своих ролей в его пьесе.

10

Ньютон ничего не мог с собой поделаться: поминутно переводил взгляд с Максима — в его новом обличье — на Дениса Молодцова. Он знал его еще ребенком и до сих пор не мог привыкнуть к его новому нордическому облику. В прежние времена Денис был очень похож на свою мать — ровесницу Светы и её подругу. Правда, теперь, много лет спустя, Виктория Молодцова выглядела моложе, чем её подруга в день своей гибели: сын устроил ей потрясающую трансмутацию. И отправил жить за границу — в Каталонию. Одну, без мужа — который безвестно отсутствовал уже много лет. Ньютон знал всё это доподлинно — потому как перед самым своим отъездом госпожа Молодцова навестила его в Москве. И позвала ехать с собой вместе.

— Тебе даже не нужно проходить трансмутацию, — жарко шептала Виктория ему в самое ухо. — Ты по-прежнему красив. Я никого в своей жизни не любила так, как тебя.

«Хорошо хоть, — подумал тогда Ньютон, — она не сказала: *вообще никого не любила, кроме тебя*».

— Извини, — сказал он ей, — что было — того никогда уж не вернуть.

Она не поняла потаенного смысла его слов[2]. Зато поняла другое: он отвергает её. Снова отвергает — как много лет назад. Тогда-то она и выложила ему всё — о чем он подозревал и прежде, только боялся даже самому себе признаться в этих своих подозрениях. А сверх того добавила и другое — чего он даже вообразить не мог. И раньше, чем Ньютон успел всё это переварить, опомниться и, возможно, что-то предпринять, улетела в Барселону — без намерения возвращаться. Конечно, он мог бы отыскать её и там. Только смысла в этом не видел. Ничего уже было — *не вернуть*.

Пока Ньютон предавался воспоминаньям, рация в руках у Макса зашипела и затрещала. Тот поднес её к уху, выслушал то, что ему сказали, и коротко кивнул.

— Как я понимаю, мое распоряжение исполнено, — сказал Денис; он тоже периодически на Ньютона взглядывал — со странным выражением. — Так что вам, господа, пора уж открыть карты. Или файлы — это уж как пожелаете.

— Нету у них больше файлов, — подала голос рыжая дамочка. — Профессорский винчестер ухнул под поезд, как Анна Каренина. Я тогда почти сразу отключилась, но уж это запомнила!

На неё никто и не глянул.

— Открою, когда наш вагон будет отцеплен, — сказал Макс.

И Ньютон подумал, что такой дерзкой игры его мальчик не вел еще ни разу за всю свою вывихнутую, запутанную и невероятную жизнь.

— Нет, — сказал Денис, — я не разрешу ничего отцеплять, пока не услышу, *что* стало предметом торга. Покупать котов в мешках — не в моих правилах. Ты и сам должен это понимать.

Макс выдержал паузу, а потом поглядел на Петра Королева.

— Полагаю, будет лучше, если профессор сам расскажет о сути своих изысканий.

11

Макс позволил профессору говорить, а сам исподтишка наблюдал то за Денисом, то за Розеном. Но главное — он всматривался в лица двух десятков охранников, прибывших вместе с другом его детства. Они нахлобучили на головы громоздкие шлемы, и это было очень кстати. Шлемы приглушают окружающие звуки, если только их не снабдили наружными микрофонами. И Макс рассчитывал, что микрофонов на них нет — иначе кто-то обязательно услышал бы коротенькое жужжание мобильного у него в кармане. Не только его план, но и жизни всех, кто был ему дорог, зависели от того, какой окажется острота слуха присутствующих здесь людей.

— Это просто потрясающе! — У бледного Дениса, страдавшего бессонницей *белых ночей*, даже румянец появился на лице, когда профессор вкратце изложил ему суть своего открытия. — И сколько времени вам понадобится на то, чтобы довести вашу технологию до практического внедрения? С учетом того, что господин Берестов будет вам всемерно помогать?

Королев пожал плечами и сделал едва заметный шаг назад — чтобы оказаться как можно ближе к Максусу.

— Думаю, от шести месяцев до года.

— Нет, это слишком долго! Мы анонсируем вашу разработку через два месяца. А в конце ноября начнем продажу новых капсул — *капсул Королева-Берестова*. Приурочим начало продаж к предрождественским мероприятиям. — Глаза Дениса заблестели, и он сделался не просто красив — почти прекрасен. — Я даже знаю, каким у нас будет рекламный слоган: *Новая жизнь к Рождеству*. Особенно хорошо это будет звучать по-французски[3]. Возможно, мы даже откроем дочку «Перерождения»: компанию «Новая жизнь», к примеру.

Под днищем вагона что-то зашуршало — негромко, но явственно. Макс стиснул мобильник в кармане, думая: если что — он быстро запустит звуковой файл вызова, чтобы всё заглушить. И пусть потом у него отберут этот чертов аппарат.

Но тут заговорил Розен.

— Вы это серьезно? Собираетесь наводить мир к Рождеству *возвращенными* зомби? Чтобы они начали жрать мозги тех идиотов, которые их вернули? Или, может быть, насиловать шлюшек, позарившихся на экзотику, как моя дочь?

Макс впервые за все время их знакомства испытал прилив благодарности к сенатору. Его резкий голос с немецким твердым приступом в произношении перебивал посторонние звуки лучше любого рингтона.

— А ведь это правильно! — Денис даже пальцами прищелкнул. — Дочернюю компанию «Перерождения» мы так и назовем: «Возвращение».

Под днищем вагона снова *что-то* зашевелилось. И Макс понял: ему тоже нужно принять участие в дискуссии.

— Сначала мы проведем эксперименты на добровольцах. — О собственном опыте работы с такими вот *добровольцами* — из числа приговоренных преступников — Макс позабыл бы навсегда, если бы только мог. — И оценим последствия. Для этого и в самом

деле понадобится время.

Он говорил нарочито громко — и всё же заметил, что один из вооруженных охранников Дениса начал прислушиваться к чему-то. И даже сделал шаг к командиру их небольшого отряда, явно намереваясь поделиться с ним своими подозрениями. Но именно в этот момент раздался новый звук — гораздо более отчетливый. *Умышленно* отчетливый: грохот расцепляемых вагонов. Все машинально напряглись — ожидая, что их сейчас качнет.

— И никто не станет применять *мою* технологию, пока я не дам добро!

Громкая реплика профессора отвлекла на миг — если не всех, то Дениса уж точно. И он забыл удивиться тому, что их вагон остался неподвижен при *отцеплении* от остального состава.

— Да, *вашу* технологию! — Денис улыбнулся — но Макс-то понял, что видит перед собой волчий оскал. — Само собой!

И тут Новый Китеж всё-таки начал движение. Только это было не легкое инерционное покачивание: их потянуло вперед — вместе со всем остальным поездом. В этот же самый момент Макс шагнул вперед — к профессору Королеву. И прижал ему к горлу короткий, но необычайно острый рыбный нож — позаимствованный прямо здесь, на кухне, из стального ящика с кулинарными принадлежностями.

— А теперь слушай меня, брат, — повернулся он к Денису. — Если хоть кто-то сдвинется с места, технология профессора Королева так навсегда и останется в его голове. И сама его голова при этом не останется у него на плечах.

[1] Стерва, чертова баба (нем.)

[2] Но её, что так любила здесь, на бархате, уснуть, Никогда уж не вернуть!

(Э.А. По. «Ворон». Пер. В. Бетаки).

[3] Une nouvelle vie pour Noël (фр.)

Глава 17. Братья

1 июня 2086 года. Суббота
Тверская губерния

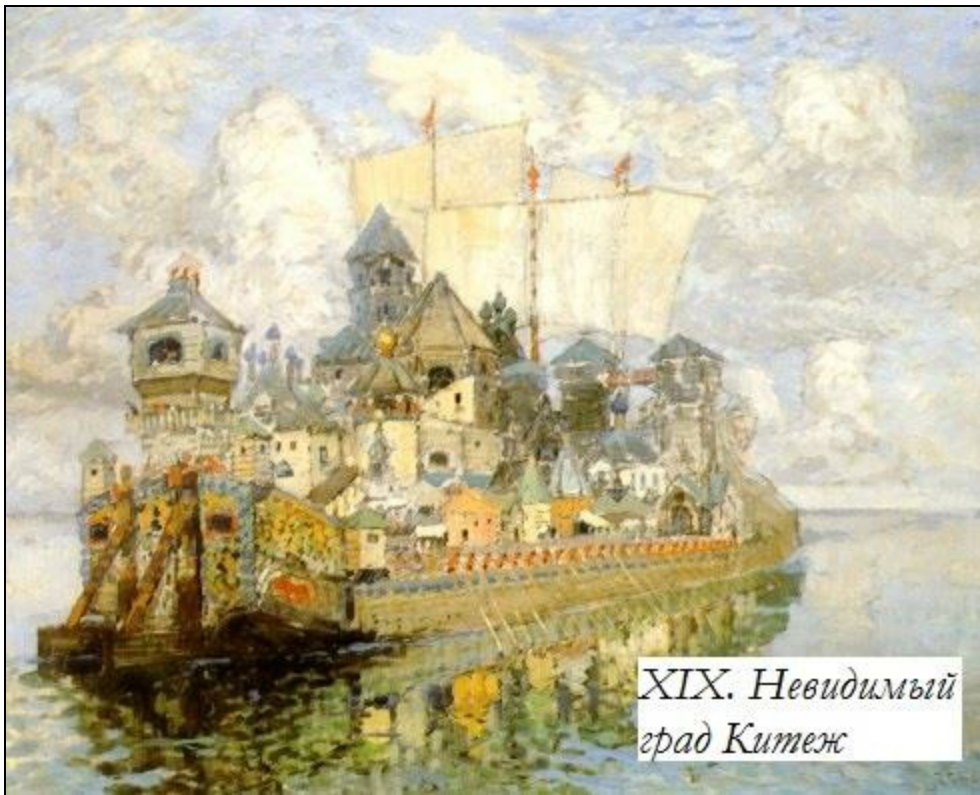
1

Ньютону показалось, что он наблюдает пародию на финальную сцену «Ревизора»: все застыли на своих местах в картинных позах. И только постарались расставить ноги пошире — чтобы удержать равновесие в набиравшем скорость составе.

— Ну, и чего ты добиваешься, *брат*? — выговорил, наконец, Денис. — Разыграл эту комедию с отцеплением электровоза и думаешь — ты меня переиграл? Ты разве не в курсе? Эта ветка круговая — ведет в обход водохранилища. Мы просто вернемся к моим вертушкам, которые стоят на рельсах. Только подьем к ним с противоположной стороны. Уж тогда умнее было бы потребовать, чтобы я убрал *их*.

— А ты бы согласился?

— Это вряд ли. Да и, в любом случае, кому-то нужно было бы перевести для вас стрелку. А мои люди этого делать не стали бы.

Ньютон поразился тому, что эти двое ведут чуть ли не светскую беседу, когда Максим держит у горла профессора острие ножа. И — никому не кажется странным, что профессор даже не протестует. *Еще* не кажется.

— По крайней мере, — сказал Ньютон, — пока мы катаемся с тобой вместе, Дениска, мы будем в безопасности. Разве нет? Уверен: ты уже заготовил какой-нибудь *кушитюк*. Ты же весь в свою мамашу — Викторию Денисовну.

Денис переменялся в лице. И впервые — не только за эту ночь, а и за всю жизнь, — ему, Алексею Берестову, удалось увидеть на его лице подлинную ярость. Он задел его —

чего и добивался.

— Папа, помолчи. — Макс говорил напряженно и даже отвернулся на миг от своего заложника.

— Да, *papa*, лучше уж помолчи, — поддакнул Денис. — Иначе можешь получить ответы даже на те вопросы, которые ты не задавал. Верно, брат?

Должно быть, он хотел придать своему голосу особый сарказм. Но тут поезд сильно подпрыгнул на стыке старых рельсов, и окончание его фразы вышло смазанным. А Новый Китеж всё мчался, набирая скорость. И Ньютон знал: это — только первая часть их плана. Когда Денис поймет, какова вторая часть, ему точно станет не до усмешечек. И всё-таки — он, Алексей Берестов, ощущал свою перед ним вину. Потому и сказал:

— Всё еще можно решить мирно. Мы можем остановить состав. И ты, Дениска сойдешь с него вместе с нами. А потом — просто разойдемся. Если профессор Королев захочет продать твоей корпорации патент на свое изобретение — что же, это будет личное дело профессора. Если ты захочешь основать это твое «Возвращение» — флаг тебе в руки. Пусть каждый получит, что он хочет.

— Эй, — подал всё-таки голос профессор, — а вам не нужно узнать, чего хочет вот этот придурок — который голову мне собрался отрезать?

И Максим не стал дожидаться, пока его спросят.

— Я хочу, — сказал он, — чтобы ты, Денис, исполнил свое обещание. Я ведь встал у тебя на пути — разве нет? И мой отец — *наш* отец — как раз находится здесь.

Ньютон перехватил взгляд своего сына — совсем не вязавшийся с его тоном. Глаза Максима — новообретенные глаза юноши — словно бы говорили: «Пожалуйста, прости». И еще — он указал взглядом на часы, висевшие на торцевой стене вагона-кухни. Никто, кроме самого Алексея Берестова, этого заметить не мог.

— Так он — ваш *общий* папа? — Рыжая спутница Дениса захихикала и даже зажала себе ладошками рот. — А тут некоторые еще *меня* обвиняли в том, что я не любила своего брата.

— А я вот своего брата любил, — сказал Денис. — Что, Макс, разве нет? И моя мать любила тебя — чуть ли не больше, чем даже меня самого. Еще бы — ты ведь так был похож на её хахалю. Пусть даже и бросившего её — *в интересном положении*.

2

Гастон метался по купе почти с того самого момента, как поезд тронулся. Настасья поначалу пробовала успокоить ньюфа: заговаривала с ним ласково, пыталась гладить. Но на пса это не действовало: он будто обезумел. И очень быстро его беспокойство передалось Настасье. Она знала: сейчас они отъедут подальше от места их внезапной остановки и остановятся. А потом-то и начнется самое главное: то, из-за чего Сергей Ильич (она даже мысленно не могла именовать его Огюстом Дюпенем) эвакуировал всех пассажиров.

Хотя — похоже было, что не всех. Настасья готова была поклясться, что мимо двери её купе кто-то прошел, двигаясь к хвостовой части поезда — к вагону-ресторану и кухне. Причем был это не один человек, а группа — минимум из трех-четырех мужчин, если судить по тяжести их шагов. Сперва Настасья подумала: это кто-то из службы безопасности проверяет поезд — все ли покинули его. Но тут же поняла: будь это так, в её купе постучали бы. Уж точно кто-то поинтересовался бы, всё ли у неё в порядке.

Вот после того, как по коридору прошли эти неизвестные, на Гастона и накатило что-то вроде собачьего сумасшествия. А сумасшествие — штука заразная, все это знают.

Но вот — Новый Китеж начал тормозить. И Гастон, до этого не издававший ни звука, тихонько заскулил, а потом подбежал к двери купе и начал царапать её передними лапами, оставляя на роскошной полировке глубокие борозды.

— Ты что, мальчик? Нам нельзя выходить!

Настасья шагнула к ньюфаундленду, а тот, запрокинув голову, глянул на неё жалобно — почти умоляюще. Пес просил, чтобы она выпустила его.

— Ну, ладно. Ладно. — Настасья покивала — не Гастону: самой себе. — Сейчас мы выйдем. Просто чтобы осмотреться.

И она достала модернизированный маузер, который передал ей Макс. А потом сдвинула рычажок предохранителя, как он её научил.

3

Денис всё говорил и говорил — явно у него накипело за столько-то лет! Но Ньютон почти не слышал его. Всё это он уже знал — от его матери. Молодая и красивая, с незнакомым лицом, она сидела тогда на диване в квартире Алексея Берестова на Большой Никитской и говорила в точности так же: не умолкая, словно боясь, что кто-то не позволит ей дорассказать её историю.

Виктория пришла к нему в гости, уже будучи изрядно навеселе. Да еще и принесла с собой початую бутылку коньяку, к которой периодически прикладывалась: пила прямо из горла, хоть Ньютон и поставил рядом с ней хрустальный коньячный бокал. Его — в наборе из двенадцати штук — еще Света покупала.

— Знаешь, Лешка, — говорила Вика, и язык её почти не заплетался, невзирая на количество выпитого, — я ведь уже знала, что беременна, когда ты бросил меня — и укатил в Москву с моей лучшей подругой.

Ньютон только поморщился. Считать он умел. И легко произвел несложные вычисления, когда узнал, что у его бывшей пассии — к тому времени уже выскочившей замуж за его некоего Михаила Молодцова, — родился сын. Однако ему удобнее было *не знать наверняка*. Когда он бывал потом в Питере вместе со Светой — навещая её родителей, — то неоднократно встречался с Викторией. Но та ни разу не заводила разговора о его предполагаемом отцовстве. А он сам — никаких вопросов ей не задавал.

И он презирал себя тогда, в тот её визит, когда спросил:

— Почему ты никогда мне об этом не говорила?

— А что изменилось бы? — Вика пожалала плечами, а потом еще раз отхлебнула коньяку из горлышка бутылки. — Ты втюрился в Светку, едва только её увидел. Я это сразу поняла. Сколько ночей я потом не спала: проклинала себя, что вас познакомила. Ну, а когда ты уехал, подвернулся Миша — он был *обычный*, не такой, как ты. И я подумала: а почему нет? Гадала, почувствуешь ли ты хоть что-то, когда узнаешь, что я вышла за другого. А ты, я как сейчас помню, прислал мне даже поздравительную открытку по Глобалнету — с целующимися голубками. — Виктория то ли засмеялась, то ли всхлипнула. — Ну, а когда Дениске было полгода, я узнала: у тебя и Светы тоже родился сын — Максим. Светка мне тогда позвонила — счастлива была невозможно. Голос у неё был такой... Ну, как если бы она рассказывала, что сбился её лучший сон...

Ньютон спросил — содрогаясь мысленно:

— Она *знала*? Ты говорила ей *о нас*?

— Зачем? — Виктория искренне удивилась. — Мне *нужно* было, чтобы она пребывала в неведении. Не ради её спокойствия, не ради моей выгоды — просто ради безопасности. Я, видишь ли, уже тогда задумала кое-что...

Она снова приложила к опорожненной наполовину бутылке: сделала три или четыре больших глотка. Ньютон решил: после этого у неё уж точно язык не будет ворочаться. Но — ошибся. Увы, он ошибся.

— В тот вечер, в июне 2060 года — я ведь была там, — сказала она.

— Где? — Осипший голос выдал его: он мгновенно уразумел, о чем Виктория ведет речь.

— Там, там. — Она тоже сразу поняла, что он догадался — слишком уж хорошо знала его. — На той вечеринке, где были вы со Светой. Ты меня не видел — ты вообще ничего не видел, когда она находилась рядом. А у меня была с собой *Китайская стена*. Я просто прошла мимо вашего столика и пронесла руку над твоим бокалом — в котором был простой лимонад. Еще бы: вы собирались возвращаться домой на твоем байке, и ты не мог себе позволить даже пивка выпить!

— Ты — убила её?!

Ньютон еле-еле сумел это выговорить: и его язык, и всё тело одеревенели точь-в-точь как после принятия китайского наркотика. Не случись этого — он просто подскочил бы к ней тогда и задушил на месте. А так — всё, что он сумел: слегка наклониться в её сторону.

— Случайно! — Пьяный голос Виктории прозвучал почти искренне. — Я рассчитывала на другое: что насмерть убьешься *ты*. А она — просто покалечится. Ну, думала: если мне очень повезет — её парализует. Или ей ампутируют её чудесные длинные ноги. Но вышла незадача. Она — погибла на месте. А ты — даже царапины не получил. Сперва я расстроилась, когда узнала об этом. Но потом поняла: *так* — намного лучше. Ты никогда не сможешь себя обелить в глазах Светкиных родителей. Они тебе никогда не отдадут Макса. А ты сам — никогда себя не простишь. За то, что в той аварии погибла именно она. Не ты.

Тирана оказалась для Виктории чересчур длинной. И под конец она говорила уж настолько невнятно, что Ньютон догадывался о произносимых ею словах в основном по наитию. А если бы он мог двигаться, то и вовсе зажал бы себе уши ладонями.

Однако теперь — в вагоне-кухне Нового Китежа — он слушал своего внебрачного сына безо всякого намерения прервать его излияния. Ему нужно было, чтобы тот говорил. Максу это было нужно. И всем им — кто рассчитывал Новый Китеж спасти.

Так что Денис всё еще разглагольствовал, когда движение поезда стало замедляться.

4

В коридоре вагона, куда Настасья выскочила, едва поспевая за Гастоном, ярко горел свет. Никто не отключил электричество в составе — да и что в том была за нужда? Времена, когда люди всерьез воспринимали идею об экономии электроэнергии, давно канули в Лету. Экономить электричество — это казалось теперь таким же смешным, как пытаться экономить солнечный свет: скажем, не позволять ему светить себе в окно.

Гастон мигом пробежал весь вагон по направлению к хвосту поезда. И остановился только возле двери в тамбур — глядя на девушку через плечо. Пес ясно ей намекал: надо

поторопиться. Однако Настасью кое-что отвлекло: на толстом ковре, который покрывал пол в вагонном коридоре, она увидела отчетливые отгиски чьих-то подошв. Мужских. Не менее чем трех пар. Точно Настасья сказать не могла: рисунок на всех подошвах был идентичным, как если бы здесь прошли братья-близнецы в одинаковой обуви.

Но состав уже замедлял ход, и Настасья понимала, что это значит. Она двинулась к Гастону, который изнывал от нетерпенья перед закрытой дверью в тамбур. Макс упоминал о том, что его пес и раньше катался на этом поезде — когда был еще почти щенком. И, видимо, он хорошо помнил, как можно попасть из одного вагона в другой.

А вот она сама не ездила на поездах никогда в жизни. Так что предпочла дожидаться полной остановки состава — хоть Гастон весь извелся и чуть ли не подпрыгивал на месте. Но только тогда, когда вагон в последний раз качнулся и замер, девушка протянула руку над головой ньюфа и потянула за ручку двери. На какой-то миг у неё даже мелькнула трусливая надежда: а вдруг дверь окажется заперта? Но нет: она легко откатилась в сторону. И Гастон первым выскочил в тамбур.

5

Денис был очень доволен тем, каким становилось лицо его друга детства по мере того, завершался рассказ о похождениях его любвеобильного родителя. На миг Денису даже показалось: вот сейчас Макс уберет руку с кухонным ножом от шеи пожилого ученого и кинется на него самого. Он даже понадеялся, что это случится. Тогда охрана Дениса быстро и без всякого риска для перспектив науки скрутила бы его единокровного брата. Но нет: его брат явно понимал, что *голова профессора Королева* — его единственный козырь в этой игре. Ну, да и ладно: Денис мог позволить себе немножко подыграть Максy.

А вот что ему, президенту всемогущей корпорации «Перерождение», не нравилось вовсе — это реакция на его рассказ со стороны его биологического отца, Алексея Федоровича Берестова. Точнее — почти полное отсутствие этой реакции. Бывший байкер — если только они бывают *бывшими* — словно бы пребывал в какой-то прострации. И оживление на его лице возникло только в момент, когда Денис внезапно ощутил: скорость их движения начала меняться.

«Мы останавливаемся», — понял он. И тут же замолчал — воззрившись теперь уже на одного только Макса.

— И что это значит, брат? — спросил Денис; он не испытывал ни малейшего беспокойства: все карты были на руках у него, даже если его противники думали иначе.

— Я хочу сойти с поезда, — сказал Макс. — Вместе с профессором и *нашим* отцом. Ну, и с остальными пассажирами тоже.

— Во-первых, — сказал Денис, — я тебе этого не позволю. А, во-вторых, даже если бы вы все сошли — куда бы вы направились? Думаешь, в Тверской губернии мало колберов? Твои пассажиры — это для них будут золотые россыпи вкупе с алмазными.

Поезд остановился, и всех их качнуло вперед — по ходу его движения. Рука Макса слегка дернулась при этом, и на шее пожилого профессора из-под острия рыбного ножа выступила капелька крови.

— Поосторожнее, молодой человек! — Профессор возмутился — но не похоже было, что испугался.

А вот у самого Дениса на короткий миг душа ушла в пятки. За этот миг он успел уже

вообразить себе *всё*: и фонтан крови, хлещущий из горла Петра Королева; и свои погибшие мечты; и — компанию «Возвращение», которой уже никогда не будет.

Макс оказался опасен — возможно, опаснее даже, чем этот безумец Розен. И с этим нужно было срочно что-то делать.

Но, едва только Денис утвердился в этом суждении, как поезд снова тронулся с места — так что их опять качнуло. Правда, теперь Макс проявил осторожность: больше уже не поранил своего пленника. А Новый Китеж двинулся, очень быстро набирая скорость, в противоположную сторону: к выезду с круговой ветки на основную линию. И ясно было, что его приводят в движение оба электровоза.

«Макс рассчитывает, что состав наберет скорость и сбросит с рельсов все три электрокоптера, — решил Денис. — Только вряд ли это получится: вертушки слишком тяжелые. Мы, вероятнее всего...»

Докончить эту мысль он не успел. Дверь, соединявшая кухню с соседним вагоном — надо полагать, вагоном-рестораном, — вдруг содрогнулась. Его люди проверили её, как только втиснулись в узкое пространство поездной кухни: дверь была заперта. Однако теперь её стальная — противопожарная — створка резко дернулась и отъехала в сторону.

6

Макс услышал звук открывающейся двери и подумал: «Настасья всё-таки сюда заявила». Но потом он увидел, как округлись глаза Дениса Молодцова, и понял: тот смотрит явно не на юную девицу, возникшую в дверном проеме. Да и не смогла бы Настасья с такой легкостью вломиться в запертое помещение — даже если бы стала стрелять в замок. А звуков стрельбы не было: Макс ловил каждый шорох, и никакой глушитель не скрыл бы пальбу по листовой стали.

Все эти соображенья пронеслись у него в голове за долю секунды. Повернуться, посмотреть на дверь Макс не мог: тогда он выпустил бы из поля зрения своего брата и его приспешников. Он только сумел глянуть на отражение в стекле одного из кухонных шкафов и заметил какие-то темные фигуры в тамбуре между кухней и вагоном-рестораном. Однако не успел ни разглядеть лица этих людей, ни, тем более, понять: кто они такие?

— Что это за... — заговорил было Денис, но закончить фразу не успел.

Розен, который так и сидел с пластиковыми стяжками на руках, вдруг боком завалился на пол. Раздался лязгающий грохот: упал он вместе с металлическим табуретом, на который его усадили. И тут же этот звук был перекрыт другим: треском автоматной очереди. Один из охранников Дениса, стоявший ближе всех к Максиму, покачнулся — но не упал: три или четыре пули угодили ему в жилет. Причем, кто бы ни был этот стрелявший, он *никак* не мог бронезилета не заметить.

— Они целят в нас! — прокричал профессор — явно понявший то же, что и Макс.

И они вдвоем рухнули на пол — Макс едва успел убрать лезвие ножа от горла Королева. Денис мгновенно последовал их примеру, и они трое едва не сшиблись в этом своем падении. Макс и профессор почти синхронно перекатились чуть в сторону, так что между ними и Денисом оказался скрючившийся на полу Розен. И только тут Максиму удалось разглядеть, *кто* вломился к ним в вагон.

— *Ниндзя*, — прошептал он почти изумленно — так назвал этих молодчиков его отец, рассказывая о событиях в «Законах Ньютона».

Да, это были трое оставшихся в живых спутников сенатора, которых Огюст Дюпен посадил под стражу еще на Николаевском вокзале. *Как* они освободились — Макс понятия не имел. Зато он уразумел, откуда у них появился автомат: один из охранников Дениса, стоявший возле самой двери в тамбур, сидел теперь, привалившись к стене. И голова его была под неестественным углом повернута вбок.

— Огонь, огонь! — завопил Денис и даже рукой взмахнул.

Так что его секьюрити, которые словно бы впали в ступор, открыли, наконец, ответную стрельбу по вошедшим. Хотя — какой там ступор? С момента, как их атаковали, еще и пяти секунд не прошло. Да и как могли они стрелять в узком помещении вагонной кухни, пока их шеф стоял на ногах?

— Папа, ложись! — закричал Макс. — Падай на пол!

Но его отец будто и не видел, что находится на линии огня. Он шагнул назад — Макс решил было: к Денису. Однако он просто переступил через него и поднял с полу за ворот рубашки сенатора Розена.

— Эй вы, клоуны! — заорал он, обращаясь к нападавшим. — Это ваш босс? Или станционный, мать вашу, смотритель?.. Он вам нужен, или как?

Макс успел увидеть, как один из *ниндзя* обезоружил еще одного охранника — и дал по вагону короткую очередь, явно целя Алексею Берестову в голову: тот был высок ростом, и попасть в Розена стрелок не рисковал.

— Папа, падай вместе с ним! — еще раз воззвал к отцу Макс.

И на сей раз, возможно, тот и внял бы его призыву. Вот только — на его спине внезапно словно бы что-то взорвалось. В кожаной куртке образовалась дыра, из которой хлынула кровь: выходное отверстие от пули.

«Не может быть, — подумал Макс, — тот ниндзя целил выше!»

А потом он увидел своего брата — у которого в руках был пистолет.

— Черт, — выругался Денис. — Извини, *papa*. Я хотел попасть в доброго пастыря.

И это, наверное, было правдой. Более того: это было бы *правильно*. Если бы клеветы Розена лишились своего нанимателя — сдались бы, скорее всего, в ту же минуту. Вот только Алексею Берестову проку в этой правде было мало. Макс увидел, как отец его покачнулся и начал заваливаться назад: прямо на них с профессором. А Розен, которого он утянул с собой в этом падении, только увеличил силу удара. Однако же вес тел, которые рухнули на него, всё равно показался Максу несообразно большим. И одновременно он услышал какой-то визг: резкий и скрипучий, как будто распахнулась дверь на ржавых петлях.

Нож, который Макс выронил при падении, каким-то образом оказался у Петра Королева. И профессор вонзил его по самую рукоять в какую-то часть темной массы, давившей на них сверху.

Ньютон ощущал такую боль, какой не знал за всю свою жизнь. Хоть он много раз падал с байка и даже участвовал в паре драк с поножовщиной. Но сейчас ему казалось, будто его грудь насквозь проткнули раскаленной кочергой. Боль расходилась от груди во все стороны — гигантская, как цунами. И, казалось, ударяла напрямую в мозг — словно Ньютон получил ранение в голову, а не в корпус. Однако он всё-таки мог дышать, так что, возможно, пуля не задела легкое. А главное — прошла навывлет.

Да и потом, в сравнении с рыжей дамочкой, которая сейчас навалилась на его лицо своим пышным бюстом, он еще мог считать себя везунчиком. Дамочке-то досталось куда сильнее, чем ему самому. Это была спутница Дениса — про которую все, включая его собственного незаконного сына, на время будто позабыли. И Ньютон был почти уверен в том, что это Денис ударил рыжую подсечкой по ногам — из-за чего та и завалилась на него. С диким визгом — будто предчувствуя, что её ожидает.

Возможно, Денис хотел уберечь рыжую от случайной пули. А, может, и наоборот: рассчитывал, что она станет частью живого щита для профессора и Макса — чьи жизни Денису пока были нужны. Но Ньютон не думал, что оставаться живой дамочка сумеет еще сколько-нибудь долго.

В вагоне-кухне стоял дикий грохот. Глушители на оружии совсем не помогали: пули ударялись о стальные поверхности электроплит, шкафов и раковин, рикошетили от них и грозили попасть в самих стрелков. Однако рыжая дамочка — в отличие от самого Ньютона — пострадала вовсе не от выстрела. Ей в бедро угодил нож. Похоже, тот самый, который совсем недавно Берестов-младший прижимал к горлу профессора.

«Это произошло случайно, — подумал Ньютон. — Зачем бы Максиму её убивать?»

А в том, что это оказалось именно убийство, сомневаться не приходилось. Дамочка, издавая короткие частые вздохи, походившие на всхлипы, истекала кровью. Алексей Берестов, в отличие от своего сына (от *обоих* своих сыновей), не обладал познаниями в медицине. Однако он был почти уверен, что нож вонзился рыжей в бедренную артерию. И теперь её кровь хлестала на них всех: на Ньютона — смешиваясь с его собственной; на Розена — которому она попадала в рот, так что он всё время отплевывался; на Максима и на профессора — которые в этом *сэндвиче* оказались нижним слоем.

Охранники Дениса и наймиты Розена — эти продолжали палить друг в дружку. И Ньютон, у которого перед глазами уже плавал кровавый туман, всё никак не мог понять: а попали здесь хоть в кого-то еще, помимо него самого?

И тут он услышал звуки других выстрелов — шедших снаружи. Даже изрядно приглушенные толстыми стенами вагона, они казались устрашающим рывканьем какого-то дикого зверя. Стреляли явно из оружия куда более крупного калибра, чем у тех, кто находился в вагоне.

8

Макс не мог поверить, что профессор вот так запросто, хладнокровно, нанес рыжей Сюзанне смертельное ранение. Конечно, рыжая сама напросилась, да и у неё руки были в крови как минимум одного человека: охранника в торговом центре. Так что, пожалуй, дело было не в жалости к ней. Нет, главное было: удивление. Конечно, Петр Королев мог целить в Розена и угодить ножом в Сюзанну-Клементину ненамеренно. Однако он перехватил взгляд профессора и мгновенно всё понял. Глаза Королева были холодными и беспощадными.

И тут Макс услышал звук, которого дожидался давно: гулкое монотонное *дум-дум-дум*. Это означало: они приближаются к баррикаде из трех электрокоптеров, которую воздвиг на рельсах Денис. И Огюст Дюпен, под вагонами пробравшийся к боевому модулю электровоза, начал расстреливать вертушки из военно-морского пулемета. Конечно, боевой модуль можно было активировать и дистанционно, однако Дюпен, точнее — Черенков Сергей Ильич, сказал, что не хочет рисковать. Теперь только их *главный калибр* и способен был им

помочь: разметать преграду на пути состава. Или, по крайней мере, сдвинуть её — так, чтобы разогнавшийся поезд смог её сбить, а не сошел бы с рельсов сам при столкновении с ней.

Денис тоже услышал этот звук, невзирая на пальбу в самом вагоне: напрягся, приподнял голову. И, конечно, его услышали также профессор и Берестов-старший: они оба знали, каков был план Макса. Если бы Новому Китежу удалось вырваться с той ветки, куда направил его Денис, состав поехал бы на полной скорости обратно — в сторону Клина. Там располагалась секретная база новых китежан, где они обычно запасались продуктами и всем необходимым. И Огюст Дюпен уже вызвал туда по мобильному телефону подмогу: не армию, конечно, какой обладал Денис, но вполне боеспособный отряд из числа *резервистов* Нового Китежа.

Стрельба сделалась особенно яростной — и в вагоне, и за его пределами. Один из наемников Розена повалился носом вниз на вагонный пол — был убит, несомненно. А один из охранников Дениса вдруг резко завалился на левую ногу, которая под ним словно бы подломилась. Но — с учетом интенсивности огня это был, можно сказать, ничтожный ущерб. В следующие минуты все могли пострадать куда сильнее.

«Держитесь!» — хотел было крикнуть Макс, да вовремя опомнился: те, кто был с ним, и так знали, что сейчас должно произойти столкновение. И уж точно догадались бы, что нужно ухватиться хоть за что-нибудь.

9

Едва Настасья вместе с Гастоном вошла в вагон-ресторан, как услышала звуки пальбы со стороны поездной кухни. Пальбы такой частой и заполошной, что она казалась ненатуральной — как в старых фильмах-вестернах. Гастон ринулся было вперед — уж он-то ничего не боялся. Но сама Настасья замерла на месте.

— Стой, мальчик, — прошептала она.

Ньюф, несмотря на царившую в поезде какофонию, её услышал: остановился, по обыкновению обернулся на неё через плечо. И в его темно-янтарных глазах читалась теперь не мольба: в них читалось нетерпение, недовольство и почти возмущение. «Надо идти!» — словно бы желал сказать ей пес. И Настасья, отвечая ему на эту немую просьбу, проговорила:

— Да, мальчик, мы сейчас туда пойдём. Дай только мне минутку подумать...

Но минутки в её распоряжении не оказалось: поезд, катившийся со всё нарастающей скоростью, вдруг врезался в какую-то преграду. Настасья полетела вперед — едва успела выставить перед собой руки. И выронила свой пистолет, который выстрелил при падении.

Гастон возмущенно взлаял и отскочил от выстрелившего оружия. Пуля только чудом не угодила в черного пса. Но им обоим повезло: ньюфаундленд не поймал пулю, а сама Настасья приземлилась не на пол, а на один из диванчиков, стоявших вдоль стен в вагоне-ресторане.

А между тем состав начало трясти так, словно он был игрушкой, попавшей в руки капризному ребенку. Его мотало на рельсах вправо-влево; он подпрыгивал, словно у него вовсе не было рессор — а ведь еще недавно Настасья изумлялась плавности его хода. Но, по крайней мере, в вагоне-ресторане стало потише: стрелять почти прекратили.

Денис обругал себя последними словами — что поторопился, не поручил своим людям обследовать электровагоны Нового Китежа, прежде чем соваться сюда. Однако наличие в поезде крупнокалиберного стрелкового оружия — это была не самая серьезная его проблема на данный момент.

Он чуть ли не молился, чтобы столкновение состава с его вертушками прошло благополучно. Он ведь был не Чарльз Диккенс и не император Александр Третий, чтобы рассчитывать остаться целым и невредимым при крушении поезда. Конечно, крушение могло бы положить конец тому бедламу, в который Денис угодил. Но думать так — это было бы примерно то же, что мечтать о гильотине при сильной мигрени.

Денис успел еще глянуть на своего отца — которого он подстрелил нечаянно. Успел даже заметить, что взгляд рыжей Сюзанны остекленел (*Одной проблемой меньше*). Но тут поезд врезался в преграду на рельсах, и всех, кто находился в вагоне, бросило вперед. Все, кто стоял — попадали. Кто лежал на гладком полу, как Денис — заскользили вперед. И даже мертвые тела под воздействием инерции протащило немного — как будто их напоследок выдернули из небытия и позволили еще немного поучаствовать в делах живых.

Поразительно, но преграду из трех электрокоптеров Новый Китеж миновал без особых трудностей: не сошел с рельсов и даже не остановился. Лишь сбавил ненадолго скорость, а потом проследовал себе дальше. И Денис даже не уловил, в какой момент сенатор Розен высвободился из-под нескольких навалившихся на него людей — живых и мертвых. Увидел только, как к нему перекатился по полу один из его приспешников и выхватил откуда-то из-за пояса нечто вроде миниатюрной готовальни. Открыв её, он выдернул имевшиеся там среди прочих инструментов крохотные кусачки — а уже в следующий миг руки Розена были свободны.

Макс видел, как Розена освободил его наемник. И даже не особенно удивился: как бы эти трое сбежали из кутузки, не окажись у них при себе подходящих приспособлений? Макс только попенял мысленно Огюсту Дюпену — за то, что тот не обыскал арестантов должным образом.

Но некогда было сокрушаться из-за этого. Макс видел, что его отец истекает кровью, и, чуть приподнявшись, сдернул с крючка возле одной из кухонных раковин несколько полотенец.

— Потерпи, папа, — прошептал он. — Сейчас я попробую тебя перевязать.

Он в несколько секунд соорудил кровоостанавливающую повязку и только успел порадоваться, что признаков пневмоторакса у его отца нет, когда дверь в тамбур, соединявший кухню с вагоном-рестораном, снова распахнулась. Макс даже не понял сперва, что он слышит. Ему показалось: флотский пулемет снова начал стрелять. Только через две или три секунды до него дошло: бухающие звуки со стороны распахнувшейся двери — это лай Гастона.

— Настасья, — закричал Королев, который, в отличие от Макса, мог со своего места видеть дверь, — кинь мне оружие и уходи!

И тут же по металлическому полу к профессору заскользил тот самый пистолет,

который отдал девушке Макс.

«Зачем она здесь?» — подумал он, а сам уже вскакивал на ноги — рискуя попасть под пулю, как и его отец.

Макс увидел Настасью, которая замерла в дверях тамбура — даже не попыталась наклониться, не то, что уйти. Увидел пса рядом с ней — тот стоял вполоборота, загораживая её корпусом, насколько это было возможно. Увидел освободившегося от наручников Розена, который с автоматом в руках сделал шаг к середине вагона — туда, где, помимо самого Макса, находились профессор и Денис.

А потом поезд снова начал замедлять ход. По всей видимости, Огюст Дюпен услышал стрельбу в вагоне-кухне и решил, что нужно сперва разобраться с тем, что внутри — прежде чем ехать дальше.

12

Профессор мысленно похвалил Настасью за то, *как* она бросила ему маузер — просто пустила по полу, так что он мгновенно поймал его. Однако тут же он её и отругал про себя: она как встала в дверях, глядя на открывшуюся ей бойню своими серыми глазами, так и стояла, не трогаясь с места.

— Настасья, беги! — снова крикнул он ей.

И опять — без всякого толку.

Так что первыми, в кого профессор выстрелил, были охранники Дениса Молодцова. Просто потому, что стволы их автоматов были обращены в сторону его девочки. Было удачей, что сам он лежал на полу: из такой позиции — стреляя снизу вверх — он всадил три пули троим охранникам точно в зазор между воротами их бронежилетов и шлемами. И сразил всех троих наповал. Но зато все остальные стрелки: и охранники Молодцова, и оставшиеся в живых наемники Розена — как по команде повернулись к нему. А сенатор — будто и не боясь пуль — пошел прямо к профессору.

Но того всё это устраивало: эти люди больше не угрожали Настасье. Он заметил только, что (*Ивар*) Максим Алексеевич поднялся в полный рост. И профессор крикнул ему, перекатываясь по полу в сторону большого холодильного шкафа:

— Берестов, ложитесь!

На него поглядел старший из двоих — Алексей Берестов. Хотя и Максим вроде бы внял призыву — наклонился к полу. Но — как оказалось, только для того, чтобы выдернуть автомат из рук одного из застреленных охранников «Перерождения». После чего он снова распрямился.

Автоматная очередь ударила в пол как раз там, где профессор только что лежал. И несколько пуль срикошетило как раз в дверцу холодильника, за которым он укрылся. Но кухню Нового Китежа оборудовали, не скупясь на сверхпрочный пластик и сталь: на дверце всего лишь появилось несколько вмятин.

Профессор еще дважды выстрелил из своего укрытия — на сей раз целя охранникам Молодцова в ноги. Оба — упали. А Розен сделал еще несколько шагов вперед. Идти ему стало намного легче: поезд остановился.

— Настасья, уходи отсюда! — заорал Берестов-младший. — Я тебя прикрою!

Но девушку словно столбняк хватил. Она так и стояла, опершись одной рукой о холку пса. А тот не трогался с места, только щерился — и заслонял её собой.

И тут вдруг за спиной у профессора — в той части вагона, где находилась дверь между кухней и электровозом — раздался голос:

— Всем — бросить оружие! Вагон окружен!

Профессор повернул голову: в дальних дверях вагона-кухни стоял *Огюст Дюпен* — Сергей Ильич Черенков. И в руках он сжимал в точности такой маузер, какой был теперь у него самого.

Стрельба стихла: всех ошарашило его появление. Однако оружия никто не бросил. И профессор подумал: этому человеку — конец, пусть даже он и облачился в бронежилет.

В этот-то самый момент пресловутый Дюпен и начал стрелять сам. Только вот — целил он явно не в *ниндзя* сенатора Розена. И не в клеветов господина Молодцова.

Первая пуля Огюста Дюпена угодила в пол рядом с истекающим кровью Алексеем Берестовым. А вторая — в руку Максима Берестова, который поспешил оттолкнуть отца в сторону, за угол одной из электроплит. «Так вот кто дал отмычки этим ниндзя и указал им, где все мы будем!» — понял профессор.

— Макс! — Настасья обогнула пса и ринулась к своему новому другу.

— Нет, стой! — крикнул ей тот. — Я цел!

А Дюпен направил маузер уже на неё — и профессор понял, что *не успевает* выстрелить в него сам, опередить его. Он вскинул оружие, уже понимая, что опоздал. Раздался выстрел — но *не* его собственный. А сам он застонал так, словно на него обрушилась вся махина Нового Китежа.

— Настасья, — прошептал он — зная, что должен повернуться к ней, посмотреть на неё, но не имея сил это сделать.

И тут Огюст Дюпен, стоявший в противоположном от Настасьи конце вагона, покачнувшись, выронил пистолет и стал заваливаться на бок. Пуля попала ему в переносицу — точно между бровей. С момента, как он зашел в вагон-кухню, и двадцати секунд не прошло.

Профессор одним рывком повернулся в ту сторону, где замерла Настасья — застыла в изумлении, так и не добежав до Макса. А потом окинул взглядом вагон — пытаюсь понять, кто же стрелял в Дюпена.

На полу со вскинутым пистолетом в руках сидел Денис Молодцов.

13

Макс почти машинально повернулся на звук выстрела — отведя взгляд от ошалело глядевшей на него Настасьи. Так что он успел заметить, как падает с пулей во лбу Сергей Ильич. И — как на него самого направляет свой пистолет Молодцов, только что сделавший выстрел. «Вот и конец моему везенью», — мелькнуло у Макса в голове. Он слишком уж много задолжал Фортуне. И промах обезумевшего Дюпена — пуля которого пробила Максиму только рукав джинсовой куртки, даже не оцарапав кожу, — явно оказался её последним подарком.

— Никто еще ни разу меня не кидал, — сказал Денис.

И Макс решил: его друг детства и брат выстрелит в него прямо сейчас. После того, как их с отцом попытался застрелить начальник службы охраны, которому они оба безраздельно доверяли, пуля, полученная от Дениса — это было бы совершенно предсказуемо. Но Денис медлил. Да и Макс не стрелял тоже — хоть в руках у него был заряженный автомат. И, когда раздалась очередь, он с изумлением поглядел на собственные руки — гадая: как же это он

мог нажать на спуск?

На Денисе не было бронежилета, так что пули вспороли ему грудь. И только, подняв глаза, Макс уразумел: стрелял *не он*. Напротив его брата, в двух шагах от него, стоял Мартин Розен.

— Теперь — не будет никакой компании «Возращение», — сказал добрый пастырь.

И Макс полоснул по нему очередь в упор. Один раз, потом — второй, в противоположную сторону. На Розене тоже не было кевларовой брони. И тело его словно взорвалось изнутри.

В этот же миг со стороны обоих тамбуров в вагон посыпались люди в синей форме: бойцы Огюста Дюпена, еще не знавшие, что они только что потеряли своего командира.

— Бросай оружие! — орали люди в синем, размахивая помповыми дробовиками и на все лады матерясь.

Все, кто был жив, их приказание исполнили, и Макс тоже уронил свой автомат на пол. А затем повалился на колени — склонился над Денисом, грудь которого напоминала распотрошенный мешок со свеклой.

— Я помогу тебе. — Макс выдернул руки из рукавов джинсовой куртки, свернул её и прижал к груди своего брата, истекавшего кровью.

Он боялся только: как бы бойцы Огюста Дюпена не пальнули по ним еще раз. Если так поступил сам Сергей Ильич, то почему им тоже этого не сделать? Но — нет. По всей видимости, Дюпен не посвятил подчиненных в свои загадочные планы относительно отца и сына Берестовых. Никто больше уже не стрелял. А рядом с Максом каким-то образом оказались и Настасья с Гастоном, и профессор Королев — уже отбросивший свое оружие. Все они — включая даже пса — с пониманием неизбежного смотрели на всесильного президента корпорации «Перерождение», который умирал теперь на полу в поездной кухне.

— Поздно мне помогать, — сказал Денис, и у него изо рта полилась кровь. — Но ты послушай меня, брат, — он притянул Макса к себе, ухватив за рубашку. — На дальнем электровозе установлено взрывное устройство. С часовым механизмом. И обратный отсчет — вот здесь. Чтобы его остановить, нужно ввести...

Президент «Перерождения» успел еще поглядеть на свои наручные часы, но вот фразу докончить — не сумел. Его взгляд его остановился — так и замерев на часовом циферблате.

— Денис? — позвал Макс — уже понимая, что не дозвется.

Пальцы его брата, которыми тот сжимал рубашку у него на груди, разжались. И рука с часами на запястье упала.

Точнее — *упала бы*. Руку Дениса поймал профессор.

— У нас есть еще почти сорок минут, — облегченно выдохнул он, а потом снял часы с Дениса и защелкнул их браслет на своей руке.

Глава 18. Темные воды

1–2 июня 2086 года. Суббота и воскресенье. Тверская губерния

1

Настасья чувствовала себя так, будто у неё в груди уже взорвалась бомба. Там, где должно было бы находиться её сердце, она ощущала одну только пустоту. Тянущую, поглощающую всё — как черная дыра из космоса. Солнце уже взошло, в лесу гомонил оглушительный птичий хор, но для Настасьи окружающий мир стал чем-то вроде театральной декорации — как она их помнила из далекого детства, когда театры еще работали, и родители водили ее на дневные спектакли.

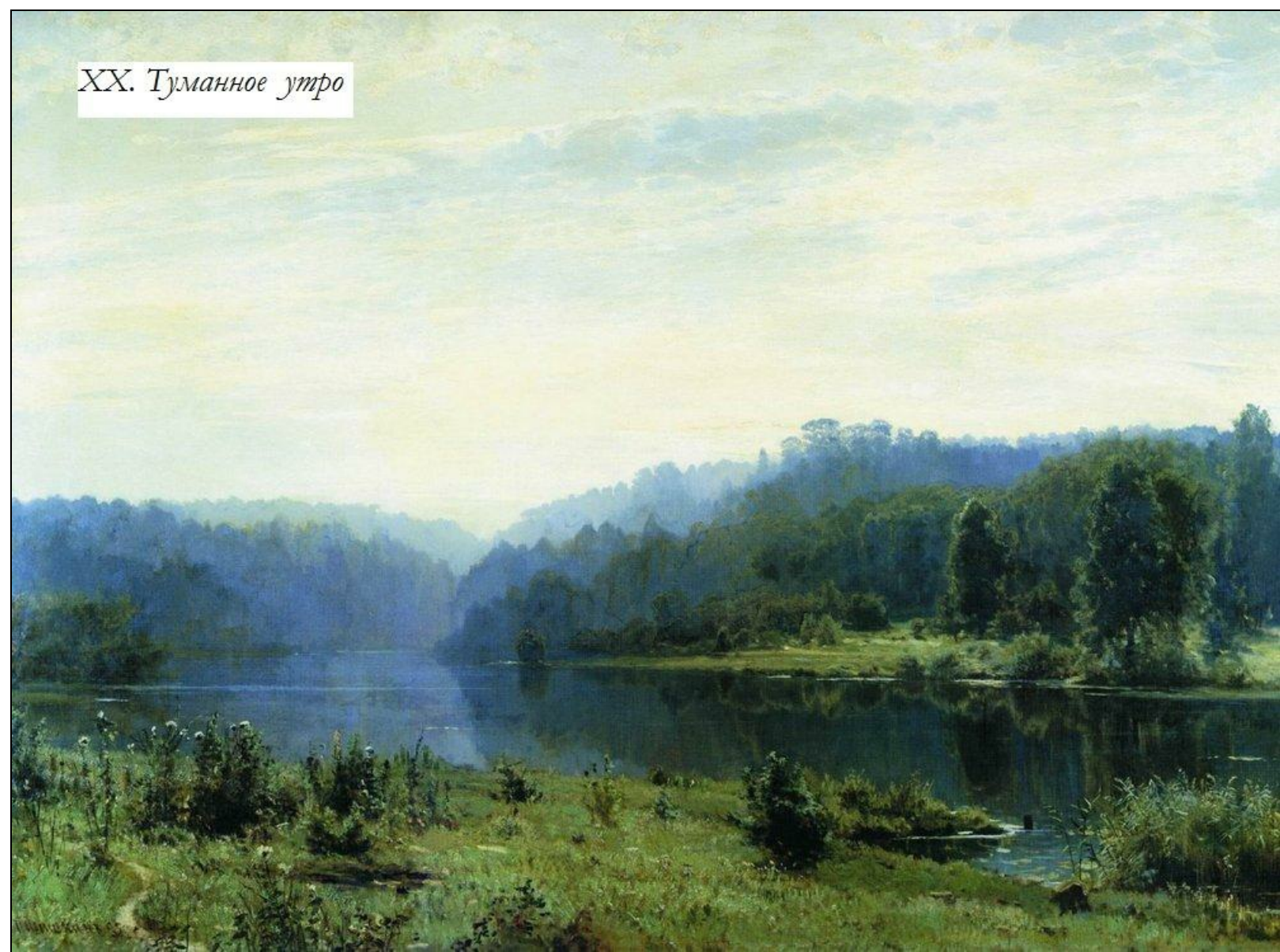
Эти сегодняшние декорации застилал утренний туман — и столь же туманными виделись Настасье намерения её спутников.

— Почему нельзя отцепить один электровоз — тот, который заминирован, — а вторым оттащить отсюда весь *Новый Китеж*? — в отчаянии спросила она у Макса.

Они уже успели выяснить, что пароля, необходимого для деактивации взрывного устройства, никто, кроме застреленного Молодцова, не знал.

— Второго, считай, уже нет. Когда бойцы Дениса поняли, что мы удираем, они открыли по нему пальбу. И повредили переднюю ось. Но ты не волнуйся: ты успеем доехать до водохранилища. Если взрыв произойдет в воде — никто не пострадает.

«Если...» — подумала Настасья.

Её дед давал указания двоим охранникам Нового Китежа, которые возились теперь с дверьми отцепляемого электровоза — торопливо блокируя их то ли ломами, то ли какими-то рычагами.

— Но почему тот человек, который нас встречал — этот ваш Дюпен — решил убить и тебя, и Алексея Федоровича? — Настасья знала, что раненый Берестов-старший находится теперь в медицинской палатке, разбитой неподалеку от железнодорожных путей. — Он умом повредился? Или, может быть, эти ниндзя Розена его загипнотизировали?

— Сергей Ильич Черенков — ну, Огюст Дюпен — должен был получить полный контроль над поездом, если бы и я, и мой отец перешли в мир иной. Вот, наверное, он и не выдержал искушения. Очень захотел стать единственным владельцем и бенефициаром *Нового Китежа*. Он-то и передал людям Розена необходимые для побега инструменты. И, несомненно, сообщил, в каком вагоне состоится сходка. Хотя потом он устранил бы их вместе с Розеном: никто не должен был помешать ему овладеть Новым Китежем.

— Для чего? Чтобы брать деньги с прибывающих пассажиров?

— Хорошо, если так. — Макс как-то странно на неё поглядел.

И Настасья поняла: Дюпен мог бы стать миллиардером, если бы продал колберам хотя бы половину своих пассажиров.

— Тогда повезло, — сказала она, — что Денис его застрелил.

Макс помрачнел, и Настасья подумала: связь между двумя братьями была куда более крепкой, чем они оба считали. О том, что Денис Молодцов приходился Максиму единокровным братом, Настасье успел сказать дед — пока Макс бегал в свое купе за пустой капсулой для экстракции. Той самой, при помощи которой она *украдала* когда-то облик своего Ивара.

«Теперь Ивар и Макс — это одно целое», — подумала она.

И тут же какая-то другая её часть — та, что поселилась в черной дыре на месте её сердца, прибавила: «И теперь ты потеряешь их обоих — навсегда».

— Хотел бы я знать, почему Денис выстрелил именно *в него*, — сказал Макс. — Не понял, что Дюпен больше не заодно с нами — со мной и с моим отцом?

— Может быть, — сказала Настасья, — он понял, что не сумеет выстрелить *в тебя*.

Но тут Максима позвал её дед, и тот отошел, махнув ей на прощанье рукой:

— Скоро увидимся! Не волнуйся ни о чем!

И Настасья попыталась разобраться, из-за чего её обуяла такая тоска: из-за страха во второй раз потерять Ивара — пусть даже в другой ипостаси? Из-за боязни, что её дед не переживет этой поездки?

А потом она вдруг осознала: это всё из-за того, что Макс так и не поцеловал её на прощанье. И какая глупость была — переживать именно из-за этого! Тот их единственный поцелуй — тогда, на собачьей площадке, — он был вроде как не совсем всерьез.

«Это для Макса он был — не всерьез», — сказала себе она.

Она почти не заметила, как к ней подошел дедушка — с какими-то обнадеживающими и успокоительными словами. И не помнила, что ответила ему сама. Только тогда, когда уже загудел аккумулятор отцепленного электровоза, она поняла: отъезжающие забыли кое с кем попрощаться.

— Гастон! — позвала Настасья. — Гастон, мальчик!

Но ньюф не подбежал к ней. Она принялась крутить головой и успела увидеть, как черный пес с разбегу запрыгивает в приоткрытое окно — в передней части электровоза. Из окошка этого на порядочное расстояние разносился характерный запах освежителя воздуха.

2

Профессор понимал, как тяжело сейчас на душе у его спутника. И всё же — он должен был задать свой вопрос.

— Вы уверены, что правильно определили местонахождение Маши? — обратился он к Максиму Берестову.

— Его определил не я — системный администратор Дениса, — сказал тот. — И передал информацию начальнику его службы охраны.

Из всех участников ночной поездки в вагоне-кухне едва ли половине посчастливилось выжить. Вместе с Розеном погибли все его *ниндзя*, а из охранников Молодцова уцелели только трое. Однако начальник его охраны оставался снаружи. И был захвачен людьми Огюста Дюпена — тоже покойного ныне — вместе с немногочисленными уцелевшими сподвижниками. Предатель Дюпен хотел разделаться с Молодцовым и его людьми ничуть не меньше, чем с отцом и сыном Берестовыми. Как видно, видел и в Денисе огромное препятствие на пути обладания *бронепоездом*.

— А вы, — продолжал Максим Берестов, — очень быстро убедили этого человека

сотрудничать с вами. Вы пистолетом ему пригрозили, что ли?

Профессор подумал: если бы понадобилось, то пригрозил бы. Однако ему требовался *гарантировано живой* помощник — который исполнил бы всё то, что ему прикажут. На случай, если сам профессор не сумеет из этой поездки вернуться. Он и не рассчитывал особо, что вернется. Если бы он мог, то и Максима Берестова отговорил бы ехать с ним на электровозе к водохранилищу. Однако тот уперся: заявил, что одного профессора не отпустит. И оставалось только уповать на то, что хотя бы Берестова-младшего он спасти сумеет. Иначе — всё теряло смысл.

— Пистолетом я ему не угрожал, — сказал он. — Просто нашел убедительные аргументы. Он сказал бы мне, и как обезвредить бомбу — если бы знал сам. И я очень рассчитываю, что вас, Максим Алексеевич, мне тоже удастся убедить...

Но раньше, чем он договорил, они с Берестовым услышали громкий нетерпеливый стук. И оба чуть не подпрыгнули на месте.

Звук доносился из узкого коридорчика, ведущего в кабину машиниста. Локомотивом управлял автопилот, и профессор с Берестовым тут же из кабины выскочили.

— Похоже, мы кого-то заперли в туалете, — удивленно проговорил Максим.

Он шагнул к узкой дверце санитарного модуля, запираемой снаружи, отодвинул щеколду на ней — и в тот же миг распахнувшаяся дверь едва не сбила его с ног. Профессор мгновенно, не думая, выхватил из-за пояса маузер — но сразу же и опустил его.

Из туалета выскочил Гастон — и тут же облапил своего хозяина, а потом еще лизнул его раза три или четыре в лицо. И тот ничего — не возражал. Вроде как даже был доволен. Возможно, радовался, что пес признал его в новом обличье. Но потом он всё-таки своего ньюфаундленда пожурил:

— Да зачем же ты сюда пробрался, мальчик? Ты должен был оставаться с Настасьей.

— А он и оставался со мной, — донесся из санитарного блока голос, от которого у профессора упало сердце. — Точнее, это я решила остаться с ним — первым сюда пробрался он.

И в коридорчик перед маленьким туалетом шагнула Настасья. Профессор чуть было не вплепил ей оплеуху — впервые за всю жизнь он испытал подобное побуждение.

— Ты!.. — прошептал он яростно. — Вот только тебя тут не хватало!..

Он попытался схватить Настасью за руку, но та увернулась — и тут же между ними очутился Гастон. С непреклонной решимостью пес поглядел на руку профессора, в которой всё еще был пистолет, и Берестов сказал:

— Лучше уберите это. Гастон сроду никого не кусал — но вот Розена тяпнул, когда у того была похожая игрушка.

Профессор, сдерживая рвущиеся с губ ругательства, сунул маузер обратно за пояс. И посмотрел в упор на Настасью — которая, однако, взгляда не отвела. Глядела на него прямо и дерзко своими огромными глазами.

— Зачем ты здесь? — отрывисто спросил он, уже прикидывая мысленно: успеют ли они остановить электровоз, чтобы посадить девочку?

Успеть-то они, может, и успели бы. Вот только — как близко она окажется после этого к эпицентру грядущего взрыва?

— Я здесь, — ответила ему юная красавица, — потому что я так решила.

Настасья не помнила, чтобы хоть когда-то её дедушка выглядел до такой степени сокрушенным.

— Боже! — Он прижал к вискам ладони и даже чуть наклонился вперед. — Ну почему — теперь?! Всю свою жизнь ты была такой послушной девочкой. Неужели ты не могла выбрать другое время, чтобы взбунтоваться? Всё, чего я хотел — это чтобы ты была в безопасности.

— Да, — кивнула Настасья. — Я в этом не сомневаюсь. Но я-то хотела не этого.

— А чего ты хотела?! Стать добычей колберов?

Она даже отшатнулась — дед еще никогда не орал на неё так. Но тут шагнул вперед Макс — встал почти бок о бок со своим псом.

— По-моему, — сказал он, — Настасья всегда хотела обрести свободу. И, может быть, весь проект «Новый Китеж» был ошибкой — этот обмен свободы на безопасность. И то, и другое имеют ценность только вместе — не по отдельности.

Настасья так удивилась его словам, что даже не нашла, что сказать.

— Ага, — мрачно кивнул её дед, — и погибнуть нам всем будет лучше вместе — не по отдельности.

— А кто же управляет электровозом? — воскликнула Настасья: ей только-только пришла в голову эта мысль.

— Сейчас — начнем управлять мы. — Макс крепче сжал её руку. — Сколько времени у нас осталось? — обратился он к её деду.

Тот глянул на часы и потемнел лицом:

— Четыре минуты. Нет, уже три минуты и пятьдесят секунд. Останавливать электровоз поздно. После этого он до взрыва не успеет отъехать достаточно далеко.

— Но вы же всё рассчитали, Петр Сергеевич, разве нет?

— Рассчитал, да. — Настасья поймала дедушкин взгляд, и поняла: больше всего на свете ему не хочется говорить при ней то, что он сейчас скажет. — Но при сходе с рельсов автопилот заблокирует колеса. А нужно, чтобы взрыв случился в воде — иначе погасить его силу не получится.

И Макс, похоже, при этих словах что-то понял.

— Вот почему вы просили меня не ехать, — сказал он. — Хотели, чтобы кто-то сумел всё закончить. А сами планировали отключить автопилот и до конца управлять электровозом вручную.

— Я хотел, — сказал Настасьин дед, — убедить вас спрыгнуть. Как раз об этом хотел с вами заговорить в тот момент, когда объявилась моя... — Он отчего-то запнулся на миг, словно хотел да что-то решиться, да так и не решился; и закончил фразу с едва уловимым вздохом: — Моя Настасья.

4

Профессор всё-таки надеялся, что они уложатся в отпущенное им время. Они и вправду почти успели — им не хватило даже не минуты: всего-то нескольких секунд. Электровоз уже подъезжал к водохранилищу, когда в часах Дениса Молодцова запикал таймер.

— Сколько осталось? — повернулся к нему Макс.

— Нисколько. — Оставалось еще пятьдесят секунд. — Вам с Настасьей надо прыгать.

— Мы еще не доехали! — крикнула Настасья — теперь она явно была в ужасе, и снова казалась маленькой девочкой.

— Неважно. Прыгайте первыми, а я — за вами.

— Нет, — отрезал Макс и встретился с Настасьей глазами — задержал на ней взгляд на долгих три или четыре секунды.

— Что? — Профессор решил, что ослышался.

— Прыгайте вы. Я — выпрыгну в последний момент.

— Почему?!

— Некогда спорить. Вы Настасье нужнее, чем я.

— Макс! — воскликнула Настасья, схватила его за руку — но больше ничего не прибавила.

Профессор открыл было рот — возразить. Но и вправду было уже некогда. Впереди серебряным зеркалом переливалась вода. Но рельсы-то уходили не в неё. И кто-то в самом деле должен был остаться на электровозе — чтобы направить его в водохранилище, когда он сойдет с рельсов.

Максим Берестов поглядел на Настасью. Профессор не видел выражения его глаз, но под этим взглядом девочка — отпустила его ладонь. Профессор тут же сам стиснул руку Настасьи и ринулся к дверям электровоза, намертво заблокированные двумя стальными монтировками.

— Гастон! — Настасья поискала взглядом ньюфаундленда.

— Некогда, некогда! — Профессор изо все сил потянул её за собой, но в последний момент всё же оглянулся на Берестова:

— Прыгайте *в воду!* — крикнул он. — У вас есть еще десять секунд.

И они с Настасьей почти одновременно выпрыгнули из дверей электровоза — по ходу его движения. Профессор приземлился на ноги и на ладони, перекувырнулся через голову, чтобы погасить кинетическую энергию. А потом вскочил и оглянулся: Настасья тоже приземлилась удачно — но теперь застыла на месте: стояла, глядя на локомотив, который уже сошел с рельсов и катил напрямик к водохранилищу.

Профессор кинулся к ней и повалил её наземь: так, чтобы они оказались ногами к эпицентру грядущего взрыва. А потом прикрыл Настасью собой, вжал её животом в землю. И тут же раздался оглушительный хлопок, как если бы кто-то с размаху наступил на грибождевик размером с десятиэтажный дом. Профессор ладонями зажал Настасьины уши, а локти крепко прижал к её бокам. И даже успел крикнуть ей — хоть было уже и поздно:

— Открой рот!..

Он понял, что рассчитал все неверно: взрыв произошел раньше, чем он ожидал. Или, может, сбился таймер в часах Молодцова. Электрические аккумуляторы локомотива, выброшенные взрывной волной, рухнули на берег всего в паре метров от них. И аккумуляторная кислота выплеснулась профессору на спину, на плечи, на затылок, на заднюю поверхность ног. Его словно бы облили кипящей смолой.

«Слава Богу, хоть не на мою девочку!» — успел он подумать — за секунду до того, как его накрыло волной шока.

тот всё-таки сберег Настасью. И профессор, по крайней мере, остался на земле. В отличие от него самого.

Он сумел прыгнуть в воду до того, как грянул взрыв. Что да, то да. И даже сумел сделать несколько больших гребков — так что взрывная волна только качнула его, словно бумажный кораблик, и обрушила на него лавину воды. Однако она Макса не потопила. И он даже принялся искать в воде Гастона — который выпрыгнул с ним вместе, но теперь бесследно исчез. Макс, сам оказавшийся под водой, крутил головой вправо и влево — тратя уходящий из легких воздух. И, забывшись, даже попытался позвать своего пса — так что чуть было не захлебнулся сразу же. Всё было бессмысленно: ньюфа рядом с ним не было.

Искореженный электровоз опускался на дно водохранилища. И вокруг Макса опускались на дно, наподобие уродливых штопоров, обломки погибшей машины. И вот так же, должно быть, пошел ко дну его пес, так хорошо умевший плавать: зашибленный какой-нибудь железякой или убитый взрывной волной.

«Не успел, — только и подумал Макс, — как и я всегда не успевал». И за долю секунды у него в памяти промелькнули строчки — уже не из Эдгара По, а из Стивена Кинга:

Я вам скажу, чтоб знали вы
И помнили всегда,
Что есть и у собак свой рай,
И он ушёл туда[1].

Он заплакал бы — но это отняло бы последние остатки его дыхания. И он устремился к поверхности, кое-как подгребая руками.

Он всплыл — на секунду или две. И даже смог сделать глубокий вдох. Но в этот самый момент по воде перед ним промелькнула тень, а потом прямо над головой Макса, почти задев его крылом, пролетела какая-то большая птица — должно быть, чайка. Она даже и не думала его атаковать — просто проскочила мимо. И Макс даже *понял* это. Точнее, поняла какая-то одна его часть — ведавшая логикой и здравым смыслом и доподлинно знавшая, что никогда прежде он не страдал орнитофобией.

Но вот другая его часть — неведомая ему самому — среагировала прежде, чем он успел взять её под контроль. Дикий, иррациональный страх накрыл его, и Макс, вместо того, чтобы плыть прочь он взорвавшегося локомотива, снова нырнул — ушел под воду так глубоко, как только сумел.

Может быть, ему еще удалось бы этот панический страх одолеть, снова вынырнуть. Но тут уходящий на дно электровоз издал низкий животный стон и начал затягивать Макса в тугую водяную воронку. И выбраться из неё он уже не мог: был слишком вымотан всем случившимся.

Макс тонул — шел ко дну, почти этому не противясь, — лишь изредка пытаюсь взмахивать руками и сучить ногами. Он слишком обессилел. После бессонных ночей, после бегства от добрых пастырей, после трансмутации, которую он прошел без наркоза, после гибели Дениса, после убийства Розена, после потери Гастона он ощущал себя опустошенным, как та колба, из которой был извлечен весь экстракт его имени.

Он вспомнил, как выглядела его мама в тот день, когда он видел её в последний раз — какой молодой она была! Моложе, чем он сейчас — если брать его всамделишный возраст. Вспомнил своих бабушку и дедушку — оба не дожили до его невероятной славы. Не дожили даже до того дня, когда их внук окончил университет. Смерть единственной дочери подкосила их куда сильнее, чем это в детстве казалось Максусу.

Он вспомнил и то, как нес Гастона домой из собачьего питомника — толстолапый комок шерсти,

(...*есть и у собак свой рай*)

который грел, как маленький сопящий чайник, его грудь за отворотом куртки.

И еще он вспомнил — придержал это воспоминанье на самый конец — их единственный с Настасьей поцелуй: на собачьей площадке мотеля «Сириус». Он решил, что хочет уйти именно с этим воспоминанием. И начал закрывать глаза — надеясь, что хоть на миг увидит на обратной стороне своих век Настасьино лицо.

Но в этот момент он вдруг увидел кое-что другое — *кое-кого*. Черное мохнатое существо со смешно выпученными под водой глазами плыло к нему, мерно и часто загребая широченными лапами с перепонками между пальцев. И у этого существа сил явно хватало — чтобы вытащить их обоих. Макс обхватил пса за шею, и тот мгновенно потянул его вверх — стремительно, как если бы у него имелся моторчик где-то под мягким брюхом.

6

Настасья чуть помедлила, прежде чем откинуть полог белой медицинской палатки, которую накануне развернули прямо рядом с железнодорожной платформой близ Клина. Она знала, *кого* увидит внутри — и не чувствовала, что готова к этой встрече. Вся её жизнь пошла кувырком за минувшую неделю. И теперь, она знала, её ожидает еще один — чуть ли не самый гадкий — *кувырок*.

В палатке стояло четыре кровати, но только на двух из них лежали пациенты. Одну занимал отец Макса — Алексей Федорович Берестов. А вторую — вроде бы занимал её дед.

Берестов-старший спал — вероятно, под воздействием какого-то лекарства. Его одеяло было сдвинуто почти до пояса — день выдался очень жарким. И Настасья видела, что мощную грудь бывшего байкера крест-накрест пересекают бинты, удерживающие регенерирующие пластыри на швах. Макс ей сказал: его отцу повезло. Сквозное ранение оказалось неопасным: пуля Дениса Молодцова не задела жизненно важных органов.

При мысли о Молодцове Настасья перевела взгляд на другую койку — возле которой сидел на табурете Макс, поглаживая одной рукой голову своего пса. Гастон расположился на полу возле его ног: ловкий игрок в прятки, увязавшийся за своим хозяином и спасший ему жизнь. Как только Настасья вошла, пес вскинулся — но не стал подбегать к ней: понял, что она сама сейчас к нему подойдет.

— Хороший мальчик, хороший! — Настасья подтянула к койке еще один табурет, уселась на него и ласково потеребила уши ньюфа — одно из которых всё ещё оставалось слегка припухшим после схватки с собаками-людоедами.

— А со мной не хочешь поздороваться? — спросил её дедушка.

— Привет. — Настасья старалась не глядеть в его сторону. — Как самочувствие?

— Отлично! Давно уже так себя не чувствовал.

— У твоего дедушки были очень серьезные химические ожоги, — сказал Макс. — Но, по счастью, мы изыскали возможность с этой проблемой справиться.

— Понимаю. — Настасья сама расстроилась из-за того, сколько обиды прозвучало в её голосе. — Ну, и какие планы у вас... у тебя на будущее?

— Мы с Петром Сергеевичем займемся тем, чем и собирались: доработкой и внедрением его открытия. — Макс решил, вероятно, что произнесся «вас», она имела в виду

не только своего деда, но и его самого.

— Понимаю, — снова сказала Настасья — но теперь уже не только с обидой, и с сарказмом. — Перед вами обоими теперь открываются *такие возможности!*

— Я помню наш вчерашний разговор насчет свободы и безопасности, — произнес её *вроде бы дед*. — И теперь понимаю: я не имел права делать из тебя узницу. Но сейчас... Я сам остался бы узником в изуродованном теле, если бы не сделал того, что сделал.

— Твой дедушка спас тебе жизнь, — прибавил Макс; он выглядел смущенным — он *оба раза* согласился принять план её деда.

— Он всем спас жизни — всем пассажирам Нового Китежа, — сказала Настасья. — И они теперь смогут продолжить свое путешествие — как *люди-невидимки*. Здорово, правда?

И, не дожидаясь ответа, она встала и направилась к выходу — хоть Гастон и наградил её непонимающим взглядом: почему она вздумала уходить и так мало его гладила?

— Настасья, подожди! — крикнул ей вслед Макс, но она уже опускала за собой полог палатки.

7

Макс подумал: название «*Новый Китеж*» теперь становится вдвойне оправданным. Железнодорожный состав после всех злоключений пришлось обновить чуть ли не на треть — благо, они с отцом давно держали наготове парк запасных вагонов. Однако купе, в которое вселили Настасью, оказалось в *прежней* части поезда. И Макс без труда отыскал его.

Он постучал, и девушка тут же открыла ему — как если бы она ждала его. Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь — машинально отметив, что вся её нижняя часть исчиркана теперь собачьими когтями.

Некоторое время Макс и Настасья просто стояли друг против друга — не начинали разговор.

— Ты хочешь вернуться в Санкт-Петербург? — спросила, наконец, девушка.

— Не в Санкт-Петербург: мы с твоим дедушкой сошлись во мнении, что для основания «Возвращения» больше подойдет Москва. Но — да: я должен *вернуться*. Вряд ли я сумею возместить весь ущерб, какой уже нанес. Но что-то исправить я еще в состоянии. Теперь, когда Дениса не стало, руки у меня развязаны.

Макс подумал: развязаны, но не до такой уж степени. Именно теперь, когда он сумел бы положить конец производству капсул Берестова/Ли Ханя, он *не мог* этого сделать. Открытие профессора Королева требовало наличия *донорского материала* — чтобы вернуть к жизни всех тех, у кого открытие Максима Берестова эту жизнь отобрало. И, хотел Макс этого или нет, но свои планы по ликвидации «Перерождения» ему явно требовалось отложить на потом.

— Ты ведь знал, что он — Денис — твой сводный брат? — спросила Настасья.

— Знал. — Макс поморщился. — Он рассказал мне об этом давным-давно. Еще даже до того, как мы с ним создали «Перерождение». Но я уговорил его не говорить ни о чем нашему отцу. И Денис на много лет вывел меня из игры, угрожая раскрыть отцу правду — и поведать, что тот повинен, хоть и косвенно, в гибели мамы. А вчера папа мне заявил: оказывается, он уже обо всем этом знал! Какая нелепость!

— А твой отец? Что он собирается делать дальше?

— Он — останется здесь. Заменит Огюста Дюпена — возглавит службу безопасности Нового Китежа. А фактически — станет комендантом поезда.

— Жаль, что мне не удалось познакомиться с ним поближе. С твоим отцом — не с прежним *Дюпеном*.

— Думаю, у тебя еще будет такая возможность — раз вы будете путешествовать вместе.

— Это вряд ли. Я здесь не останусь.

Вот теперь Макс удивился всерьез.

— Но ведь вы с Иваром хотели остаться в Новом Китеже!

— Ты не Ивар, — сказала Настасья. — Да и сам не останешься здесь. А если ты беспокоишься о том, как бы до меня не добрались колберы, то теперь вряд ли у них появятся такие шансы. Корпорация «Перерождение» этого не допустит. Ведь так?

Макс хотел прибавить: «И твой дедушка этого не допустит». Но решил, что лучше будет промолчать. Настасья и так не могла прийти в себя после того, как узнала, какое решение принял Петр Сергеевич Королев. Потому сказал другое:

— Ну, может быть, ты еще передумаешь. Осмотришься, познакомишься с другими пассажирами. Среди них есть *множество* по-настоящему привлекательных людей.

— Я тебя ненавижу! — Настасья отвернулась от него, опустила лицо, обхватила себя руками за плечи. — Всегда буду ненавидеть! Будь он проклят — твой Новый Китеж. На первой же остановке я сойду. И даже не пытайся...

Она не договорила: явно побоялась, что голос выдаст её слезы. Только распахнула дверцу маленького гардероба с зеркальными дверцами и начала вынимать оттуда вешалки-плечики со своими новыми вещами и швырять их на стоявший у стены диван. Все эти обновки Макс принес Настасье нынче утром со склада на их станции-базе: он помнил её размер после посещения супермаркета в Псковской губернии.

Когда дверцы оказались под углом к нему, Макс увидел в одной из них свое отражение: будто бы — отражение восемнадцатилетнего юноши. Но только — на деле-то ему было далеко не восемнадцать лет. И он прекрасно знал, что означает такое вот — *ненавижу*. Оно всегда означает одно и то же: *люблю без взаимности*.

— Это неправда, — сказал он — и сам удивился тому, как ухнуло у него сердце; даже при поездке на заминированном электровозе он *так* не волновался.

— Что — неправда? — Настасья повернулась к нему, держа в руках одну из новых блузок и комкая её. — То, что я сойду? Или то, что я тебя ненавижу?

— Это неправда, что я тебя не люблю, — сказал Макс.

Настасья уставилась на него, в первый момент не поняв смысла его фразы. А потом очередная вешалка выпала у неё из рук. И её цветастое платье — то самое, которое она выбрала для себя сама, — распласталось на полу вагона, как бабочка, распахнувшая крылья на цветке.

[1] С. Кинг. «Куджо».

28 июля 2086 года. Воскресенье

Комарово. Санкт-Петербургская губерния

1

В палате частной клиники, выстроенной посреди соснового бора на окраине Комарова, медперсонал держал окна открытыми. Стояла середина лета, и даже здесь, на севере Европы, установилась жара. Правда, панораму Финского залива портила стальная мелкаячеистая сетка, которой окна были затянуты. Но этого требовала специфика лечебного учреждения.

Молодую пациентку, сидевшую возле окна в своей палате, облачили в хлопковый сарафан на бретельках. И ветерок, долетавший сюда с залива, слегка теребил его легкую, цвета морской волны, ткань.

Пациентка эта доставила не так давно массу хлопот всему медперсоналу клиники — хотя не по своей вине, конечно же. Вначале — она пропала куда-то, исчезла прямо из палаты. И пожилой мужчина, который её в этот санаторий поместил, просто рвал и метал, когда ему сообщили об этом по телефону. А когда прибыл в клинику, то чуть было не придушил — в буквальном смысле — главного врача этого чудесного заведения. Но на другой день, к счастью, унесся куда-то. Ну, а еще через три дня его дочь нашлась: снова сидела в кресле-каталке посреди своей палаты, словно бы никуда и не исчезала.

В этом же кресле она восседала и теперь. Не покинула его даже после того, что произошло через месяц после её исчезновения и возвращения. Тогда медсестра, вошедшая в её палату утром, чтобы поднять (при помощи специальной лебедки) безмянную пациентку с постели и пересадить в это самое кресло, зашлась диким визгом. И опрометью из палаты вылетела.

— Там, там!.. — кричала она, тыча пальцем куда-то себе за спину.

В коридоре с ней столкнулись еще две медсестры и врач, которые тут же решили: очередной их пациент скончался. Их только удивила реакция коллеги. Всем им было не привыкать к потере пациентов. В их заведении дольше двух-трех лет не гостил никто. И эта пациентка — Джейн Доу — оказалась единственным их старожилком: пробыла здесь целых девять лет. Так что её уход вряд ли мог стать такой уж неожиданностью.

И сотрудники клиники, не слишком торопясь, вошли в палату, из которой только что выскочила сестра милосердия. Да так и застыли на пороге.

Их пациентка больше не была *безликой*: живым куском плоти с зажмуренными глазами. На кровати, облаченная в фирменную пижаму, на кармашке которой было вышито *Jane Doe*, с теми же черными волосами, какие у неё были раньше, лежала *обыкновенная* женщина. И она *смотрела* на них: удивленно, однако вполне осмысленно. Было видно: она силится что-то сказать, и одна из сестер подскочила к ней — подала стакан с водой. Глотательный рефлекс даже у *безликих* сохранялся, так что они могли обходиться без искусственного кормления: пили, если вода попадала им прямо в рот; ели, если им давали жидкую пищу.

Однако теперь Джейн Доу сама протянула за стаканом обе руки. И, хоть пальцы её

ходили ходуном, она сумела удержать сосуд с водой, поднести его к губам и сделать несколько больших глотков. А потом вернула стакан сиделке и спросила, по очереди оглядывая всех медработников, которые выстроились в ряд возле её кровати:

— Скажите, где я нахожусь?

И вот теперь к этой пациентке, плата за содержание которой по-прежнему регулярно поступала, пожаловал посетитель. Это был не тот пожилой скандалист, который пару месяцев назад выяснял отношения с их главным врачом. Тот — запропал куда-то, перестал навещать свою протезе. Так что врачи и медсестры только пожимали плечами: «Пока она была безлика — приходил, а как стала нормальная — его как ветром сдуло». К ней пришел высокий молодой красавец нордической внешности: высокий блондин с голубыми глазами. Красивый настолько, что у всех работников клиники при виде него возникла одинаковая мысль: *трансмутация*.

Пожалуй, они даже отказали бы ему в посещении — под предлогом, что их единственную выздоравливающую пациентку никак нельзя беспокоить. Однако посетитель этот сразу же предъявил чек на кругленькую сумму от корпорации «Перерождение». В чеке значилось: *за содержание Джейн Доу по 28 июля 2086 года*. То есть, по нынешний день.

— Вы что же, — взъерепенился было главный врач, — собираетесь её забрать? Мы не имеем права её отдавать! Её спонсор головы с нас снимает!

— Не снимает, — заверил его блондин и вручил главврачу письмо от этого самого спонсора, фактически — карт-бланш на любые действия. — А решение — забирать её или нет — я приму, когда побеседую с ней. Я должен удостовериться, что она уже готова к переезду.

И его проводили в палату уникальной пациентки: симпатичной женщины лет тридцати, которая утверждала, что её зовут Марья Петровна Рябова. И поначалу была абсолютно уверена, что сейчас идет 2077 год.

2

Она услышала, как хлопнула входная дверь палаты, и повернулась к посетителю.

— Здравствуй, Маша. — Блондин подошел к её креслу, поглядел на неё сверху вниз. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она неопределенно пожала плечами: она каждый день чувствовала себя так, будто всплывает на поверхность из-под гигантской толщи воды. Но с каждым днем эта толща чуточку, но убывала. Однако рассказывать об этом совершенно незнакомому человеку она не собиралась.

— Ты помнишь, как попала сюда? — так и не дождавшись её ответа, задал посетитель новый вопрос.

— Я всё помню, — сказал Марья Рябова сухо. — Вплоть до момента, как на меня напали колберы — тогда, на пляже, в 2077 году. На меня и... — Она умолкла на полуслове, в изумлении глянула на своего собеседника: не померещилось ли ей: то, как он трет свою левую бровь?

А блондин не стал уточнять, о ком она ведет речь. Спросил другое:

— А свою экстракцию ты помнишь?

— Когда в меня попал заряд из *Рипа ван Винкля*, я почти сразу отключилась. Так что экстракции я не помню. Но я успела увидеть кое-что до того, как уснула. Мой... еще один

человек, находившийся со мной на пляже — боролся до конца. И наблюдать за ним: как он извивается в руках колберов, пытается вырваться, хотя в него уже попали — это и вправду было подобно агонии. Да, и чтобы не было недоразумений: я знаю, что он не выжил. Дочка мне сказала. Она, правда, думает почему-то, что это был... Ну, неважно: она ясно дала понять, что его не спасли. Как и еще одного безликого — которого застрелили. *По счастью.*

— Настасья? — Блондин с недоверием воззрится на неё. — Она приходила к тебе?

— Не приходила, нет. Но какой-то её влиятельный друг устроил нам сеанс связи — по Корпнету. Специально для этого сюда приезжал специалист с ноутбуком. Системный администратор — кажется, так их раньше называли? Настасьюшка взрослая стала. Красавица — очень похожа на своего отца. Каким *он* был раньше.

И, сказав это, Марья Рябова — в который уже раз после своего *возвращения* — испытала такой приступ гнева, каких она отродясь не знала в своей прежней жизни. Она подняла руку, сжатую в кулак, и с силой ударила себя по лбу.

— Маша! — Блондин шагнул к ней, схватил за запястье. — Не надо. Перестань, пожалуйста!

— Я должна была понять: тот мерзавец задумал что-то. — Марья Петровна подняла на него сухие глаза. — Но не подозревала, для чего именно он пригласил нас на взморье в тот день.

— Ты знаешь, что происходило с тобой, пока ты была... особой пациенткой? — спросил блондин.

— О, да! — Она улыбнулась, но, должно быть, улыбкой ужасающей, потому как её посетитель даже на миг отшатнулся от неё. — Я помню, что было после того, как я очнулась. Очнулась *в первый раз* — вышла из комы. То есть, тогда я еще не понимала, что пробыла в коме восемь лет. И пыталась открыть глаза, заговорить, пошевелить хотя бы пальцем — безуспешно, конечно. Зато я всё слышала — что говорили люди рядом со мной. И как они называли меня: *полено*. Никаких романтических глупостей вроде — *безликих*.

Воцарилось молчание, длившееся не меньше минуты. Но, наконец, блондин чуть встряхнул головой, потер левую бровь и спросил:

— А ты понимаешь, кто я?

И на сей раз она ответила без раздумий:

— Конечно. Ты — Фил. Филипп Рябов, мой муж. Точнее, им ты был раньше. Я помню этот твой жест — как ты трешь бровь, хоть на ней уже и в помине нет того старого шрама! И твоя походка — уже когда ты шел по коридору, мне показались знакомыми твои шаги. Ты всегда ходил *так легко!*

— Ну, в последние-то девять лет я ходил не особенно легко, — заметил её посетитель.

3

«А каково было бы мне ходить по земле, если бы я знал, *что* испытывают безликие после экстракции, — подумал Фил. — Маша только потому и протянула столько лет, что была в коме — и не стремилась всё это время к смерти, как другие».

— Зато тогда, по дюнам, ты шел так, словно у тебя под ногами не песок, а паркет, — сказала *возвращенная* Марья Петровна Рябова, и он снова потянулся тереть левую бровь.

Тогда, в 2077-м, Филипп Рябов никак не ожидал, что его жена пригласит поехать с ними на взморье Настасью и её одноклассника — Ивара Озолса. Фил уже вывел их

семейный электрокар из гаража, когда увидел эту улыбающуюся парочку: свою дочку и её школьного друга. Которого, к тому же, сопровождала его мама, Татьяна Павловна. Если б ни её присутствие, то Фил уж как-нибудь сумел бы отбиться от такого сопровождения — двоих девятилетних детей. Он знал, что жена должна поехать с ним, и тут уж ничего сделать было нельзя. Но дети — это было, как если бы он собственноручно сдал своему деловому партнеру козырного туза.

Партнер не доверял ни Филу, ни его учителю — профессору Королеву. Потому-то и потребовал, чтобы при передаче присутствовала Маша — как гарантия того, что они с профессором в последний момент не взбрыкнут, не надумают отказаться от сделки. Но и сам Фил этому человеку ни в малейшей степени не доверял. Потому-то и положил в багажник своего электрокара баул, в который запрятал винтовку с оптическим прицелом. И сообщил об этом Петру Сергеевичу Королеву — тот во время предстоящей встречи должен был держаться на расстоянии. Как говаривали когда-то — *стоять на стрёме*.

И что, спрашивается, должен был делать Фил, когда Татьяна Павловна подвела к его электрокару своего сына? Сказать: ведите его обратно, домой? Так рисковать он не мог. Он и без того рисковал сверх всякой меры все последние десять лет — прошедшие в тех пор, как он женился на дочке своего учителя и перебрался из Евразийской конфедерации сюда, в Ригу. И даже Маша, его жена, не ведала о том, что всё это время Филипп Рябов продолжал состоять на службе в одной из тех евразийских структур, куда сотрудников рекрутируют один раз и на всю жизнь.

Один только Петр Сергеевич был в курсе — потому-то и согласился ввязаться в эту историю. Он был его учителем не только на поприще науки. Мало кто знал, что и сам Королев участвовал когда-то в проектах — скажем так, *двойного назначения*. И уж Королев-то точно знал, что будет, если власти Балтсоюза разоблачат их — и его самого, много лет назад формально порвавшего все связи с Евразийской конфедерацией, и для его зятя, всё еще остававшегося её гражданином. Обвинение в шпионаже в пользу пугающей всех до чертиков сверхдержавы — после такого свою Настасью они смогли бы увидеть только тогда, когда у той собственные дети окончили бы школу. Им всем — всей их семье — нужно было исчезнуть, спрятаться от всех: и от осведомленных друзей, и от неосведомленных (пока) врагов.

— Хорошо, — кивнул Фил, поглядев на Татьяну Павловну, — усаживайте наших гимназистов на заднее сиденье. Нам уже пора отъезжать.

Вот так и вышло, что на взморье они прибыли вчетвером. И Филу едва удалось отослать детей подальше — под предлогом сбора янтаря.

— Почему ты меня не предупредил заранее? — возмутилась тогда Маша — после того, как он поведал ей, для чего на самом деле позвал её в эту поездку. — И как же Настасья с Иваром?

— Мы должны, — сказал ей Фил, — решить все вопросы с *тем человеком* раньше, чем дети вернутся.

И тут он увидел их идущими по берегу вместе: профессора Королева и своего так называемого делового партнера — Михаила Дмитриевича Молодцова. Того самого, который совсем недавно организовывал визит в Ригу двоих основателей великой корпорации «Перерождение»: своего сына Дениса и его друга, гения биоинженерии и генетики Максима Берестова. Фил так и застыл — только что рот не разинул — при виде Королева. А тот как ни в чем не бывало поздоровался с ним за руку и заявил:

— Я надеюсь, Филипп, ты проследишь за тем, чтобы нашей с Михаилом Дмитриевичем встрече никто не помешал?

И он указал взглядом в сторону дюн, за которыми располагалась стоянка личного транспорта. Та, на которой Фил оставил свою машину — со спрятанной в багажнике *страховкой*.

Правду сказать: он заколебался тогда. Уж очень сильно ему не хотелось оставлять Машу с этими двумя. Да, один из них был — её собственный отец. Но второй-то оказался не пойми, кем. В лучшем случае — жадной тварью. Ведь он уже в течение года сливал им с профессором информацию о корпорации своего сына — обо всех её исследованиях. И Фил очень сильно сомневался, что Денис Молодцов пришел бы в восторг, если бы об этом проведал.

Однако тесть кивнул ему, дескать: всё будет в порядке. И Фил, глянув перед уходом на жену, быстро зашагал прочь — той самой легкой походкой. Уж конечно, вряд ли бы ему шагало так легко, знай он, что свою жену — в таком её облике — он не увидит уже больше никогда.

Он занял позицию с хорошим обзором — благодаря оптике своей винтовки. И всё же — позицию очень плохую, с учетом того, что случилось позже. Он видел, как начал происходить обмен: Петр Королев извлек флеш-накопитель с записанными файлами, а Молодцов-старший, притащивший с собой ноутбук, раскрыл его, подсоединил флешку и стал эти файлы просматривать.

И тут — Филу показалось, что они из-под земли выскочили! — на пляже появились четверо мужчин.

4

— Я только потом понял — когда осматривал пляж: там было что-то вроде длинного грота вдоль берега, — сказал Фил. — Я так виноват: не изучил место встречи заранее. Неспроста же колберы так полюбили тот пляж!

Марья Рябова слушала, и с каждым словом своего преобразившегося мужа становилась всё мрачнее.

— Ты виноват не только в этом, — сказала она. — Вы с моим отцом — оба виноваты. Вы привезли меня туда — как на закланье. Вы подвергли опасности жизни Настасьи и её друга, Ивара. Его ведь больше нет?

— Настасья тебе сказала?

— Она сказала что-то непонятное: он погиб, но вроде как остался с ней. И что-то говорила еще про его сестер — они вроде как тоже погибли. А я даже забыла, как они выглядели. Но что же случилось после — на пляже? Я помню только, как папа крикнул: «Колберы!», и как они начали палить в нас из усыпляющих пистолетов. И первым, в кого они попали, оказался Молодцов.

— Я не успел вмешаться — был слишком далеко, И вы все находились слишком близко друг к другу, чтобы я мог сделать прицельный выстрел. Я побежал к вам со всех ног. Но еще находился на полпути, когда для вас троих уже началась трансмутация, после которой вас *отправили в плавание* на надувных лодках. А я знал: тут, поблизости, находятся дети. И я должен был их защитить.

Когда Фил уразумел, что его Маши — прежней Маши — больше не существует, он рухнул коленями на песок, и перед глазами у него всё поплыло. Прошло не меньше минуты, прежде чем он поднялся. И занял позицию — с винтовкой в руках.

Он ошибочно полагал: с его женой и тестем уже не может случиться ничего хуже того, что уже случилось. В то время в законодательстве Балтсоюза еще не было статьи, касавшейся недобровольной экстракции. Поэтому колберы оставляли своим жертвам жизнь — чтобы им самим нечего было инкриминировать в случае чего. Из-за этой законодательной лакуны Балтсоюз и сделался вотчиной колберов. И о том, что теперь четыре колбера поместили своих жертв на заранее поврежденные лодки, Филипп Рябов не догадывался.

Он хотел расстрелять этих четверых сразу же, но тут объявились дети. А убить кого-то одного из колберов — значило бы: подставить детей под удар. Сделать из них потенциальных заложников. Он вытащил мобильник — у него он был — и вызвал на взморье полицию и службу спасения. А потом стал выжидать.

Но раньше, чем он успел предпринять что-то еще, две из его потенциальных мишеней перестали существовать: с ним разделались их подельники. А затем он сам застрелил троих: Молодцова, уплывающего в море (хотя тот и так утонул бы), и двух колберов. И, когда увидел, что дети в безопасности — находятся с полицейскими, — кинулся вплавь за Машей и за профессором, добежав до кромки воды чуть в стороне от основного места действия.

Он сумел вытащить и реанимировать Машу — хоть она уже ушла под воду вместе с продырявленной лодкой. И даже передал её врачам «скорой». Но Петр Сергеевич Королев утонул — Фил видел, как волны уносят его тело, но ничего не мог поделать: должен был сперва позаботиться о жене.

И было почти чудом, что после, когда все разъехались, он отыскал в пещере-галерее, тянувшейся вдоль берега, уцелевшую и не замеченную никем колбу с экстрактом, добытым из мозга его тестя.

— Да, мы с твоим отцом были оба виноваты, — сказал Фил. — Мы затеяли все эти игры, надеясь, что наши разработки принесут нам деньги. Но мы это сделали не из жадности, а ради того, чтобы сбежать, исчезнуть: нам, всем вместе — навсегда. Когда же я понял, что уже ничего не поправить... Я решил, что исчезну — но по-другому. Твой отец давно уже находился не у дел — его бы никто не разоблачил. И я стал *им*. Прошел трансмутацию в этой самой клинике. И жил все эти годы под именем профессора Королева. Под его именем — оформил опеку над Настасьей. От его имени продал его квартиру — чтобы вместе с Настасьей перебраться в наш с тобой дом. Вместо него работал в университете — надеясь отыскать способ деэкстракции для так называемых безликих. Ощущал себя таким алхимиком, который ищет формулу философского камня.

— А-то подумала: мой отец открыл в 2077 году именно технологию деекстракции.

— Нет, к сожалению. Твой отец разработал новую капсулу для трансмутации — многоразового использования. На основании тех наработок, которые уже имелись к тому времени у «Перерождения». Максим Берестов не хотел доводить эту технологию до возможности практического применения, и мы с твоим отцом сделали это за него. И Молодцов собирался у нас эту доработанную технологию купить — чтобы потом самому, единолично, нажиться на ней. После того фатального происшествия я решил: не стану никому передавать разработки твоего отца. Но прошло три года, а мне нужны были деньги на мои изыскания. Так что — я всё продал китайскому биохимику Ли Ханю.

— Я слышала это имя, когда меня *увозили* отсюда, — сказала Мария Рябова. — Кто-то говорил: профессор Королев — новый Ли Хань.

— Думаю, это был Мартин Розен, — сказал Филипп Рябов. — Именно он похитил тебя вскоре после того, как ты вышла из комы. Ты это помнишь?

Женщина пожала плечами, отчего одна из бретелек её сарафана упала.

— Я ощущала, что еду куда-то. Но кто меня вез — этого я не знаю. А что с ним случилось — с этим Розеном? Я видела одну телепрограмму, и там сказали: он погиб. Это правда?

— Более чем.

— Я рада. Мне известно, *что* он и его помощники — добрые пастыри — делали с такими поленьями, каким была я. С *овцами* — как они их называли.

— Над пастырями будет суд. Максим Берестов сохранил сим-карту мобильного телефона, которым Розен нелегально пользовался. И там — контакты всех его сподвижников. Но, конечно, каждого из них еще предстоит уличить в преступных деяниях.

«А это непросто будет сделать, — подумал Фил. — Законы Балтийского Союза требуют неопровержимых доказательств».

И пациентка частной клиники словно бы прочла его мысли.

— Я хочу дать показания, — сказала она. — Выступить в суде. Рассказать, что чувствуют люди, которых все называют безликими.

— Это вряд ли возможно. — Фил вздохнул.

— Отчего же?

— Ты не сможешь доказать, что была безликой. У тебя паспорт на имя другой женщины. — Он решил промолчать пока о том, что женщина эта — одна из сестер Ивара Озолса, чьих лиц Маша даже не смогла вспомнить. — И нет документов, подтверждающих, что её экстракция была добровольной. А сейчас законы Балтсоюза в этом аспекте доработали — хоть и с большим запозданием.

«И ты сама можешь оказаться под судом, — добавил Фил мысленно, — если расскажешь, *кто* ты на самом деле. Взять хотя бы Максима Берестова: после того, как тело Ивара Озолса опознали по медальону, он с такой внешностью и генотипом никогда не сможет появиться в Балтсоюзе. Хотя Ивар-то сам попросил Настасью об экстракции — только документов не успел оформить. И не для того я убил Сюзанну, которая могла бы уличить тебя в нелегальной трансмутации, чтобы теперь позволить тебе засветиться».

— Настасья сказала мне, — проговорила между тем его жена, — что один суд уже был: над полицейским, который помогал ей и её другу покинуть Ригу и сильно при этом пострадал: едва ни лишился ноги. И там выступала в качестве адвоката Настасьина подруга — Ирма фон Берг. Это было её первое дело, и она его выиграла. Даже вытребовала компенсацию с тех, кто снял того полицейского на видеокамеру: *за моральный ущерб*. Дескать, тот из-за этого испытал столь сильный стресс, что уехал из Риги и чуть было не погиб, поскольку не осознавал, какой опасности подвергает свою жизнь. А потом я видела эту Ирму по телевизору, и она сказала, что дальнейшая её цель — защита конституционных прав безликих. Возможно, я могла бы встретиться с ней — рассказать обо всем. Когда я приду в нормальное состояние, конечно. *Если* приду.

Женщина замолчала — явно утомившись. И её голова привычно повисла на шее, мышцы которой давно утратили тонус.

«Ничего, — подумал её Фил, — физиотерапия ей поможет». И это было не просто предположение. Когда завершились все их дела в Новом Китеже, Максим Берестов передал ему капсулу, заполненную мозговым экстрактом диковинного донора: уродливой пожилой женщины, трансмутировать в которую добровольно не пожелал бы никто. Очевидно, она была преступницей, приговоренной к принудительной экстракции. «Вам понадобится материал для апробации, — сказал ему тогда Берестов, — можете использовать это».

И великий генетик был прав, конечно же.

Когда профессор трансмутировал в Дениса Молодцова — никто не заметил подмены. Трансмутанта мол бы разоблачить начальник охраны Молодцова, но — случайно повезло: он оказался старым знакомым Филадельфия еще по тем временам, когда они оба состояли на службе в одной и той же организации ЕАК. Он, разумеется, Филадельфия не узнал, зато сам Фил узнал его мгновенно. И еще тогда, во время остановки в Тверской губернии, они заключили пакт о

сотрудничестве. Бывший коллега Фила, если что, должен был забрать Марию Рябову из психиатрического санатория под Юрмалой — где, как показал анализ перемещений Розена, сенатор пробыл на днях несколько часов. И, кроме того, начальнику охраны была отведена затем важнейшая роль: научить Фила изображать из себя Дениса Молодцова. С чем он весьма успешно справился.

Так что, сделавшись в глазах всех президентом «Перерождения», Фил всего через две недели поставил первый опыт по деэкстракции человека. Но, уж конечно, поставил он его не на своей жене. Когда Макс покидал Ригу, ему пришлось запереть в собственной квартире двух своих соседок: мать с маленькой дочерью. А через сутки дверной замок автоматически открылся, и в квартиру Макса прибыли сотрудники службы защиты животных — как было оговорено в контракте о найме жилья. И вышло так, что один из этих сотрудников оказался отцом той самой девочки, в которую трансмутировала дочь соседки: он узнал в ней черты своего ребенка. О чем и написал потом в сопроводительном письме — вместе с которым оставил обезличенную женщину на ступенях Общественного госпиталя. Девочку тот человек не тронул — вернул её отцу. А вот её мать свозил *на исправление*: к колберам.

Когда до Фила дошла эта история (он продолжал пристально следить за новостями из Балтсоюза), он тут же решил, *кто* станет первым реципиентом при испытании его технологии. И прошло это испытание вполне успешно: преступная мать, хоть и *переменившаяся в лице*, смогла вернуться к более или менее нормальной жизни. Хотя Фил не собирался рассказывать об этом Максиму Берестову — как не собирался раскрывать ему правду о действительной степени своего родства с Настасьей.

Из-за этого он испытывал некоторые угрызения совести, но куда больше Фила волновало сейчас другое. И он спросил:

— Ты могла бы простить меня за то, что я сделал тогда?

— Ты — ничего не делал. — Маша бледно усмехнулась.

— Вот именно. Я был так поглощен реализацией плана по нашему освобождению, что совершенно позабыл о безопасности. Я ведь знаю точно: то появление колберов на пляже не было случайным. Это Михаил Молодцов направил их туда.

— Молодцов? — Вот теперь его жена удивилась по-настоящему, даже вскинула поникшую голову. — Но как такое возможно? Ведь он сам стал их жертвой.

— Трагическое недоразумение — для него. Рука Немезиды — объективно. Я потом отыскал его мобильник — он остался в песке на берегу. И там была его переписка с теми колберами. Он написал им буквально следующее. — Филипп Рябов чуть прикрыл глаза и произнес по памяти слова, прочитанные им не менее сотни раз: — *На пляже будут трое мужчин и одна женщина. Как только один из мужчин покинет пляж — приступайте.*

— И этим мужчиной оказался ты, а не сам Молодцов, — прошептала Маша.

— Верно. А своего нанимателя колберы в лицо не знали. И — *приступили*. Причем первым подстрелили именно Молодцова, и он, вероятно, даже не успел понять, что перехитрил самого себя. Вот уж воистину: не рой другому яму...

Маша молчала минуту или полторы, потом с усилием выговорила:

— Но, по крайней мере, ты спас нашу дочь.

— Да, — Фил улыбнулся с печалью, — вот только она продолжает считать, что она не дочь мне, а внучка.

— Так вот оно что: ты ей не сказал...

— Мы с Настасьей переживаем сейчас не лучший период в наших взаимоотношениях.

Она ведь не знала всё это время, что ты осталась жива — я не стал ей говорить. А потом еще — вот это. — Фил помахал раскрытой ладонью перед своим новым лицом. — Если она вдобавок узнает, что я девять лет дурил ей голову — притворяясь её дедом и внушая ей, что она круглая сирота... В общем, я решил пока что промолчать. Может быть, — он глянул на Машу просительно, — ты сама чуть позже ей обо всем расскажешь?

— Ох, Фил, — Маша покачала головой, — ты говоришь это так, словно думаешь: мы снова сможем стать семьей. А ведь я — это уже совсем не я. И ты — уже не ты.

— Нет, — Фил покачал головой. — Это всё ещё я. И ты — всегда была ты. А я — никогда не переставал тебя любить.

— Даже когда я была *поленом*?

Фил смешался, но только на миг. А потом сказал:

— Ладно, Маша. Полно уже говорить о прошлом. Давай-ка лучше прогуляемся — до моей машины.

Он обошел кресло поникшей пациентки, взялся за его ручки и покатил его к выходу. Женщина, сидевшая в нем, выглядела точь-в-точь как Карина, сестра Ивара Озолса. Внешность её была довольно приятной: высокие скулы, темные брови и ресницы — но не более того. И черты её казались застывшими: маска, еще не привыкшая притворяться лицом. А из-под бретельки её сарафана выглядывала многоцветная татуировка, набитая на плече: яхта с алыми парусами. И отчетливо читалось её название, сделанное кириллическим шрифтом: *Секрет*.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Оформление обложки и список иллюстраций

Все изображения, использованные при оформлении романа, находятся в общественном достоянии.

Изображение на обложке:

<https://www.piqsels.com/en/public-domain-photo-ovdih>

Список иллюстраций:

I. Санкт-Петербург зимой

Репродукция картины А.К. Беггрова «Петербург зимой».

II. Дракон Уроборос

Репродукция гравюры Лукаса Йениса «Уроборос».

III. Рига

Репродукция рисунка Себастьяна Мюнстера «Рига. Космография».

IV. В библиотеке

Репродукция картины Карла Шпицвега «Книжный червь».

V. Пожар

Репродукция эстампа Кристофера Эккерсберга «Пожар в церкви Девы Марии».

VI. Толпа у моста

Репродукция рисунка неизвестного художника «Пожар на мосту Хай Левел Бридж в Ньюкасле».

VII. Дантов Ад

Репродукция картины Уильяма Блейка «Вихрь любовников: Франческа да Римини и Паоло Малатеста».

VIII. Ньюфаундленд

Репродукция канадской почтовой марки «Собака ньюфаундленд».

IX. Адам и Ева

Репродукция картины Альбрехта Дюрера «Адам и Ева».

X. Великан

Репродукция иллюстрации Гюстава Доре к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

XI. Прекрасная брюнетка

Репродукция картины Данте Габриэля Россетти «Мисс Бёртон».

XII. Тень ворона

Репродукция иллюстрации Гюстава Доре к стихотворению Э.А. По «Ворон».

XIII. Танец Смерти

Репродукция гравюры Ганса Гольбейна «Танец Смерти».

XIV. Старуха

Репродукция картины Питера Брейгеля Старшего «Портрет старой женщины».

XV. Поцелуй

Репродукция картины Франческо Хайеса «Поцелуй».

XVI. Ньютон

Репродукция картины Годфри Неллера «Портрет Исаака Ньютона».

XVII. Восточный экспресс

Репродукция почтовой открытки «Восточный экспресс возле Константинополя».

XVIII. Сомнение

Репродукция картины К.П. Брюллова «Портрет Александра Брюллова».

XIX. Невидимый град Китеж

Репродукция картины К.И. Горбатова «Невидимый град Китеж».

XX. Туманное утро

Репродукция картины И.И. Шишкина «Туманное утро».

XXI. Алхимик

Репродукция картины Давида Тенирса Младшего «Алхимик».